

КОВЕН
ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН
ТРИЛОГИЯ

АНАСТАСИЯ ГОР

18+

Хиты Young Adult. Коллекция

Анастасия Гор

Ковен озера Шамплейн

«ЭКСМО»

2021-2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гор А.

Ковен озера Шамплейн / А. Гор — «Эксмо»,
2021-2022 — (Хиты Young Adult. Коллекция)

ISBN 978-5-04-180069-7

Одри Дефо привыкла бежать. Ее семья убита, родной брат – худший из кошмаров. Потомственная ведьма, Верховная вырезанного ковена, Одри вынуждена воровать, чтобы выжить. Руны, подсказывающие дорогу, приводят ее в Берлингтон, где страшные убийства расследует скромный капитан Коул Гастингс. В убийствах явно заметен след магии, и Одри не может остаться в стороне. Что ждет Верховную – величие или забвение? Главы других ковенов не оставят ее возвращение в родные края без внимания. Подарочные главы содержатся только в печатном издании

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180069-7

© Гор А., 2021-2022
© Эксмо, 2021-2022

Содержание

Ковен озера Шамплейн	6
Пролог	6
I	10
II	20
III	30
IV	40
V	53
VI	71
VII	87
VIII	106
IX	122
X	147
XI	170
XII	187
XIII	206
XIV	221
Конец ознакомительного фрагмента.	224

Анастасия Гор

Ковен озера Шамплейн

© Гор А., 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Ковен озера Шамплейн

Пролог

Шалфей. Чай, солоноватый и приторный, с шепоткой кайенского перца – наполненные до краев пиалы, на сутки сместившие со стола кофе и традиционное какао со взбитыми сливками. *Лаванда.* Сиреневый бархат на дне ступки, высушенный и перемолотый, – щедрая почесть огню, шепчущему в камине. *Польнь.* Ароматное тление свежесрезанных стеблей, омывающее дымом углы и изголовья детских постелей. Духовная чистота пространства – синоним физической безопасности. По преданиям, ничто не отпугивало злых духов лучше, чем священные травы, которые моя семья проносила в подожженных вазочках через все комнаты дома накануне Имболка.

– Чем ты меня напоил?

Перечная мята, въевшаяся в кашемир его свитера. *Гвоздика,* напоминающая о варящемся в котелке пряном вине и скором ужине, на котором обещали подать домашнюю утку с брусникой. *Дурман,* соком которого пропитались его рукава и пальцы, пока он сидел на чердаке пять часов кряду и готовил заклинание, до того безобразное, что оно извращало саму природу колдовства.

Беззвучная вспышка молнии за окном напомнила мне о бесчисленных ночах, проведенных вместе под овчинным покрывалом. Черно-белое кино на проекторе и подгоревший соленый попкорн. Сплетение рук и ног в самых надежных на свете объятиях. Мы могли бы лежать так всю жизнь, наплевав, что в таком огромном особняке полно свободных спален. Мы бы могли...

Маттиола, которую он тайком подмешал мне в напиток.

– Чай, – снова прохрипела я, разлепив отяжелевшие веки и увидев лицо брата, примостившегося на краю подушки. – Это был не шалфей. Ты дал мне другую кружку. Там был левкой, да? Я не сразу узнала вкус.

– Да, цветочный мед превосходно притупляет горечь левкоя, – нежно улыбнулся он, любуясь тем, что сотворил со мной. – Радуйся, что это не тетушкин ксанакс.

Я застонала, когда меня скрутил приступ головной боли. Она прошла виски, и я перевалилась на спину, подавляя рвотный позыв. Брат насильно вернул меня на прежнее место, сцепив руки замком под ноющими ребрами. Все, что я могла сделать, – это сжимать пальцы, силясь стряхнуть онемение с тела, как птица стряхивает с перьев воду.

– Зачем? – спросила я, мечтая отстраниться от влажного дыхания брата, когда он придвинулся слишком близко. Нам двоим на одной подушке сделалось тесно. – Не помню, чтобы я страдала бессонницей.

– Иначе ты бы мешалась.

– Мешалась?

– Да. И злилась, а я очень не люблю, когда ты злишься.

Нежный поцелуй в лоб ничуть не утешил. Брат провел рукой по моей расплетенной косе, длинной, неподъемной, – из года в год он отговаривал меня состригать волосы.

– Как же Имболк? – Я встрепенулась, и тяжелая медовая дремота наконец-то начала отступать, возвращая голосу силу, а мышцам подвижность. – Только не говори, что пытался досадить ковену, заставив меня проспать шабаш! Который час? Празднество уже началось?

– Нет, не началось. – Брат бесцеремонно оттянул назад мою голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. – И никогда не начнется. Маленькой Верховной не к чему тревожиться. Мы всегда предпочитали общество друг друга, давай снова посмотрим «Кошачий глаз» и закажем пиццу. Помнишь, в детстве мы мечтали, как однажды сбежим отсюда и создадим собственный ковен?..

Слюна во рту стала вязкой, и предчувствие беды перестало тихо скрестись в грудной клетке – теперь оно вопило.

– Что ты сделал?

– Где не будет никаких правил... – продолжал брат, не слушая.

– Джулиан... Что ты сделал?!

– Где мы будем только вдвоем.

Бессмысленные слова. Бессвязные мысли. Его кожа – болезненно горячая. Я иступленно заерзала, борясь с желанием сдаться... И с нарастающим гневом. Мой брат – сумасбродный, импульсивный – мог напугать кого угодно, но только не меня. Невзирая на его бред и снотворный настой, которым он меня напоил. Несмотря на тошнотворные поцелуи, хаотично сыплющиеся на мои ключицы... Он не был способен навредить ни мне, ни кому-либо другому. Не был...

Шалфей. Лаванда. Полынь.

Мята. Гвоздика. Дурман. Маттиола...

Железо, которым пропитался каждый сантиметр этого дома, раз и навсегда вытеснило из него все прочие запахи.

Джулиан ткнулся носом мне в шею.

– Ковен нас недостоин.

Моя рубашка задралась, и под ней я почувствовала его холодные руки, липкие и мокрые. Густая слизь пропитала хлопок, вызвав волну омерзения, еще более сильную, чем вызывали его поцелуи. Задержавшись и высвободившись из плена одеял и властных объятий, я перекатилась на другую сторону кровати и включила торшер.

– Что-то не так? – спросил Джулиан с бездушной улыбкой на рябиновых губах, подставляя под свечение ночника окровавленные руки. Его свитер был облеплен багровыми ошметками человеческой плоти. – Ах да. Ты слышишь это? Именно так звучит тишина! Кто бы подумал, что цена пяти минут покоя в собственном доме окажется так несущественна. Шестеро Дефо. Четыре атташе. Пять семей. В сумме тридцать семь душ. Я похож на ту раковую опухоль, что убила нашу мать, только управился быстрее. «Верховная умерла – да здравствует Верховная!» Ты плакала, когда услышала это. «Ковен умер – да здравствует ковен!» Так звучит гораздо лучше. И плакать совсем не хочется, правда же?

* * *

Я распахнула глаза и, проглотив крик, резко села на подушках, убирая с лица включенные волосы, что приклеились к щекам от холодного пота.

– Надо уходить, – прошептала я и взглянулась в матовую темноту, которая простиралась до парадной двери и рассеивалась снаружи, уступая мерцанию садовых ламп.

Там, со следами от жесткого матраса и потекшей косметики на лице, босиком стояла Рэйчел. Мое пробуждение не стало для нее сюрпризом: передернув затвор карабина, она сдержанно кивнула. Зигзагообразные узоры татуировки, пересекающие ее шрамы под лямками майки, пульсировали огненным светом в такт моему сердцебиению.

– Да, я знаю, – тихо ответила Рэйчел. – Слишком поздно. Достань гримуар и спрячься. Он уже здесь.

Где-то вдоль аллеи мелькнула тень, затмевая свет ламп.

В дверь постучали.

I Новый Орлеан

«Н».

Я крепко зажмурилась, успев разглядеть следом «О» и «В», а затем все же пересилила себя и дочитала до конца.

«Новый Орлеан».

– Свиной чертополох! – выругалась я и, потупившись от осуждающего прищур многодетной мамы за соседним столиком, нечаянно смахнула локтем костяные кубики с рунами, вырезанными на каждой из граней.

Они рассыпались по бледной коралловой плитке, привлекая ко мне нежеланное внимание.

– Ладно, – истерически посмеиваясь, я с головой нырнула под стол, судорожно сгребая руны. – Простите меня. Сами знаете, как я психую, когда вы ерничаете, да к тому же эта простуда... Небесная карма, не иначе. Давайте поговорим по-хорошему, идет?

Я выковырнула ногтем последний кубик, закатившийся в выемку между стеной и поцарапанным стулом, и вернулась на место. Осторожно оглянувшись на посетителей кафе, я немного расслабилась: все были заняты изучением здешнего меню. Чувство тотального одиночества немного убавилось: кажется, в этом месте собралось немало безумцев, которых пресные вафли интересовали больше, чем происходящее за окном. А происходила там нехилая чертовщина: от ветра деревья пригибались к самой земле, на фоне этого обычное штормовое предупреждение, переданное по радио, звучало наивно. Небо заволакивала темная туча, будто кто-то уронил на небосвод чернильную кляксу. Она уже расплзлась вширь так, что, прильнув горячим лбом к стеклу, я так и не смогла разглядеть ее края. Бесформенный черный хаос, проглотивший солнце и пытающийся разродиться дождем, – туча пульсировала, чего-то выжидая. Даря

людям надежду успеть добраться до дома. И я разделила бы с ними это стремление, если бы только у меня тоже был дом.

Вместо этого я втянула голову в шарф и, уткнувшись в него заложенным носом, стала перебирать пальцами жемчужные бусы, успокаиваясь.

Я никогда не верила в сказки, как бы парадоксально это ни звучало из уст ведьмы, в чьем рюкзаке губная помада уживалась с гадальными картами, а проездной на метро прилип к свече с сердцевинкой из мыши. Жуткие, правдоподобные и темные, сказки братьев Гримм больше всего напоминали истинную магию, из которой испокон веков сплеталось наше существование. Волшебство в этой книге соседствовало с вкраплениями крови на страницах – волшебство граничило с тем же и в ковене. Именно поэтому у каждого из нас находилась любимая сказка братьев Гримм. Но если моя семья предпочитала «Гензель и Гретель» или «Милого Роланда», то Джулиан всегда выбирал сказку о двенадцати братьях – несчастных принцах, приговоренных к смерти после рождения их долгожданной сестры. *«И велел король выстругать двенадцать гробов для каждого из своих сыновей, коль понесет ему королева желанную дочь, которая унаследует все его королевство...»*

Я никогда не верила в сказки. Так почему же вдруг оказалась в одной из них?

– Еще раз, – вздохнула я и, прикрыв глаза, встряхнула пригоршню костей. – Ну же!

«Ты всегда должна быть там, где велят быть руны. Они молвят голосом духов, а духи всегда видят больше. Ведь полная картина открывается только тем, кто смотрит на нее сверху».

Руны посыпались в небрежном броске, задевая пустые тарелки, а затем сошлись в старой треклятой вязи. Наутиз, Иса, Вуньо...

«Новый Орлеан».

– Да я уже два месяца здесь торчу, черт возьми! Значит, моя судьба – умереть, смотря на французский квартал?! – воскликнула я, откидываясь назад так, что ударилась затылком о спинку дивана. – Вы правда не понимаете, глупые костяшки?! Он уже близко! Джулиан придет за мной. Мне нужно знать, куда бежать дальше. Где будет безопасно? Что, неужели нигде?.. Вы принципиально меня не слушаете? Да, я не Рэйчел, которая могла договориться даже с табуреткой, но... Умоляю!

Я стиснула пальцы и стукнула кулаком по столу. Встряска подбросила кубики на несколько сантиметров, но, даже закрутившись в воздухе, они все равно приземлились так же.

– Новый Орлеан, – со вздохом прочитала я в сотый раз.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Всегда слушайся рун. Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри!»

Благо нарушать клятвы – моя коронная фишка.

– Прости, Рэйчел, но семейные традиции и ожидание чуда не спасут меня от смерти, – прошептала я и, стряхнув руны в мешочек, кинула его в сумку поверх носовых платков и дорожных карт. – Теперь моя судьба – исключительно моя личная прерогатива. И, пожалуй, я давно мечтала побывать в...

– Наличные или кредитка?

Я передернулась, поднимая взгляд на мужчину в фартуке и с проседью в волосах, который стоял прямо передо мной. Он смерил подозрительным взглядом сначала меня, а затем мои сумки, сложенные под стулом. Заметив, что женщина и шестеро ее чад пересели от меня в другой конец зала, я поняла, что мой диалог с неодушевленными предметами мог быть воспринят неоднозначно.

– Я не сумасшедшая, – тут же попыталась оправдаться я. – Просто трудный день выдался.

Официант нахмурился и развел руками, кивая в сторону окна.

– Дело не в этом. Мы закрываем кассу. Через пятнадцать минут мы должны бы закрыть кафе, но из-за шторма мы открыты до тех пор, пока на улице не станет безопасно. Посетители могут переждать здесь, только счет нужно оплатить сейчас.

Я замешкалась и демонстративно похлопала по карманам, подавляя панику, которую уже давно разучилась испытывать. В этот раз ситуацию усугубляло вовсе не мое безденежье, а стоящий снаружи гул от раскатов грома. Ветви деревьев безжалостно хлестали по крыше.

– На улице прямо шекспировская «Буря», – нервно хихикнула я, пытаюсь разрядить обстановку. – «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись». Похоже ведь, правда?

– Да, – сухо кивнул официант и, сложив руки на груди, нетерпеливо кашлянул. – Знаете, моя коллега Маргарет заметила, что вы сидите в нашем кафе уже восемь часов. У вас точно есть деньги?

– Есть. Просто... Я подхватила какую-то заразу. Сопли затопили мозг, и я плохо соображаю, – сказала я полуправду. – У меня есть деньги. Уж на такое-то! Я съела всего ничего...

– Три порции жареного картофеля, отбивные, салат с каперсами, салат с уткой, томатный суп и ромовый брауни с вафлями. Ах да, еще молочный коктейль из шоколадного печенья, – отчеканил мужчина, и его рот скривился в дежурной улыбке. – Отличный выбор, кстати. Так наличные или кредитка? Что выбираете? Может, полицию?

– Кредитку! – выпалила я, лишь услышав последнее слово, и быстро достала из рюкзака чью-то старую банковскую карту, давно заблокированную владельцем.

Официант облегченно выдохнул.

– Славно. Принесу терминал.

По коже побежали мурашки.

«Ад действительно пуст, сестренка. Я не оставил ни одного беса скучать в том унылом месте. Ты-то должна это знать, мы ведь оба оттуда родом».

Грудную клетку сдавило. Я схватилась за шарф, оттягивая его, будто дышать мне мешал он, а не голос брата в голове, который мне не доводилось слышать уже много лет. Я тревожно оглянулась, но, кроме многолетней семьи и еще нескольких зевак, в кафе уже никого не было. После пережитого Орлеаном урагана «Катрина» большинство жителей бежали домой при любом признаке непогоды. Мало кому могла понравиться мысль встретить потенциальную смерть в низкопробной забегаловке. Мне она не нравилась в том числе.

Пока официант отсоединял терминал, я бросила отчаянный взгляд на бую за окном.

Выбор без выбора. Вот что это было.

– Кристиан, мы горим! Пожар!

Раньше это требовало больше времени и сосредоточия, но теперь – элементарный щелчок пальцами. Впрочем, раньше во мне и ярости было меньше. Теперь же она пылала, как самый высокий костер инквизиции, – точь-в-точь такой всколыхнул кухню кафе, когда я ударила ладонью по грязной поверхности стола и шепнула:

– *Fehu.*

Официант ахнул и, выронив терминал, бросился на помощь повару, на бегу хватая кувшин с ледяным лимонадом. Я же подняла рюкзак, закинула за спину футляр со скрипкой и незаметно покинула кафе, выбежав навстречу шторму.

«И великие обеты в огне страстей сгорают, как солома».

У меня перехватило дыхание от потока воздуха, ударившего в лицо, и я закуталась плотнее в шарф. Холод из-за надвигающегося дождя, странный в это время года, остудил меня. Ноги подкашивались от слабости. Но я быстро преодолела несколько улиц, стараясь не приближаться к раскачивающимся столбам, чтобы мое бегство не закончилось под одним из них. Пройдя еще квартал по пустому подземному переходу, я окончательно выбилась из сил и, выплевывая мокроту, скопившуюся в легких, сползла на асфальт по каменному ограждению.

Деньги. Мне нужны деньги. А затем транспорт и новый город, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Звучит легко, вот только сейчас я была не только слаба, чувствуя себя совершенно больной, но и одинока в худшем смысле этого слова. Одиночество для вора – приговор: десятки безлюдных скверов, а значит, и отсутствие тех, кого можно обокрасть.

– Штрудель. Штрудель. Сосредоточься... Дело. Сначала дело. Штрудель потом. Я люблю гром. Я люблю гром... Нет, я ненавижу гром! Пожалуйста, тише!

Прошло почти полчаса, пока я пряталась за ограждением и вслушивалась в ругань ветра, когда мимо проскочил человек. Я приподнялась и, выглянув из-за уродливой горгульи, рассмотрела высокий силуэт – мужчина в бежевой куртке пересекал парк размашистыми шагами. В какой-то момент незнакомец остановился: тучи вновь взорвались, и он буквально осел, съжившись в комок и обхватив голову руками. Он заткнул уши и не двигался, пока все вокруг не смолкло, а затем выпрямился и, достав из кармана нечто круглое и бронзовое, похожее на компас или часы, невозмутимо продолжил свой путь.

Стараясь не кашлять, я двинулась следом.

– Голова раскалывается, – ворчал он, но я смогла разобрать лишь небольшую часть из его ворчания, держась на безопасной дистанции. – Пятая авеню, третий дом. Пятая авеню, третий дом...

То оказался юноша. Он шел и крутил в руках свой талисман. Видимо, это действовало на него успокаивающе, потому что при следующем раскате грома он только вздрогнул, но, справившись с дрожью, ускорил шаг. Дойдя до сквера, тянувшегося вдоль берега реки, юноша остановился у скелета металлической конструкции, в обычное время представляющей палатку, где торговали каким-нибудь псевдомагическим барахлом из коллекции псевдожрицы вуду.

Новый Орлеан никогда не спал, но сегодняшний вечер стал исключением. Передо мной стоял единственный человек как минимум в целом районе, кто не бежал от бури. Он выглядел воодушевленно, постоянно оглядывался по сторонам и поправлял волосы, которые трепал ветер. Темные непослушные кудри – единственное, что я могла разглядеть с такого расстояния. Ищущий что-то и, возможно, сумасшедший, судя по тому полубреду, что доносил до меня ветер... Единственная потенциальная жертва, от кошелька которой зависела моя жизнь.

Дурить таких – проще, чем отобрать конфету у ребенка.

– Мы же договорились, что перенесем встречу на завтра! Не слышал, что передают по всем каналам? Тебе жизнь не мила?!

Я прильнула к стене, ограждающей мостовую, с любопытством наблюдая за темнокожим мужчиной, который вышел из тени церковного собора, опираясь на дубовую трость. Его шею охватывал гладкий стальной обруч, с которого свисали маленькие черепа грызунов. Я никогда не сталкивалась с представителями вуду, но внутреннее чутье подсказало, что, пожалуй, впервые за время своих скитаний я повстречала кого-то, с кем у меня бы нашлись общие темы для беседы. Это же чутье подсказало, что ссохшийся человеческий череп на рукояти его элегантной трости отнюдь не искусственный.

– Хорошо, я вышел проверить, не настолько ли ты кретин, что все равно припрешься, – рявкнул ведьмак, и юноша ответил что-то, чего я не расслышала, но это заставило ведьмака рассмеяться: – Так у тебя нет постановления? Никакого перевода в Новый Орлеан из Бёрлингтона? Проклятый лгун! Здесь ты просто турист. В Луизиане у тебя нет прав, так что не смей их качать. За этим рекомендую вернуться в Вермонт...

– Мне правда очень нужно знать, – взмолился юноша, беспокойно почесываясь и крепко сжимая в кулаке округлый предмет. – Это важно!

– Это то, что важно тебе. Нам – нет.

– Ритуалы, происходящие несанкционированно у вас перед носом, не могут быть чем-то неважным!

– С чего ты взял, что речь идет о ритуалах?

– Не притворяйтесь. Вы ведь видели вырезанные на них знаки. Эти увечья... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы отличить зверскую бесчеловечность от сатанизма. Вдруг это не подражательство, а эпидемия, которая скоро распространится дальше, на соседние города? Неужели вам не жалко детей?

Молния разрезала черные тучи, из-за которых город погрузился в ночь раньше назначенного часа. Юноша вздрогнул и, прижав бронзовую вещь к груди, глубоко вдохнул разреженный воздух. Темнокожий колдун угрюмо раздумывал, постукивая тростью о землю.

– Боюсь, мне нечего тебе рассказать. Мы пребываем в таком же неведении. Лучше обратись к ведьмам Бёрлингтона.

– В нашем городе их нет.

– Одна да найдется. Ищи тщательнее. В крайнем случае попроси помощи у ковена Шамплейн. В конце концов, территория по периметру озера – их угодья. Им и разбираться с проблемами, которые на ней возникают.

– Шамп... Погодите, что? Озеро не относится ни к одному ковену, иначе я бы знал.

– Ах да... Сколько тебе было, когда этот ковен почти исчез? Лет восемнадцать? Вступительные экзамены, выпускной, подростковые угри... Совсем соплик.

– Если он исчез, то как я попрошу у него помощи?

– Ты невнимателен, мой друг. Я сказал «почти» перед «исчез». Иногда одно крошечное слово меняет все.

Гром оглушил меня, как и услышанное. Я была готова поклясться, что темнокожий колдун в ожерелье повернулся и посмотрел прямо на меня. Я тут же юркнула назад за ограждение. От предчувствия разоблачения защемило под ложечкой, я влипла – так мухоловка ловит насекомое. Затем растение переваривает его и глотает, но колдун не спешил выдавать меня своему собеседнику. Возможно, мне просто померещилось. Или...

– Ковен Шамплейн, – повторил юноша задумчиво, смакуя название на языке. – Запомню. Что-то еще? Хоть что-нибудь?

Ведьмак хмыкнул и, немного помедлив, наклонился к нему. Я не расслышала, о чем он говорил, и даже не пыталась: каждый раз, стоило кому-то упомянуть мой дом, как я будто получала обухом по голове. В такие моменты все остальное уходило на задний план. Мысли спутались, как клубок ниток после кошачьих когтей.

«Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался».

Голос брата в голове – отрезвляющее напоминание, что необходимо взять себя в руки. Эти слова из любимой пьесы – его издевательство надо мной, приводящее в чувство. Шмыгая носом, я попыталась вспомнить хоть один из своих волшебных трюков, на которые бы мне хватило сил в таком состоянии. В отчаянье взглянув на мостовую, я вдруг увидела, что юноша и колдун прощаются.

Впрочем, разок сыграть по старинке иногда тоже приятно.

– Извините, господа, я переехала сюда всего пару недель назад из Лондона. До сих пор такая путаница с этими указателями... Плутаю здесь уже полчаса. Не подскажете, где поблизости можно поймать такси?

Сбивчивая болтовня с фальшивым британским акцентом лилась из меня, заменяя ливень, который никак не хотел начинаться. Я заторопилась к мужчинам и, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них осознает смысл моей тирады, позволила ноге запнуться за выступ брусчатки (надо сказать, без особых проблем, потому что ноги меня и так не держали). Оттолкнув колдуна футляром со скрипкой и ухватившись за локоть юноши, я выдернула его руку из кармана куртки, в который он поспешил спрятать свой бронзовый талисман.

– Ох, простите ради бога! Мне что-то нездоровится в последнее время... – затараторила я и, вновь покачнувшись, уцепилась за ворот его рубашки. Другая рука скользнула вниз по его твердой груди ко внутренним швам куртки.

Растерянно заморгав, юноша лишь на секунду придержал меня, а затем отшатнулся, будто притронувшись к чему-то мерзкому. Такая реакция оскорбила бы меня, если бы не грандиозный успех: пальцы нашли, что искали. Обчистить с помощью особой ловкости рук за полторы минуты – тоже своеобразная магия.

– Вам следует обойти собор. Впереди будет перекресток, а там и остановка такси, – сказал колдун, давая оцепеневшему юноше время оправиться после нежелательного контакта. – Поторопитесь, буря явно дает вам шанс.

Он улыбнулся, и я едва нашла силы, чтобы не упасть в обморок, а улыбнуться в ответ. Я виновато кивнула и поспешила прочь, сорвавшись на бег спустя пару метров.

Ветер усиливался, раскачивая припаркованные у тротуаров автомобили. В глаза мне бросилась двухэтажная постройка из красного кирпича – заброшенная комиссионка. Картонная вывеска трепыхалась, бросая тени на заколоченные окна. В центральных кварталах Орлеана недвижимость пустовала редко, и, сочтя это завидным везением, я юркнула под дырявый навес. Спустя минуту я ввалилась внутрь магазина, несколько раз ударив по замку отнюдь не волшебным булыжником и снеся дверную ручку.

В магазине было темно и сыро. Свет с улицы, задушенный тучами, почти не помогал. Однако я все же различила шкафы, забитые барахлом, которое покрывал толстый слой пыли. Запотевшие склянки, надколота посуда, старые игрушки – мусор пестрил разнообразием. Выбрав несколько одеял, пахнувших смогом, я свалила их в кучу на полу и устало рухнула на них, включив прежде ночник, работающий на батарейках.

Заброшенная комиссионка, заросшая грязью, – совсем не то место, где я мечтала провести эту ночь. Но ослепительная вспышка, пробившись внутрь, убедила меня остаться. В небе будто протрубил божественный горн: оно наконец-то разверзлось, и дождь в мгновение ока затопил улицы и забарабанил по крыше. Я торжествовала: чем раньше пройдет пик шторма, тем скорее все уляжется. Спрятав замерзшие ладони под шарф, я довольно заурчала и повеселела, ощущая в кармане тяжесть: под моими пальцами теплела кожа толстого портмоне, внутри которого меня ожидал большой сюрприз.

– Две тысячи долларов наличными! – воскликнула я, опешив. – Да этот парень точно псих!

От восторга я зашлась кашлем, но замерла, почувствовав в собственном кармане что-то еще, похоже, прихваченное нечаянно. Рядом с портмоне я выложила на одеяло тот самый бронзовый талисман, который оказался отнюдь не часами или компасом. Я открыла простое расписанное минималистичными ромбами карманное зеркальце. В нем мое бледное изможденное лицо казалось еще ужаснее. Помада точно бы не помешала...

Детский ночник замигал и внезапно погас, погрузив меня во мрак на секунду, показавшуюся томительной вечностью. Декоративные свечи на полках вспыхнули вместо фонаря – и все вокруг всколыхнулось, включая загоревшийся камин в конце зала, из которого хлынули гарь и сажа, но никак не тепло и уют.

– Ты знала, что Новый Орлеан называют Парижем Нового Света?

Я подскочила.

Мой визг утонул в раскате грома. Ужас сковал меня, как и руки брата, которые протянулись из темноты. Он прижался ко мне сзади, и я вдруг поняла, что мой визг получился беззвучным: тиски ужаса сдавили горло. Испуганно онемев, забыв, как драться, двигаться, бежать, я застыла и почувствовала, как Джулиан ласково целует меня в щеку.

– Выглядишь великолепно, – шепнул он, накрутив на палец локон моих волос, которых хватило лишь на пару оборотов вокруг фаланги. – Состригла косу. Покрасилась... Тебе идет быть блондинкой.

Его плащ зашелестел. Мы стояли между шкафами на скомканных покрывалах, пока за окном, судя по звукам, взрывался мир. Джулиан медленно развернул меня к себе, и я едва сдержалась, чтобы не зажмуриться. Пламя свечей плясало на лице, похожем на вырезанную из гипса маску.

– Теперь мы ничуть не похожи, – выдохнул он огорченно, и вокруг серых глаз, отливающих сталью, образовались морщинки. – Жаль.

– Мы перестали быть похожи в тот момент, как ты убил всю нашу семью.

– Одри, не начинай... – простонал он.

– Ты ничуть не изменился. Хотя нет... Постарел, – вырвалось у меня язвительно. – Выглядишь на тридцатник.

– Чем больше в тебе магии, тем сильнее она давит изнутри. Выглядеть старше – не такое уж тяжкое бремя в обмен на могущество.

– Ты сейчас себя назвал могущественным? Все, чего в тебе стало больше за эти годы, так это самомнения.

Джулиан ухмыльнулся, и ноги у меня сделались ватными. Брат удержал меня и обнял крепче, заставляя прижаться вплотную. Отвратительно.

Я вздохнула, с болью в груди узнавая родной запах шалфея и лавандовых полей.

– Принцесса никогда не была виновата.

– Что? – нахмурился Джулиан.

– Сказка о двенадцати братьях, – прошептала я. – Твоя любимая. Только после... *всего* я поняла, почему она так тебе нравилась. Но принцесса никогда не была виновата, что король грезил о ее появлении на свет. Принцесса не была виновата в участии братьев и уж тем более в том, что родилась. Все, что случилось дальше, – исключительно вина короля.

– Верно, – внимательно выслушав меня, согласился Джулиан и большим пальцем провел по моей щеке, покрасневшей от предательских слез, которые магическим образом высохли сразу же, как брат их заметил. – Я никогда не винил принцессу.

– Разве?

– Никогда, – повторил Джулиан сдержанно.

– Тогда просто сверни мне шею, – попросила я. – Хоть раз прояви милосердие. Надеюсь, ты знаешь, что это такое. Мою магию тебе все равно не забрать.

– Что? – Джулиан скривился. – погоди... Ты думаешь, я хочу тебя убить? – Я подняла голову, едва вынося его дыхание на своих губах, только чтобы посмотреть на него, а затем услышала: – Я не собираюсь причинять тебе вред. Глупая маленькая Верховная... Я пришел за тобой, чтобы *любить*.

Все внутри вспыхнуло и взбунтовалось, когда Джулиан поцеловал меня. Влажные холодные губы, сминающие мои – горячие и сухие, обветрившиеся на ветру. Меня скрутило в рвотном позыве, и перед глазами все поплыло.

– Да у тебя жар! – встрепенулся он и отстранился, чтобы придирчиво осмотреть меня с головы до ног, пока я безуспешно пыталась избавиться от съеденного недавно брауни. – Захворала после того, как на спор искупалась в Миссисипи? Да, я следил за тобой. Если я не покажусь – это не значит, что я не смотрю. Время игр в прятки давно прошло. Больше не убегай, ладно, сестренка?

Меня будто обожгло льдом, когда его ладонь скользнула мне под свитер и прильнула к голому животу, облегчая лихорадку, но превращая все остальное в кошмар. Я зажмурилась, пытаясь терпеть. Шершавые пальцы медленно погладили шрам, который оставили кусты роз, где мы играли в детстве. Он ощупал каждую отметину, которая связывала меня с прошлой жизнью, и дотронулся даже до рубца четырехлетней давности на предплечье – память о той жертве, что оказалась слишком велика для меня даже во имя спасения.

– Ты мне не брат, Джулиан.

Его руки легли на мою грудь поверх бюстгальтера и задержались там.

– Зря ты так говоришь. Когда я стану великим, ты еще пожалеешь о своих словах...

– Великим? – фыркнула я. – Тебе никогда не стать Верховным, не то что великим! Хватит жить иллюзиями. Это невозможно!

– Каков восьмой дар? – спросил Джулиан задумчиво, обрушившись на меня всем своим весом и впечатав спиной в захламленные полки. – *Сотворение*. То есть написание заклинаний.

Когда освоишь его, сможешь делать все, что заблагорассудится. Ты сможешь придумать новый порядок для наследования верховенства...

– Как я освою подобное?! Даже если бы и захотела, у меня нет никого, кто бы обучал меня! А благодаря тебе больше нет и гримуара, забыл? Многовековое наследие ковена стерто с лица земли по твоей милости!

– Для этого у тебя есть я, – улыбнулся Джулиан, приподнимая мой подбородок. – Я не тратил эти годы зря, в отличие от тебя. Я сам помогу тебе стать той, кто ты есть. Мы пройдем этот путь рука об руку, как нам и суждено.

– И не мечтай! Бесполезно. Заклинание для передачи верховенства создать нельзя, даже освоив все дары в совершенстве. Оно противоестественно и не сможет существовать в круговороте природы, – рыкнула я, уперевшись руками ему в грудь, будто опасаясь, что исчезни еще один сантиметр между нами – и мы сольемся воедино, в одно уродливое порочное существо.

– Сможет. Я работаю над этим, – мягко отозвался Джулиан, разминая замерзшие руки, которые достал из-под моего свитера, потом вынул из кармана перчатки и надел их. – А твоя задача – работать над собой. Всему свое время, маленькая Верховная.

Джулиан взмахнул рукавом плаща. Где-то поблизости закричал старый граммофон, и по магазину потекла сладкая мелодия в духе классического новоорлеанского джаза.

– «Торжественная музыка врачует рассудок, отуманенный безумьем. Он кипящий мозг твой исцелит... Встань здесь и знай, что ты во власти чар моих».

Брат улыбнулся и обнял меня, увлекая в танце, при этом, парализованная, я тянула его вниз, как якорь, но медленно я все-таки возвращала себе контроль над телом.

– «Надежды нет, – продолжила я тихо. – И в этом вся надежда».

Гром. Вспышка, заставившая серые глаза блеснуть серебром двух драгоценных монет. В этот миг я резко поддалась назад и толкнула шкаф.

Коробки с вещами посыпались, лавиной обрушившись на нас обоих. Закрываясь от осколков статуэток, разбивающихся об пол, я вырвалась из хватки Джулиана. Он выругался, и мне на свитер потек воск свечей, которыми были уставлены полки. Огонь в камине рванул вперед, и в этот момент я не разобрала, чья злость вызвала такой бурный всплеск – моя или его. Прыгая по вспыхнувшему ковру, я схватила сумки и выкатилась из магазина.

Весь день буря назревала, как абсцесс, а теперь трещала, извергая все, что было накоплено. Моя одежда вмиг отяжелела, пропитавшись водой. Поскользнувшись и упав, я перекатилась на живот и быстро встала, подбирая вещи.

Джулиан неспешно вышел из-под навеса и остановился посреди лестницы, снисходительно глядя на меня с высоты своего мнимого пьедестала. За его спиной из-за заколоченных окнах летели искры.

– Поранилась? – сочувственно спросил он, кивая на мой окровавленный висок, и я зашипела от ярости, которой хватило бы на огненный смерч.

– Ты убил Рэйчел! – я перекричала даже гром. – Дебора. Ноа. Маркус. Чейз. Хлоя. Эмма. Ты убил всех наших братьев и сестер! Весь ковен, ублюдок!

Морщась, Джулиан слушал меня. Буравя его взглядом, я тщетно надеялась уловить в этих серых глазах хоть что-то помимо бархатной красоты, напоминающей дождевое небо в прохладный летний день. Темные, глубокие, спокойные. Абсолютное безразличие.

– *Laguz!*

Я вскинула руку, и Джулиан поперхнулся, захлебываясь дождем. Угодив в рот, вода стянула изнутри его горло, а колени приклеила к ступеням.

– Три дара из восьми, но и те оставляют желать лучшего, – прохрипел он, бросив мимо-летний взгляд на мои жемчужные бусы, выскочившие из-под шарфа. – Слабовато для Верховной. Если бы только ты тратила больше времени на практику и меньше – на кутеж и развлечения... Ну же, не расстраивай меня, Одри! Попробуй еще разок.

Магия. Она забирала все силы, и так истончившиеся от усталости и простуды. Колдовать в таком состоянии было равносильно попыткам катить огромный валун вверх по крутому склону. Я сдалась и, едва удержав равновесие, отпрянула назад от Джулиана, который, став свободным, отхаркивал воду.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, я развернулась и побежала. Стараясь не оглядываться, я промчалась по улице и, рассекая лужи, перебежала через дорогу.

Порыв чужой магии – тягучей, бездонной и извращенной – вдруг выкорчевал иву и швырнул ее на дорогу, едва не раздавив меня. Ломая скрюченные ветви, под деревом чудом успел проскочить темно-синий джип. Визг колес смешался со звуками бури: машину занесло и, выжав тормоз на повороте, водитель все-таки справился с управлением. Я оцепенела, не веря в собственную удачу.

– Пожалуйста! – закричала я, тарабанив руками по капоту и стремительно огибая джип. – Подвезите меня! Мне нужна пом...

Дверца открылась, и я налетела на того юношу в бежевой куртке. Его вьющиеся взъерошенные волосы запомнились мне так же сильно, как въедается в ткань отбеливатель. Темные глаза, оказавшиеся на самом деле карими, почти ореховыми, гневно сощурились, а спустя секунду я оказалась прижата к земле, лежа в грязи с рюкзаком и скрипкой.

– Ты что, спятил?!

– Зеркало, – прорычал он, беспцеремонно заламывая мне руки. – Где. Мое. Зеркало?!

Я подавилась кашлем, мокрая, дрожащая и растерянная. Повернув голову и проведя по асфальту щекой, я краем глаза увидела тонкое лицо и вскрикнула, когда юноша с силой нажал на мои выкрученные запястья.

– Твою мать, ты мне сейчас руки сломаешь! Отпусти!

– Верни зеркало!

Не украденное портмоне и не деньги, нет. Его интересовало гребаное зеркальце?!

– В левом кармане. Забирай и отвали от меня, придурок!

Юноша вздрогнул и, замешкавшись, сунул руку в мою ветровку, прожженную искрами пожара. Достав вождеденное зеркало, он быстро спрятал его за пазуху, но меня не отпустил.

– Ты арестована.

– Что?

Он рывком поставил меня на ноги и движением плеча распахнул куртку. Прицепленный к нагрудному карману, под ней выразительно сверкнул полицейский значок.

– Детектив Коул Гастингс, полиция Бёрлингтона, штат Вермонт, – прочитала я, судорожно сглотнув, и робко заметила: – Но мы-то находимся в Новом Орлеане, детектив. Ваши действия неправомерны.

– Верно подмечено, – хмыкнул он, открывая передо мной заднюю дверцу джипа. – Именно поэтому я подброшу тебя в ближайший участок, а местной полиции прибавлю работенки. Пускай они тобой занимаются, воровка.

На моих запястьях что-то щелкнуло. Я раскрыла рот, заметив почему-то россыпь веснушек под тигриными глазами детектива, – и меня втолкнули в машину. Швырнув следом мне в ноги перепачканный рюкзак и футляр, он остановился перед капотом джипа и, не обращая внимания на ливень, рассматривал свое драгоценное зеркало, проверяя его целостность. Хмурое лицо детектива разгладилось, когда он не обнаружил никаких повреждений; но, не торопясь возвращаться в машину, Гастингс смотрел куда-то. Очевидно, в сторону комиссионного магазина, откуда я бросилась ему под колеса. Повернувшись к нему спиной, детектив выставил перед собой зеркало. «Самое время полюбоваться на свою мордашку», – подумала я сердито, но спустя секунду он сел за руль, снова став таким же напряженным и настороженным, каким был до этого. Не говоря ни слова, детектив Гастингс поехал прочь от места нашей встречи и поваленного дерева.

Вместе с потерянным шансом, подаренным мне бурей, позади остался комиссионный магазин, утопая под ливнем.

II Яблочный пирог

– Почему сейчас? – спросила я, играя с сакральным жемчугом из потайной шкатулки, баллады о котором жили в нашем ковене долгими поколениями.

Виктория улыбнулась, задвигая обратно свой столик с порошками, эфирными маслами и смолами драконового дерева.

– Просто так. Любая женщина, а уж тем более ведьма, грезит о дорогих побрякушках. В твоих же руках – настоящая родовая реликвия с многовековой историей. Наследная регалия нашего ковена. Тебе нравится?

Мое нерешительное мычание заставило маму вопросительно выгнуть бровь.

– Нравится, но... – я смутилась, пытаюсь совладать с магнетизмом перламутра и с трудом отрывая от жемчуга взгляд.

– Но что?

– Я больше люблю стекло.

– Стекло? – удивилась Виктория.

– Да... Ну, такие стеклянные бусины, знаешь? Как те, что для меня сделал Джулиан.

Виктория ухмыльнулась.

– Честь подержать в руках Вестников даров выпадает лишь верховным ведьмам, Одри... Привыкай к этому. Они теперь твои.

Неожиданно одна из жемчужин – круглая, до совершенства ровная и сверкающая – выкатилась из-под моих пальцев и соскользнула вниз, устремившись к полу под естественной тяжестью, но зависла в полуметре от половиц, проигнорировав все известные законы гравитации. Воздух сделался вязким, тугим, мешая вдохнуть; он толкнул жемчужину прямоком в руку матери. Она ласково подула на нее, очищая от пыли.

– Мои? – переспросила я растерянно.

– Да... Если ты согласна принять мое наследие, конечно, – подвела черту Виктория, забирая из моих рук оставшиеся драгоценности.

– Ты это сейчас серьезно?

Я почувствовала липкую испарину, возникшую в тех местах, где до кожи дотрагивались прохладные жемчужины. Мама подошла ближе: ее кардиган пропитался ароматом душицы и растений, к силе которых она с рождения тяготела. Стихии природы были первым освоенным ею даром, потому и одежду она предпочитала землистых и пастельных оттенков: песочные брюки, темно-зеленый свитер с украшениями из натуральных камней. Я обвела ее взглядом, поражаясь красоте шторма в темно-серых глазах, цвет которых издавна выдавал всех урожденных Дефо. Волнистые волосы, будто сплетенные из ржаных колосков, были забраны высоко на затылке неприятной серебряной шпилькой. Я удивилась, ведь еще вчера в волосах моей матери блистал жемчуг: старый гребень, от которого она, судя по всему, избавилась, был усыпан им. Виктория впервые предстала перед кем-то без своего морского украшения и пускай не утратила от этого женского шарма, но будто лишилась своей величественности. И это меня пугало.

Я опустила взгляд на закрывшуюся шкатулку, куда Виктория поместила родовые жемчужины, и глухо ахнула.

– Вестники даров, – поняла наконец я. – Ты все это время носила их в волосах... Прямо в том гребне! Шкатулка, которую ты так усердно прятала под алтарем в кабинете, все это время была пуста. Мама! Это же так...

– Нечестно и рискованно?

– Хитро и поразительно.

Виктория нежно улыбнулась, польщенная.

– Верховная никогда не растает с тем, что ей по-настоящему дорого, Одри, – она положила шкатулку мне в руки и наклонилась, прижавшись губами к моему лбу. – Однажды и ты сделаешь из этого жемчуга чудесное ожерелье или брошь... А может, тоже захочешь обзавестись жемчужным гребнем. Разумеется, когда вернешь Вестникам их истинный вид.

Виктория со скрипом приоткрыла шкатулку. На дне, покрытом красным бархатом, зазвенело нечто темное и уже не такое красивое: там перекатывались круглые угольки, в которых было довольно сложно заподозрить тот самый жемчуг. От былого великолепия, чистого и блестящего, не осталось и следа. Жемчужины почернели.

– Всего их восемь. Одна жемчужина – один дар. Каждый из них тебе предстоит освоить. Надеюсь, ты помнишь: стихии, метаморфоз, психокинез, ментальность, прорицание, некромантия, исцеление, сотворение, – перечислила мама, и я закивала, внимательно слушая ее. – Черная жемчужина – невежество, белая – достигнутое мастерство. Они – материнское наставление, напоминающее о предназначенном тебе пути.

Виктория закрыла шкатулку, лежащую на моей заледеневшей ладони, и отстранилась, повернувшись к шкафу так невозмутимо, будто совсем не замечала, какой волной удушьящего ужаса меня захлестнуло.

– Мне двенадцать, – хрипло напомнила я. – До начала подготовки ведь еще три года... Слишком рано.

– Твоя практика начнется с завтрашнего дня.

Кабинет матери был огромный, – с вытянутыми витражными окнами, книжными шкафами и гигантским алтарным столом между колоннами, укрытым пунцовым шелком, – но дышать здесь вдруг стало нечем.

– Мама, я не...

– Происходит кое-что очень плохое, Одри, – оборвала меня Виктория, храня ледяное спокойствие, и я увидела, как побелели костяшки ее пальцев, когда она сжала дверцу шкафа,

едва заметно пошатнувшись. – Боюсь, очень скоро ты станешь самой молодой Верховной ведьмой в истории ковена, потому что я умираю.

* * *

– С первым днем осени! Увы, жителям Нового Орлеана придется отменить праздничное барбекю, до конца выходных не рекомендуется покидать свой дом без экстренной необходимости. Синоптики обещают ослабление ветра с 28 метров в секунду до 23, но дождь не прекратится до понедельника. Будьте бдительны за рулем!

Я разодрала слипшиеся веки и, усевшись, уставилась на абсолютно голую стену с проплешинами известки. Потолочное окно было перегорожено чугунными прутьями, а вместо двери стояла решетка. Я бросилась к ней, услышав звук включенного приемника, и чуть не упала, запутавшись в одеяле. Стряхнув с себя непонятное шерстяное покрывало, я прислушалась к голосу радио и свисту закипевшего чайника, а затем заглянула под койку в поисках своего рюкзака и футляра со скрипкой, пытаюсь вспомнить, как именно здесь очутилась. И, главное, где?

Мучительная ломота в теле, простудный жар и вид натертых запястий быстро пригвоздили меня к постели.

Память начала стремительно возвращаться.

– *На тебя напали?*

Я прислонилась лбом к спинке сиденья и взглянула на насквозь промокшего юношу за рулем, чей значок детектива переключался на почетное место у рычага передач.

Молчала я не столько из-за враждебности и обиды, сколько из-за того, что просто не находила сил ответить. Детектив Гастингс, чье имя в моем мозгу переплелось с лихорадочным бредом и матерными словами, повернулся вполборота, неторопливо ведя машину вдоль затопленной дождем трассы.

– У тебя кровь идет.

Нахмурившись, я приложила пальцы к ноющему виску, не размыкая запястий, скованных наручниками. Подушечки пальцев слиплись, и, поднеся их к глазам, я увидела кровь, которую было так легко спутать с дождевой водой, текущей по лицу.

– Упала, – соврала я, и Коул хмыкнул, выказывая свой скептицизм. – Бордюор скользкий.

– А тот парень, от которого ты бежала, просто помогал тебе подняться, да?

Я дернулась. Слышать из чьих-то уст замечание о моем брате, после встречи с которым люди обычно либо просыпались мертвыми, либо, натолкнувшись на защитные чары, остаток дня не могли вспомнить даже алфавит, было чертовски жутко. Сохранить самообладание оказалось так же тяжело, как и не умереть сегодня.

– Сколько тебе лет? – продолжил расспрашивать Коул.

– Я совершеннолетняя, так что под уголовный кодекс подхожу, не переживай. Уверена, в участке мне обеспечат горячий прием.

– Уже доводилось там бывать?

– Нет. А что, я не похожа на законопослушную гражданку?

Коул свел на переносице брови и отвлекся от дороги, уставившись на меня так, будто пытался просканировать.

– Это был сарказм? – уточнил он с сомнением в голосе. – Иначе не понимаю, как ты всерьез можешь допустить вероятность, что я отвечу «нет» на твой вопрос после того, как обворовала меня посреди улицы.

– Беда-а, – протянула я, качая головой. – Ты хоть одно преступление раскрыл с такой-то догадливостью?

– Пятьдесят пять процентов дел в участке раскрыто именно мной, – пробормотал Коул, снова сосредоточившись на дороге, и я бы соврала, если бы сказала, что ему удалось прозвучать не самодовольно. – Это лучший статистический показатель среди моих коллег.

– Тогда советую не бродить одному по темным переулкам. Никто не любит выскочек.

– Воров тоже никто не любит.

Я поджала губы и, уткнувшись носом в шарф, разорвавшийся при падении, заглушила вырвавшийся кашель. В зеркале заднего вида мелькнули карие глаза: Коул часто смотрел на меня, и я вдруг подумала, что действительно вижу в отражении его глаз тигра.

– Откуда ты?

– Из Нью-Йорка, – соврала я.

– Я ведь все равно узнаю, когда в полиции затребуют твои документы.

– У меня нет документов, – хмыкнула я, не соврав: нельзя было всерьез назвать документами несколько поддельных удостоверений, которые для Рэйчел скомпоновали эмигранты на дешевом принтере.

Мои зубы застучали.

– Замерзла?

Неконтролируемая дрожь, вызванная поднимающейся температурой и мокрой одеждой, не ускользнула от Коула. Оставив без замечаний мои попытки обогреться руками, забравшись в грязной обуви на сиденья, он включил обогреватель. Струя теплого воздуха пришлась очень кстати, но не уменьшила озноб. Зато окна сделались прозрачными, оттаяв: проносящиеся мимо коттеджи завораживали, как карусель калейдоскопа. В какой-то момент контраст зелени и черного неба смешался в одно яркое пятно, и голова у меня закружилась. Волна тепла, прошедшая через наконец отогревшееся тело, рассеяла мое сознание, словно ветер. Голова обмякла и повисла, ударяясь о дверцу.

– Воровка? Что с тобой?

Следом за вспышкой адреналина пришла истома. Я закрыла глаза и уже не увидела, что ткнулось мне в ладонь, влажное и похрюкивающее.

– Оставь ее в покое, Штрудель. Пускай поспит... Дай-ка сюда пальто.

Машина сбавила ход, но не затормозила. На секунду горячий лоб остудила чья-то ладонь, а затем пропитанные влагой свитер и джинсы почти перестали доставлять дискомфорт – что-то тяжелое и мягкое накрыло меня, и я отключилась.

– *А вот и твое какао, куколка.*

Я дернула рукой, вынырнув из омута вчерашнего дня, и едва не вышибла из рук полицейского дымящуюся кружку.

– Эй! Тише. Ты вся промокла, к тому же тебя лихорадило пару часов, так что держи, тебе не помешает.

Я взглянула на скуластое лицо пожилого офицера. Он кивнул на одеяло, которым я была укрыта, когда очнулась. Разгладив плотную ткань, я поняла, что это было вовсе не одеяло, а длинное мужское пальто в клубках кошачьей шерсти, в которое вьелся терпкий запах выпечки, чабреца и стеклоочистителя. Это пальто я раньше никогда не видела.

– Детектив притащил тебя в этом. Явно не твой размерчик, да? Еще он попросил тебя накормить, так что, если захочешь, я поделюсь с тобой сэндвичем. Только учти, он с беконом!

Я прочистила горло, собираясь с мыслями.

– Детектив сказал что-нибудь еще перед тем, как уехать?

– Да, – ответил полицейский, и я напряглась, пока он не продолжил: – Рассказал, что подобрал тебя на шоссе. Ты была совсем плоха. Видимо, упала и ударилась. В такую погоду убится – раз плюнуть! Он позаботился бы о тебе сам, но ему надо было возвращаться домой. В Вермонт, кажется, – полицейский задумчиво поскреб седую щетину. – Пока дождь не утихнет, ты можешь остаться здесь и отоспаться. Утром попрошу отвезти тебя, куда скажешь...

– Спасибо, – выпалила я радостно и вскочила с койки. Офицер опешил, все еще держа кружку с какао. – Но мне уже лучше. Пожалуй, я пойду. Куда вы сложили мои вещи?

Мужская сердобольность при виде «барышни в беде» действительно не знает границ! От облегчения, что детектив Гастингс смиловался и оставил историю с воровством между нами, я ощутила такой прилив сил, что смогла бы сотворить минимум десять заклятий с ходу. Правда, длилось мое воодушевление недолго.

– Один нюанс, – усмехнулся офицер, когда я уже дернула решетку двери, но вдруг обнаружила, что та заперта. – Сначала объясни, откуда это в твоей сумке?

Я медленно повернулась и увидела, как офицер вываливает на скомканное пальто Коула мои фальшивые водительские права. В горле встал ком.

– Попытались отыскать твой сотовый телефон, чтобы позвонить близким, – пояснил офицер.

– Я не пользуюсь сотовым, – выдавила я уныло. – Слишком много излучения.

«И слишком много проблем».

– Луиза О'Келли, – прочитал он на одной из пластиковых карточек, пристально сверяя фото с моей побледневшей физиономией. – Из самого университета Лиги плюща, надо же! Или ты Стефани Митчелл из Южной Дакоты? Или Кристина Геро? Тебе все-таки двадцать, двадцать два или двадцать три? Хотя нет, точно не двадцать три... Ты выглядишь очень юной. Тебе точно есть восемнадцать? Или мне связаться с твоими родителями? Из какой ты школы?

– У меня нет родителей. Мне двадцать лет, – честно призналась я, закатывая глаза, но тут же соврала снова: – Меня зовут Кейт.

– Ну да, так я и поверил. Встречал я уже таких... непутевых! Сам найду, кто ты такая. Времени у нас вдоволь. В конце концов, подделка документов – это тянет побольше, чем на пятнадцать суток, согласна?

Я промолчала, терпя удары судьбы, стиснув зубы, и пропустила офицера к выходу. Он покинул камеру, оставив меня одну вместе с моим раздавленным самолюбием и насморком.

– Выпей какао, – заботливо посоветовал он напоследок, пряча ключи в нагрудный карман. – И благослови того паренька из Бёрлингтона, что спас тебя от бури, пускай даже такой ценой.

И я действительно выпила это злополучное какао, но благословлять Коула Гастингса не спешила. Вместо этого я мысленно прокляла его раза четыре, жалея, что под рукой нет булавки и куклы с прядью его злополучных кудрей. Сгорбившись на жесткой койке под длинным душистым пальто, я постаралась сосредоточиться на побеге.

– Смертные, – буркнула я себе под нос. – Теперь понимаю, почему моя бабушка каждый раз плевалась, вспоминая сентябрь 1787 года. Вовсе не ведьмы рождаются с дьяволом, а современная Конституция. Тьфу!

Я заглянула в замочную скважину, взвешивая свои силы, восстановившиеся после сна.

«Три дара из восьми – слишком скудно для Верховной. Не расстраивай меня, Одри».

Да что там, я расстраивала даже саму себя! Моя практика не была закончена и наполовину, и сейчас мне катастрофически не хватало знаний. Вот до чего довела моя безответственность – не могу вспомнить заклятие, чтобы вскрыть решетку! Сгнить в тюрьме – истинный позор для Верховной. Смирно дожидаться, пока в этой тюрьме меня обнаружит одержимый брат, – позор еще больший.

– А вот и твой сэндвич, малышка. Кстати, наш стажер нарыл кое-какое досье... Ты, случайно, не Натали Прайс? Нет?

Я несколько раз глубоко вдохнула, медленно выдохнула и улыбнулась.

– Хотите узнать свое будущее?

– Чего?

– Могу погадать вам. Я прорицательница.

– Ага, – прыснул со смеху офицер, остановившись на пороге. – Скорее пронизательная мошенница.

– Разве вы не видели все те загадочные штуковины, когда рылись в моем рюкзаке? – надавила я и с облегчением увидела вихрь противоречивых эмоций в его взгляде. – Там есть и Таро, и руны, и оракул Ленорман.

Офицер прислонился плечом к стене, держа тарелку. Повисшая тишина выдала его с головой – заинтересованный, он не спешил уходить.

– Вы ведь верите в колдовство, – продолжила наступать я, обводя взглядом серебряный кулон, выглядывающий из-под воротника его голубой рубашки. – Это скандинавский «Шлем ужаса», я права? Отпугивает недоброжелателей. Спорю, в столе у вас валяется амулет гри-гри от воздействия магии вуду. Вы зашили внутрь свои состриженные ногти или пошли на более радикальные меры?

– Откуда ты знаешь? – встрепенулся офицер, выпрямившись во весь рост, как по стойке, и я улынулась, убедившись, что нащупала его больное место. – Мы живем в Новом Орлеане, детка! Тут все повязаны на колдовстве или защите от него. Так, просто на всякий случай... Моя жена очень суеверна.

– Тогда она наверняка не упустила бы шанс узнать свое будущее. Я ведь и ей погадать могу. Даже на расстоянии!

Офицер закатил глаза и просунул мне сэндвич через прутья решетки, а затем двинулся назад в офис. Мой трюк не сработал, и от безнадежности я рухнула посреди камеры, простонав ему вслед:

– Ну же! Я ведь смотрела сериалы и знаю, что ночные смены в полиции всегда безумно скучные. Таро – это бесплатно, обещаю! И мне одиночество скрасит, и вам пользу принесет. Что скажете?

Офицер остановился, покосился на настенные часы и задумчиво постучал носком ботинка о решетку. Я тоже проследила за стрелкой на циферблате: она уже подбиралась к четырем утра. Значит, нужно поторопиться. Натянув на лицо самое дружелюбное выражение, я невинно захлопала ресницами.

– Ладно, – буркнул офицер. – Сейчас принесу. Как там выглядят твои Таро?

– Вы не найдете. Еще вдруг нечаянно рассыпете стружку из помета варана... Лучше несите весь рюкзак.

Спустя пару минут, за которые я успела запихнуть в себя сэндвич с беконом, потрепанный вельветовый рюкзак уже лежал у меня в ногах. Я неторопливо перебирала его содержимое под настороженным взглядом офицера, стоящего по ту сторону решетки. Он раздражающе притоптывал, подгоняя меня.

Я проигнорировала колоду карт, лежащую на поверхности, и запустила руку в потайной кармашек. В этот карман Рэйчел настрого запретила мне лезть без крайней необходимости, и до самой ее гибели я не знала, что именно она сочла подходящим для «крайней необходимости». Пальцы погладили кедровую пробку: баночка почти опустела за эти три года, на дне осталась пара розовых горошин. Я откупила сосуд.

– Что ты там жуешь? – насторожился офицер, приблизившись, когда я быстро закинула себе под язык несколько крупиц морской соли. – Надеюсь, не тот помет, о котором ты говорила.

– Отойдите.

Превозмогая кошмарное жжение во рту и в желудке, я поднялась на ноги и, когда офицер не послушался и подступил ко мне, выставила перед собой пластиковую расческу.

– Отойди, кому сказала! – вскричала я, и офицер ахнул, вскинув руки над головой.

– Откуда у тебя револьвер? – ошарашенно спросил он, пялясь на расческу. – Я ведь обыскивал твои вещи. Вот же дрянь...

– На пол. Сейчас же!

Рука у меня не тряслась, как это наверняка было бы, схватись я за настоящее оружие. Приходилось сжимать расческу крайне крепко, чтобы искрящаяся магия не дала осечки: она покалывала на кончиках пальцев, под кожей, словно невесомые электрические разряды. Магия струилась по венам, и даже мучившие меня боль в горле и кашель притупились и будто совсем исчезли. Пускай я и знала, что это состояние не продлится долго, но ощущать такую силу было блаженством: величие Верховной, которого у меня никогда не было.

«Тебе не нужна заговоренная соль с добавочной магией. В тебе ее и так в избытке, Одри! Ты сумеешь преодолеть все, с чем бы тебе ни пришлось столкнуться, потому что Верховная – это не титул. Верховная – это природа».

Нет, Рэйчел, моей силы никогда не было достаточно без волшебного допинга. Во мне никогда не было того, что помогло бы мне выбраться из клетки, и я не была уверена, что это когда-нибудь появится. Во рту таяла розовая соль, горча на языке привкусом далекого моря, – и вдруг иллюзии, в плетении которых я всегда с треском проваливалась, стали моим спасением.

– Не делай глупостей, малышка, – попытался образумить меня офицер, но послушно лег на пол, предварительно швырнув мне в руки ключи. – Ты бы отделалась максимум исправительными работами за документы, но теперь...

Я передразнила его и, надев рюкзак, быстро открыла решетку и вышла, зачем-то прихватив остывающее и помятое мужское пальто.

Заперев офицера полиции в камере, наставив на него дуло расчески, я пробежала через весь корпус и влетела в комнату с пустыми офисными столами. За одним из них дремал стажер перед тусклым экраном компьютера. Заметив меня, он растерянно приоткрыл рот, и я сунула расческу в карман, найдя этого паренька слишком безобидным и замученным, чтобы угрожать вымышленным револьвером.

– Приветик, чего расселся? У вас тут пожар, – сказала я, указав пальцем на коридор. – В туалете. Слепой, что ли? Там все в дыму, боже! – И, немного увлекшись, решила добавить: – Ты слышишь этот лай?.. Какой кошмар! Кажется, наверху остались щенки. Надо скорее спасти их!

Стажер подорвался, сбив локтем кружку с кофе, и с бранью кинулся к коридору, откуда, как ему мерещилось, выстреливали всполохи огня. Заглянув в кладовую и за дежурную стойку в поисках чехла со скрипкой и ничего не найдя, я скрепя сердце покинула полицейский участок, подгоняемая пожарной сиреной и чувством, что искр магии в пальцах становится все меньше, пока тает соль во рту.

В такое позднее время мне пришлось идти по городу пешком, то и дело вглядываясь в тени на задворках, чтобы одна из них не оказалась моим братом. Дождь немного ослаб, и моя одежда оставалась почти сухой благодаря недавнему подарку – шерстяному пальто детектива из Бёрлингтона. Выйдя на освещенную трассу, я чудом поймала такси и попросила довезти меня до ближайшего отеля.

– Двадцать баксов, – объявил водитель спустя пять минут, за которые я не успела даже восстановить дыхание.

– Это грабеж! – буркнула я и полезла в карманы, уже зная, что скоро мне снова предстоит бежать без оглядки, не заплатив.

Но вдруг нащупала портмоне из лайковой кожи.

– Вот, – сказала я, протягивая таксисту купюру в пятьдесят долларов из тех двух тысяч, что все еще, оказывается, были у меня. – Оставьте сдачу себе.

Не торопясь вылезать из такси под промозглую морось, пока удовлетворенный таксист пересчитывал выручку, я дрожащими руками расстегнула портмоне и робко заглянула внутрь. Новенькие купюры хрустели под пальцами, и это не только искупило все ужасные события минувшего дня, но и обещало скрасить мне ближайшее будущее.

Мой взгляд невольно замер на красных запястьях, разодранных грубым металлом наручников. Детектив Гастингс был готов переломать мне руки за кражу зеркала, но не за две тысячи

наличных, которые даже забыл забрать. Странно? Невероятно странно! Такие дурни были как подарки-пиньяты, посланные свыше.

– Лучший номер, что у вас есть, пожалуйста.

Тратить чужие деньги – райское наслаждение, и в нем мне не было равных.

Проспав до утра в роскошном отеле в центре Нового Орлеана в номере с видом на Бурбон-стрит и чувствуя себя наутро после приема соли так, будто меня избивали всю ночь, я заказала себе завтрак в постель. В меню нашлись самые редкие деликатесы и обожаемый мной молочный коктейль. Следующим в списке было немедленно покинуть город, но, смывая в душе скользкие и болезненные прикосновения Джулиана, я вдруг подумала, что мне не помешает еще немного приятностей.

Накупив в аптеке кучу лекарств от простуды, я не устояла перед соблазном и оказалась в примерочной элитного бутика. Вскоре старые вещи уже валялись в помойном баке: Джулиан прикасался к ним тоже – значит, осквернил. Сохранив лишь рубиновый шарф, купленный Рэйчел в аэропорту Праги, я расплатилась семьюстами долларами за лаковые сапожки и шелковое платье от кутюр лимонного цвета.

– И вон ту шляпку, – счастливо улыбнулась я, довершая образ изящным головным убором, сшитым из фетра и таким же красным, как и шарф. – Ох, здесь вставки из жемчуга. Потрясающе! Обожаю жемчуг.

Тратить деньги – райское наслаждение, но вот считать их – сущее наказание.

– Черт!

Я грустно взглянула на оставшуюся сотню баксов и встала под навесом автобусной остановки в одежде, которая стоила достаточно, чтобы спокойно арендовать приличное авто. Завернувшись в пальто детектива, которое нелепо топорщилось на узких плечах и смотрелось поверх элегантного платья почти вульгарно, я рванула по лужам к автобусу с горящими цифрами – 21. Красивое число. Значит, подходит.

Примостившись возле окна, я расстегнула рюкзак и потрясла в руке мешочек с рунами, на которые уповала, несмотря на глубоко затаившуюся обиду.

– Я вас прощаю. Надеюсь, теперь вы поняли, до чего доводит промедление. Давайте впредь без глупостей!

Я кинула пригоршню кубиков на соседнее кресло. Автобус затормозил и покачнулся, но руническая вязь уже сложилась и не распалась, будто приклеившись к грязной обивке.

«Сиэтл».

– Сразу бы так, – улыбнулась я и всмотрелась в мигающее табло с остановками, одна из которых удачно выпадала на междугороднюю автостанцию.

Разъезжать на общественном транспорте между штатами – сомнительное удовольствие, но это было лучше неизвестности, отчаяния и холодных рук брата, исследующих мое тело против моей собственной воли. Добравшись до станции и пересев в автобус, идущий до Сиэтла, я затаилась в конце забитого салона и постаралась заснуть, рассасывая леденец от кашля.

Сны, что лезли в голову, когда я смыкала веки, вызывали тошноту едва ли не большую, чем тряска в душном автобусе, пропитанном табачным дымом и сыростью.

Я вышла спустя три часа езды на первой же остановке возле заправки с закусочной и, натянув шляпу пониже, оглядела пригородное захолустье. Мой взгляд задержался на вывеске тайского ресторанчика. Смрад здесь стоял соответствующий – запах чеснока, топлива и потных дальнбойщиков. Поежившись лишь при одной мысли, какая антисанитария может царить внутри, я отвлеклась, разглядывая цепочку автомобилей, стоящих в очередь на заправку.

Легковушка, фургон, подержанный седан, «Вольво» и даже гоночный кабриолет. Как прекрасно было бы раздобыть машину! Например, одну из этих...

Еще три года назад, пока я путешествовала с Рэйчел, эта идея показалась бы мне кощунством – забрать чужое. Но как много меняется, если заменить слово «украсть» на «приобрести», а «угодить своим капризам» на «выжить любой ценой».

Проводив взглядом рейсовый автобус, отбывший без единого пассажира, я сунула руки в карманы и несколько раз обошла заправку прогулочным шагом, делая вид, что слоняюсь здесь просто так. Внимательно оценивая каждый транспорт, я заприметила у второй бензопомпы новенький пикап с просторным кузовом. Блестящие диски, подпрыгивающая голова Эйнштейна на присоске у руля и идеально красный бампер. М-м, красный. . .

Я почти сделала свой выбор, когда осмотрелась снова и застыла напротив смутно знакомого синего джипа. Медленно приблизившись к нему, я посмотрела в затемненное окно и увидела полицейский значок, забытый на переднем сиденье.

Детектив Гастингс.

– Вот же дрянь, – прошептала я и заглянула в окна магазина, где между стеллажами с газировкой бродил высокий юноша в джинсах и бежевой куртке. – Я ничуть не мстительная. Нет. Нет. . . Ладно, да!

Я юркнула за телефонный автомат раньше, чем Коул повернулся посмотреть на свой джип. Сквозь мутное стекло было видно лишь, как он сгребает в охапку десятки белых коробок. Убедившись, что он слишком занят покупками, я тоже зашла в магазин.

– Вы будете брать все? Здесь же семнадцать штук, сэр, – сконфуженно заметил продавец, нервно поглядывая то на детектива, стоящего перед кассой, то на пирамиду из замороженных яблочных пирогов, которую он вывалил ему на прилавок.

– Семнадцать? – озадаченно переспросил Коул и выпрямился, отчего стал казаться еще выше, уступая по высоте разве фонарному столбу на въезде. – Хм-м. . . Мне нужно двадцать.

– Вы забрали все яблочные пироги, что у нас были.

– Точно?

– Проверьте морозильник с блинчиками. Может, там завалялось.

Коул кивнул, и очередь покупателей взвыла. Побежав к камере с полуфабрикатами, он промчался мимо меня и даже не заметил. От испуга мое сердце пропустило несколько ударов, а когда детектив встал вполоборота ко мне и запустил руки под ледяные ребрышки в поисках яблочных пирогов, замерло окончательно.

– Чудила, – хмыкнула я, наблюдая из-за угла. – Но красавчик.

Коул Гастингс и впрямь был невероятно хорош собой. Даже удивительно, как я не заметила этого раньше. Впрочем, нет, ничего удивительного в этом не было: моя память о вчерашнем дне ограничивалась животным страхом, гонящим меня через Новый Орлеан, и бездушными серыми глазами, которые я поклялась однажды выцарапать. После покупки платья, леденцов с шалфеем и отдыха мое самочувствие улучшилось, а ум прояснился. Теперь я могла трезво оценить, что представлял из себя нервный детектив, благодаря которому я угодила за решетку и попрощалась не только со всеми своими поддельными документами, но и с обожаемой скрипкой.

Солнце палило нещадно. Его лучи обтачивали высокие скулы, окрашивая заостренное лицо Коула в золото. Когда он нагнулся, чтобы вынуть из-под льда еще один пирог, свет затанцевал на россыпи его веснушек, расходящихся по лицу в хитросплетении с мелкими родинками. Карие глаза оказались светлее, чем выглядели вчера во мраке чернильных туч, а каштановые волосы вились вовсе не от влаги, а сами по себе. Кофейные локоны пружинились, зачесанные на затылок. Не старше двадцати пяти лет, худой и высокий, он выглядел отстраненным, далеким и непонятым даже для меня – ведьмы, для которой «быть непонятой» – синоним повседневной жизни. Коул выглядел одиноким. Неприступным. Задумчивым. И. . . диким?

– Нашел! – громко объявил Коул, неся в руках еще три пирога, в этот момент он выглядел по-детски счастливо, настолько, что мне почти расхотелось делать то, что я собиралась.

Однако ключи от машины с брелоком-ракушкой, соблазнительно звенящие на его большом пальце, быстро расставили все по местам.

Я налегла на соседний стеллаж и оттолкнулась ногой, обрушивая стойку с консервными банками на Коула, несущего яблочные пироги.

Послышался сдавленный крик и топот разбегающихся посетителей, когда упавший стеллаж задел соседние. Я стремительно обогнула гору из сваленных продуктов, из-под которой торчали длинные ноги, и подобрала ключи от машины, упавшие рядом с коробкой кукурузных хлопьев.

Выбежав на улицу прежде, чем кто-нибудь из покупателей помог мычащему Коулу, заваленному консервами, выбраться, я нашла его машину и сняла блокировку на пульте.

Синий джип поприветствовал меня громким гудком. Вытащив заправочный шланг, я запрыгнула за руль и завела мотор. Вездеход – то, что нужно для непредсказуемых многолетних скитаний по стране! Я точно оставлю этот джип надолго.

Предвкушая скоростной кайф и освежая в памяти уроки вождения Рэйчел, я сняла машину с ручника.

– Штрудель!

Мне в спину впилась бритва, раздирая пальто, и я завизжала. В лицо кинулся гигантский комок шерсти, и от неожиданности я вдавила ногу в педаль газа, но, не проехав и метра, впечаталась в заправляющийся фургон. Даже после резкого толчка животное не оставило попыток разодрать мне лицо, но, запутавшись в моих волосах, протяжно замыкало. Стащив с себя чудовищное животное, которое оказалось толстым рыжим котом, я вывалилась из джипа и попыталась подняться, чтобы трусливо бежать, бросив ключи на землю.

Длинные ноги в коричневых ботинках и полосатых носках отрезали мне путь к отступлению. Коул схватил меня за воротник пальто и убрал с моего лица включенные волосы, чтобы я в полной мере смогла лицезреть неоднозначное выражение на его лице. Наверное, именно такое лицо бывает у тех, кто ловит преступника с поличным, – самодовольство, граничащее с жалостью.

Но впервые за много лет я вдруг вспомнила, что это такое – предчувствовать, как даже вопреки дерьмовым обстоятельствам твоя жизнь вот-вот изменится в лучшую сторону просто потому, что произошло то, что должно было произойти с самого начала.

– Так вот оно что, – прошептал Коул, щелкнув своим зеркальцем и выставив руку так, чтобы видеть мое отражение. – Ты ведьма.

III Лев и дева

– Ведьма.

Я поперхнулась ирисками, пакетиком которых меня любезно угостил Коул, и сняла фетровую шляпу.

– Вам что, нравится оскорблять меня, детектив?

Молодой мужчина лениво повернулся. Находиться со мной лицом к лицу давалось ему с таким же трудом, с каким мне – выносить душный климат Дели или шумных ирландцев в дублинской пивнушке. Даже после всего, что свело нас вместе в этом дрянном тайском ресторане, дикости в его тигриных глазах не поубавилось ни на грамм. Правда, в отличие от дикости зверя, его дикость ничуть не устрасала – кто станет бояться того, кто напуган сам? А Коул был напуган. Кажется, постоянно. Тонкие пальцы, отстукивающие по краю стола барабанную дробь, лишний раз убеждали в этом. Раз, два. Раз, два. Шаманский ритм, усыпляющий бдительность. Коул передернул плечами и поправил воротник клетчатой рубашки, еще не выглаженной после шторма в Новом Орлеане. В свете выцветшего торшера карие глаза подсвечивались янтарем, а кофейные кудри выглядели еще более спутанными, чем мои волосы после встречи с его котом.

– Ведьма, – повторил Коул, когда я снова захрустела конфетками. – Это многое объясняет.

– Еще одно слово – и я уйду.

– М-м... Ведьма.

– Прекрати! Что с тобой не так?

Гигантская статуя Будды подглядывала за нами из-под гирлянды красных бумажных фонариков, подмигивая в полумраке драгоценными вставками вместо глаз. Коул вновь отбил пальцами какой-то марш, длящийся целую минуту, за которую я успела слопать миску «Том

Яма». Когда я приложила ко рту салфетку, он наконец-то заговорил, тихо и размеренно. Точнее, запел:

*Гроздь рябины под окном,
В такой цвет ведьма красит дом.
Губы, щеки и подол,
Все полыхает как огонь.*

*Зверобой, полынь, терновник,
Жемчуг положи на подоконник,
Прикрой шелком наготу,
Ведьма любит красоту.*

*Клевер, вяз, крапива, дуб,
Злые духи не войдут,
Ведьма плачет – быть беде,
Венок сплетет, какой и где?*

*Васильки – могила ждет,
Мак – судьба с ней больше не сведет,
Омела – ведьмин поцелуй,
Фиалки – на свадьбе весело танцуй.*

*Ежевика, лен и астра,
Нигде не будет безопасно,
Север, запад и восток,
Скрипка магию влечет.*

*Железо, меч и соль морская,
Для ведьмы чар – проклятая награда,
Любовь гони прочь впопыхах,
Завидев жемчуг в женских волосах.*

Из-за пасмурной погоды, перекочевавшей из Нового Орлеана в пригород, здесь было не только душно и темно, но и безлюдно. Поэтому единственным, кто оглянулся на маниакальное мурлыканье Коула, был повар, поджаривающий на сковороде креветки в манговом соусе.

– А ты поэт, – ухмыльнулась я, изображая равнодушие. – Тебя пригласили выступить на детском утреннике?

– Это считалочка, – поправил меня Коул. – Повторить?

– На кой черт?

– Чтобы ты поняла, как именно я узнал, – произнес он почти снисходительно, обводя широким жестом и мою красную шляпу с ободом из речного жемчуга, и губы, выкрашенные тонким слоем помады, и лимонное платье из стопроцентного шелка.

– Это называется мода, – тут же парировала я. – Все девушки сейчас так выглядят. Заведи инстаграм.

Коул наклонился, доставая из-под стола продолговатый футляр из угольно-черной кожи, который даже не требовалось открывать, чтобы я узнала его и тут же протянула руки, заключая любимую скрипку в объятия.

– Где ты ее нашел?!

– Забрал в полицейском участке, – поведал он, пока я гладила тонкий инструмент из лаковой ольхи.

Снова закрыв чехол, я опустила его под стол и привычно зажала между коленей, задушив восторженный крик.

– Ты возвращался в участок? – уточнила я.

– Ага, – кивнул Коул. – Решил забрать тебя, когда осознал.

– Осознал что?

– Что я круглый идиот. Не распознать ведьму в той, что заснула прямо на заднем сиденье моей машины... Это ведь было так очевидно!

– Ну вот, опять та же песня, – утомленно вздохнула я. – У тебя шарманку заело?

Коул проигнорировал мою издевку и откинулся на спинку стула, явно не намереваясь отступить.

– Ведьма, – шепнул он снова, чем подтвердил мое предположение о шарманке.

– Бред, – фыркнула я, уже не столько из страха оказаться разоблаченной, сколько из упрямства. – Ты всегда такой странный?

– Да, – невозмутимо признался Коул. – Но вряд ли я страннее девушки, которая преследует меня по всему штату, только чтобы обокрасть еще разок... – И раньше чем я успела перебить его и объяснить, что все наши встречи – чистая случайность, Коул выпалил: – Знаешь, именно этого мне и не хватало в заслуженный отпуск! Я остался без денег и с огромной шишкой на лбу. Огромное спасибо!

– Так ты в отпуске, – задумчиво протянула я, надкусывая жареную картошку, которую успела стащить из тарелки Коула. – Очень странно ты представляешь себе уикенд, охотясь на колдунов вуду на другом конце страны, – я лукаво прищурилась, и настал мой черед привести его в замешательство. – Да, я подслушивала. Как ты вообще вышел на него? На того афроамериканца с тростью из черепа... Ты ведь в курсе, что это был настоящий человеческий череп, да?

– Мы списались по интернету, – пожал Коул плечами. – Он ведет свой блог.

Всегда отстраненное выражение на его лице было не так уж просто раскусить. После бесчисленных краж и уловок все люди были для меня предсказуемы, но вот мысли Коула казались потемками, уже не говоря о душе. находка для кладоискателей! Непокоримый и сосредоточенный, он в то же время производил впечатление наивного простака. Было сложно понять его, кто в одно мгновение вызывает у тебя смех, а в другое – щемящую нежность.

– Я тоже кое-что видел, – заявил Коул. – То, от чего ты бежала, когда чуть не угодила мне под колеса. Тот парень, что преследовал тебя, тоже колдун. Он показался мне... одержимым. Он бы убил тебя, если догнал.

Я поперхнулась картофелем и поспешила запить его цветочным чаем. Стручок корицы, плавающий на дне чашки, горчил во рту, но не так, как желчь, что подступила к горлу от воспоминаний.

– Надо же! Ты и впрямь его видел, – искренне удивилась я. – И даже запомнил. Невозможно! Джулиан применяет чары, чтобы оставаться невидимым для смертных... Даже в детстве на Хэллоуин не забывал о них, чтобы стащить побольше мармелада у соседей.

– Дельный навык, – одобрительно промычал Коул, нервно жуя губы, которые и так были у него искусанными и малиново-красными. – А почему ты не используешь такие же?

– Использую. Люди забывают меня через два дня, если только мы не увидимся снова. Это для их же безопасности... Ну, и моей собственной, разумеется.

Коул безразлично пожал плечами, гипнотизируя взглядом свою порцию картошки, будто ожидая, что она вот-вот оживет и станцует.

– Но я-то тебя помню, а прошло как раз два дня.

– Да, ты – та еще аномалия, это мы и так поняли.

– Значит, ориентировка на твое имя не выйдет, – вдруг сказал он и даже почти улыбнулся, что поразило меня куда больше, чем все, что мы обсуждали до этого: все это время его лицо практически не менялось. – Я промотал запись с камер видеонаблюдения в участке. Идея с расческой-револьвером была хороша. Правда, стажера пришлось отпаивать бренди после истерики... Это было внушение?

– Иллюзия. Ты расспрашиваешь меня обо всем так, будто никогда...

– Никогда не встречал ведьм? Нет, встречал, но ты первая, с кем мне удалось пообщаться. Обычно они сбегают. Никто не любит представителей правоохранительных органов. Ведьмам нет дела до наших законов, но именно за этим я сюда и приехал.

– Ты ищешь ведьму?

– Да. Жаль, что мне попалась только неприкаянная беглянка. – Коул уронил локти на стол, отчего посуда вздрогнула, как, впрочем, и я. – Расскажешь, что с тобой приключилось? В ту ночь ты выглядела, как жертва бытового насилия. Обычно я оказываюсь прав. Тот жуткий тип в плаще – твой бывший?

Бывший. Это слово пронзило меня насквозь, как копьё. Горло скрутило узлом, и я поспешила отодвинуть от себя еду, чтобы перестало мутить.

– Ладно, если не хочешь изливать мне душу, то у меня накопились вопросы и по теоретической части... – пробормотал Коул.

– Как ты делаешь это? – резко перевела стрелки я. – Отличаешь людей от тех, кто выдает себя за них. Похоже, ты сталкиваешься с подобным слишком часто для рядового члена полиции. То зеркало, что ты носишь с собой, показывает тебе правду?

Коул осторожно взял ириску из пакетика – первую против двадцати штук, что я уже съела. Медленно развернув ее и закинув себе в рот, посмотрел мне в глаза лишь долю секунды, а затем, не вынеся зрительного контакта, отвернулся.

– Вообще-то я думал, что это ты мне скажешь. Ведьмы ведь всегда знают. Все и обо всем.

– Я давно не вхожу в их число. Ведьма без ковена – не ведьма.

Коул скептически вздернул бровь и молча шарил по карманам застиранных джинсов, пока не выудил нечто глянцевое и овальное. Потертая бронза, не обремененная изысканными украшениями, была украшена черными ромбами. Коул поддел ногтем крышку, а спустя миг из зеркала на меня уставились два темно-серых глаза. Кукольное лицо в обрамлении искусственно-пепельных волос почти сливалось с ними по цвету, бледное и истощенное от вечного бегства.

– Видишь? – спросил он, держа зеркало, в котором я тщетно старалась разглядеть что-то новое помимо образа, который мне не нравился. – Отражение так не считает. Все еще ведьма.

– Ой, погоди, – зашептала я театрально, подавшись к зеркалу. – Что-то вижу... Сейчас... Зеленая кожа и рога! А, нет, показалось, это все еще просто я. Ничего там нет, дурень!

Коул нахмурился и повернул зеркальце к себе. Я успела рассмотреть, как причудливо искажаются в нем родинки на его лице и шее, похожие на шоколадную крошку в сливочном пломбире. Коул обслонявил большой палец и заботливо потер зеркальце.

– Должно быть, оно зачаровано для тебя одного, – предположила я, не совладав с любопытством. – Дай-ка сюда. Смогу определить, если...

– Нет, – ошетинился Коул и захлопнул зеркальце у меня перед носом в тот момент, когда я перегнулась к нему через стол. – Не в этот раз!

– Как скажешь.

Категоричный тон Коула умерил мой пыл, а также желание помогать. Вернув себе хладнокровие, я глотнула из пиалы чай.

– Та смешная считалочка... Откуда она? Если я – первая ведьма, которая согласилась с тобой говорить, ты вряд ли написал ее сам. «*Прикрой шелком наготу*»... Очень умно объ-

единить все наши фетиши в милой песенке. Мы и впрямь славимся... тягой к прекрасному, – ловко заменила я слово «клептомания».

– Это стихотворение моей бабушки, – ответил Коул как-то смущенно, будто рассказывать о себе было для него чем-то новым и даже неприличным. – В Северной Каролине, где я рос, ведьм живет много.

– Неужто ведьмы Северной Каролины похищают детей? – хихикнула я, но серьезное лицо Коула не дрогнуло. – Должна же быть причина, почему твоя бабушка так боялась нас.

– Она не боялась, – покачал головой Коул, и челка спала ему на лоб, закрывая веснушки вдоль переносицы. – Бабушка умерла раньше, чем я успел спросить ее об этом, но, наверно, она просто хотела, чтобы я был готов. Предупрежден – значит вооружен.

Он также взял свою пиалу, и мы оба сделали по глотку в гробовой тишине. Руки так и чесались стащить у Коула ключи от машины, кокетливо выглядывающие из кармана штанов. Пока он возился с десертом из засахаренных каштанов, не зная, как их есть, я судорожно соображала, что делать дальше: сбежать через окно в туалете или просто вырвать его подносом, все-таки забрав ключи?

– Я не бью женщин, – неожиданно брякнул Коул и добавил, прежде чем я успела раскрыть рот: – Но придется, если ты все-таки выберешь поднос. В туалет я тоже тебя не пушу, ведь там над раковиной, скорее всего, есть окно. Поэтому... Справишь нужду на следующей заправке, если надо.

– Вау, – невольно восхитилась я чудесами дедукции и робко уточнила, угнетенная странным осознанием, что, наверно, именно так обескураженно и чувствовали себя те, кого мне приходилось душить на улицах: – Секунду... Когда это мы вдруг стали попутчиками?

Коул допил чай, громко причмокивая от сладости меда, и неловко улыбнулся, обнажая едва заметную щербинку между передними зубами, которая делала его еще более очаровательным.

– Я возвращаюсь домой, в Бёрлингтон, и хочу спасти какую-нибудь доверчивую семью от пропажи машины и большей части наличных. Если выдвинемся сейчас, уже утром будем в городе. – Коул взглянул на объедки и зачем-то завернул их в салфетку, пока я шокированно наблюдала за этим действием, варварским даже для меня. – Что? Надо же мне как-то искупить вину перед Штуделем. Твое вторжение – большой стресс для него.

– Штуделем?

– Так зовут моего кота. Мы путешествуем вместе.

– Ах, речь об этой свирепой буханке хлеба, которая пыталась сожрать мое лицо? Да, я помню.

Коул насупился и снова сел, заметив, что я не собираюсь двигаться с места.

– Я правда предлагаю тебе поехать со мной. Ты ведь все равно кочуешь из города в город. Чем тебе не очередное приключение?

– Ну уж нет! – разозлилась я, топнув ногой. – Чего ты привязался, а? Ждешь благодарности за спасение от бури? Хватит и того, что я оплатила ужин.

– Вообще-то, фактически счет оплатил я, – сказал Коул. – Потому что ты сделала это деньгами, которые украла у меня в Новом Орлеане. Что-нибудь от них еще осталось, кстати?

– Только это, – я горделиво поправила свою жемчужную шляпу. – Взяла на сдачу после того, как сняла себе на ночь пентхаус.

– В бумажнике были все мои накопления за год и отпускные, – Коул застонал.

– Оу, – бесстыже улыбнулась я. – Не повезло.

– Действительно, – согласился он, и я внезапно поняла, что все это время он не сводил с меня глаз, пускай и предпочитая пялиться куда-то в точку между моих бровей, чтобы не была так заметна его болезненная отстраненность. – Не повезло в деньгах – повезет в работе.

– Там вообще-то не так говорится... Скажи, как такому, как ты, вообще доверили полицейский значок?

Я часто говорила невпопад, а еще чаще говорила то, за что многие с радостью бы вырвали мне язык под корень. В этот раз вырвать свой язык захотелось мне самой. Как и всегда, лицо Коула не дрогнуло, но дрогнул взгляд. Он буквально остекленел, и меня обожгло так же, как его, судя по всему, обожгло мое замечание.

Однако его голос остался ровным и ничем не выдал уязвленности:

– У меня синдром Аспергера, если ты об этом. Да, я устроился работать в полицию незаконно. Да, я каждый год откупаюсь от медицинских скринингов. И нет, диагноз не мешает мне делать мою работу. А еще я очень старательный, умный и ответственный, чтобы ты знала.

– Коул, я не имела в виду...

– И я хочу, чтобы ты поехала со мной, потому что мне позарез нужна помощь кого-то вроде тебя. В моем родном городе творится неладное. К тому же ты ведь вряд ли бывала на озере Шамплейн. А оно просто невероятное!

Бескрайние воды, обтачивающие многолетние скалы. Тысяча километров безмятежной прозрачной глади, великолепие созерцательной красоты. Первозданный источник магии, который позволил группе потерянных ведьм пустить корни на одном из берегов и взрастить ковен, именовавшийся как то место, что его приютило.

Там жила я. Там я и умерла – умерла та часть моей души, которая ушла следом за семьей, разорвавшись от горя. И ни за что я не согласилась бы вернуться туда после того, как уже однажды позволила Рэйчел уговорить меня... Позволила Рэйчел там же меня и покинуть. Озеро Шамплейн больше не первоисточник магической силы. Озеро Шамплейн – кладбище, с какого края к нему ни подступись.

Память заржавела, но ожила, когда я услышала эти слова. Полчаса от Шелберна и час от Шарлотта, а в сумме полчаса от особняка. Бёрлингтон входил в наши владения, как и все прибрежные города, за магический порядок в которых отвечала Верховная.

Бёрлингтон – моя ответственность.

– Я не поеду.

Должно быть, это прозвучало так, будто я испугана, потому что Коул резко подался ко мне. Повеяло запахом чая и жженой карамелью.

– У меня однокомнатная квартира с видом на рыбацкий причал, – начал наседать он, часто моргая. – Я живу один... Ну, почти один, если не считать Штруделя. Ему по праву принадлежит диван, но, думаю, он не станет возражать, если мы переселим его на лежанку, а тебе достанется моя кровать.

– Коул, я не поеду.

– Кровать, кстати, ортопедическая.

– Коул...

– Ты украла у меня две тысячи долларов, – попытался воззвать к моей совести он.

– Ты сам оставил мне их!

– Да, – Коул взъерошил кудри. – Я забыл. Зеркало мне очень дорого, и его пропажа вытеснила все остальное. Но это в любом случае кража... – И, смутившись при виде моих гневно раздутых ноздрей, он тут же поднял белый флаг: – Эй, я не собираюсь писать на тебя заявление! Мне просто было бы приятно, если бы ты согласилась их отработать. Не в том смысле! – Коул тут же осекся, краснея. – Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня, но у нас обоих есть то, что мы можем дать друг другу, – он сел прямо и на волшебную долю секунды все же смог заставить себя задержать взгляд на моих глазах. – Твои знания и магия в обмен на временное пристанище. И, что самое чудесное, тебе даже не придется ничего красть! Продукты за мой счет.

Предложение звучало сомнительно, но выгода – многообещающе. Ладони вспотели от одной лишь мысли, что на свете вновь появится кто-то, на кого я могла бы положиться, как на Рэйчел в свое время. Я встряхнула головой и отрезвела: участи, к которой ее привела близость со мной, никто не заслуживал. Особенно Коул.

Языки пламени *уничтожают, уничтожают, уничтожают*.

– Ты всего лишь человек, Коул, – мягко прошептала я. – Весьма необычный человек, отрицать не стану, но ты даже понятия не имеешь, в какие неприятности я могу тебя втянуть. Ты ведь не знаешь всей истории и уж тем более не знаешь, смогу ли я помочь тебе. Я не самая выдающаяся ведьма, детектив, и вообще-то я направлялась в Сиэтл, так что нам не по пути и...

Стараясь не поднимать глаза на Коула, я быстро перехватила ляжку своего рюкзака и потянулась под стол за скрипкой, чтобы сбежать, но молния на рюкзаке предательски затрещала. Из него посыпалось содержимое, завалив проход между столиками. Гастингс вздрогнул и наклонился за разлетевшимися картами Таро, выпавшими из шкатулки вместе со склянками и бельем.

– Я сама! – остановила я его, когда Коул поднес к лицу одну из позолоченных карт, вглядываясь в изображения веселого юнца, скачущего по холмам с узелком наперевес.

– Что это? – поинтересовался Коул, не выпуская карту.

Я обреченно выдохнула.

– Эта карта Дурака. Ее еще называют Шутом. Как видишь, карты никогда не ошибаются, – язвительно подметила я, и когда Коул повернул ко мне другую поднятую карту, то только подтвердил мои слова: – А это Верховная Жрица. Олицетворение тайн и ворожбы.

– Поразительно, – восхитился Коул, хотя о его восторге я лишь догадывалась, ведь он всегда говорил с одной интонацией, а выражение лица у него менялось только в моменты смущения. – А если я спрошу у них о твоём преследователе?

– Не смей!

Но Коул уже поднял следующую карту, и внутренности у меня скрутило.

– Можешь не объяснять, – тихо сказал Коул, садясь за стол с тремя картами, зажатыми между пальцев. – Я и сам вижу. Это дьявол.

Чудовище, чьи рога вились так высоко вверх, что почти выходили за край рисунка. На фоне скалящегося дьявола вопили белые фигуры в цепях, преклоняя колени, – низвергнутые души, навсегда заточенные в его власти. Ни одна карта не описала бы натуру Джулиана лучше, чем эта.

Воспользовавшись моим замешательством, Коул наклонился и собрал все мои вещи, а затем разложил их перед собой. Убедившись, что под столом не затерялась ни одна хитрая карта, он заморозил перетасовал их, оставив уже выбранные три лежать рубашками кверху.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась я, на что Коул перемешал колоду еще раз.

– Не знаю. Наверно, пытаюсь уговорить тебя.

Он остановился, взвешивая колоду Таро на ладони, и посмотрел куда-то мне в лоб, очевидно, чтобы изобразить зрительный контакт, который из-за синдрома Аспергера был для него ужасно сложным.

– Что будет, если ты поедешь в Сиэтл, как и планировала? – вдруг озвучил он и снял верхнюю карту, кладя ее рядом с моим барахлом.

Таро издавна служило развлечением даже для самых маленьких ведьм, потому что, податливые и честные, карты отвечали практически всем, кто взывал к их благосклонности. Коул же не воспринимал карты всерьез, поэтому даже не подозревал, что играл с магией, которая ластилась к его рукам, как котенок. И отвечала она ему предельно честно.

– Это... Башня? Что она означает?

Ничего хорошего.

Воздух затвердел в легких, и меня пригвоздило к стулу. Я молча уставилась на карты, переливающиеся в мягком свете ламп. Каменную башню на рисунке пожирало пламя: спасаясь и погибая, из нее сыпались, как опадающие листья, люди. Страх, отчаяние и разрушение.

– Это означает, что все будет, как я и задумывала, – невозмутимо солгала я, как делала уже много лет.

Коул подозрительно нахмурился, но придирается не стал и перевернул следующую карту.

– А если ты отправишься со мной в Бёрлингтон?

Юная дева в белоснежном одеянии, цепляющаяся за гриву льва, чья пасть была раскрыта в предостерегающем рыке, направленном против врагов. Прильнув к коленям девы, он служил ей, покладистый и верный.

– Это Сила.

– Хорошая карта?

– Очень.

– Тогда выбор очевиден. Сила точно выглядит привлекательнее, чем руины, – вынес свой вердикт Коул, с сомнением покосившись на отложенную карту Башни.

Я скрестила руки на груди, показывая свое недоверие.

– Это ничего не значит, мистер-Дельфийский-оракул. Ты ведь до этого дня наверняка считал, что Таро – просто еще одно неплохое имя для кота.

– Твоя правда, – смирился Коул и отодвинул колоду, интересуясь, что еще успело вывалиться из моего рюкзака. – А что насчет этих штук?

У Гастингса были тонкие пальцы, длиннее моих, наверное, раза в два, и потому он дотянулся до мешочка с рунами быстрее, чем я до его наглой физиономии.

– А ну лапы прочь! Это уж точно не для твоих ребяческих шалостей, – рывкнула я, шлепнув его по ладони, и Коул отпрянул, отреагировав на касание так же остро, как на удар током. – Сам за свое карманное зеркальце ткнул меня в землю лицом, а по чужой сумке бессовестно рыскать – это пожалуйста!

Не найдя, что противопоставить моему замечанию, Коул виновато потупился и выпустил мешочек из рук. Руны высыпались и застучали по поверхности стола. Я хлопнула себя ладонью по лицу.

– Просто. Ничего. Не трогай! Хватит!

– Они что, вырезаны из кости? – все же не сдержался он, взяв один кубик и водя пальцами по граням.

От злости у меня свело скулы.

– Да, из человеческой, и ты очень близок к тому, чтобы я и из тебя сделала себе какую-нибудь увеселительную финтифлюшку!

Коул скептически нахмурился, не отвлекаясь от кубика с руной Перт, а я бросила беглый взгляд на остальные, прежде чем смести их в горстку, но моя рука замерла над рунами, что сложились в тесный ряд.

«Бёрлингтон».

– Извини, я иногда слишком увлекаюсь. Я сейчас все соберу...

– Оставь! Подожди...

Беркано. Соуло. Почему? Куда делся предреченный «Сиэтл»?!

Я загребла все руны в ладони и, встряхнув, бросила.

Беркано. Соуло.

«Бёрлингтон».

– Да вы издеваетесь, – заныла я.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри».

Клянусь, чтоб его!

Зажмурившись на пару мгновений, чтобы собраться с мыслями перед признанием победы Коула, я наконец выдохнула и быстро вернула руны в мешок. Мне потребовалось несколько минут, чтобы перебороть гордость и сказать:

– Так и быть. Я поеду с тобой в Бёрлингтон. – И, не давая Коулу вставить ни слова, выставила перед ним указательный палец: – Но я не стану обещать, что не уеду оттуда тогда, когда сочту нужным. Понятно? Никаких договоренностей.

– Никаких договоренностей, – эхом отозвался Коул. – Может, еще картошки закажем? Ты съела мою.

Резкая смена темы ввела меня в ступор.

– Новую порцию картошки еще полгода готовить будут, – проворчала я. – Ладно, закажем картошку с собой, так и быть.

Я сложила все свои вещи в рюкзак, быстро перебирая руками, чтобы Коул не успел заметить в кипе барахла мой выпавший бюстгальтер, и подняла скрипку.

– А это правда, что ведьмы живут пятьсот лет? – вдруг спросил Коул.

Я высунула язык, запихивая в карман рюкзака свою атласную кофточку.

– Нет. Мы долгожители, а не бессмертные. Лет двести пятьдесят или триста... Кому как повезет. Может, погнали уже, а? Или тебе прямо тут справочник по ведьмовскому житью накапать?

Мы поднялись, направляясь к стойке выдачи заказов навывнос. Тучи снаружи сгущались, нагнетая мрак внутри ресторанчика, и я поспешила запахнуть пальто, чтобы не разболеться снова. Одну простуду я и так с трудом пережила.

Сложив в бумажный пакет две порции жареной картошки, Коул придержал для меня дверь, пропуская вперед. В усиливающемся ветре мы добежали до джипа, и я забросила на задние сиденья свой багаж, метя, чтобы попасть в дремлющего кота.

Протяжно мяукнув, Штрудель умастился на моем футляре, который тут же порыжел и сделался меховым, как и весь салон автомобиля.

– Сядешь к Штуду или ко мне?

– Однозначно к тебе.

Я устроилась на переднем сиденье и скукожилась в кресле, как изюм, пытаюсь занять удобное положение и немного расслабиться. Путешествовать с кем-то было мне в диковинку.

Коул завел мотор. Перестав щепетильно вылизываться, кот спрыгнул с моей скрипки и перебрался к нам. Жирок под персиковой шерстью колыхался, и пухлые бока едва не застряли между сиденьями.

– Что происходит? – сглотнула я, когда Штрудель, размяв лапы на коленях Коула, остался чем-то недоволен и наострил перейти ко мне. – Ну уж нет...

– Погляди, Штрудель пошел на мировую! – умилился Коул. – Что такое? Разве ведьмы не обожают кошек?

– Это стереотип, – мрачно сказала я, стараясь не притрагиваться к вибрирующему клубку весом в шесть фунтов, который улегся мне на колени.

Штрудель зевнул, и на меня сонно уставились два глаза-цитрина, чуть ярче и желтее, чем глаза Коула. Убедившись, что кот действительно ластится, а не собирается взять надо мной реванш, я легонько потрепала его по холке. Хвост возмущенно вильнул, ударив меня по носу.

– Вздремни, – посоветовал мне Коул, включая дворники. – До Бёрлингтона сутки пути. Только сначала...

– Что?

Коул замялся, и я невольно напряглась.

– Скажи, как тебя зовут на самом деле?

Я – лгунья, и это норма для тех, кто вынужден скрываться и выживать. Но, глядя Коулу в глаза, пускай он тут же и отводил их, я внезапно поняла, что устала от непрерывной лжи.

И впервые за много лет я услышала, как непривычно, приятно и волнующе звучит мое собственное имя:

– Одри Дефо.

Уголки губ Коула дрогнули, и он смел мои удостоверения, забранные из участка в Новом Орлеане и лежащие на бардачке, в бумажный пакет. Неожиданно для себя я не стала препятствовать.

– А я Коул Гастингс. Приятно познакомиться. Там, куда мы едем, врать и прятаться тебе не придется. Поездка в Бёрлингтон станет лучшим твоим решением, вот увидишь!

Это прозвучало не так искренне, как Коул пытался. Я усмехнулась, заметив красные пятна, которыми он покрылся. Судя по ним и тому, как Коул, нервничая, едва не выдернул с корнем рычаг передач, заводить новых друзей ему доводилось не часто. Джип помчался по шоссе так быстро, будто из тайского ресторана за нами гнался сам Будда.

Впрочем, лучше бы это и впрямь был Будда.

IV Бёрлингтон

Голубая глина, которую так приятно мять в руках. Белоснежные катера и рыболовные судна, дрейфующие по кристаллической глади. Прогнивший пирс, заросший мхом, от которого побегут мурашки до самой макушки, если пройти по нему босиком.

Я не повернулась на шорох гальки и не подняла глаз, даже когда Джулиан опустился рядом.

– Ты знал?

Мой голос звучал сухо, как шорох листьев на пожелтевших деревьях, чей ветреный шелест Рэйчел звала пением лесных духов. И, по ее заверениям, духов вокруг нас было непомерно много: они, как и деревья, милостиво берегли наш ковен от чужих глаз.

Джулиан все молчал, а я пыталась увидеть перед собой хоть что-то, а не осунувшееся лицо матери, когда она говорила то, что я предпочла бы забыть.

– Почему ты не рассказал? – спросила я, и от тишины, ставшей мне ответом, захотелось кричать.

Я повернула голову. Злость подступила к горлу при виде сдержанного вида Джулиана, который даже не думал оправдываться или извиняться, как ему следовало.

– А что другие? – прошипела я, и голубой глине в моих руках больше не требовалось мое теплое дыхание, чтобы оставаться мягкой: склизкая, она потекла, как жидкость, плаваясь на коже от неестественного жара. – Рэйчел? Дебора? Маркус? Эмма? Они тоже знали? Говори же!

– Да.

– Что «да», Джулиан?!

– Все знали, – подтвердил он, перебирая мелкие песчинки. – Кроме Ноа и Хлои. Они еще слишком маленькие. – И прежде, чем я успела швырнуть кипящую в ладонях глину ему

в лицо, Джулиан наконец-то заговорил: – Успокойся, Одри! Мы сами узнали об этом только два дня назад.

– Два дня, по-твоему, недостаточно?! Ты предал меня!

– Хватит молоть ерунду! Это мама велела нам молчать, потому что хотела рассказать тебе все лично. Я не мог не выполнить ее просьбу, учитывая, что это, возможно, последняя просьба в ее жизни!

Я демонстративно зажала уши, трясая головой, чтобы не слышать.

– Замолчи! Замолчи! Я не заслужила, чтобы узнать последней новость, что нашу мать, самую Верховную ведьму, сжирает какой-то примитивный человеческий рак!

Джулиан снова затих, но теперь смотрел на меня в упор – хладнокровный, непроницаемый... Уступчивый. Он всегда контролировал свои эмоции лучше, чем кто-либо из нашей семьи. Даже сейчас он терпел и смиренно переживал бурю, которая рвала мою душу на части. Бурю из слез и ветра, гонящего воду к берегу, как при морском приливе.

– Эй, – ласково позвал меня Джулиан и потрепал по волосам, хотя я попыталась вернуться и оттолкнуть его, ударив локтем в грудь. – Дыши глубже, Одри. Погляди, из-за тебя шторм начинается...

Я крепко жмурилась, глотая соль, щиплющую губы. Джулиан осторожно обнял меня, подставляя свое плечо, в которое я незамедлительно уткнулась. Он всегда был моей опорой, моей крепостью, но даже она распалась на тонну булыжников, неспособная укрыть меня от горя потери самого любимого человека на свете. И все же объятия Джулиана утешали, как молоко с медом, и сквозь слезы я разглядела потемневший пейзаж, утративший безмятежность: буря эмоций обернулась бурей природы. Катастрофически похолодало.

– Возьми себя в руки, – сказал Джулиан шепотом, целуя меня в волосы, расплетенные по дороге на пирс. – Маме не понравится, если в июне выпадет снег. Ты почти сломала лето!

Джулиан попытался выбить из меня смешок, и ему это почти удалось. Я всхлипнула, но тучи покорно расступились, возвращая солнце на небо.

– Ты станешь самой молодой Верховной, – произнес брат, и я снова постаралась вырваться, но он бескомпромиссно удержал меня, повернув мое лицо к своему. – Пойми, как тебе повезло! Все мечтают об этом. Ты не останешься одна. Я, Дебора, Маркус, Чейз и другие – мы всегда будем рядом.

– Может, и мама будет тоже? – начала я и договорила раньше, чем Джулиан, тяжело вздохнув, успел бы разбить в прах все мои грезы: – Может быть, дар исцеления... Он ведь лечит все, разве не так? Помнишь, как мама вылечила бесплодие Моники?... А катаракту Нины? А запущенную стадию энцефалита добермана Пикуля...

– Одри... – Джулиан поморщился, и я знала, что он совсем не хочет говорить то, что должен сказать. – У мамы метастазы по всему телу. Она ведь объясняла тебе, что уже исцелялась... Прошло три года, а рак все не останавливается. Мама слишком стара. Магия – это своеобразное озеро: она имеет свойство иссушаться. Рано или поздно Верховная увядает – и это нормально. Тогда на ее место приходит следующая...

– Может, это и не рак вовсе? – продолжала упрямо я. – Может, это проклятие или... У ковена ведь есть враги, да? Чего стоит одна Аврора Эдлер! Ох, если бы мама сообщила нам раньше, а не ждала столько лет, страдая в одиночестве... Мы бы точно во всем разобрались. Но у нас еще есть время, Джулс!

– Одри!

Брат резко выпустил меня и зажмурился, ударив сжатыми кулаками по земле и подняв в воздух облако из песка и пыли.

Это облако, став огромным, зависло над нашими головами, как одна из призванных мною раньше туч. Стена из песка мерцала, как Млечный Путь, и это было бы красиво, если бы теле-

кинез Джулиана не был таким устрашающе мощным, когда его эмоции выходили из-под контроля.

Я потянулась вперед, и настал мой черед обнимать брата.

– Я люблю маму, – сказал он с надрывом, и я, ни разу не видевшая Джулиана плачущим, вдруг поняла, что именно так звучат его слезы – дребезг стекла разбитого сердца. – Но ей двести лет, Одри. Никто не может жить вечно.

Облако песка замерцало вновь, а затем обрушилось, осыпаясь на наши волосы и одежду. Джулиан открыл глаза.

– Мы – ковен, Одри. Нет ничего, с чем мы бы не смогли справиться. А еще... – Джулиан сунул руку в карман штанов и, порывшись в нем, достал длинное воронье перо с металлическим наконечником. – Повернись.

Сил, чтобы спорить, у меня не нашлось. Я послушно села, вытянув разутые ноги к кромке воды, и почувствовала, как брат задирает край моего свитера. По голой спине пробежал теплый бриз, а затем – холодное и острое перо, рисуящее что-то, разливающееся умиротворяющей истомой по телу.

– Мама подарила тебе свой жемчуг, – произнес Джулиан, старательно выводя узор между моими лопатками. – А я решил подарить тебе эскиз.

– Эскиз?

– Для нашей будущей татуировки. Ты ведь не передумала отправиться в тату-салон в день совершеннолетия?

Я сдавленно хихикнула в рукав свитера, заглушая печаль.

– Только не говори, что ты заколдовал перо... Рэйчел убьет нас.

Джулиан усмехнулся, спрятав голову под моим свитером и сосредоточенно мыча за работой.

– Да это просто черная хна. Смоется к концу недели. Надеюсь, тебе понравится... Готова узреть шедевр?

Сказав мне не опускать свитер еще минимум десять минут, чтобы краска успела высохнуть, Джулиан накрыл ладонью мой затылок. Вместе с той неуместной нежностью, что он испытывал ко мне и не мог вытолкнуть из своих мыслей даже во время сеанса телепатии, меня прошило потоком его сознания, а затем – пришло видение. Я буквально смотрела его глазами на собственную обнаженную спину с торчащими лопатками, между которыми был выведен ровный круг с витиеватыми лучами – ацтекское солнце, разделенное пополам прямой линией.

– Хм, правая часть вышла ровнее, – прокомментировала я.

Джулиан рассмеялся, и я почувствовала быстрый поцелуй, опустившийся на мою открытую шею, но задумалась, не померещился ли он мне.

– Да, но вообще-то половины должны были выйти одинаковыми, потому что олицетворяют нас с тобой. Мы ведь тоже одинаковые и неотделимые, верно?

– Разумеется, Джулиан, – улынулась я, аккуратно опуская свитер обратно. – Не думаю, что у нас в принципе есть выбор. Ты ведь мой брат-близнец, как может быть иначе?

* * *

– Никогда не думала, что скажу это, но... – я вдохнула полной грудью, потягиваясь после пробуждения. – Давай поболтаем о чем-нибудь.

Прошла целая ночь, прежде чем молчание все-таки стало действовать мне на нервы, как и заезженная пластинка песен Бритни Спирс, которую Коул одержимо ставил на повтор снова, снова и снова. Рыжий клубок на моих коленях выпустил острые коготки, разминая лапы на моем драгоценном платье. Я уже давно перестала чувствовать ноги, пока сидела, привалившись боком к окну и выпав из реальности на целых одиннадцать часов.

Теперь же, растирая покрасневшие глаза, я выглянула наружу: на стекле сохли следы дождя, который нам все-таки не удалось обогнать. Покрываясь мандариновыми оттенками расвета, небо наконец-то посветлело, проглотив тускнеющие звезды.

– Поболтаем? – воодушевился Коул, и я тут же возненавидела себя за это поспешное предложение. – Отлично! Я как раз вспомнил...

– Чур, я первая! – перебила я, перекидывая Штруделя на задние сиденья и разминая спину. – У меня тоже есть вопросы, детектив. Итак, вопрос первый: куда мы так несемся, что едем всю ночь без перерыва? Вопрос второй: как ты до сих пор не угробил нас, бодрствуя больше суток и даже не зевая? На каких колесах ты сидишь?

– Это уже три вопроса, – заметил Коул, жуя губы, которым бы точно не повредил увлажняющий бальзам. – А что не так с колесами? Это же «Форд Рейнджер».

Я открыла рот, но так ничего и не сказала, смирившись, что у косноязычного Коула Гастингса колоссальные проблемы с метафорами и жаргонизмами.

– Ладно, проехали. А что насчет ночлега? – я проводила тоскливым взглядом удаляющуюся вывеску, обещающую в паре миль отсюда уютную гостиницу. – Нам бы обоим не помешал отдых. Да и душ тоже...

В машине пахло очень приятно, в частности из открытого термоса, наполненного крепким черным чаем. Штаны Коула были усыпаны жареной картошкой: он жевал ее, пока вел машину, умудряясь при этом не врезаться в какой-нибудь столб. Кончики его пальцев еще блестели от соли, как и усы Штруделя, которого он тоже угостил. Теперь вопросы к необъятному весу кота отпали сами собой.

– Пару дней назад кто-то украл у меня две тысячи долларов, – напомнил Коул, не смотревший на меня, кажется, с первой минуты нашего путешествия. – Это означает, что у меня нет денег даже на номер в гостинице, и, смею предположить, у тебя их тоже нет. Зато к утру будем уже в городе! Как удачно, что по долгу службы я давно обзавелся хронической бессонницей.

Я сняла фетровую шляпу, распуская волосы, и задрала ноги на бардачок. Коул неодобрительно покосился, но промолчал. В конце концов, едва ли я могла навести в машине больше грязи, чем здесь уже было.

– Теперь я, – спохватился Коул, убавляя громкость на магнитоле до минимума. – Почему ты постоянно выбираешь огонь?

Мои ноги соскользнули с панели обратно вниз.

– А почему ты любишь Бритни Спирс? – съязвила я в ответ.

– Нет-нет, сейчас мой черед спрашивать...

– Тогда поясни.

– Вокруг тебя вечно приходится все тушить, – сказал Коул, буравя взглядом пустое шоссе. – Я немного побродил по Новому Орлеану после того, как узнал, что ты сбежала из участка. Оказывается, в тот же вечер сгорела кухня в кафе, где я дважды завтракал...

– Фу, ты там завтракал? Ужасно безвкусная забегаловка!

– А поблизости неожиданно воспламенился комиссионный магазин. Его давно продали с молотка на аукционе и забросили, но все же... Стажеру-полицейскому, кстати, ты тоже внушила, что все вот-вот сгорит. У тебя пиромания?

– Нет, – заартачилась я, но быстро сдалась: – То есть да. Огонь дарит тепло, а тепло все любят.

– Сжечь людей заживо – не лучший способ подарить им тепло.

Я вздохнула.

– Стихия огня – самая простая для вызова. Достаточно очень сильно разозлиться.

– Разозлиться? – переспросил Коул.

– В каждой эмоции, что мы испытываем, можно найти отголосок природы. Магия заключена в наших чувствах, – объяснила я. – Водой проще всего управлять, когда ты испытываешь

грусть, а воздухом – когда веселишься. Земля же – это умиротворение, спокойствие. Огонь – ярость.

– Как же много в тебе ярости!

Я вопросительно посмотрела на Коула, приняв это за нелепую попытку сострить, но он остался серьезным. Тогда я фыркнула, но на языке вертелись слова, которые я очень постаралась не прокричать ему в лицо: «Да, ты прав. Я постоянно зла, и это сводит меня с ума».

– А как обстоят дела с остальными стихиями? – продолжил интересоваться Коул, стуча пальцами по рулю. – Ты не похожа на человека, который умеет радоваться. Полагаю, стихия воздуха тебе вообще незнакома?

А вот это уже была шутка, пускай голос Коула и оставался таким же бесцветным, как всегда. Это не помешало мне оценить замечание и криво улыбнуться, испытав даже толику гордости за его чувство юмора, прорезающееся, как зубки у ребенка.

– Незнакома, – призналась я. – Как и земля. Я умею использовать лишь воду и огонь. Остальному не было времени научиться.

– А чему еще может научиться ведьма? Гаданиям, например?

– Гадания не считаются за способность, иначе ты бы уже давно был ведьмой, – ухмыльнулась я. – Гадания – это инструмент. Они доступны каждому, кто умеет прислушиваться к себе и знамениям вокруг. Точно так же дела обстоят и с зельями, и с вызовом демонов или духов... Истинная же магия являет себя в восьми дарах. Я пока владею тремя.

– Расскажи.

Обреченная, я примерила на себя роль Рэйчел, которой в свое время пришлось вытерпеть немало моих дотошных расспросов.

– Восемь направлений по градации от простого и распространенного к сложному и редкому. – И, принявшись загибать пальцы, я перечислила на одном дыхании, словно буквы алфавита: – *Стихии*, включающие в себя четыре элемента. *Метаморфоз* – трансформация окружающей материи или своей собственной. *Психокинез*, который можно развить до навыка телепортации. *Ментальность* – иллюзии, внушение или телепатия. *Прорицание*, которое чаще всего приходит в форме вещих снов. *Некромантия*, позволяющая общаться с душами умерших. *Исцеление* – как регенерация, так и врачевание. Последним является *сотворение* – написание заклинаний или ритуалов.

– И что именно из этого умеешь ты?

– Я освоила ментальность, но не на все ее проявления мне хватает сил. Стихии, как ты уже понял, я тоже контролирую не до конца. С блеском мне дается только метаморфоз, это да, но вот какой-нибудь рысью я становиться еще не пробовала, – начала задумчиво перебирать я, невольно катая между пальцами жемчужины ожерелья, прячущегося под шарфом. Заметив озадаченное лицо Коула, я усмехнулась. – Метаморфоз, если освоить его в совершенстве, предполагает оборотничество.

Мне вдруг понравилось делиться чем-то, что прежде я принимала за обыденность. Оказывается, очевидное для меня может звучать крайне дико для другого. Я все больше убеждалась в феноменальной разнице между мной и Коулом по мере того, как яснее читалось удивление на его лице.

– Каждая ведьма рождается со склонностью к одному или нескольким дарам, – продолжила я. – Задатки начинают проявляться еще в детстве. Если у ведьмы, например, склонность к одной лишь ментальности, другие дары для нее недоступны. Ей придется обратиться за помощью к более способным ведьмам или колдовать вместе с ковенном. Конечно, есть и «серые» практики, общие, которые не привязаны ни к одному из даров, а потому использовать их может каждый...

– Постой, – Коул немного притормозил, и я почувствовала что-то опасное, чем мог для меня обернуться его детективный талант. – А почему ведьма не может освоить все восемь даров

сразу? Ты же сказала, что владеешь *пока* лишь тремя из них. Значит, ты намерена изучать и остальные, нет?

Я замолчала, прикусив язык, пока не почувствовала медного привкуса во рту, в наказание за болтливость, и уклончиво ответила:

– Только Верховной – ведьме, что стоит над другими ведьмами – по зубам овладеть всеми восемью направлениями. У среднестатистических ведьм способностей хватает на изучение двух или трех. Максимум – четыре при должном старании. Дар сотворения же и вовсе табу.

– Почему?

– Для того чтобы создавать новые порядки в магии, нужно быть ее источником, а источник – это Верховные. Считается, что это и делает их не только всемогущими, но в некотором роде и бессмертными – они навечно будут жить в том, что оставят в память о себе в гримуаре – Книге заклинаний. Такая имеется у каждого ковена со дня его основания. Каждый гримуар уникален, как и каждая Верховная, которая пополняет его новыми заклинаниями на протяжении жизни.

Коул благодарно кивнул и снова сосредоточился на дороге, но ставить на повтор трек Бритни Спирс, благо, не спешил. Похоже, я подкинула ему пищу для раздумий, потому что он затих. В повисшей тишине можно было расслышать сопение Штруделя, задушенного своими складочками жира.

– Верховные ведьмы, – заговорил Коул через какое-то время, когда свежие знания улеглись и жажда расспросить о чем-нибудь еще вернулась с удвоенной силой. – Кто они?

– Наследницы по крови. Чаще всего одна из дочерей, но, если Верховная остается бездетной, это может быть ее племянница или кузина.

– Верховной может стать только женщина?

– Как правило, да. Мужчины среди Верховных встречаются редко. Ни один колдун не способен превзойти ведьму. Природа магии – природа женская. Хоть где-то гендерное преимущество испокон веков остается за нами, – повеселела я.

– А если вернуться к теме о дарах... – Коул вдруг замялся. – Ты, случайно, не настроена освоить что-нибудь еще? Что-нибудь новенькое... Вдруг все-таки получится. Мне бы пригодилась знакомая некромантка.

Я почувала подвох, молча дожидаясь каких-то подробностей, и наконец махнула рукой, чтобы Коул объяснил свои странные пожелания.

– Ну, я просто подумал, что некромантия – очень полезная штука, – начал он издали. – Если бы можно было пообщаться с душами убитых жертв, это бы сильно продвинуло меня в том деле, с которым я к тебе обратился...

– Я, кстати, не отказалась бы узнать подробности этого дела.

– Позже, – категорично отрезал Коул и прочистил горло. – Так ты могла бы научиться некромантии для меня?

– Это займет годы. К тому же у меня нет гримуара, – пожала я плечами, впервые испытав от этого облегчение. – И нет того, кто был бы знаком с некромантией. Мне попросту не у кого учиться. Ковены не обучают чужаков.

– Но у тебя ведь когда-то был свой ковен... Да?

Я напряглась.

– Нельзя обратиться к нему? – и, по моему взгляду поняв, что нельзя, Коул стушевался. – Ну, а к кому-то другому? Неужели у тебя совсем нет друзей?

– Угадай! Я одна по стране катаюсь не забавы ради, – огрызнулась я, испытав то пограничное состояние между гневом и болью, от которого всегда повышалась температура тела, но опасное не для меня, а для окружающих. – У меня никого нет, Коул. Никого.

Я не хотела говорить об этом. Хотя у Коула совсем не было чувства такта, в этот раз он справился с блеском: деликатно оставил свой допрос с пристрастием и отхлебнул немного крепкого чая из термосной крышки, предложив и мне.

Я сделала глоток, наслаждаясь терпким чабрецом.

– Спасибо за пальто.

Коул удивленно взглянул на меня, и я улыбнулась, демонстративно поправляя растянутые рукава, в которые часто прятала руки, чтобы согреться. Непомерно длинное, но наверняка подходящее Коулу как раз впору, пальто вдруг обрело для меня значение гораздо большее, чем я хотела бы признавать. Доброта. Милосердие. Забота. Когда до встречи с Коулом я стеснилась с чем-либо подобным в последний раз?

Он покачал головой, пряча от меня изгиб рта, похожий на ответную улыбку.

– Ты была мокрой до нитки и напомнила мне Штруделя, когда я вытащил его из подвала котенком. Оставь пальто себе. – И, замолчав надолго, так что я решила снова заснуть, Коул вдруг прошептал: – Родители умерли, когда мне было четыре.

Эта фраза должна была прозвучать тоскливо и горько, но прозвучала... понимающе. Мы с Коулом переглянулись и замолчали. Он сосредоточился на дороге и приторном чае, от пары кружек которого мог запросто развиться сахарный диабет, а я – дремала, внезапно осознав, что за всю дорогу ни разу не подумала о брате и том ужасе, что душил меня в течение пяти лет, а теперь вдруг ослаб.

– Я могу повести, если хочешь, – предложила я, не доверяя неизменной бодрости Коула.

– Нет, не хочу. За те две минуты, что ты провела за рулем моей машины, ты успела протаранить чужой фургон.

– С кем не бывает, – цокнула языком я. – Сунуть несколько баксов под дворники – и нет проблем!

– Я и сунул, – парировал Коул раздраженно. – И не «несколько», а восемьдесят. После таких трат я принципиально тебя за руль не пушу!

Справедливо.

– Следующая остановка Бёрлингтон! – объявил он спустя несколько часов после того, как мы перекусили хот-догами на обочине, а песня «*Oops!.. I Did It Again*», стоящая у Коула на повторе, была выучена мной наизусть.

Отражая солнечный свет, его глаза приобрели медовый оттенок и полыхали, напоминая мне о крыльях огненных фениксов из детских сказок. Возрождение и бесконечность – такое же волшебство я чувствовала в Коуле, беззастенчиво любясь им все время, пока впереди не замаячили вершины Зеленых гор.

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь, как от приступа астмы. Холод вод, накатывающий в ознобе и уносящий тревоги прочь. Глубина, где до дна не добраться, даже нырнув с аквалангом. Первобытная необузданная лазурь. Магия, которую источало озеро Шамплейн и которая захлестнула меня, будто я окунулась в него с головой.

Моя семья решила поселиться здесь неспроста: каждый ковен располагается на пересечении лей-линий или природной аномалии. Такие места нельзя подчинить, но им можно подчиниться. В обмен на послушание оно отдаст тебе себя целиком – силу, потерю которой ты осязаешь каждой клеточкой своего тела, если отдалиться слишком далеко от родного края. Ведьма нигде не чувствует себя лучше, чем там, где родилась.

От вод, в которых родилась.

– Все в порядке? – осторожно спросил Коул, когда я почти перелезла на бардачок, высматривая впереди озеро.

– Ага, – промычала я, с трудом успокаивая сердцебиение, усиливающееся по мере того, как мы приближались к городу. – А ты живешь прямо возле Шамплейн, верно?

Коул свернул на светофоре, петляя меж узкими улочками, заставленными скамьями и фонтанами.

– Да, практически на побережье.

– Значит, осталось две мили, – простионала я облегченно. – Прекрасно! Ноги совсем затекли.

Он взглянул на меня, нахмурившись.

– Ты уже бывала здесь?

– Нет. Это... Ведьмовской компас включился, не парься. Чую, что нам направо.

Коул восхищенно хмыкнул и действительно свернул вправо.

Мы проехали пару кварталов, в просвете между которыми я разглядела широкую пешеходную улицу, вдоль которой простирались сувенирные магазинчики и пекарни.

– Это Чёрч-стрит, – заговорил Коул, заметив, в какую сторону повернулась моя голова. – Здесь летом всегда полно туристов, особенно в период фестивалей. Хорошо, что городское авиашоу кончилось вчера. Обычно мне приходится всю неделю спать, зажимая голову под подушкой. Кстати, об этом... Я люто ненавижу шум!

– Значит, тебе снова не повезло, – ухмыльнулась я и постучала по футляру со скрипкой, поверх которого спал Штрудель.

Коул вздохнул.

– Ну, это хотя бы не барабан.

Мы проехали центральную площадь, и я залюбовалась высокой часовой башней, отбрасывающей тень на примостившуюся рядом церквушку. Из-за нескончаемых путешествий я, привыкшая к крупным городам, чувствовала себя неуютно вне окружения стеклянных высоток и башен. А пока мы с Коулом объезжали город, нам не встретилось ни одной такой: все постройки умещались максимум в пять этажей.

– Господи! – воскликнула я испуганно. – Кажется, я в Твин Пиксе¹.

– Бёрлингтон – крупнейший город штата Вермонт, – оскорбился Коул.

– Ты ведь в курсе, что Вермонт – самый крошечный штат США? Так что по его меркам Бёрлингтон несомненно целый Нью-Йорк! Но вообще-то...

Коул нахохлился, сжав руль. Интересно, сколько мы сможем прожить вместе, не убив друг друга?

– Неподалеку главный университет штата, – сменил тему он, отвлекшись на группу ушлых юнцов, переходящих дорогу в неположенном месте наперерез нашему джипу. – По выходным все бары забиты студентами. Большинство из них регулярно попадает в участок за потасовки или мелкие кражи, так что ты быстро вольешься.

Настал мой черед оскорбляться.

– Обещаю, если мне вдруг приспичит что-то украсть, я сделаю это так, что из нас двоих заподозрят сначала тебя, – буркнула я.

Штрудель за моей спиной многозначительно мяукнул, и Коул снова изобразил что-то, отдаленно напоминающее веселье.

– Эй! Я могу принять любой облик, если захочу... Ладно, чтобы удерживать его больше двух минут, нужна недюжинная сноровка, – капитулировала я. – Это так же сложно, как стоять на руках. А ты когда-нибудь пробовал не только стоять на руках, но еще и пройтись на них по торговому центру? Вот-вот!

Коул скептически сощурился.

– Что-то мне подсказывает, ты просто...

– Не самая одаренная ведьма? – догадалась я, отвернувшись. – Да, знаю.

¹ Твин Пикс – захолустный паранормальный город в одноименном американском телесериале. (Здесь и далее прим. автора.)

– Не самая опытная, – поправил меня Коул без промедления. – Пока что. Всеу свое время.

Спустя милоу наша машина припарковалась у кирпичного дома. Распахнув дверцу, я тут же окунулась в озерный вихрь, подхвативший и едва не унесший мою фетровую шляпку. С упоением втянув в себя знакомый воздух, пропитанный запахом мокрой древесины, я уже свесила из машины ноги, когда Коул вызывающе кашлянул.

Я закатила глаза, оборачиваясь.

– Что еще?

– Больше никаких пожаров, Одри, – предупредил он строго, заглушив мотор и сложив руки на руле. – Бёрлингтону и так в последнее время тяжело приходится. Договорились?

Я примирительно кивнула, едва удержавшись, чтобы не сказать, что без пожаров в такой унылой дыре будет слишком скучно. Коул перетащил через спящего Штруделя мои вещи и двинулся к багажнику.

Раз пирог. Два пирога. Три пирога...

Двадцать яблочных пирогов.

– Ты совсем не готовишь дома, да? – спросила я, наблюдая, как Коул волочит по лестнице коробки, доставая на ходу ключи. – У тебя что, аллергия на нормальную пищу?

Но истина оказалась куда прозаичнее.

– Я не умею готовить.

– И следить за своим желудком, видимо, тоже.

– Штрудель любит яблоки...

– Ты пирогом и кота кормишь?!

– Мы регулярно посещаем ветеринара! Все, перестань, не тебе нотации мне читать.

Я закатила глаза и помогла ему открыть дверь. Таща коробки с пирогами, мы ввалились внутрь. Между ног юркнул Штрудель, устремившись на свою лежанку у фикуса. Пока Коул пытался уместить все коробки в холодильник и заносил вещи, я скинула рюкзак на диван в гостиной и принялась осматриваться.

Это было...

– Вау, – вырвалось у меня уже не в первый раз после знакомства с Коулом.

Его квартира располагалась на последнем этаже, отчего крыша в некоторых местах наклонялась, срезая часть пространства. Это придавало особый шарм и ванной комнате, выложенной коралловой плиткой, и спальне, раскрашенной в черно-белые тона, будто комната из нуарного детектива. Над гигантской кроватью крепился проектор, а над рабочим столом Коула – экранное полотно. Слева, загораживая проход на балкон, стоял книжный шкаф и пробковая доска, пестрящая документальными сводками, вырезками из газет и желтыми стикерами. Картин у Коула тоже была масса: развешенные по всем стенам от кухни до туалета, они варьировались от классического натюрморта до современного ар-деко. Несмотря на это гамма цветов в квартире ограничивалась сочетанием древесно-черного с васильковым или зеленым. Ничего не резало глаз и не казалось лишним – полная гармония минимализма. Атмосфера абсолютной чистоты и порядка, которую Коул, судя по всему, педантично соблюдал везде, кроме своей машины.

Я выглянула в окно, раздвинув жалюзи, и увидела голубой залив: на него выходили все комнаты в квартире. Куда ни посмотри – озеро Шамплейн; куда ни посмотри – мое прошлое.

Я почувствовала покалывание магии и прикрыла глаза в эйфории. Моя неуверенность в себе испарилась по щелчку пальцев, как испарился и страх – вот чего мне не хватало, чтобы наконец-то позволить себе стать Верховной. Мне не хватало моего дома.

– Знаешь, Коул, – улыбнулась я, замороженная и почти признавшая мысль, что готова свершить свое предназначение. – Возможно, я бы смогла попробовать некромантию, если только...

Мой голос заглушил храп. Не успев разуться и снять куртку, обессиленный Коул распластался на диване. Он буквально потерял сознание от недосыпа, чудом упав лицом в подушки, а не на пол. Счастливчик.

– «Располагайся, Одри, – сказала я, подражая его голосу. – Чувствуй себя как дома!»

Я закрыла распахнутую настежь входную дверь и, убедившись, что все упаковки с яблочными пирогами утрамбованы в морозилке, предпочла закрыть ее, в надежде больше не открывать, чтобы все это лавиной не хлынуло наружу. Не без усилий вытянув рюкзак из-под Коула, я порылась в своей одежде и по-хозяйски закинула в стиральную машину все грязное, найдя свежим лишь изумрудный кашемировый свитер и кожаные брюки из чикагского массмаркета.

Пенная ванна с шоколадной бомбочкой – однозначно самая роскошная компенсация, какая только может быть после того, как тебя пытались убить.

Я плескалась в пузырящейся мыльной воде почти полтора часа, вытянув ноги на мраморный бортик и попивая вишневый сок за неимением вина. В поисках его я перевернула вверх дном всю квартиру, но нашла только несколько любопытных фотокарточек. На одной из них стоял маленький Коул в полосатом свитере, а рядом с ним – мальчик в такой же одежде, но повыше ростом. В том же шкафчике, где отыскался полупустой фотоальбом, лежал и блокнот с заметками, обложка на котором заметно поистрепалась.

Лениво перелистывая страницы со списками продуктов и напоминаниями забрать вещи из химчистки, в какой-то момент я дошла до того, от чего вишневый сок пошел у меня носом.

– «Отсутствие глазных яблок у жертв», – прочитала я вслух, и даже горячая вода не спасла меня от озноба. – «Оторван язык. Отрублены фаланги пальцев. Предположительное оружие?»

Я остановилась на знаке вопроса, поставленном напротив записей, а затем перелистнула страницу и увидела еще штук двадцать таких же – в углах страниц, на полях, прямо между слов и вместо знаков препинания.

«Не установлено, не установлено, не установлено».

– Дакота Пирс, девятнадцать лет, – поежилась я, читая. – Эрик Нортмунд, двадцать шесть лет. Карла Сантьяго... Четырнадцать лет! Боже!

Я захлопнула блокнот, не в состоянии осилить следующую запись, написанную красной ручкой и подчеркнутую. Ощувив прилив дурноты, я швырнула заметки на раковину и погрузилась в воду с головой.

И зачем я подписалась на это?

Я выбралась из ванны, покачиваясь, и быстро оделась. Задержавшись перед зеркалом, я провела рукой по запотевшей поверхности, чтобы увидеть собственное лицо, разругавшееся и посвежевшее, без единой родинки или веснушки. Шрам – длинный, серповидный и потускневший – огибал руку ниже локтя и вызывал желание вновь спрятать его под кофтой. Я оцупала лиловое кольцо синяка на заживающем виске. Рэйчел долгие годы запрещала мне краситься в белый, аргументируя это тем, что тогда я буду похожа не на ведьму, а на привидение – светлая кожа сольется с волосами. Однако я все равно сделала это. В обрамлении пепельных локонов, блее которых был разве что снег, серые глаза с кошачьим разрезом выглядели необыкновенно большими – и смотрели с выражением неистребимого испуга, которое мне так хотелось стереть.

Порывшись в ящиках и отыскав ножницы, я подстригла отросшие до лопаток волосы так, что те едва стали доходить до подбородка.

Каждая встреча с братом – новый имидж. Каждая трагедия – опять новый имидж. Чтобы прятаться, не прибегая к заклятиям, и чтобы не вспоминать. Решив, что в этот раз одной короткой стрижки недостаточно, я задумалась над утомившим меня цветом.

Клубничная блондинка?.. Нет, походить на легкомысленную барышню я сейчас могла только мечтать. Атомно-бирюзовые волосы делали из меня бунтующего подростка. Рыжие – шаблонную ведьму из мультфильмов Хаяо Миядзаки. Черные? Хм, уже было...

– И снова здравствуй, Одри Дефо, – приветствовала я себя, поведя рукой перед зеркалом и возвращая волосам родной и холодный темно-русый цвет. – Я скучала по тебе, девочка.

Видеть себя настоящую – значит признать, кто ты есть на самом деле. Я уже на шаг ближе к этому.

Из гостиной донесся грохот, и, предположив, что Коул упал с дивана, я быстро смела состриженные локоны в корзину для мусора и убрала другие улики, расставив по местам гели для душа.

– Ты что, уже выпался? – удивилась я, выжимая мокрые волосы махровым полотенцем. – Всего три часа прошло.

Коул сидел на полу и апатично озирался по сторонам. Он помолчал еще несколько мгновений, заняв вечно беспокойные руки пледом, то сминая его, то разглаживая.

– Я приучил свой организм к двухфазовому циклу сна, – наконец заговорил Коул и встряхнул спутанными волосами. – Четыре часа ночью и пара часов днем. А ты как? Отдохнула?

Коул перетащил на колени свой неразобранный чемодан и, принявшись перебирать аккуратные стопки простеньких хлопковых вещей, посмотрел на меня. Джемпер, который он достал, завис в его руках.

– Чего уставился? – спросила я, когда затянувшаяся пауза вышла за все рамки приличия.

Непосредственность в его темных глазах вытягивала душу не хуже, чем самое остревелое родовое проклятие.

– Ну? – повысила голос я, вопросительно вздернув брови.

Голос никогда его не выдавал, а вот румянец – еще как!

– Ты выглядишь... геометрично, – брякнул Коул.

– Что? – не поняла я. – В смысле, как ромб?

– Нет! Я хотел сказать эстетично, – он зажмурился и хлопнул себя по лбу. – Эстетично, да. Твой образ... конченный. Цельный то есть. Я имею в виду – симпатичная стрижка и... – Поняв, что язык его совсем не слушается, Коул покрылся пятнами и встал, отряхиваясь. – Я пойду приму душ. Разогреешь пирог?

Ему удалось ускользнуть и запереться в ванной комнате раньше, чем я, придя в себя, захохотала. Умиленная, я двинулась на кухню, где на разделочной доске дремал такой толстый слой пыли, что вывод напрашивался сам собой – Коул в жизни не брался за готовку. Зато все стенки микроволновки были в жиру. Оставалось надеяться, что хотя бы на работе он обедает в худо-бедно сносной столовой.

Я заглянула в холодильник, придирчиво проверяя сроки годности всего, что попадалось под руку. Выбросив половину банок, покрытых плесенью и породивших новую жизнь, я отобрала те продукты, что не грозили нам обоим отравлением, и приступила...

– Паприкаш, – торжественно объявила я и выставила деревянный половник перед лицом Коула, когда он вышел из ванной. – Курица, лук, болгарский перец, чеснок, томатная паста, сметана и, разумеется, сладкая паприка – только и всего. Попробуй!

Коул растерянно принял половник из моих рук и, зачерпнув со дна кастрюли наваристый бульон, осторожно лизнул.

– Паприкаш, – повторил он заипнотизированно и зачерпнул еще половник, который мгновенно залил в себя, отчего едва не засвистел, как чайник.

– Эй, полегче, я же еще не постигла дар исцеления! – воскликнула я, выхватывая половник, пока Коул размахивал руками, глотая прохладный воздух. – Я решила поэкспериментировать и бросила туда стручок чили. Как тебе?

– Живительно, – выдавил Коул, поглощая холодное молоко из холодильника. – Вкус просто потрясающий! Не думал, что такая, как ты...

– Умеет готовить? – закончила я и, спрятав болезненную улыбку, отвернулась к плите, сдвигая кастрюлю на выключенную конфорку. – Я росла в большой семье. По праздникам у нас была традиция собираться на кухне, придумывать полноценное меню на неделю и готовить-готовить-готовить. Ох, как много драк и споров было из-за того, с чем лучше подавать луковый суп – с картофельными крокетами или багетом! – ухмыльнулась я, задумчиво размешивая паприкаш. – Маме вечно приходилось разнимать нас. Мы всему учились у нее. Так что да, я люблю кулинарию, и именно поэтому можешь забыть о своем яблочном пироге. В следующий раз, когда пойдешь в супермаркет, даже не смотри в его сторону! Где у тебя тарелки?

Я встала на цыпочки, чтобы достать до дверцы кухонного шкафчика, прибитого высоко, почти под самым потолком. Но длинная рука Коула опередила меня, выудив оттуда два глубоких фарфоровых блюда. Я задрала голову и увидела его нависшее надо мной лицо: разница в нашем росте казалась значительнее, чем я думала. Почувствовав себя нелепо, я опустила свои короткие, как у динозаврика, ручонки и проследила за Коулом: он принялся старательно сервировать обеденный стол, складывая салфетки как в ресторане.

Разлив по мискам паприкаш и разложив серебряные приборы, я устроилась напротив Коула и по привычке подогнула под себя ноги.

– Твои родители, – завела я светскую беседу, когда несколько ложек паприкаша уже согрели желудок. – Кем они были?

Коул расплескал пару капель на скатерть.

– Занимались недвижимостью, а что?

– Твоя квартира... – я обвела взглядом кухонный гарнитур из ясеня, который, по моим меркам, стоил бешеных денег. – У тебя очень хорошая квартира, машина и... Твоя щедрость тоже поразительна. Чего стоит одно пренебрежение двумя тысячами долларов! Правда, со стилем у тебя беда для такого солидного состояния, но... – Коул обиженно взглянул на меня. – Детективы так хорошо зарабатывают?

– Нет, не очень, – ответил он сухо, уткнувшись в свою тарелку, но не потеряв аппетит и продолжив поглощать паприкаш. – В основном я живу за счет наследства. Родители хорошо позаботились о моем будущем. Надеюсь, ты интересуешься не для того, чтобы снова меня обокрасть?

Я закашлялась из-за застрявшего в горле перца и скривилась.

– Я карманница, а не домушница. Выносить квартиры слишком уж муторно.

Такой ответ удовлетворил Коула, и мы продолжили обед. В отличие от него, я со своей порцией паприкаша так и не справилась: перед глазами плясали имена жертв, цифры возраста и перечисления кошунственных увечий.

– Я знаю, что это не подходящая беседа для застолья, но...

Я выложила перед Коулом блокнот и пораженно отметила, как невозмутимо он продолжает обедать, перечитывая свои заметки. Похоже, разговоры о расчленении и измывательствах за трапезой были ему привычны.

– Все прочла? – спросил он.

– Не до конца, но мне хватило.

Коул понимающе кивнул и отодвинул опустошенную миску, а затем с тоской покосился на кастрюлю.

– Еще взять можно?

– Конечно! Я ведь готовила на твоей кухне из твоих же продуктов. Лопай хоть всю кастрюлю! Я все равно никогда не ем одно и то же два дня подряд.

Коул подорвался к плите и, щедро накладывая себе половником паприкаш, наконец-то заговорил о деле:

– В блокноте этого нет, но на телах жертв вырезаны символы.

– Что за символы?

– Не разобрал. Искал в библиотеке и архивах, но без толку. За этим я и поехал в Новый Орлеан, надеялся что-нибудь выяснить. Для людей они незримы.

– В каком смысле?

– Очевидно, символы сокрыты чарами, – пояснил Коул и вернулся за стол, облизывая на ходу деревянный черпак. – Это и убедило меня, что убийства – не просто черная месса религиозных сектантов. Это настоящая магия, раз криминалисты их в упор не видят, даже если носом ткнуть.

Я откинулась на спинку стула, спустив одну ногу на пол и вяло поглаживая лодыжкой Штруделя, мурлыкающего под столом в ожидании объедков.

– Тот колдун вуду тоже не знает, что это за символы?

– Фотографии их не отражают. Я смог только нарисовать, но художник из меня не ахти, – пробормотал Коул, размешивая овощи на дне тарелки. – Эти убийства начались с Нового Орлеана. Я не видел тех жертв, но увечья, по слухам, одинаковые. Пальцы, язык...

– Глаза, – добавила я, сглотив.

– И черный жемчуг.

– Что?

– В их глазницах оставляют жемчуг, – сказал Коул. – По одной черной жемчужине вместо глазных яблок. Ты не долистала блокнот до той фотографии, где...

– Нет! И слава богу.

Черный жемчуг.

Пальцы схватились за бусы под свитером, и я потеряла их, на ощупь угадывая, какие из них еще оставались черными, а какие уже побелели, отражая те дары, что я успела освоить.

– Да, как эти, – указал Коул на мое ожерелье; за размышлениями я и не заметила, что он смотрит на него. – Такие же черные жемчужины. Красивые, кстати.

– Спасибо. Это мамыны. Сможешь описать мне, что еще видел на местах преступления? Где происходили убийства?

– В домах у жертв, – понизил голос Коул и поднялся, сгребая грязную посуду в раковину. – Сама скоро увидишь. Мы прямо сейчас туда поедem, – и, не обращая внимания на мой позеленевший вид, подбросил в ладони сотовый телефон с одним входящим сообщением на дисплее. – Как только мы въехали в город, со мной связался напарник. Ночью было совершено еще одно убийство. Я проведу тебя туда, и, если повезет, ты заметишь что-то, чего я, как человек, заметить не сумел. Этот свитер очень дорогой?

Обескураженная, я оглядела свой изумрудный кашемир.

– Лучше переоденься, – поморщился он. – Трупный запах надолго въедается в одежду...

А в память – навсегда.

V Могилы ведьм

Я сидела как на иголках. Скоро мне предстояло увидеть изувеченный труп, пускай он и был далеко не первым в моей жизни. Внезапно я нашла разгадку привычке Коула теревить в руках бронзовое зеркало: эти компульсивные движения помогали приструнить ошалевший рассудок. Потакая неврозу, я и сама стучала ногтями по жемчужным бусам, пересчитывая – раз, два, три, четыре... Белая, белая, еще белая. Раз, два...

До заката было еще далеко, но с озера уже дул влажный прохладный ветер, неся пожелтевшие листья. На улице кипела жизнь: мопеды неслись на обгон, горожане меланхолично пили кофе у фонтанов, а дорогу перебежали заспанные студенты. В толпе то и дело мелькали яркие значки с символикой клена.

Спустя десять минут Коул припарковался у многоэтажного здания из красного кирпича, будто сошедшего со страниц викторианского романа: остроконечные шпили и угловатая бордовая крыша. Выпрыгнув из машины, я задрала голову к золотой табличке над входом, гласящей: «Женское общежитие университета Вермонта».

– Только не говори, что убили чью-то соседку-оторву, – взмолилась я. – Это же клише всех фильмов ужасов!

Коул вытащил из багажника кобуру и застегнул ее на поясе.

– Да, и мы в главных ролях, – подхватил он, и если дома выражение его лица оттаивало, пропуская хоть какие-то оттенки эмоциональной палитры, то сейчас он вновь сделался непроницаемым, сосредоточившись на работе. – В основном все жертвы – молодые люди в возрасте до двадцати лет. Чаще подростки или, того хуже, дети, – мрачно добавил Коул.

Я слотнула, припоминая список имен из его блокнота. Мои ладони, спрятанные в карманы штанов, покрылись испариной.

Мы переглянулись у массивных дверей, и я охотно пропустила Гастингса вперед. Внутри светлого просторного коридора возвышалась винтовая лестница, ведущая к спальням, расположенным на пяти этажах. Между спицами хрустальной люстры грациозно порхали бабочки. Я нахмурилась, созерцая полет тропических Морфо Пелеида, которым здесь было не место.

– Кажется, кто-то из студентов прибыл по обмену из Эквадора, – шутиливо заметила я и кивнула вверх, невольно вспоминая, как однажды в нашем домашнем инсектарии одна из таких бабочек опустилась маленькой Эмме на нос и просидела там больше часа.

Нехотя отведя взгляд от прекрасного зрелища, я вдохнула чистый воздух, будто запасаясь им перед тем, как вдохнуть нечто отвратительное и едкое, что выучила уже наизусть.

Смрад запекшейся крови и разложения.

– Скажи, если заметишь еще что-нибудь необычное, – тихо сказал Коул, перескакивая ступеньки, из-за чего я едва поспежала за ним, спотыкаясь.

– Само мое присутствие в женском общежитии уже необычно, – хмыкнула я, озираясь по сторонам. – Я бы сказала, даже противоестественно.

– Чего так? Никогда не хотелось связать свою жизнь с наукой? – поддел меня Коул.

– Когда ты владеешь магией, всякая наука обесценивается на ее фоне, – усмехнулась я и, немного подумав, пожала плечами: – К тому же, если бы я и решила поступать куда-нибудь, моя семья точно бы не позволила жить мне в таких условиях.

– Ты крадешь деньги на пропитание, но происходишь из королевского рода? Что-то тут не вяжется.

– В моей жизни многое не вяжется, – вздохнула я, и, когда мое дыхание окончательно сбилось, мы наконец-то поднялись на нужный этаж.

Бархатные торшеры, расставленные по углам, отбрасывали причудливые тени на деревянные панели и двери комнат. Левое крыло, куда завернул Коул, было перекрыто: он остановился перед желтой лентой и, раскрыв полицейский значок дежурному, кивнул на меня. Нас тут же пропустили. Ступая за черту, отделяющую мир убийц от мира беспечных зевак, я оглянулась на правое крыло. Пустое, оно хранило безмолвие, и ни одна любопытная студентка не показывалась там. Все общежитие будто вымерло. Напуганные до полусмерти в первый же день учебного года, студентки наверняка разбежались, заливая стресс чаем с бергамотом в кафетерии кампуса.

– Хочу предупредить, – шепнул Коул мне на ухо, пока мы шли по бесконечному коридору, где громко переговаривались полицейские, делая заметки в планшетах: – Сэм на редкость гнусный тип.

– А?

Я не успела дожидаться объяснения, как из опечатанной комнаты нам навстречу вылетел жилистый мужчина побитого, злобного вида, порядком старше Коула.

– Хорошо развлекся, Гастингс, пока мы здесь все пахали свехурочно?

– Я брал официальный отгул, – парировал Коул едва слышно. – По СМС.

Сэм свел вместе широкие брови – такие же рыжие, как его короткие волосы, – и посмотрел на меня. Взгляд болотных глаз с краплениями темного янтаря будто был слит из свинца: меня пригвоздило к полу. Сэм молчал, источая почти осязаемую ненависть.

– Ты притащил с собой подружку? – грубо усмехнулся он. – А мы-то всем отделом ставки делали, голубой ты или нет. Это не место для свиданий, болван!

– Она нужна для расследования, – парировал Коул и придумал легенду для меня быстрее, чем я успела отлепить язык от нёба: – Талантливый криминалист из Нового Орлеана. Я ездил именно за ней. Личное поручение шефа.

– Криминалистику нынче в старшей школе проходят? – насмешливо прищурился Сэм. – Ей на вид лет семнадцать.

– Я просто молодо выгляжу. Присмотритесь, – вырвалось у меня, а затем я сделала все, что было в моих силах: подмигнула Сэму и нагло отодвинула его в сторону. – А вы, кстати, красавчик.

Мужчина, вопреки своей враждебности, вдруг зарделся и отступил, замычав нам вслед что-то нечленораздельное.

– И впрямь гнусный, – буркнула я, проскочив мимо него и еще долго боясь оглянуться.

– А ты можешь быть душкой, когда захочешь, – присвистнул Коул. – Не думал, что Сэм из тех, с кем такое прокатывается.

– Сама в шоке, – призналась я. – Похоже, очаровывать мужчин – это и впрямь бонус каждой ведьмы. Не зря на протяжении веков именно женщины вызывались бросать нам солому в костер.

Мы вошли в комнату, и Коул осмотрительно прикрыл дверь, чтобы скрыть от бригады копов мое позеленевшее лицо. Его рука легла мне на плечо, и этот жест не произвел бы такого фурора, если бы я давно не поняла, что прикосновения – табу для человека с синдромом Аспергера. Однако его ладонь, теплая и тяжелая, не спешила исчезать с моего плеча. Внутренний дискомфорт Коула выдавали лишь его дрожащие губы, но, пристально обводя взглядом комнату, он старался не думать об этом и стоически терпел ради меня.

– Харпер Стоун, – сказал он. – Факультет современного искусства. Ей исполнился двадцать один год позавчера.

Всего лишь еще одна заметка в блокноте Коула, но в реальности – зверство, каких я не видела со времен своего пятнадцатилетия, когда, проснувшись и спустившись вниз, нашла всю свою семью растерзанной. И пускай такое не забывается, но и не закаляет тоже. Сейчас я ужаснулась не меньше, чем в тот роковой день. Я попыталась отшатнуться назад, но рука Коула на моем плече не дала мне этого сделать.

Мы оба смотрели на мертвую девушку. С оливковой кожей и пурпурными волосами, она лежала на постели полностью обнаженной. Руки, покрытые запекшимися ранами, были скрещены на животе. А с подушки на нас смотрели две зияющие черные дыры вместо глаз – *смерть*, которую убийца живописно изобразил блаженным сном. Спящая красавица, которая уже никогда не очнется.

Коул вдохнул ртом, проглотив вместе с запахом, которым в комнате пропитался каждый сантиметр, желание что-то сказать. Я почувствовала смрад еще возле желтой ленты при входе в крыло. По мере приближения к спальне он делался плотнее и кислее.

Желудок подпрыгнул к горлу, и пальцы Коула надавили сильнее на мое плечо.

– Дыши через рот, – посоветовал он. – Я открою окно.

Коул отодвинул шторы, впуская свет, который упал на две кровати и арабский ковер. Ступив на него, я восхитилась насыщенным темно-красным цветом, а спустя миг отскочила в сторону, осознав, что лепестки роз на нем – это вовсе не цветочный узор. А пятна крови, скрывшие его настоящий цвет. Кровь здесь была повсюду.

– Может, съездить за твоим рюкзаком? – осторожно предложил Коул. – За картами Таро. Тогда в кафе они ответили на мои вопросы...

– Боюсь, карты здесь не помогут.

Коул пожал плечами, достал ультрафиолетовый фонарик и блокнот и принялся обходить комнату вдоль плинтусов. Я же постаралась собраться с мыслями, как бы упрямо они ни разбегались, подошла ближе к кровати и чуть-чуть наклонилась.

– Тот же почерк, – раздался голос Коула за моей спиной. Он принялся зачитывать с экрана телефона отчет криминалистов, которые побывали здесь до нас: – «Отсутствие первых фаланг пальцев, глазных яблок, языка. Орудие убийства не обнаружено. Черный жемчуг из глазниц изъят для дальнейшей экспертизы». Присмотрись к знакам, Одри. Говори все, что знаешь, даже если не уверена наверняка.

Я кивнула, сглатывая, чтобы удержать свой обед внутри. Коротко дыша ртом, как велел Коул, я присмотрелась.

– Телу уже два дня. Его обнаружил курьер цветов. Харпер вернулась в общежитие раньше всех, – продолжил рассказывать Коул. – За две недели до занятий. Отличница... Хотела провести побольше времени с друзьями в Бёрлингтоне. Сама она из Торонто. На этаже никого не было, когда ее убивали. Мы всех опросили, никто ничего не слышал. Соседка Харпер все еще в Бостоне, и, полагаю, теперь она там и останется.

Треугольник над острыми косточками таза. Еще один треугольник – с линией, горизонтально пересекающей его пополам. И еще два аналогичных, только перевернутых. Фигуры, начерченные лезвием от паха девушки до самого пупка.

– Это четвертое убийство за месяц, Одри. Я должен это остановить... Пожалуйста, помоги мне.

Я стараюсь, Коул. Я так сильно стараюсь!

Но все, чем обернулось мое старание, – это привкусом желчи во рту и неконтролируемой рвотой. Я едва успела добежать до раскрытого окна. Шершавые руки Коула неуверенно придерживали мне волосы.

– Сказал же, дыши через рот, – по-учительски заворчал он, и я сердито стукнула его по груди. – Мы можем уйти, если хочешь. Но я был бы благодарен, если бы ты попробовала снова и...

– Элементы.

– Что?

– У нее, твою мать, символы четырех стихий на животе! Элементы: огонь, воздух, вода и земля. Это что, правда настолько сложно?!

Кровавые узоры мигали перед глазами кошмарным видением, от которого я не могла отделаться, даже крепко зажмурив глаза. Приведя себя в чувство и отдышавшись, я обернулась к Коулу, чей длинный силуэт перекрывал вид на хаос, царящий в спальне.

Открыв блокнот, он сделал пометки.

– Еще?

Я обтерла лицо рукавом и вернулась к кровати. На этот раз мне удалось рассматривать тело Харпер дольше, чем жалкие десять секунд. Вдоль ее рук тянулись зигзаги, а вокруг округлых грудей плясали письмена – неизвестный мне язык, отдаленно напоминающий шумерский.

– Не знаю, – сдалась я. – Больше ничего не узнаю. Разве что, может быть, вот это, – я указала пальцем на полукруг, очерчивающий ее коленную чашечку. – Похожим сигилом ведьмы помечают новорожденных детей, чтобы защитить их от фейри, которые, согласно легендам, крадут из колыбелей младенцев. Но если я и права, то выходит бессмыслица... Этот знак – рождение, а не смерть. Приход нового.

Коул хмурился, но записывал – не знаю, что дельного он мог подчерпнуть из моей бесвязной болтовни. Я склонила голову, меняя угол обзора. пышное облако выпустило из плена солнце, и его луч упал на компьютерный стол, заваленный тетрадами и грязными чайными кружками. Между ними стояла глиняная вазочка, расписанная вручную, откуда торчали семь белых бутонов, тянущихся к окну.

Я шагнула туда и, подвинув стопку учебников по экспрессионизму, поддела ногтями глянецовую листовку.

– «Дикие кошки», – прочла я над изображением футбольной команды и датой прошлого матча. – Похоже, Харпер встречалась с футболистом.

– С чего ты взяла?

– Кто-то же отправлял ей букеты, – сказала я, указав на вторую вазу из хрусталя.

Рядом с ней, прямо на подоконнике, лежал третий букет. Очевидно, тот самый, с которым к Харпер приехал курьер, найдя ее мертвой и кинув цветы сюда.

Все цветочные композиции были составлены со вкусом: лиловые астры с пионами и белые лилии с веточками вербены. Атмосфера ледящего ужаса, поглотившая спальню после убийства, задушила их красоту. В сравнении с ошметками плоти на ковре и изуродованным трупом цветы стали совсем непримечательной деталью, которую было так легко упустить.

Я обвела взглядом каждый цветок.

– Целых три букета...

И все они выглядели свежими, будто сорванными накануне. Странные в своей чрезмерной естественности, роскошные, цветущие... Я подошла к вазе, из которой выглядывала крафтовая обертка, и развернула подарочную открытку. Она, с аккуратной мужской подписью, приветствовала Харпер в Бёрлингтоне после летних каникул. Следующий букет, составленный из хризантем и розовых бусин, подписан не был, но был помят, как если бы Харпер привезла его в машине после свидания. Третий, доставленный сегодня, сопровождало целое письмо. Та же мужская подпись и поздравление с днем рождения, на котором он не смог присутствовать лично из-за приболевшего отца, живущего в Техасе.

– Похоже, она пользовалась популярностью, – озадаченно предположил Коул, пристально следя за мной.

– Все букеты от одного адресата, – покачала головой я. – Майкл Фишер... Он ведь не мог подарить все букеты сразу, верно?

– К чему ты клонишь?

– Все цветы свежие, будто их срезали только утром, хотя лишь один букет из трех был доставлен сегодня.

– Уверен, в Бёрлингтоне можно найти хороших флористов, – пожал Коул плечами. – Или, может, Харпер опрыскивала их удобрениями...

Я недоверчиво нахмурилась и задумчиво погладила пальцами белоснежные лепестки.

– Ты хоть одни живые цветы видел, которые бы не имели никаких признаков увядания, простояв две недели? – спросила я, развернув перед лицом Коула первую открытку. – Прочти. Этот букет Харпер подарили в первый день, как она прилетела из Торонто. Должно быть что-то еще... – И, игнорируя замешательство Коула, я стала бродить по комнате.

«Мама! Все игрушки Джулиана обросли ромашками!»

Я взялась за ручки платяного шкафа и потянула на себя, открывая. Несколько коротких платьев, стопки футболок, полочки с бельем и носками... Ничего примечательного, кроме одного: ворохи змей, кишашие под сложенной одеждой и посыпавшиеся на меня с верхних полок.

Я с визгом отпрыгнула, врезаясь в Коула.

«Рэйчел, помоги! Под моей кроватью змеи! Рэйчел!»

– Что у вас здесь? – крикнул Сэм, врываясь в комнату.

Такого отборного мата мне, пожалуй, не приходилось слышать даже в Детройте.

– Вот же дрянь, – фыркнул Сэм, стряхивая со своего ботинка одну из змей. – Мало того что все здесь кишит пауками, так теперь еще и змеи! Это общежитие точно не проклято? – Плюясь, Сэм снова выругался и попятился к двери. – Эй, Гастингс! Может, проверим на тебе, ядовиты ли они? Возьми их на ручки.

Коул закатил глаза и выставил локоть, не давая мне приблизиться к расползающемуся змеиному вороху. Ничуть не боясь, он только брезгливо морщился, а затем, когда я нагнулась, попытался оттащить меня подальше, уцепясь за рукав свитера.

– Это уж, – вздохнула я, вытянув из вазы цветок с толстым стеблем и поддев им змею, отбросила ее обратно в шкаф. – Их здесь штук десять.

– Я вызову службу, – буркнул Сэм, выходя в коридор, и Коул осторожно переступил шипящий клубок.

– Я люблю животных, – сказал он. – Но змей как-то не очень.

Я посмотрела вслед Сэму и выпрямилась, возвращая цветок в вазу.

– Твой напарник упомянул, что здесь водится много пауков...

– Их тоже не люблю. Лучше бы здесь было много кошек.

Тонкие, как пергамент, крылышки бабочек с лазурными прожилками, порхающих под потолком. Неувядающие цветы, чувствующие себя в душной и темной комнате лучше, чем в руках самого опытного садовника. Пауки, облюбовавшие стены. Змеи, тянущиеся сюда, как в край нагретых камней.

– Знаменья, – поняла я вдруг. – Харпер ведьма.

Коул едва не выронил свой блокнот, а спустя мгновение достал зеркальце. Извернувшись так, чтобы видеть в отражении тело Харпер, он сузил глаза.

– Нет, – решительно опроверг Коул. – Смерть не лишает существ их истинной сути. Я бы увидел...

– Тебе нечего видеть, – сказала я. – Потому что ее магия не успела созреть. Харпер нельзя считать полноценной ведьмой. Каждая из нас переживает своеобразный «переходный возраст», только вместо прыщей мы притягиваем насекомых, животных или растения. Я не раз просыпалась в гусеницах, когда мне было семь. Бр-р!

– Харпер... Как? – Коул поперхнулся. – Ты разве не говорила, что ведьмой нужно родиться?

– Обычно да, – принялась объяснять я. – В норме магия не переходит к мертвым, но, если носители вымирают, магия находит тело, имеющее склонность или интерес к ней. Вот почему инквизиция так и не изжила нас окончательно. Охота на ведьм была обречена на провал с самого начала: мы всегда восстанавливаемся, сколько бы ведьм ни истребили. Если численность стремительно падает и наследственных ведьм не остается, то магия переходит к тем, кто начнет новый ведьмовской род. Это круговорот. Магия вечна. Харпер – одна из тех, кто впитал ее в себя после кого-то.

– Очевидно, это плохие новости для тебя, – пробормотал Коул, окончательно сбитый с толку, судя по тому, как он клацал своим зеркальцем. – Ведьмы вымирают?

Я затихла и посмотрела в окно, откуда виднелось неприступное серо-голубое озеро.

– Ты когда-нибудь слышал про ковен Шамплейн? – шепотом спросила я и, не дожидаясь ответа, который и так был мне известен, продолжила: – Это вымерший ковен. Они жили недалеко отсюда. Ведьм там полегло много – большая потеря для магии. Похоже, ее излишки перекинулись на Бёрлингтон... Наверняка предыдущие жертвы тоже были ведьмами.

Я посмотрела на Коула и попыталась выдать горький оскал за улыбку.

– Поздравляю, детектив, вы сдвинули дело с мертвой точки. Эти убийства совершает кто-то, кто видит этот мир таким же, как и мы, – *настоящим*.

Тишина в комнате трещала, как змеи, которые забились под шкаф. Коул молча взирал на карманное зеркальце и блокнот, а я – на тело Харпер. Порезы в причудливых магических формах, которые уже никогда не затянутся... Багровая корка, засохшая вокруг полуоткрытого рта. Откровенная нагота женственных форм, которые еще недавно можно было бы назвать прелестными, как и саму девушку. Ее рвение к прекрасному обернулось ведьмовством, о котором она, вероятно, даже не подозревала, как не подозревала, что за магию тебя могут зверски казнить. Или же это не казнь, а ритуал? Прав ли Коул? Я все глядела на нее, силясь понять, но что-то ускользало, как одна из тех змей.

Что с тобой сделали, Харпер, и зачем?

Порог комнаты заскрипел, и Коул быстро спрятал блокнот за пазуху.

– Надеюсь, не забыл перерисовать в блокнот свои мифические рисунки, шизик? Мы с ребятами все еще подумываем, чтобы подать жалобу на нашего штатного психиатра. Плохо он тебя тестирует, – Сэм загоготал, высунулся из комнаты и махнул рукой в коридор: – Эй, парни, можете уносить! Наш бравый детектив закончил.

Я смерила Сэма уничижительным взглядом и вдруг заметила, как сильно он уступает Коулу в росте. Впрочем, как и многие другие: чтобы войти в спальню Харпер, Коулу даже пришлось пригнуться.

– После первого убийства я случайно проболтался Сэму, что было бы неплохо сфотографировать знаки на телах жертвы и отправить их на экспертизу... – прошептал Коул мне на ухо, даже не насупившись из-за издевок, которые, судя по всему, были ему привычны. – Откуда мне было знать, что они зачарованы и их вижу только я один? С тех пор несколько человек перестали со мной обедать.

– Не велика потеря, – приободрила Коула я, глядя Сэму вслед. – Теперь тебе есть с кем обедать. Если ты, конечно, согласен эти обеды оплачивать.

Я расценила мычание Коула как согласие и отошла в сторону, пропуская вперед двух крепких мужчин в спецовках и плотных резиновых перчатках. Один из них схватил Харпер за тощие лодыжки, и я поморщилась, сочувствуя их неблагодарной работе.

Вдруг раздался вопль: один из мужчин отдернул покрывало, свернутое в ногах Харпер, и тем самым потревожил упитанную змею, дремлющую под ее босыми ступнями. Это был уже не обыкновенный уж, а клыкастая гадюка. Узнав ее, мужчина испуганно уронил приподнятое тело. Труп Харпер скатился с края постели и, стянув следом за собой простынь, увешанную пауками, опрокинулся на пол.

Ее тело распласталось у моих ног, лицом в арабском ковре, так что моему взору открылась спина. Вдоль нее, до самой шеи, скрытой ядерно-розовыми волосами, тянулся круг. Вырезанный на плоти так глубоко, что в надрезах просвечивали костяные позвонки, он все еще кровоточил, что было физически невозможно.

«Половины должны быть одинаковыми, потому что олицетворяют нас с тобой. Мы такие же одинаковые и неотделимые, верно?»

Ацтекское солнце, увитое зигзагообразными лучами и разделенное на две половины, – татуировка, которую нарисовал для нас Джулиан, теперь красовалась на мертвой девушке, как еще одна ритуальная метка.

Убийство было посвящено мне.

– Одри? Одри! Тебе плохо?

В чувство меня привел голос Коула, неподдельно тревожный и мягкий. Он потряс меня за плечи, но очнулась я лишь тогда, когда двое мужчин, отделившись от гадюки с помощью метлы и прикрыв Харпер белой простыней, вынесли ее из комнаты вместе со знаком, вывернув мою душу наизнанку.

– Ты узнала символ? – догадался Коул, и его лицо, загоревшееся воодушевлением, нависло надо мной. – Одри, узнала или нет?! Это солнце изображено на каждой из жертв... Из него всегда сочится кровь, даже когда трупам уже неделя. Оно знакомо тебе?

– Понятия не имею, что это такое, – отчеканила я не своим голосом, больше напоминающим треск стекла. – Отвези меня домой.

Коул выпрямился и поджал губы.

– Не могу. Мне нужно поехать в участок, переговорить с боссом и...

– Эй, Сэм, подбросишь меня?

Моя просьба поставила его в тупик. Сэм, занятый разбором документов на планшете, вздернул подбородок и фыркнул.

– С какого перепугу?

– Он подбросит, – согласился за него Коул, бросив на Сэма красноречивый взгляд, и снова повернулся ко мне. Его ладонь опустилась мне на плечо, пытаясь помочь справиться со страхом, как он уже пытался. Но в этот раз у него ничего не вышло. – Вот ключи от квартиры. Может, в дороге еще что-нибудь вспомнишь. Ты точно в норме? Наверно, это была плохая идея – тащить тебя сюда в первый же день...

– Увидимся вечером, – перебила я, не дослушав, и сжала в заледеневшей ладони металлические ключи с такой же ракушкой, как и на ключах от джипа. Быстро пройдя мимо Сэма, я пронеслась по коридору, едва не порвав желтую ленту. Ноги дрожали и подгибались.

Вот зачем я здесь. Бёрлингтон... Убийства – моя вина?

Я не заметила, как именно оказалась на улице, а спустя пару секунд – в серебристом «Форде», явно выдавшим и лучшие времена. Запах, стоящий в машине, соответствовал склочному характеру ее владельца – солодовый парфюм, ирландский кофе с бурбоном и табак. Сделав на ходу пару затяжек и раздавив тлеющий окурочок ботинком, Сэм уселся за руль. Не говоря друг другу ни слова, мы выехали с территории университета. Я отвернулась, не в силах выносить вид отдаляющегося общежития из красного кирпича, которое так быстро поставило точку в еще одном моем путешествии.

Я не хочу этого.

– Ты ведь никакой не криминалист, да?

Я повернула голову, устало глядя на Сэма. Достав из бардачка пачку сигарет и закурив, он приоткрыл окно и выпустил изо рта облако дыма.

– Ты хоть из Нового Орлеана?

Я не ответила, да это было и неважно: у Сэма поистине детективное чутье. Он уже знал, что прав, и переспорить его мне бы не удалось. Поэтому я только глубоко вздохнула и прислонилась лбом к стеклу, чувствуя жар – вернувшаяся простуда или страх? Не различить.

Оставив радио выключенным, Сэм наслаждался звуками оживленных улиц, впуская внутрь аромат уличной еды и фруктов с центрального рынка, мимо которого мы ехали. Я бросила взгляд на руль, поверх которого лежали его руки. Даже манера вождения, быстрая и шальная, выдавала своенравность Сэма. Напористый и шероховатый, как его ладони, покрытые мозолями от тренировок. Прямые солнечные лучи, которые шторы в спальне Харпер не пропускали, теперь позволяли мне рассмотреть его во всей красе. Сломанный нос, тонкий шрам поперек губы. Интересно, сколько раз этому парню расшибали лицо только за то, что он не в состоянии держать язык за зубами? Каноничный плохой коп в кожаной куртке, кроссовках и старых джинсах, с наплечной кобурой, откуда вместе с пистолетом «Глок» выглядывал значок лейтенанта.

Это было бы сексуально, если бы так сильно не выводило из себя.

– Почему вы с Коулом не ладите? – спросила я, чтобы скоротать те десять минут, что оставалось ехать до дома, и чтобы отвлечься от нависшего надо мной ужаса.

Сэм поскреб пальцами многодневную щетину.

– А почему мы должны ладить?

– Вы напарники.

– Это приказ начальства. Будь моя воля, я бы работал один.

– Почему?

– Потому что большинство людей, включая меня, – говнюки, мисс почемучка, – огрызнулся он, но не так сердито, как пытался.

Я почти улыбнулась.

– Давно Коул работает у вас?

– Года три-четыре. Как выпустился из академии, так сразу же перевелся сюда из Северной Каролины. Он что, сам тебе ничего не рассказывает? Странно – встречаться с парнем и ничего не знать о нем, не находишь?

– Мы с Коулом просто друзья, – ответила я и отвернулась, но, к несчастью, успела заметить в глазах Сэма романтический интерес.

Я скривилась от одной лишь мысли об этом.

– Значит, он все-таки голубой, – усмехнулся Сэм, выворачивая руль вправо. – Знаешь, мне плевать, что ты забыла на месте преступления и откуда появилась в Бёрлингтоне. Главное,

не мешайся под ногами, идет? Если Коул считает, что ты можешь нам как-то помочь... Что же, я, конечно, атеист, но от чудес Господних бы не отказался. Лишь бы это дерьмо наконец закончилось.

Шины заскрипели, и машина остановилась у знакомого подъезда. Сэм повел бровью, явно сдерживаясь, чтобы не выбросить меня на обочину. Я отстегнула ремень безопасности и замялась.

– Подожди пять минут.

– Что? – Сэм разразился гомерическим хохотом. – Я тебе не таксист, куколка! Уговор был подбросить тебя до дома Коула...

– Мне нужно только забрать свои вещи, а потом я возвращаюсь обратно в Новый Орлеан. Тут совсем недалеко...

– До Нового Орлеана-то?!

– Нет, до Шелберна. Тут совсем близко. Оттуда я сама поеду.

– Автобусный проездной тебе в руки, – отмахнулся он. – Я никуда не...

– Прошу тебя, Сэм! – И, вылетев из машины, я громко воскликнула, не оглядываясь: – Я быстро, обещаю!

Рассчитывать, что, вернувшись, я застану серебристый «Форд» на месте, было глупо, но что-то подсказывало мне, Сэм никуда не уедет. Саркастичный грубиян, он ничуть не располагал к себе, но даже брань, донесшаяся мне в спину, не отбила у меня уверенности, что я ему понравилась.

Трясущимися руками открыв дверь в квартиру, я влетела внутрь, едва не снеся приветливо мурлыкающего Штруделя. Сборы действительно заняли пять минут: мокрые вещи, выгащенные слипшимся комом из стиральной машины; пара снеков в дорогу, вода, моя скрипка и самое главное...

Прости меня, Коул. Прости, прости, прости!

Я вытряхнула из его джинсов двести долларов, а в шкафу рядом с детскими фотографиями нашла еще сорок. Этого было мало, но лучше, чем ничего. Я сгребла все подчистую, беспощадно и бесстыдно.

Задержавшись у неприбранного обеденного стола, я все-таки вывернула кожаный мешочек с костяными рунами.

– Следующий город, – приказала я им. – Срочно!

Руны посыпались одна за другой. Опасаясь увидеть в сложившейся вязи Бёрлингтон, я думала, что ответа хуже выдать они уже не могут, но ошибалась.

«Коул Гастингс».

– Что?.. Нет! Это совсем не смешно!

Я смахнула руны на пол, но они не изменили своего значения, упав тем же строем.

– Коул Гастингс... – повторила я эхом и затрясла головой. – Я схожу с ума? Вы не... Я не могу остаться с ним! Солнце... Джулиан! Я не хочу больше находиться здесь, слышите?!

«Коул Гастингс».

Коул, Коул, Коул...

Швыряя кубики и пытаюсь добиться от них чего-то другого, я задыхалась от подступающей истерики, пока одна из брошенных костей вдруг не прилетела мне в лоб.

– Ауч!

Зажмурившись, я потеряла ушибленное место и увидела лишь, как кубики, всколыхнувшись, разлетелись в разные стороны. Я ползала по полу еще несколько минут, складывая их обратно, чтобы подкинуть в последний раз и вдруг обнаружить, что моя настырность лишила руны их силы.

Рассыпавшись на кухонном столе, они больше не складывались ни в одну внятную вязь – просто набор букв, не имеющий смысла.

– Чудесно, – буркнула я себе под нос, завязывая мешочек и возвращая в рюкзак. – Я сломала фамильные кости. Ну и черт с вами! Разберусь по дороге. Сама!

Трусиха. Лгунья. Предательница. Смириться с клеймом воровки – дело несложное, но растаптывать чувства того, кто впервые за столько лет дал мне надежду и крышу над головой, было жестоко даже для меня. Я не настолько плохой человек... Но мелькающие за окнами «Форда» пейзажи полей, все больше удаляющих меня от Бёрлингтона, убеждали в обратном.

– Мне все еще глубоко плевать на тебя, но... – вдруг заговорил Сэм, облокотившись о руль и развернувшись ко мне всем корпусом, когда остановился на автостраде у вывески Шелберна, как я и просила. – У тебя что-то стряслось?

– Не выдумывай, – ответила я равнодушно, уже выставляя одну ногу из машины.

– Здесь же ничего нет, – недоверчиво заметил Сэм, озираясь. – Мы даже до города не доехали. Тут только лес, фермерские поля и...

– Спасибо, что подвез.

Сэм затих, наблюдая, как я перетаскиваю с заднего сиденья свои вещи. Заметив у него под сиденьем бумажный пакет с несколькими бутылками глинтвейна, я пригрела одну за пазухой, воспользовавшись моментом.

Очень скоро шумная автострада скрылась за одним из холмов, который я обогнула, двигаясь по наитию, как рыба по давно знакомому течению. Невидимая нить вела меня туда, где можно утолить печаль так же, как жажду. Озеро Шамплейн тянулось где-то вдаль, и, пускай видно его еще не было, я ощущала его прохладу на кончиках пальцев. Это придавало мне сил, не позволяя останавливаться даже из-за мысли: «Ты направляешься туда, где все началось. Ты ведь клялась никогда больше не ходить туда!»

С непоколебимой и ничем не объяснимой уверенностью, что лишь там с моей души спадет тяжкое бремя и все прояснится, я сбежала вниз по склону к заброшенному причалу. Отсюда было рукой подать до родового гнезда. Его стены бы точно исцелили меня, измотанную от нескончаемых путешествий, но здравый смысл еще не настолько покинул меня. Добровольно прийти в место утраты всего, что когда-либо было для меня дорого, казалось таким же самоубийством, как и дальше оставаться в Бёрлингтоне.

Однако причал и встреча со старым другом – не такой уж это и риск.

Скинув рюкзак и рухнув на поваленное дерево, которое принесло в бухту, я откупила заколкой бутылку глинтвейна.

Уединение на берегу Шамплейн остудило мой пыл не хуже пары глотков из бутылки. Корица, кардамон, гвоздика и апельсиновая цедра – алкоголь обжег с непривычки, и я скривилась, но выпила еще. Раньше утешением для меня становились драгоценные побрякушки, а не выпивка, но сегодня был особый случай. Решиться на то, что я собиралась сделать, трезвой было попросту невозможно.

Я достала мятую салфетку из чикагской пиццерии и исписала ее тем языком, названия которому на свете не было. Закончив, я сложила салфетку в форме самолетика, вспрыгнула на обломок пирса и запустила самолетик в воздух. Он отправился в полет, подхваченный порывом ветра, а затем спикировал в воды Шамплейн.

И ничего не произошло.

Я уселась обратно на дерево и принялась ждать. Бутылка глинтвейна почти опустела, когда туман вдруг за клубился над гладью, похожий на сахарную вату. Гладь Шамплейн скрылась под ним, а затем озеро явило миру нечто поистине прекрасное.

Нимуэ мерцала, залитая янтарем уходящего солнца. Внутри ее тела, сотканного из алмазных волн, резвились маленькие разноцветные рыбки. Она поправила на голове веночек, сплетенный из водорослей и полевых цветов, а затем вытянулась, приобретая человеческую форму. Почему все божества, бахвалясь своим превосходством, так ревностно стремятся походить на слабых людей?

– Верховная! – пропела Нимуэ, точно перезвон колокольчиков, и присела в изящном реверансе. Я ответила ей тем же, неуклюже роняя бутылку. – Я узнала твой почерк. Благие времена несут благие вести!

– Не совсем благие, – неохотно огорчила я духа – защитника ковена, и Нимуэ вмиг потускнела от грусти, перестав сиять. – Джулиан еще не повержен. Я просто... оказалась в Бёрлингтоне проездом и вдруг поняла, что не могу уехать, не повидавшись. Кажется, в последний раз мы виделись, когда я приходила сюда вместе с мамой...

Нимуэ поджала губы. Туман над озером сгустился.

– Ох, значит, моя служба не окончена, – скривила она лицо, прекрасное в той же мере, в какой и отталкивающее. – Бездомные в поисках пристанища без конца бредут сюда, как мотыльки на свет... Хранить твоего гнезда неприкосновенность весело, но вот с последним экземпляром я намучилась. Настырный, он никак не хотел пугаться, все рыская и рыская здесь в поисках того, чего не заслужил! Никто еще не заходил так далеко, но не тревожься, у меня и с ним все получилось.

– Я признательна тебе за защиту дома, Нимуэ, – мягко сказала я. – Без тебя бы особняк давно снесли или разобрали по кусочкам.

– Цены мне нет, это сомнений не потерпит, – расплылась она в самодовольстве, которым никто не славился так, как обитатели воды. – Но неужели ты сюда явилась лишь из тоски по мне? Зачем ты призвала меня на самом деле?

– Я не знаю. Наверно, за поддержкой... А возможно, я пришла за долгожданной расплатой.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Они вырвались раньше, чем я успела их осознать. Направляясь сюда, я и впрямь допускала мысль, что поблизости может разгуливать мой безумный брат. Встретись мы снова, я бы уже не побежала. Я хотела, чтобы все закончилось.

– Ты устала, – догадалась Нимуэ, подплывая ближе, и юбка из водяных щупалец и желтых листьев колыхалась, скрывая отсутствие ног. – Устала от бегства, а не от борьбы. Ты не боролась ни дня своей жизни, а уже хочешь сдатьсь!

– Да, ты права. Но я больше не могу так жить, Нимуэ! Сегодня я поняла, что есть вещи гораздо страшнее Джулиана.

– Или ты просто опьянела, – усмехнулась она снисходительно, и взгляд светящихся глаз без зрачков остановился на пустой бутылке. – Так ты пришла сюда, чтобы попрощаться с жизнью? Увы, но жнеца здесь нет. Джулиана не было на берегах Шамплейн ровно столько же, сколько и тебя, моя Верховная.

– Как?

Нимуэ склонила голову вбок и отвлеклась на одинокий пирс из гниющих бревен. От одного ее задумчивого взора мох и водоросли, обвивающие сваи, стали крепнуть и расти.

– Джулиан не приходил к моим водам с тех самых пор, как пришел за Книгой и унес жизнь твоей атташе Рэйчел. Ты можешь хоть сейчас вернуться домой – в его стенах тебе ничего не грозит. Разве что отголоски прошлого, которое моя Верховная предпочла забыть, как и свою природу.

Я рухнула обратно на спиленный ствол, озадаченная.

– Значит, это делает не Джулиан... Ты знаешь, что творится в Бёрлингтоне? – спросила я, пока Нимуэ хихикала и шипела, как морская пена, играясь с рыбками внутри своих запястий. – Уже несколько новоодаренных ведьм погибли. На их телах знаки... Один из них принадлежит Джулиану. Только он мог нарисовать его.

– Джулиана здесь нет, – повторила Нимуэ вкрадчиво, и само озеро затрещало, как и ее терпение. – И я не ведаю о делах земных существ! Прошу, Верховная, не утомляй меня их бременем.

Я вынужденно кивнула, поднимая взор к потемневшему небу, которому было не до человеческих тягот точно так же, как и Нимуэ. На нем уже проступали звезды, тепло укутанные покрывалом из пушистых облаков.

– Еще вопрос, – снова решила попытать удачу я, кусая губы. – Ты знакома с костяными рунами моей матери?

– Виви? – переспросила Нимуэ, вдруг затихнув и сделавшись матовой, как запотевшее стекло. – Виви... Да, и доселе не родилось ведьмы, что была бы искуснее твоей матери в рунической магии. Те кости, что ты носишь, она собственноручно выточила из останков с моего дна.

– Они могут указывать на людей? Называть имена, а не места...

– Подталкивать тебя к тем, в ком ты нуждаешься? – Нимуэ присмотрелась ко мне. – Разумеется.

– А сломаться они могут? – поинтересовалась я невзначай и внезапно увидела, что Нимуэ, оказывается, отликает не только бирюзовыми и синими цветами, но и красными.

Очевидно, этот цвет не предвещал для меня ничего хорошего.

– Верховная Одри, ты злишь духов, когда не внемлешь им! Могу понять... Нрав твой строптив и невыносим, так что советую найти того, кто рунам подошел. То, должно быть, безумный человек, – Нимуэ вытянула руку и указала тонким, прозрачным пальцем мне на голову. – Прелестная шляпка. Обвита жемчугом, так похожим на мои слезы... Которые, к слову, все еще черны, как зеницы Талиесина в моменты предсказаний².

Я опустила глаза на ожерелье на своей шее: каждая жемчужина много столетий назад скатилась по щекам Владычицы Озера³ в благодарность за спасение из Британии, где магия вырождалась, нуждаясь в новом доме. Мой ковен даровал его и ей, и себе – *Шамплейн*.

– О великий Мерлин... Столько лет прошло, а ты еще незряча! Да что там... Ты не хочешь прозревать, – прошептала Нимуэ горько. – Три дара из восьми... И не стремишься к большему! Что сказала бы на это Виви?! Ты не собираешься ковен возродить?

– Не знаю, – сказала я то же, что, кажется, твердила всем постоянно. – Это просто...

– Трусость, – отрезала Нимуэ, круша мое самолюбие. – Ты сказала, что не боишься умирать, так не лучше ли смерть принять, все-таки пытаешься? – Нимуэ странно улыбнулась, и уголки рта ее разошлись шире, чем положено у человека, открывая по-настоящему жуткую картину. Я поежилась, утыкаясь носом в воротник пальто – карамель, чай, пудра... Одежда пахла Коулом.

– Нимуэ... Есть еще кое-что. Я плохо поступила с тем, кто был готов мне помочь.

– Если он и впрямь был готов помочь, то поможет и сейчас. Ты ведь знаешь, как просить прощения? Тем более, если то юноша – это проблема лишь трех слов: «Ох, ты так хорош! Ты так хорош...»

Я невольно хохотнула.

– О да, это прокатывает с любим из них!

Найти язык с самой хранительницей Экскалибура, повидавшей десятки королей и великих колдунов (при этом сгубив почти каждого из них своей одержимой любовью, включая самого Мерлина), – было таинством, редчайшим благословением, и ничто не смело его нарушить... Но нарушило.

Нимуэ едва не распалась на брызги, взвизгнув от заигравшей музыки, как морская сирена. Я дернулась, оглушенная пронзительной мелодией, доносящейся откуда-то из... Меня?

– Чудеса! У тебя в кармане горн? – замороженно прошептала она, потянувшись к источнику звука – моему вибрирующему пальто, сквозь ткань которого просвечивал голубой свет.

² Талиесин – бард старой Британии, сын ведьмы и колдун, предсказывающий будущее.

³ Владычица Озера (она же Нимуэ) – персонаж из цикла легенд о короле Артуре.

Я сунула руку в дрожащий карман и ощупала угловатые грани смартфона. На дисплее крупными буквами светилось имя – *Сэм Дрейк*.

Я уставилась на телефон, который до этого никогда не видела и который уж точно мне не принадлежал. Пришлось терпеть свист заводской мелодии, пока имя на дисплее не погасло и не сменилось на уведомление о сообщении, остановленном на автоответчик. Предчувствуя неладное, я все равно не устояла перед соблазном и ткнула пальцем в зеленую кнопку.

– Эй, Гастингс, – раздался прокуренный голос на записи, заглушаемый шумом осеннего ветра. Вероятно, Сэм ехал в своем «Форде» с настежь открытыми окнами. – Не уверен, что мне есть до этого дело, но... Тут твоя ненаглядная криминалистка совсем одурела и потребовала увезти ее из города, если ты вдруг не в курсе событий. Драпанула в какую-то глушь на шестой автостраде под Шелберном. Короче, ты торчишь мне двадцатку за бензин.

Голос замолк, и вместо него открылось главное меню. Телефон Коула, который появился в моем кармане в такой момент, работал исправно и изредка мигал непонятной эмблемой рядом с датчиком батареи. Открыв последнее приложение, я широко распахнула глаза и выругалась.

Карта с включенной геолокацией отслеживала мой маршрут все это время, а над точкой у берега Шамплейн, которой была я, высвечивалась еще одна – другое устройство, подключенное к приложению параллельно. Кто-то стремительно приближался, и было не сложно догадаться, кто именно.

– Черт, – я сжала в руке телефон, превращенный Коулом в орудие слежки и, судя по всему, подброшенный мне в карман незадолго до моего бегства с места преступления. – Иногда я забываю, что связалась с настоящим детективом.

Нимуэ всколыхнулась, всем своим видом требуя подробностей.

– Коул Гастингс, – озвучила я, вздыхая. – Это имя подсказали мне руны. Слышала что-нибудь о нем? Может, на лодках переговаривались или сам Коул здесь плавал...

Незримое полотно между нами, сотканное из магии и разделяющее два мироздания, вдруг дало брешь от потрясения.

– Коул, – эхом повторила Нимуэ, и гладь ее тела пошла взволнованной рябью. А затем она прокричала его имя чужим голосом, женским и срывающимся, и я испуганно вздрогнула: – *«Где ты, милый?.. Коул! Коул!»* Ох, я так завидовала его матери... Мальчик с кудрявыми волосами цвета цихлид и глазами, как песок из моих глубин. До чего прелестное дитя! Краше младенца Ланселота⁴.

Грудную клетку сперло, и мне, казалось, потребовалась целая вечность, чтобы снова вдохнуть. Описание соответствовало в точности, и сомнений не оставалось.

– Вы уже встречались? – уточнила я, но Нимуэ не слушала меня, резвясь на самом краю берега в меланхоличной ностальгии.

– Красные башмачки. Они утонули первыми. Я позвала его к себе на ручки, и он пошел, доверчивый малыш, – заулыбалась она, обнажая острые, пираньи зубы, прежде скрытые под топазными губами. – Отец нырял за ним снова и снова, а мать сильно плакала, но я не отдала. Слишком красивые дети не должны жить на суше... На суше истинная красота не способна выжить. С годами мальчики портятся, как цветы, – она кивнула на свой увядающий венчик, сняв его с головы. – Мужество уродует их. Интересно, он тоже стал уродлив?

– Нет, он весьма красив, – пробормотала я и замотала головой, поймав хитрую ухмылку Нимуэ. – Но это не значит, что надо снова пытаться утащить его под воду!

Нимуэ хихикнула.

– Ты влюблена.

– Да мы познакомились всего два дня назад...

⁴ Ланселот – рыцарь Круглого стола, похищенный в младенчестве Владычицей Озера и воспитанный ею.

– Бедняжка, – цокнула она языком. – Мне не нужны мужчины, нет. Они сотнями тонут здесь, куда мне их девать? Глупые, как стадные барашки! Не мудрено, что колдовское могущество – почти всегда прерогатива женская. Нет, мне не нужны мужчины! Я хочу иметь дитя... Идеальное, как тот мальчик в красных башмачках.

– Тогда почему ты отпустила его? Раз Коул был твоим идеальным ребенком...

Нимуэ помрачнела, уплотнилась, перестав пропускать сквозь себя свет.

– Я и не отпускала. У меня его отняли.

– Кто?

Нимуэ подняла руки, и озеро всколыхнулось ей навстречу, проводя водяную дорожку вдоль берега, по которой она могла прогуливаться, пока мы говорили.

– Виви, – ответила Нимуэ, обходя меня по кругу и изредка наклоняясь за мелкими камешками, разбросанными по песку. В ее руках они меняли цвет, мерцая. – Твоя мать умела убеждать, когда хотела защитить. Она уговорила меня вернуть мальчика родителям. До сих пор не могу простить себе, что согласилась. Я так и не нашла никого красивее... У меня могло быть самое прекрасное дитя на свете!

Связь. Она была везде: между прошлым, настоящим и будущим. Она оплетала события тонкой невзрачной паутиной, проложив между ними дорогу из золотого кирпича, по которой мне нужно было просто идти. Насколько же слепой нужно быть, чтобы так долго этого не замечать?

Новый Орлеан. Упрямец рун. Сиэтл, быстро сменившийся на Бёрлингтон. Жертвы, убитые тем, кто знал Джулиана или мыслит, как он. Моя мать, спасшая жизнь Коулу Гастингсу, который теперь мог спасти меня, – мы могли бы спасти друг друга, и для этого было обязательно становиться Верховной ведьмой. Нет... Для этого нужно было всего-то довериться, открыться и попросить.

Прошло больше трех лет с тех пор, как мне доводилось говорить с кем-либо о матери в последний раз, и сейчас это было больно почти физически. Но еще больнее было слышать хрустящую гальку под размашистыми шагами, ступающими той же тропой с автострады, которой шла я. Нимуэ выглянула из-за моего плеча, любуясь длинным, высоким силуэтом, пересекающим холм с мигающим устройством в руках.

Связь, которая, наконец, склеила швы моего растерзанного мира, – осталось лишь дождаться, когда они заживут.

– Спроси Коула Гастингса, почему он никогда не плавает в моем озере, – сказала Нимуэ напоследок, подхваченная приливом и улыбающаяся во весь свой хищный рот. – Однажды, когда ковен возродится, ты снова призовешь меня и расскажешь, помнит ли он нашу с ним встречу или считает, что просто оступился тогда на мосту.

Я кивнула, не глядя, а Коул все приближался, сливаясь со сгущающимся сумраком ночи. Отчего-то мне стало душно и жарко, хотя воздуха на берегу было предостаточно. Я оттянула шелковый шарф, выжидая, когда Коул подойдет достаточно близко, чтобы заговорить с ним.

Бежевая куртка. Всклоченные волосы. Спокойное лицо... Пылающий тигринный взгляд.

За спиной послышалось прощальное бульканье водоворота. Я обернулась, чтобы убедиться, что осталась одна, но Нимуэ все еще была здесь, явно передумав исчезать. Высунувшись навстречу Коулу, резко затормозившему посреди склона при виде призрачной фигуры, она замурыкала:

– Одри, да он все еще невинный! Пусть отнюдь и не дитя, но, может...

– Даже не думай, – шикнула я строго.

– Тогда отдай мне свою шляпку. Я заберу или ее, или его. Выбирай.

Нимуэ улыбнулась с хитрым прищуром, и я вдруг поняла, что просто так она не отстанет. Жадная и непредсказуемая, как любое языческое божество, все это время она, оказывается,

любовалась моей жемчужной шляпкой и гадала, как же ее заполучить. И, к сожалению, придумала.

Скрепя сердце я покорно стянула с головы обожаемую шляпку. Ветер тут же подхватил ее и понес по воде к новой владелице, словно игрушечную фрисби.

Нимуэ довольно заурчала, ныряя под воду вместе с моим драгоценным аксессуаром, унося его на дно озера, как и все, что когда-либо приходилось ей по вкусу.

Подавив вздох, я обернулась. Оправившись от увиденного, Коул наконец подошел, и я приготовилась к допросу, но вместо этого он только сухо изрек:

– Верни телефон.

Меня будто ударили под дых. Потерянная, я тут же позабыла все заготовленные извинения и, сунув руку в карман, протянула Коулу его смартфон.

Выхватив его у меня, Коул одним нажатием выключил геолокацию.

Мы стояли молча, взирая друг на друга на расстоянии вытянутой руки: Коул смотрел отрешенно и безучастно, а я – пристыженно и жалобно. Впервые в своей никчемной жизни.

– Понятия не имею, зачем сделал это, – заговорил Коул спустя время, по-прежнему держа смартфон в ладони. – Зачем подбросил его тебе. И так было понятно, что ты сбежишь при первой же возможности, но... Наверно, мне просто надо было удостовериться.

– В чем?

– В том, что для детектива полиции я слишком погано разбираюсь в людях.

– Мне жаль, – это было все, что я смогла из себя выдать, мучась прежде неведомым мне чувством, очень похожим на раскаяние. – Прости меня.

– Удачи тебе, – бросил Коул, разворачиваясь и спеша к холму.

– Коул!

В горле встал ком. Он перегородил путь глупым оправданиям. Я судорожно соображала, пока Коул поднимался все выше, грозя вот-вот окончательно скрыться из вида.

– Хотя нет, знаешь... – он вдруг замер и, простояв так несколько секунд, вернулся назад, отчего я испытала такое сильное облегчение, что чуть не упала. – Я все-таки хочу выслушать хоть какое-то объяснение перед тем, как уеду и вычеркну тебя из своей памяти. Я готов к исповеди. Ну? Ты вроде бы собиралась мне что-то сказать... Или показалось?

В чернильной глубине озера сверкнула женская улыбка из шипастых клыков.

Связь, которой надо было довериться.

– Проще один раз показать, – шепнула я. – Идем за мной.

Связь, которая открыла вечно сокрытое.

Спустя пятнадцать минут мы были на месте. Я бежала по берегу, опасаясь, что, если буду медлить, Коул передумает и уйдет. Всю дорогу он хмуро следил за мной исподлобья. Слышать тишину, находясь рядом с ним, всегда таким болтливым, было дико. Ускорив шаг, когда впереди зарябил высокий лес, я поманила его рукой, и он смиренно пошел, но, судя по проступившим желвакам, едва удержался от замечания.

– Там безопасно, – пообещала я, пригибая ветви. – Мы не заблудимся. Это и не... В общем, просто не отставай.

Я бы взяла Коула за руку, если бы только могла – если бы он мог. Не чтобы приободрить его, а чтобы приободрить себя: отодвинув в сторону нужную ветвь и развеяв мираж леса, которого здесь не было вовсе, я едва могла дышать, представ перед фасадом родного дома.

– Ковен Шамплейн, – прошептала я, остановившись перед массивными дверьми, пока Коул исследовал мраморное крыльцо. – Когда-то здесь жило семейство, основавшее его. Восемь детей и мать. Остальные ведьмы жили на пути в Шелберн. Ты, возможно, проезжал мимо... Их дома распродали и перестроили, но поместье осталось нетронутым. Зайдем внутрь?

– По-моему, это плохая идея, – промычал он нерешительно, разглядывая трехэтажный особняк из белого камня, подпертый колоннами и обвитый красным плющом. – К тому же дом заперт...

– Нет, не заперт.

Я приложила ладонь к позолоченной двери с мозаикой в виде полумесяца, и механизм щелкнул, приветствуя хозяйку. Коул пропустил меня, не спеша идти следом, пока в непроглядном мраке холла я не достигла широкой лестницы и не погладила перила.

– *Esperto*.

Дом заскрипел и ожил. Коул отшатнулся, когда стихийный вихрь, пахнувший озоном, словно гроза, откликнулся на мой призыв и смел пыль у него из-под ног. Электричество мигнуло, зажигая увесистую хрустальную люстру. Вихрь добрался и до камина на кухне – огонь вспыхнул, и домашний очаг ковена пробудился.

Я посмотрела на Коула, который за все время не задал ни одного вопроса, что было на него не похоже. Внимательно осматриваясь, он игрался со своим зеркалом, не в силах совладать с нервами, хоть и старался не показывать этого.

– Истребление ковена Шамплейн потрясло весь магический мир, – начала я. – В последний раз настолько масштабный геноцид колдунов случался лишь в Средние века, но даже тогда он не был столь ужасен, как этот. Потому что не может быть ничего страшнее, чем когда ведьм убивает ведьма... Ковен Шамплейн уничтожил один из детей Верховной, истребив все фамильное древо за одну ночь. На тот момент ему было всего пятнадцать лет.

Коул перестал тыкать пальцем в картину с изображением королевы Елизаветы, и ее рама со скрипом накренилась, падая с петель, но Коул вздрогнул вовсе не от грохота.

– Целый ковен убил подросток?!

– Джулиан всегда был крайне одаренным колдуном, но, вероятно, кто-то помогал ему, – выдавила я, проглотив слюну, сделавшуюся вязкой и обжигающей. – Вот здесь, – я обвела рукой раздвоенную лестницу, уходящую вверх к стеклянному куполу оранжереи на крыше. – Семнадцатилетнюю сестру Дебору он повесил на ремне за перила, а старшего брата Маркуса заколол ножом. Вся кухня была в крови... Наверно, и сейчас в крови.

– Одри... – попытался прервать меня Коул, но я замотала головой, понимая, что если замолчу сейчас, то уже не смогу заговорить об этом никогда.

– Чейза, которому на тот момент было двенадцать, он пырнул девять раз в подвале, где тот играл с железной дорогой вместе с Эммой, младше его на год. Эмму, кстати, нашли позже в саду со вспоротым животом. Платье на ней было порвано. Видно, бежала через розы.

– Одри, остановись...

Я пронеслась мимо Коула вверх по лестнице, подгоняемая бурлящим в крови вином, и услышала, как Гастингс догоняет меня. Но я не пыталась скрыться. Я просто хотела показать... И указала ему на распахнутые двери спален: из каждой веяло своим неповторимым духом. Все они были расписаны и обставлены в разных стилях и цветах, но всех их объединяло одно – необитаемость. Покрывала в некоторых до сих пор были испачканы смертоносным багрянцем.

– Семилетняя Хлоя спала у себя, поэтому ей он подарил самую милосердную смерть – просто задушил во сне подушкой, – выпалила я, не замечая того, как Коул впервые коснулся моей руки, пытаясь схватить за запястье и удержать на месте. – Кабинет с алтарем Верховной находится на чердаке. Она умерла за два года до всего этого, потому кабинет всегда был заперт, но маленький Ноа разучил отпирающее заклятие и часто забирался под стол поиграть с машинкой. Джулиан убил его последним... Приложил виском об угол. Ноа было пять лет.

Коул сжал губы, стоя на лестнице, пока я поворачивалась от одного крыла дома к другому. Невзирая на свои габариты и помпезность, дом дышал уютом: расписанные детьми обои с узорами из ласточек и игривых тушканчиков; самодельные статуэтки из глины; картины, среди которых были как столетние реликвии, так и детские каракули. Даже игрушки остались разбросанными по ковру, забытые на множество лет, – ничего здесь не изменилось с той ночи, когда Рэйчел нашла меня рыдающей в чулане и сумела вытащить нас отсюда.

Почувствовав, что продолжения рассказа и путешествия по дому не осилю, я обошла Коула и спустилась вниз, стараясь не спотыкаться. Оба мы, ступая бесшумно, вернулись в главный зал и остановились под люстрой.

Связь, которая обрекла нас обоих.

Коул уже знал, что я собираюсь сказать. Вдруг утратив всякую сдержанность и хладнокровие, он посмотрел на меня так, что слезы, всегда кажущиеся мне непростительной слабостью, увлажнили глаза, а следом – щеки, подбородок и губы. Сострадание, жалость, милосердие – я не хотела видеть этого в глазах Коула... И не видела. Вместо этого я вдруг встретила то, с чем не сталкивалась никогда раньше, по крайней мере в первоначальной форме, а не извращенной – *нежность*.

Так выглядела та самая связь, расставившая все по своим местам.

– Меня зовут Одри Дефо, – произнесла я дрожащим голосом, пытаясь не зажмуриться и не замолкнуть в самый неподходящий момент. – Я – Верховная ведьма ковена Шамплейн, который истребил мой брат-близнец. Если... Если я овладею всеми восемью дарами, о которых я рассказывала тебе по дороге в Бёрлингтон, то смогу возродить ковен и помочь тебе защитить город. Ты был не прав, – я всхлипнула и заглянула ему в лицо, с удивлением обнаружив, что с момента нашего знакомства Коул Гастингс впервые смотрит мне прямо в глаза, смело и откровенно. – Это не ты должен просить меня остаться, а я тебя, потому что одна я не справлюсь. Если ты дашь мне еще один шанс, я клянусь всегда быть честной с тобой и буду пом... Буду...

Голос сорвался, и я непристойно выругалась, проклиная себя за неконтролируемые рыдания. Раздался шорох ткани, стук ботинок по плитке – и Коул очутился совсем рядом.

Тяжелая ладонь сжала мое плечо, как и тогда, в университете Вермонта, но в этот раз жест не показался мне вымученным или неестественным – Коул по-настоящему обнимал меня.

– Поехали домой, – сказал он. – Штрудель там, наверно, уже забрался на плиту и умял весь наш паприкаш.

Я шмыгнула носом и пошатнулась от внезапного головокружения – истома и слабость, пришедшие следом за адреналином. Быть честной – мазохистское, но сладкое удовольствие, как и стоять с Коулом лицом к лицу, тыкаясь носом в воротник его куртки.

В конце концов, руны, как и утверждала Рэйчел, никогда не ошибаются.

– Гастингс, – я закусила губу, подбирая слова, когда очаг за нашими спинами угас и двери дома захлопнулись. Зато открылись двери синего джипа, брошенного Коулом у автострады Шелберна. – Ты девственник?

Тактично не получилось. Он замер, пытаясь включить печку для обогрева, и постарался сделать вид, что вовсе не хочет провалиться сквозь землю и умереть.

– Почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами, отвернувшись к окну, где вдоль берега проплывала моя жемчужная шляпка.

– Просто не приближайся к озеру, ладно? Ну, так, на всякий случай.

VI Секрет крыс

Полицейский участок. Прежде мне доводилось посещать такие места разве что в наручниках, но уж точно не в качестве сотрудника. Обычно здесь пахло свежей типографией и металлом, но порой и кровью, если патрульным не повезло оказаться в заварушке. Переворачивая очередную страницу, я зевнула, кидая третий стаканчик из-под латте в урну.

– Брат, – эхом звучало круглыми днями, и мне оставалось только понимающе молчать, пока Коул переваривал это. – Брат-близнец. Я все пытаюсь понять...

– Не-е, не надо, не пытайся. Моего брата сможет понять только такой же психопат, как и он сам. Так что не дай бог у тебя это получится...

Спустя два часа, после того как мы позавтракали шоколадными хлопьями и прибыли в офис Коула, он поставил на стол картонную коробку с архивами, датированными прошлым десятилетием, и задумчиво прошерстил пальцами картонные папки.

– Ни одного упоминания о семействе Дефо во всем штате, уже не говоря о сводках по поводу массового убийства. Как это возможно?

– Джулиан хорошо позаботился о своей безопасности, – объяснила я. – Чары забвения. Он не хотел, чтобы особняк кому-то продали, а нас разыскивали по всей Америке. Так что ты ничего не найдешь. Это стерто из человеческой истории.

– А что насчет символа солнца? О нем может что-то найтись в библиотеке? – продолжал наступать Коул, берясь за другую коробку, покрытую толстым слоем пыли.

– Нет! Сказала же, что этот знак придумал Джулиан. Ты меня вообще слушал?!

– Я старался, но те профитроли, что мы купили по дороге, были слишком вкусными. Так, значит, мы ищем твоего брата? Раз он автор знака, то, выходит, и убийства тоже его рук дело...

– Я не уверена. Нимуэ сказала, что Джулиана не было здесь уже много лет. Что-то не сходится...

– Нимуэ? – вырвалось у Коула, и я поняла, что он снова отвлекся. – Ах да, это ты тоже рассказывала... – видимо, мой испепеляющий взгляд сработал на все сто, потому что Коул тут же оставил меня в покое. – Ладно. Сгоняю-ка я за кофе.

А на следующий день он нашел еще сто пятьдесят вопросов, которые можно задать ведьме с «синдромом выжившего». Таская мне каждые полчаса пончики с банановым кремом, чтобы задобрить и разговорить, он по песчинкам выуживал из меня все больше информации, но, благо, границы допустимого нащупал верно: никаких бесед о членах моей семьи и никаких вопросов о моих отношениях с Джулианом. Поэтому, впрочем, любопытство Коула было безобидным и вполне терпимым, особенно если утолять его в обнимку с очередной упаковкой Dunkin' Donuts.

– Свали!

Жуя пончик и роняя крошки на свежую ориентировку, я подняла глаза и взглянула на покрасневшее лицо Сэма. Он навис надо мной, как туча.

– Ты заняла мой стол. Снова! И весь его изгадила. Что я говорил тебе в прошлый раз?!

– Что «выкинешь меня из окна, если еще хоть раз застанешь мою тощую задницу на своем стуле»? – проблеяла я, с трудом проглотив сахарное тесто. – Не ручаюсь за дословность, но...

Коул вскинул голову, оторвавшись от оцифрованных вырезок из газеты на экране компьютера.

Металлическая табличка с гравировкой «*Детектив С. Дрейк*» на краю стола, по которой Сэм постучал пальцем, напомнила мне, что я здесь действительно лишняя. Однако его стол был загажен и до меня: обертки от конфет, кофейные пятна, памятные безделушки с бейсбольных матчей, листовки с рекламой вьетнамской кухни и пурпурная шелковая лента, надушенная цветочным парфюмом и перевязанная вокруг ножки светильника (интересно, откуда она у него?). В общем, стол Сэма говорил то же, что и горький табачный запах, один вдох которого мог убить лошадь, – «*Держись отсюда подальше, куколка*».

– Держись подальше, куколка, – вторил он своему девизу, и я сдалась, раскручиваясь на стуле, чтобы оттолкнуться от края стола и докатиться до Коула.

Пересекая зал с характерным «вж-ж-ж», я помахала скривившемуся Сэму и остановилась возле Коула, занятого бумажной работой.

– Слушай, мы тут уже больше двух недель роемся, как навозные жуки...

– А как еще, по-твоему, работают в полиции? – вскинул брови Коул, продолжив изучать базы данных на экране компьютера. – Пересмотрела «Бегущий по лезвию»? Моя работа по большей части – это кропотливый и монотонный труд, нежели захватывающий экшен. Я и так из кожи вон лезу, чтобы прикрыть твоё скитание по участку перед начальством и раздобыть тебе хоть какой-нибудь гримуар...

– Гримуар? – удивилась я. – Ты правда думаешь, что Книгу заклинаний можно просто купить на Ebay? – И, судя по тому, что Коул тут же стыдливо свернул вкладку с аукционом, да, именно так он и думал. – Коул! Каждый гримуар уникален, и таким владеет только ковен, а ни один ковен не станет торговать ими в интернете!

– Но есть же и неприкаянные, – пробормотал он сконфуженно. – Даже в Каролине я встречал нескольких. Ведьмы без ковена, как ты...

– Я – не неприкаянная! Неприкаянные – это родившиеся вне ковена или те, что сами выбрали свободу от ковенских уз. Ох, – я почти умилилась растерянности Коула. Винить его за это было бы святотатством: после того, сколько ему пришлось узнать обо мне и ведьмах, у любого бы мозг задымился. Я начала объяснять заново: – Неприкаянные обучаются магии самостоятельно, но их умения никогда не сравнятся с умениями ковена.

– Так почему бы нам не познакомиться с кем-нибудь из неприкаянных? Вдруг у них все же найдется что-то, чему ты можешь поучиться.

– Искать таких – это как искать иголку в стоге сена. Потребуется заклятие поиска, хотя бы самое примитивное. Вот оно, кстати, в интернете наверняка есть, – предположила я, и тень воодушевления, пробежавшая по лицу Коула, подсказала мне, что этим он и прозанимается остаток дня. – Ты уже общался с Майклом? Парнем Харпер Стоун, который присылал ей букеты. Он может что-нибудь знать, и тогда я бы...

– Нет, не знает, – ответил Коул, тарабанив пальцами по клавиатуре с космической скоростью. – Сэм вызывал его для дачи показаний позавчера, но алиби железное: он действительно был у отца в Техасе, когда Харпер убили. Мы проверили. Зато он сказал кое-что интересное...

– Что именно?

– После того как Харпер вернулась в Бёрлингтон, она стала сама не своя. Жаловалась ему на кошмары, часто звонила посреди ночи. А еще она, оказывается, со школы проводила с подругами «шабаши» и училась викканству по справочникам. Я нашел в ее кошельке визитку эзотерического магазина, – Коул протянул ее мне, золотую до вульгарности. – Тебе не нужно? Их слоган «Ведьмочкам от ведьмочек»...

– Барахло, – я выбила карточку у него из руки, презрительно фыркнув. – Значит, Харпер увлекалась оккультизмом... Я так и думала. Поэтому магия и выбрала ее в качестве вместилища.

Коул снова ушел с головой в работу, а я, убедившись, что Сэм отправился в отдел криминалистики, тайком вернулась за его стол и тоже закопалась в документах.

И так на протяжении двух недель. Даже вечера мы с Коулом коротали одинаково: скачивали новые серии популярных сериалов, а затем я учила его готовить ирландское рагу или придирчиво читала меню китайского ресторана, чтобы заказать ужин на дом. Этот вечер должен был быть таким же. Коул размял спину и поманил меня рукой, крутя на большом пальце ключи от машины, когда рабочий день подошел к концу. Бумажная волокита утомляла похлеще самых изощренных ритуалов, и глаза у меня загорелись: наконец-то домой!

– Я сейчас, – бросил мне Коул, заметив шефа полиции в конце коридора и жестом веля подождать еще чуть-чуть. – Мистер Миллер! Вы, кажется, хотели меня видеть?

Из прозрачного стеклянного кабинета доносились обрывки фраз, но лишь часть из них касалась моего незаконного присутствия в убийном отделе. То, что я слышала после, было хуже: обвинения и требование найти так называемого «ритуального убийцу», пока за дело не взялось ФБР. Неудивительно, что Коул, покинув стеклянный кабинет, больше не улыбался.

– «Статистика упала с пятидесяти пяти процентов до восемнадцати», бла-бла-бла... – передразнила я голос Миллера, заходя за Коулом в лифт. – Пф, да что он понимает! Ему же невдомек, что убийства-то сверхъестественные.

Моего оптимизма Коул не оценил. Я почувствовала себя виноватой: дав обещание помочь Коулу с расследованием, я в итоге не принесла ни капельки пользы за столько дней. Лишь отвлекала его от работы и налаженного быта. В машине мы ехали молча, а я все вспоминала, что Коул больше всего любит из еды и чем еще я могу поднять ему настроение.

Я успела разуться и дойти до гостиной, когда мой план с настольными играми и домашним яблочным пирогом внезапно рухнул.

– Сколько раз можно просить тебя не разводить такой хаос в ванной?!

– Какой еще хаос? – вздохнула я в ответ, смотря на Коула, выходящего из ванной комнаты с влажным полотенцем на плече после того, как дважды вымыл руки с мылом. – Я всего лишь перелила остатки своего шампуня в новый флакон.

– И поменяла местами крышки! Красная к красной, синяя к синей. Не наоборот! Из-за тебя я мог выдавить на волосы этот твой крем для депиляции.

– Я ведь не трогала этикетки... Просто разные крышки!

– Да, но они разноцветные, и цвета не совпадают с этикетками, – сказал он с таким драматизмом, будто моя ошибка действительно могла стоить ему жизни. – И, прошу тебя, впредь, когда будешь рыться в моих дисках, складывай все на место!

– Да я переложила их на другую полку...

– Зачем?! Порядок, Одри, – процедил Коул, прижав пальцы к вискам. – Я просто хочу, чтобы дома было чисто. Я и так все убираю за тобой...

– Ну прости, а я зато всю нашу одежду глажу! Если бы не я, так и ходил бы, как после аварии на текстильной фабрике. И еще я готовлю каждый день!

– А я тебя об этом не прошу!

– В таком случае в следующий раз давишься своими заморозками и не тяни лапы к моему бефстроганову! – рявкнула я, всплыв, и Коул насупился.

Пат. В перепалке взяла ничья, и я упала на диван рядом с мурчащим Штруделем, выжывая из-под него кожаный футляр, чтобы успокоиться. Вряд ли теперь, после взбучки на работе и ссоры, Коула утешит какая-то «Монополия». Как же мне все исправить?

– Ох, пожалуйста, – всплеснул он руками при виде скрипки, загородив собой свет от ламп.

На его лбу проступили морщины, и скулы, и без того острые, как нож для бумаги, прорезались. Ямочку на подбородке окружала щетина, которую Коул сбреет уже следующим утром, как тщательно сбирал ежедневно.

– Да что опять не так? – взвыла я, когда он застыл в таком положении, вперив руки в бока.

– Ты ведь не собираешься играть? – поинтересовался он осторожно.

– Собираюсь, – пожалала плечами я, и все вдруг испортилось окончательно и безвозвратно.

– Прямо сейчас?! Ты ведь знаешь, как шумно в офисе и как я устаю от этого. Я прихожу домой ради тишины и уединения, а не ради того, чтобы услышать симфонический оркестр!

– Ну, я могу просто уйти в другую комнату...

– Это не поможет. Твой «Бал Сатаны» слышно на всю округу, Одри! Я и так терплю тебя...

– Терпишь меня? – внутри что-то надломилось, и Коул застыл, прижав руку ко рту. – Ах вот, значит, как...

Мое терпение лопнуло тоже. Бытовые придирки и раздражение из-за отсутствия личного пространства, ведь мы сосуществовали бок о бок двадцать четыре часа в сутки – и дома, и на работе. Конфликт, давно зреющий между нами, переспел, как яблоко. Я взбесилась, подхватила скрипку и натянула поверх толстовки старое пальто.

– Подожди... Давай просто составим распорядок дня, чтобы...

– Не утруждайся, – бросила я холодно. – Я больше не буду играть дома. Буду делать это на улице. Может, заодно и денег заработаю, чтобы съехать от тебя, чистоплюя!

Коул ничего не ответил, и я вышла за дверь.

Как же, оказывается, тяжело жить вместе!

Я брела куда глядят глаза, слишком вымотанная после дня в офисе и ссоры, которую никто из нас в глубине души не хотел затевать. Я знала, что уже завтра буду раскаиваться за свой характер и эгоизм, а Коул – за излишнюю педантичность, но сейчас мне следовало остыть, и я не знала способа лучше, чем этот.

Дойдя до главной площади возле собора, где обычно устраивался выходной рынок, я примостилась к дереву возле фонтана. Бросив перед собой раскрытый чехол, обшитый изнутри малиновым бархатом, я приставила инструмент к плечу и заиграла, не позволяя себе растеряться под мимолетными, но колкими взглядами прохожих.

Однажды я провела так всю неделю в весеннем Лос-Анджелесе, играя день и ночь на скрипке посреди оживленных улиц, когда Рэйчел не стало, а мои финансовые запасы иссякли.

Еще наивная и неиспорченная, я тогда и не мыслила о воровстве, ведь ведьмы ковена Шамплейн не воруют – это делают люди, а мы выше людей. Теперь-то я знаю, что это не так.

Вот и сейчас звон монет, сыплющихся в футляр, нарастал. Я играла «Времена года» Вивальди, начав с «Грозы». Она была первым, чему меня обучила мама из сложного репертуара. Мне тогда только исполнилось десять, а мое музыкальное детство с упрощенными версиями Моцарта уже закончилось. К четырнадцати годам я умела исполнять то, чего многие не умели и в двадцать, но и времени на практику уходило достаточно. Звуки скрипки с младенчества служили мне не только отдушиной, но и уроком титанического труда: чтобы услышать прекрасное, нужно было рассечь подушечки пальцев в кровь и не спать ночами. Так же дела обстояли и с магией – мама пыталась донести до меня это с помощью скрипки. Ей удалось привить мне рвение к музыке, а вот ко всему прочему...

Я закрыла глаза, потянувшись к солнечным лучам, которые превращали небо в клубничный зефир, и симфония сменилась на «Лето».

Прошло больше двух часов, и у меня стали неметь от холода пальцы. К закату температура на улице опускалась почти до нуля. Забывшись в любимом занятии, я не заметила, как осенний ветер нагнал тучи. Промозглый дождь не заставил себя долго ждать, и толпы на улицах начали редеть. Я поспешно завершила свое выступление симфонией Лало, решив, что на сегодня хватит.

Спрятавшись глубже под ветви деревьев, я наклонилась к футляру, вытряхивая оттуда деньги, чтобы сложить инструмент.

– Шестьдесят долларов, – прикинула я на глаз, раскладывая деньги по карманам, и вдруг запнулась. – А с этим мне что делать?!

Покрутив в пальцах крупную серебряную монету Веймарской республики, я невольно приснула со смеху. Неужто мимо проходил нумизмат? Блестящая, она была начищена до блеска, будто ее отчеканили только вчера. Никаких пятен коррозии. Кто-то очень хорошо заботился о ее сохранности. И, подняв глаза, я поняла кто.

Худая, с длинными и блестящими вишневыми волосами, похожими на лисий мех, передо мной стояла Аврора. Как всегда, ягодная помада на губах, а аметистовые глаза подведены фиолетовым. Ее женственность прослеживалась даже в том, как грациозно она держала зонтик, стоя на высоких шпильках. Из-под затемненных стекол дорогих очков она взирала то на меня, то на мою скрипку.

– Верховная ведьма, собирающаяся на улице, как бродяжка, – сказала она брезгливо. – Не думала, что мне когда-то доведется лицезреть что-то более ничтожное, чем аннексия Германии после Первой мировой. Уж не за этим я ехала сюда из самого Нью-Йорка.

– Бедняжка, – ядовито заметила я, смахнув с лица мокрую прядь волос, и швырнула серебряную монетку ей в ладонь, обтянутую замшей лиловой перчатки. – А разве вы еще не переселились в Бруклин? Мама рассказывала, твой ковен бедствует уже пятое десятилетие, даже продал имение на Бродвее, лишь бы не возвращаться в Австрию. Однако, погляжу, наряд у тебя не из секонд-хенда... Значит, не так уж все и плохо.

Аврора высокомерно повела бровью.

– Посмотрела вот сейчас на тебя и вдруг поняла, что да, действительно не так уж плохо.

Я молча захлопнула футляр, пока туда не успела натечь вода. Закинув скрипку на плечо, я исподлобья взглянула на Аврору.

Черное трикотажное платье, сквозь ажур которого просвечивали ее голые плечи, обнажало кое-что еще: прерывистые черные линии, окольцовывающие шею, ключицы и наверняка остальное тело. Ни одного сантиметра чистой кожи – все в *метках атташе*. Некоторые из них были совсем новые, гладкие и яркие, а некоторые – размытые и, что самое страшное для ведьмы, выцветшие до розовых келоидных рубцов. Память о тех, кто исполнил свою клятву, безвозмездно отдав за нее свою жизнь. Обещаний на теле Авроры было не счесть, и я вдруг

вспомнила напутствующие слова моей матери: «Атташе – это не личная армия, которую можно отправлять на убой, как скот». А вот Аврора так не считала, а потому целых восемь мужчин в черных костюмах слонялись неподалеку, незаметно охраняя ее даже сейчас. Сколько же еще защитников ее ждет в ковене?

– Если уйдешь, то никогда не узнаешь, что именно я приехала тебе предложить, – крикнула она мне вслеп, когда я почти очутилась на другой стороне улицы. – Я обращаюсь к тебе, как Верховная к Верховной...

Я ускорила шаг, стараясь не оглядываться, чтобы не попасться на это. Позади раздался щелчок сложившегося зонта: Аврора стукнула им по асфальту, и дождь прекратился.

– Я готова продать тебе гримуар.

Мне стало до того смешно, что просто уйти, не глумясь, было выше моих сил.

– Продать? – переспросила я, обернувшись, но, судя по серьезному выражению лица Авроры, не сдвинувшейся ни на шаг, она вовсе не шутила. – Ты продашь мне Книгу своего ковена?

– Что? Своего? Ты думаешь, хоть одна Верховная осмелится продать гримуар, который тысячелетиями наполняли своей кровью целые поколения? – фыркнула она и хитро улыбнулась, а от таких улыбок у меня всегда тревожно сосало под ложечкой, и обычно небезосновательно. – Нет, я предлагаю тебе купить не мою Книгу, а твою.

– Книга моего ковена сгорела в пожаре! – выкрикнула я, разгневанная таким наглым враньем. – Я знаю, потому что сама бросила ее в огонь, лишь бы она не досталась Джулиану. Вместе с ней сгорел целый дом и моя атташе. Там даже пепла не осталось, чтобы применить заклятие восстановления. Как же именно ты вернула гримуар, позволь узнать?

Аврора никогда бы не раскрыла всех своих карт, но заглянуть в один из рукавов она все же позволила – и это выбило из меня яростный вздох:

– Зачем что-то восстанавливать, когда есть копия?

– Ты переписала мамину Книгу? – взревела я, и Аврора кивнула, опираясь о свою длинную зонт-трость.

– Мы с Виви тогда были еще более-менее... дружны, и я не могла упустить такой шанс, – она взмахнула вишневым копной волос, поправляя жокейку. – Да, я украла ваши заклятия. Все разделы, что были. Там есть даже мои собственные наработки... Готова отдать почти задаром!

Я скрипнула зубами.

– Чего ты хочешь?

Аврора призадумалась. Пик ее триумфа продлился ровно три секунды, ведь скрывать свои аппетиты дольше выдержки ей не хватало.

– Отдай мне Бёрлингтон, – сказала она. – И свои бусы, Вестники даров.

Сердце будто пригвоздило к ребрам.

– Ни за что, – без раздумий отрезала я, дотрагиваясь до нанизанных на золотую нить жемчужин, спрятанных под шелковым шарфиком. – Их подарила мне мама. Это реликвия. От моей семьи и так ничего не осталось...

– Скоро и тебя не останется, – как-то слишком весело произнесла Аврора. – Подумай хорошенько. Твой ковен еще можно спасти... Неужели ты пожалеешь какую-то безделушку в обмен на его возрождение?

– Если это просто безделушка, тогда зачем она тебе?

Аврора сощурилась.

– А вот это уже мое дело. Не позволяй сердечной привязанности лишить тебя будущего. Думай, Одри. Думай наперед.

– Я думаю, потому и спрашиваю, – парировала я и подступила к Авроре, невольно отмечая, что даже когда я подошла к ней вплотную, она ничуть не изменилась в лице и даже не попробовала отстраниться. – Для чего тебе Бёрлингтон?

Я не славилась высоким ростом, но Аврора была и того меньше – маленькая и миниатюрная, с детским овалом лица, но с умудренным веками взглядом. Округлая шляпка прибавляла ей пару лишних дюймов. Аврора, потянувшись, постучала темно-бордовыми ноготками по футляру моей скрипки.

– Ты все равно с ним не справишься. Территория Шамплейн слишком огромна. Всю ее надо защищать, контролировать, обеспечивать... Для молодой Верховной это тяжкий груз, от которого любая была бы рада избавиться. Так в чем проблема? Меньше территория – меньше проблем.

– Да... Зато твоя территория станет больше, а большая территория – больше душ, которыми можно питаться, не так ли?

Аврора резко побледнела, хотя кожа у нее и без того была прозрачной и белой, точно фарфор. Утратив надменность, она все же осталась умиротворенной и уверенной в себе, только вот нижняя губа предательски дернулась.

Я ухмыльнулась, взяв реванш.

– Когда мама обучала меня магии, она обучала меня и «политике». Рассказывала, на союз с кем можно рассчитывать, а кого не стоит даже пускать на порог... О тебе она рассказывала тоже. *Королева Шенота*. Громко звучит, не спорю. В детстве я, любознательная, много бы отдала за твою Шепчущую главу, но сейчас, когда выросла, я понимаю, что даже лишних пятьсот лет жизни не стоят того, чтобы делать то, что делаешь ради них с людьми ты.

Аврора рассыпалась в звонком смехе, ничуть не пораженная тем, что я знаю ее подноготную так же, как она – мою.

– Я никогда не отдам тебе Бёрлингтон, – прошептала я. – Может, поглощая души Нью-Йорка, ты и не уничтожаешь город из-за постоянного притока людей, но Бёрлингтон... Напасти в лице тебя он точно не переживет. К тому же я здесь обзавелась друзьями, так что вот мой тебе ответ: возвращайся домой, старушка. Я как-нибудь обойдусь без твоей сворованной книжонки.

Я махнула ей рукой, демонстративно разворачиваясь и наслаждаясь блаженной тишиной, которую оставила за собой. Ничто не могло переубедить меня: жемчуг матери так же сокровенен, как и жизни здешних горожан. Я, может быть, ужасная дочь и ужасная ведьма, но я не настолько ужасный человек. Я не...

– Это Джулиан убил твою мать.

Из легких словно выжгли весь кислород. Душа закровоточила. Мне пришлось сжать челюсть до скрежета, чтобы повернуться и снова встретиться с Авророй лицом к лицу.

– Повтори.

Аврора улыбнулась едва заметно, не в состоянии до конца скрыть, как рада, что ей удалось снова завладеть моим вниманием. Но куда большая радость для нее – растоптать меня в пух и прах.

– Джулиан убил твою мать, – сказала она медленно и громко, а затем, вдоволь насладившись моим потрясением и ужасом, добавила: – Когда родился. Его появление на свет заведомо предрекло ее гибель.

– Что ты несешь? Моя мать заболела раком задолго до безумства Джулиана!

– Мальчики, рожденные в союзе ведьмы и смертного мужчины, не обладают магией, – сказала она. – В таком союзе ею будут обладать только дочери. Для мальчика-колдуна же нужен и колдун-отец. Магия наследуется по половому признаку...

– Ты пересказываешь мне учебник по ведьмовской биологии? Это знает каждый ребенок! Но наш с Джулианом отец был колдуном. Валентин Эбигнейл... Все мои братья обладали магией!

– Все, кроме Джулиана, – упрямо заявила Аврора и подступилась ближе. – Потому что вы с ним не были рождены от Валентина Эбигнейла. Ваш с Джулианом отец – Исаак Грейс, обычный человек, преподаватель истории из Нью-Гэмпшера. Бедная Одри... Стать Верховной

не означает повзрослеть, да? Твоя дорогая мамочка была далеко не святошей, какой все ее считают.

Нокаут.

– Твоя мать изменяла отцу. И не раз, – продолжала Аврора не без злорадства, пока я пыталась отделаться от липкого чувства, похожего на стыд и презрение. – Виктория всегда была влюбчивой. Спустя пару лет периодической связи, когда твой отец находился в очередной командировке, она узнала, что беременна. Только представь, какой раздор воцарился бы в ковене, родись у Верховной сын, не обладающий магией. . . На аномалию природы такое не спишешь. Однако дар сотворения заклинаний – спасение от любой беды. Так я сотворила Шепчущую главу, но даже она не идет ни в какое сравнение с тем, что сделала Виви. Нельзя принуждать магию служить тем, кто не избран ею. Это насилие над самой природой, которое не может остаться безнаказанным, – насилие и над самой магией, и над Джулианом тоже. Вот ответ на твой вопрос, что ты задаешь себе каждую ночь перед сном уже целых пять лет, – вот ответ, почему он такой. Извращенный. Сломанный. Я пыталась переубедить Викторию, – добавила Аврора и прочистила горло, когда голос вдруг ее подвел. – *«Гори, но не сгорай, дай мне сгореть за то, чтоб ты столетия пылал...»*

– Она сгорела, – поняла я шепотом. – Рак сжег ее изнутри.

– Час расплаты может настать не сразу, но он неминуем. Джулиан отвратителен, потому что противоестественен. Теперь ты понимаешь, почему я хочу, чтобы его не стало? Почему я хочу помочь тебе?

– Он знает? – спросила я, не моргая, вперив взгляд в блестящий асфальт. – Знает, что наш отец был человеком?

– Нет. Об этом было известно лишь трем людям на земле, и двое из них уже мертвы.

Отчего-то я не сомневалась, что третий человек – это Рэйчел, которая с детства была предана Виктории сердечно и самозабвенно, но говорить о ней с Авророй я уж точно не собиралась.

– А то заклинание мамы. . .

– Оно умерло вместе с ней, не вписанное в гримуар, и мертвым должно остаться навсегда. Одри, – Аврора сделала паузу и сложила обе ладони в перчатках на скрюченной ручке зонта. – Я говорю это не для того, чтобы причинить тебе боль. Наоборот. . . Это признание – жест моей доброй воли. Я хочу, чтобы ты поразмыслила над моим предложением, потому что Джулиан – это угроза для всего миропорядка. Думай, Одри, думай. . . Но знай, что меня приведет в восторг любой исход: твое согласие и наша сделка или те руины, что останутся от ковена Шамплейн. Я ничуть не расстроюсь, если ты сгинешь, но вот бусы. . . Бусы будет жалко, – грустно выдохнула она, глядя на мою шею, и раскрыла зонт, уходя.

Я отвесила ей вслед кивок, не то в благодарность, не то прощаясь, и едва не выронила скрипку из замерзших рук. Заледенело все, даже мои внутренности, рвущиеся на части.

На ватных ногах возвращаясь домой, я надеялась, что Коул уже лег спать, но рассчитывать на это было глупо: недавно он перешел с двухфазового сна на четырехчасовой по методу Николы Теслы. Все остальное время Коул проводил со Штуделем и ноутбуком в гостиной, куда перетаскил даже доску со схемой преступления, чтобы полностью отдать спальню в мое распоряжение. Вот и сейчас с кухни доносился свист вскипевшего на плите чайника, а Коул гремел кружками, со своей извечной щепетильностью выбирая даже заварку.

– Малина с мятой или шоколадный апельсин? Хм-м. . .

Я повесила пальто на вешалку и бесшумно проскочила за спиной Коула, поспешно скрывшись за дверью спальни. Подавленная и униженная, я сбросила под кровать сапоги и быстро избавилась от промокшей одежды. Отложив душ до завтра, я надела футболку Коула, которую своровала из его шкафа, и с головой нырнула под ватное одеяло. Здесь было тихо, темно и спокойно, а потому уютно. Я зажала голову под подушкой, пытаюсь скорее заснуть, чтобы

избавиться от сомнений и ужаса. Однако прошло не больше десяти минут, как кто-то вдруг отогнул край одеяла, вторгаясь внутрь моего убежища.

– Хочешь посмотреть кино?

Я давно перестала злиться на Коула, но он, кажется, теперь злился на самого себя. Это было понятно по его бегающему взгляду и нервному почесыванию, когда он не знал, куда пристроить беспокойные руки. Смущенный и неуклюжий, пытаюсь совершить то, что ему не доводилось еще никогда, – примириться. Коул потерял одну из кудряшек, смешно торчащих на его затылке, и сел рядом. Сейчас он вызывал у меня одновременно два противоречивых желания – отвесить ему подзатыльник и прижаться всем телом.

Я глянула на часы, стрелка подбиралась к десяти, и молча кивнула. В конце концов, вместо сна всегда можно выпить кофе. Много кофе!

– Я подключу проектор, – широко улыбнулся Коул с облегчением. – Так, вчера мы смотрели «Клуб “Завтрак”»... А что насчет мультфильма? Может, «Секрет крыс»?

В груди потеплело, как от кусочка проглоченного масла. Коул щелкнул кнопкой проектора, и по спальне рассеялся зерновой махровый свет, сосредотачивающийся на белом полотне над его рабочим столом.

– Да, «Секрет крыс», – тихо сказала я. – Мой любимый мультфильм.

Мы устроились на постели, притаив из кухни чай с песочным печеньем, и, соприкасаясь плечами, на два часа выпали из реальности. Нарисованное волшебство, творящееся на экране, было целительным: оно вытеснило из моей головы горе, а из головы Коула – тревогу о бесплодной работе. Периодически отрываясь от просмотра, чтобы незаметно повернуться и полюбоваться его лицом, я улыбалась, замечая черточки мимических морщинок в уголках его рта, когда он улыбался. Красивый в расслабленном состоянии, которое ему удавалось достигать столь редко. Разве не было бы кошунством взваливать на него свои проблемы сейчас, когда он так счастлив?

Обычно Коул засыпал под конец любого фильма, измотанный и вечно недосыпающий (вопреки собственным заявлениям, что его режим сна делает из него сверхорганизм). Вот и сейчас Коула неудержимо клонило в сон: покрасневшие веки слипались, но, держась изо всех сил, он все же дотерпел до финальных титров и вытянулся на подушках.

– В последний раз я делил с кем-то дом, когда жил еще в Северной Каролине у бабушки, – поделился он тихо спустя мгновение, когда я прилегла тоже, вглядываясь в темноту и слушая гудение проектора. – Было тяжело уживаться с соседями в полицейской академии, поэтому я каждый день ездил до дома, хоть дорога и занимала почти три часа. Я веду к тому, что... Мы ведь неплохо уживаемся вместе, да? – спросил он с надеждой. – Не считая некоторые... неурядицы. Если такое повторится снова, то тебе необязательно сбегать из квартиры. Можешь просто хлопнуть дверью или швырнуть в меня чем-нибудь.

– А ты можешь разломать мою скрипку о стену, если хочешь.

– Хочу, но не буду, спасибо.

Я криво улыбнулась, взглянув на острый профиль Коула. Свет торшера оттенял его ресницы и волосы, открывающие узкий лоб в россыпи родинок, напоминающих созвездия. Его ноги почти свешивались с матраса, и я задалась вопросом, как Коул умещался на этой кровати раньше. Повернувшись на бок, я зевнула, заразившись его сонливостью: Коул почти дремал, сложив руки на груди.

– Это твоя квартира. Я тоже отучилась делить с кем-либо пространство, уже не говоря о соблюдении правил, но это не оправдание. Извини меня.

Он ничего не ответил, и я мысленно отметила, как забавно дергается кончик его носа, когда он проваливается в небытие.

– Коул...

– Да?

– Когда ты в последний раз плавал в озере?

Коул резко открыл глаза.

Наверно, не стоило тревожить его возможные детские травмы перед сном, но та история с Нимуэ все не давала мне покоя. Когда-то моя мать считалась слабейшей из Верховных из-за своей гуманности, пока она не заняла всю территорию вокруг озера Шамплейн, отнимая город за городом у Авроры, выжимающей из них все соки. Спасая и Коула, мама открыла мне сотню новых троп, которые, однако, предстояло изучить, прежде чем смело идти по ним.

– Никогда, – ответил Коул, и я села.

– Почему?

– Я не умею плавать.

Наверно, я выглядела по-настоящему потрясенной, потому что Коул неуютно заерзал на подушках и пояснил:

– На мой третий день рождения мы с родителями отправились на пикник. Я играл с мячиком на пирсе и чуть не утонул. Мало что помню, но... Бабушка рассказывала, я тогда так быстро ушел под воду, что меня лишь чудом удалось вытащить и откачать. С тех пор с плаванием у меня как-то не срослось.

– Надо же, – притворно удивилась я, будто слышала об этом впервые. – А я родилась в этом озере.

– Что? В смысле, как роды в ванной или...

Я застопорилась, хлопнув себя по лбу. Зачем нужно было это говорить? Но Коул уже смотрел на меня во все глаза, требуя объяснений, и я сдалась:

– Рождение каждой Верховной сопровождается буйством природы или необычным явлением, что и помогает определить, кто именно унаследует лидерство. Некоторые, например, рождаются в аномальные заморозки посреди лета или в грандиозную бурю. А я... Джулиан – старший брат, он родился первым, и никто не знал, что следом за ним появится кто-то еще. Мама поняла, что все это время носила двойню, лишь когда ее нестерпимо потянуло к озеру. Это было похоже на сон. А когда она зашла в воду... То родила меня.

Коул потерял дар речи и, позабыв про усталость, тоже сел на постели.

– И ты даже воды не наглоталась?

– Кажется, нет. В нашем ковене ходила легенда, что так каждая Верховная обретает свою уникальную защиту. Если родилась в мороз – не мерзнет, а если в воде – то, следовательно, не может утонуть. Правда, я не проверяла. – Но, заметив блеск в глазах Коула, добавила: – И проверять не хочу!

– А за коробочку китайской лапши?

– Хм... Только если за две коробочки.

Коул ухмыльнулся и, подавив зевок, поднялся. Спальные штаны съехали ему на косточки таза и обнажили низ плоского живота. Я постаралась убедить себя, что плююсь на рисунок пиццы на его футболке, а не на то, что было под ним.

– Пойдем спать, Штрудель, – Коул поманил за собой кота, свернувшегося клубочком у меня в ногах. – Спокойной ночи, Одри. Кстати! – Он выглянул из-за двери. – Я переписал несколько заклинаний поиска с форумов черной магии... Почти все из них звучат, как состав стирального порошка, но все равно взгляни на них завтра, ладно?

Я кивнула и укрылась одеялом, теплым с той стороны, где на нем лежал Коул. Все, к чему бы он ни притронулся в моей жизни, становилось в разы лучше, даже если это лишь подушка, сохранившая его убаюкивающий меня запах.

Я быстро заснула, но вскоре открыла глаза из-за грохота музыки и обнаружила, что проспать мне удалось от силы сорок минут.

– Твою мать, – выругалась я, когда, прождав еще столько же, поняла, что доносящаяся из гостиной мелодия не собирается замолкать. – Коул, это у тебя телефон звонит?

Но когда Коул спал, он действительно терял связь с окружающим миром: распластавшись на диване рядом с тушкой Штруделя, он своим храпом почти заглушал смартфон, вибрирующий на буфетном столике.

Сонная и взбешенная, я дошла до него сама и ответила на звонок.

– Гастингс? – уточнил хриплый голос на том конце провода, а затем закричал: – Говнюк ты, Гастингс!

Вызов сбросили, и, растерянная, я уставилась на погасший экран. Какому дурню придет идея разбудить человека в три часа ночи, чтобы оскорбить его?

– Сэм Дрейк, – прочла я в списке последних контактов. – Ну, теперь все понятно.

Я двинулась обратно, обойдя мирно сопящего Коула, даже не ведающего о бурных приключениях своего напарника. Мне удалось вновь задремать, когда мелодия, каждая нота которой была выучена мной уже наизусть, донеслась из гостиной снова.

– Да что тебе надо?! – заорала я в трубку, задрожав от злости, как и раскаленный воздух вокруг меня.

– Гастингс, – раздалось снова, а следом что-то разбилось: – Черт... Я все оплачу, Джерри! Налей двойную.

Я выключила смартфон и, чертыхнувшись, вернулась в постель, но, пролежав пластом еще полчаса, поняла, что между мной и сном все кончено – прерванный уже несколько раз за ночь, он смертельно обиделся и больше не желал приходить.

– Тебе конец, Сэм, – прошипела я себе под нос, натягивая джинсы и заправляя их в сапоги.

Одевшись, я вывернула сумку Коула наизнанку, шаря по записным книжкам, чтобы найти те заветные записки, что он выписал из интернета. Отобрав те клочки бумаги, надписи на которых звучали хотя бы отдаленно мистически, я расставила на полу круг из свечей и села в центр, разложив карту Бёрлингтона, взятую на автозаправке.

– *Fehu*.

Свечи вспыхнули, и в оранжевых бликах комната Коула преобразилась, меняя чернотелые оттенки на цвета рассветного неба. Я залюбовалась, но сконцентрировалась, подпалив стебель шалфея из запасов Рэйчел и наполнив легкие дымом. Он стирал с людей все дурное. Магия заклокотала в венах, моля выплеснуть и направить ее. Но куда?

Я открыла первый листок и, взяв в руку кухонный нож, заменяющий мне ритуальный атаме, сосредоточилась на образе: короткие рыжие волосы, болотные глаза и ехидный оскал.

– *Ittus, paradema...*

Я разжала пальцы, и нож, занесенный над картой, упал и покатился, едва не смахнув одну из свечей и не воспламенив угол ватного одеяла.

– Пустышка, – вынесла свой вердикт я и без сожаления спалила бесполезное заклятие, а затем принялась за следующее. – Матушка осина, матушка вязь! Я кланяюсь вам в корни и... Что это за бред?! Ох, Коул.

Я удрученно покачала головой и, дав себе обещание больше не подпускать Коула к интернету, стала пробовать остальные заклятия. Ни одно из них не работало, поочередно исчезая в пламени свечи, пока запас у меня не иссяк. Осталось последнее, записанное на старом отчете. Слова напоминали валлийский, которому меня много лет учила Рэйчел, но который мне так и не удалось освоить в полной мере. Терять было нечего, и я занесла над картой нож.

Слова, перевод которых вспыхнул перед моими глазами, как солома. Я вспомнила.

«*Укажи мне путь*».

Склонившийся над барной стойкой, заставленной пустыми рюмками. Бейсбольный матч по настенному телевизору. Темно-серый джемпер под расстегнутой кожаной курткой, заживающие ссадины на костяшках и шрамы, скрытые под недельной щетиной. Сэм Дрейк опрокинул стакан с янтарной жидкостью и хлопнул ладонью по стойке, требуя налить еще. Глаза обожгло

светом неоновой вывески в виде лотоса, а в следующую секунду меня вытолкнуло из видения, как со дна моря на поверхность.

Рукоять ножа намагнитилась, обжигая пальцы, и выскользнула. Лезвие дернулось в сторону и воткнулось в бумагу, указывая на место на востоке города.

Одним выдохом загасив свечи вокруг, я спрятала заветную бумажку с валлийским заклинанием в задний карман, чтобы не потерять ее. Похоже, Коул все-таки заслуживает, чтобы отужинать завтра паприкашем!

Я взяла с собой продырявленную карту и те «карманные», что еженедельно выделял мне Коул (как же это унижительно!). Он называл эти деньги моей зарплатой за участие в расследовании, но мы оба понимали, чем продиктована его забота: Коул хотел спасти имущество других жителей Бёрлингтона. Задержавшись перед диваном, чтобы умилиться кокону из одеял, в который превратился Коул, обнимающий Штруделя, я взяла ключи и бесшумно покинула квартиру.

– Мне вот сюда, – сказала я таксисту, протянув ему карту, заляпанную воском, и ткнув пальцем в прорезь от ножа.

Мы проехали через весь город, петляя по улочкам, а я все выглядывала из окна в поисках неоновой лотоса из видения. В такой поздний час было совсем безлюдно, и в темных окнах жилых домов не было ни намека на подпольный бар. Безмолвные здания сменяли друг друга, а нужная вывеска так и не показалась, даже когда водитель объявил, что мы приехали. Я уже думала просить его ехать обратно, когда вдруг с облегчением узнала старенький «Форд».

– Да, здесь!

Я выбралась из машины и пересекла неосвещенную парковку. Серая улица не подавала признаков жизни, пока не пошел дождь и мне не пришлось спрятаться под козырьком ржавой лестницы.

– Ах, так вот ты где!

Там, спрятанная от случайных взглядов, мигала вывеска в форме цветка лотоса. Пожалуй, еще никогда погода не портилась так удачно.

– Джерри! Тебе что, бабки не нужны? Сказал же двойную!

Звон серебряного колокольчика над входом. Я вошла внутрь душного зала, заставленного дряхлой, изжеванной временем мебелью. В воздухе комками висел сигаретный смог, но посетителей было немного: компания игроков в покер у музыкального автомата; одинокий пьянчуга, дрыхнувший в углу; четверо шумных молодых парней, бурно спорящих о футболе, блестя золотыми вставками вместо зубов.

Стараясь не обращать внимания на их свист, я дошла до барной стойки и взобралась на стул рядом со сгорбившимся Сэмом, даже не обернувшись на звук колокольчика.

– Можно мне то же самое? – я кивнула на его стакан, и лохматый бармен, протирающий бокалы, оглядел меня со скептическим прищуром.

– Мы не пускаем несовершеннолетних. Ступай домой, девочка. Родители, небось, уже все морги обзвонили.

Я закатила глаза, и в этот момент Сэм повернулся.

– О боже, – выдохнул он, мгновенно протрезвев. – Ты-то здесь откуда?

– По твою душу явилась, – фыркнула я, демонстрируя ему смартфон Коула. Сэму пришлось наклониться и зажмуриться, чтобы побороть головокружение и рассмотреть смартфон. – Сам ты говнюк!

– Ах, – он понимающе хмыкнул, возвращаясь к своему стакану. – Я принцессу разбудил, надо же! А нечего отвечать на чужие звонки.

– Мы с Коулом живем в одной квартире! Разумеется, я отвечу на любой звонок, раздавшийся в четыре часа утра.

Сэм сложил ладонь в форме клюва и наглядно изобразил мою болтовню. Я поджала губы.

– Что должно произойти в жизни взрослого мужчины, чтобы он нажирался во вторник перед работой и вонял, как табун пастушьих псов? – спросила я, не сдержавшись. – Вдобавок названиваешь своему напарнику просто потому, что звонить больше некому. Знаешь, если тебе одиноко и нужен друг, то с Коулом вообще-то можно бы разговаривать и по-другому!

– Ты закончила? – огрызнулся он в ответ.

Я сложила руки на барной стойке и, успокоившись, кивнула.

– Скажи этому верзиле, чтобы налил мне выпить.

Сэм вздернул брови, но, не став возражать, щелкнул пальцами, привлекая внимание бармена.

– Эй, Джерри, я ее знаю. Это защитница убогих и обездоленных, мы работаем вместе. Налей ей тоже.

Джерри недоверчиво нахмурился, но, покосившись на полупустую кассу, вздохнул и поставил передо мной граненый бокал. Я отхлебнула, пробуя бурбон, и с трудом удержалась, чтобы не начать плевать.

– Я сегодня узнала, что мой отец... не был мне отцом. Мама изменяла ему с другим женщиной.

Сэм залпом проглотил виски и посмотрел на меня.

– Паршиво.

Задержав дыхание, я тоже залила в себя стакан и, стараясь не выкашлять свои легкие, удивленно взглянула на Сэма, когда он пододвинул ко мне еще порцию.

– А у тебя...

– Не-а, даже не вздумай! Я не стану изливать тебе душу и жаловаться на свое прошлое. Просто сиди молча и пей, как это делают взрослые суровые дядечки.

– Ладно.

Мы выпили еще по стакану, и я стала невольно отсчитывать часы до начала рабочего дня, который предвещал стать самым трудным за эти недели. Когда от бурбона лоб налился свинцом и я пожалела, что вообще выбралась из мягкой постели, меня внезапно взбодрил громкий смех, раздавшийся почти над самым ухом.

– Крошка хлещет чистый вискар, погляди, – захохотал один из той четверки парней, что прежде сидела вокруг своего стола, обсуждая футбольный матч. – Может, она еще что-нибудь выпьет и захочет присоединиться к нам? Тут у Монти квартира свободна...

Я вскинула брови. Пошатываясь, мужчина привалился к углу барной стойки и навис надо мной, источая такое убийственное амбре из спирта и желчи, что мои претензии к неопрятности Сэма показались смехотворными. Стойко выдержав его плотоядный взгляд, я отодвинулась подальше.

– Благодарю за предложение, – ответила я. – Но не пойти ли вам в задницу?

Сэм подавился, прыснув алкоголь обратно в стакан. Мужчине услышанное явно не понравилось: он наклонился, почти соприкасаясь со мной носами, но на этот раз я даже не шевельнулась.

Когда-то ведь надо начинать быть Верховной. Шаг первый: почувствовать себя ею.

– *Hagalaz.*

У мужчины носом хлынула кровь. Она залила все его лицо – багровый поток, в котором утонула мерзкая беззубая улыбка. Он отшатнулся, сбивая не успевших расступиться дружков, и прижал руку к лицу.

– Эй, что ты сделала? – воскликнул один из них, пока другие пытались усадить раненого на диван. – Ты ударила его?!

– Я ничего не видел, – пробормотал кто-то испуганно.

Они обступили барную стойку.

– Вы слепые?! Она и пальцем его не тронула, – внезапно вступился Сэм и спрыгнул со стула, загораживая меня собой. – У вашего приятеля сосуды лопнули, не иначе. Стоит завязывать с выпивкой, а не до малолеток докапываться.

– А тебе что, больше всех надо? – процедил самый коренастый и высокий из четверки. – Свою сучку выгораживаешь, легавый?

– Как ты меня назвал? – я возмущенно высунулась из-за плеча Сэма.

Массивная ладонь заткнула мне рот, сдавив губы так сильно, что я смогла лишь протестующе замычать. Шикнув, он отодвинул меня вместе со стулом назад.

– Знаешь, я давно этого ждал, – сказал Сэм со странным возбуждением, разминая шею. – Сидел и переживал, неужто за целую ночь не найдется ни одного уroda, которому можно накостылять?

Мужчина, нос которого по-прежнему кровоточил, оттолкнул своих друзей и замахнулся первым.

– *Eihwaz!* – успела вскрикнуть я, и он промахнулся, всем телом наваливаясь на соседний столик.

Сэм среагировал секундой позже того, как я прокричала заклятия. Еще не до конца трезвый, он даже в таком состоянии превосходил и по скорости, и по точности этих четверых. Разбредясь по бару, они атаковали вяло и неуклюже. Справиться с ними для опытного полицейского было раз плюнуть. Я почти заворожено наблюдала, как Сэм, облизнув треснувшую губу, перехватил одного за шкирку и приложил его лицом об угол стойки.

– Выметайтесь отсюда! – рявкнул бармен, взявшись за битую, стоящую под баллонами разливного пива.

Сэм сгреб меня в охапку и выволок на улицу через черный вход, ведущий прямо на парковку, и вдруг покатился по асфальту, подбитый кем-то из догнавших нас парней.

– Сэм! – закричала я, устремляясь к нему, но парень, чье лицо было залито кровью из-за моего заклятия, перехватил меня за руки, притягивая к себе.

Я почувствовала зловонное дыхание и сальные руки на своих бедрах.

– По-хорошему не захотела, значит, – прохрипел он, смыкая пальцы на моем горле. – Ничего, коповская подстилка, я знаю способ обучить тебя манерам.

Мне вдруг стало смешно. Сначала ссора с Коулом, после унижительная встреча с Авророй и шокирующие открытия, бессонная ночь и бар на другом конце Бёрлингтона, набитый мужланами. Я все ждала, когда этот треклятый день закончится, но... С другой стороны, зачем ему кончаться? Разве это не весело?

– Ты что, больная? – опешил мужчина, когда я, опьяненная не то бурбоном, не то осознанием своего превосходства, отыскала взглядом Сэма и засмеялась. Он вновь одерживал над соперниками верх, окровавленный, но безумно счастливый. Его зубы покраснели от крови, которая текла по подбородку, заливая джемпер.

– Не понимаю, – призналась я, задумчиво посмотрев на удерживающего меня мужчину. – Как вы, смертные, можете кого-то устрашать?

Впервые мне не пришлось озвучивать заклинание. Мне даже не пришлось вспоминать руну, ответственную за стихию воздуха, чтобы я вдруг почувствовала: то, чем я дышу, подвластно мне, как клубок ниток. Хочу – разматываю, хочу – сплетаю вместе. Я знала лишь две стихии из четырех – огонь и воду, – и каждая отличалась своим особым вкусом. Огонь – острый, как индийские специи. Вода – морская соль. Воздух же оказался сладким и тягучим, как жвачка, которую хочется пробовать снова и снова, а его энергия в теле походила на прикосновение к оголенным проводам.

Я высвободила руку из хватки мужчины и вскинула ее вверх, наблюдая, как порыв ветра отрывает его от меня и, протаскивая по земле, насаживает коленями на острые пики забора. Раздался оглушительный вой, и те трое, что напали на Сэма, отступили, разбегаясь.

– Это Воздух! – заверещала я, когда Сэм, сплюнув вязкую багровую слюну, вытерся рукавом джемпера и подошел. – Воздух! Ты видел? Третья стихия! Я даже не знала, что веселье бывает таким... ненормальным, – хихикала я. – Ведь нужно, чтобы было весело, когда ты призываешь Воздух, а это значит, что мне сейчас было весело и... Спасибо, Сэм!

– Ты что, обдолбалась?

Я замолчала. Сэм, сложив руки на груди, наклонился ко мне с таким видом, будто прямо сейчас собирался отвезти меня в медицинскую лабораторию для сдачи анализов.

– Г-хм... Да, есть немного. Вискарь паленый был. Пойдем.

Смирившись с мыслью, что никто, кроме Коула, не оценит мои волшебные душеизлияния, я устремила на другой конец парковки к «Форду», стараясь не стореть со стыда.

– Ты не пострадала? – спросил меня Сэм, нагоняя. – Цела?

– Да, все обошлось. Тот идиот так распинался в угрозах, что сам не заметил, как споткнулся и налетел на забор... – пробормотала я, и, судя по невозмутимой реакции Сэма, он был слишком увлечен дракой, чтобы не поверить мне на слово. – А ты сам как?

– Превосходно! Надо только в душ перед работой заскочить...

Я пригляделась к его лицу. Заплывшее, в крови, оно выглядело не так уж ужасно, как могло бы. Разбитые губы и кулаки, которым почти никогда не давали время зажить до конца. Алкоголь уже выветрился из Сэма, как и из меня: я словно очнулась от наваждения и, осознав, как безрассудно явила свою магию несколько минут назад, почти ощутила прилив панической атаки.

– Господи, – выдохнула я. – А меня ведь, кажется, хотели изнасиловать!

– Да, наверно, – хмыкнул Сэм. – Теперь ты понимаешь, как глупо было соваться в такое место посреди ночи? Представь, что было бы, ошибись ты с баром и не окажись там меня. Откуда, кстати, ты узнала, что я...

– Тебе умыться надо, – перебила я, не готовая сочинять на ходу правдоподобную историю, чтобы при этом окончательно не прослыть сумасшедшей. – И желательно подыскать новое хобби. Только не говори Коулу, что я тоже приняла участие в этой вакханалии, ладно?

Сэм усмехнулся, и я не сразу заметила, что он завис в нескольких сантиметрах от меня. Запах бурбона смешался с запахом крови, но тошноту, однако, не вызывал. Вблизи его глаза оказались не такими уж темными и зелеными, а скорее цвета охры с крупными хлорофилловыми прожилками. Я смотрела на него, пока не почувствовала, как его прохладная рука стирает что-то на моей щеке.

– Тебя забрызгало кровью из носа того подонка, – безразлично сказал он. – Проверься на гепатит.

Обогнув меня, остолбеневшую от такого хамства, Сэм быстро пересек парковку, где его дожидался автомобиль.

– Ты ведь не собираешься садиться за руль? – боязливо поинтересовалась я, кинувшись следом.

– Нет, только документы и ключи от дома заберу... Какого черта?!

Я задалась тем же вопросом, застыв перед раскуроченным куском металллолома, в который превратился серебристый «Форд». Выбитые стекла усеяли асфальт, а лобового стекла не было вовсе. Но пока Сэм исторгал ругательства и обещал достать этих мразей из-под земли, меня лихорадило вовсе не от того, что теперь Коулу придется подвозить его каждый день до дома.

Знак, выцарапанный по всему корпусу «Форда», преследовал меня повсюду – *солнце*, разделенное надвое.

– Наверняка это сделали те мрази. Ну ничего, от базы данных полиции никто еще не укрывался! – процедил Сэм, отчаянно пиная фонарный столб, и, кажется, он действительно не видел колдовского знака на машине, как и утверждал Коул.

У меня же свело челюсть. Сэм забрался на пассажирское сиденье, и оттуда вдруг что-то выкатилось, падая на землю. Но он не увидел этого: проследил взглядом за звуком, но быстро забыл из-за чар, которые скрывали от человеческого внимания сверток, подброшенный в разгромленное авто. Я наклонилась и, подобрав его, развернула лоскут льняной ткани.

Пожелтевшие страницы, сшитые вручную. Сизая обложка. Неразборчивый почерк. Жемчужины под моим шарфом потеплели, откликаясь на близость этой бесценной находки.

– Не может быть, – вырвалось у меня, и Сэм вопрошающе высунулся наружу.

– Что там у тебя?

– Ничего особенного, – притихла я, пряча под пальто гримуар.

VII Братья Гастингс

Я любила катать маленького Ноа на плечах. Он с радостью запрыгивал мне на спину, вереща о лошадках и рыцарях, пока я рассекала цветочную поляну перед домом, поднимая в воздух вихрь из одуванчиков. Выбившись из сил, я падала на живот, и мы лежали так до поздней ночи, скинув обувь и греясь под солнцем. Ноа жался к моему боку, засыпая, а я прятала улыбку в его пшеничных волосах, жестами прося маму не спускаться с крыльца и не забирать его в детскую, чтобы потом сделать это самой.

Не это ли истинное спокойствие?

– *Berkana*.

Нет, очевидно, не это.

Я обхватила ладонями цветочный горшок, вдыхая запах сырой почвы, в которой пыталась взрастить розовую гортензию, но стихия земли отказывалась подчиняться. Подвластная лишь умиротворенному разуму, она должна была даровать мне власть над самой природой, но на деле давала лишь чувство беспомощности. По крайней мере, именно это я почувствовала, когда в квартире начал сотрясаться пол.

– О нет, – выдохнула я, хватаясь за подоконник, чтобы устоять на ногах. Цветочный горшок покатился вниз, разбившись, а из шкафов на кухне сыпалась посуда.

Землетрясение, казалось, было готово разрушить весь Бёрлингтон. Машины, припаркованные вдоль улицы, заверещали. Я взмолилась, чтобы неудачное заклятие затронуло лишь пару соседних кварталов, а не целый город, грозящийся провалиться в адово пекло по моей неосторожности.

– Одри!

Я с ужасом узнала этот голос и, удерживаясь за батарею, принялась судорожно перелистывать страницы гримуара, ища спасительную инструкцию.

– Одри! – раздалось снова, и Коул ввалился в квартиру, лишь чудом успев спасти Штуделя от книжного шкафа, который, скрипя, накренился набок и едва не задавил их обоих. – Что происходит?!

– Не знаю! – в отчаянии вскричала я, глядя на картины, падающие со стен. – Я была спокойна! Спокойствие – эмоция Земли... Я даже йогой по утрам занялась, чтобы обрести душевное равновесие, как здесь написано. Я делала все точно, как в Книге!

– Исправь это! – воскликнул Коул, пропустив мои оправдания мимо ушей.

Я затрясла головой в такт подземным толчкам, заставляющим ходить весь дом ходуном, и забегала глазами по строчкам, ища способ обернуть действие стихийной магии вспять.

– *Berkana isa!*

Казалось, все, что могло свалиться на пол в этой квартире, уже свалилось к тому моменту, когда землетрясение наконец прекратилось. Меня пошатывало из стороны в сторону, пока я не дошла до дивана и не рухнула на него, переводя дух.

Коул выпустил из рук Штуделя, шерсть которого стояла дыбом, и ошеломленно огляделся, оценивая ущерб: разбросанный цветочный грунт, переломанные вещи, надколотая посуда, перевернутая мебель. За окном одна за другой замолкали машины, а люди выходили на улицы, испуганные.

Я виновато улыбнулась, прижав к груди гримуар, и посмотрела на Коула.

– Ты вернулся с работы раньше, – озвучила я робко, покосившись на стрелку часов, замершую возле двенадцати.

– Да, – кивнул Коул сухо, кажется, все еще пребывая в шоке. Карие глаза блестели, как стеклянные. – Сегодня пятница, а еще я сэндвичем с курицей отравился, так что Миллер отпустил меня пораньше. Ты не могла бы больше так не делать, а?

– Как «так»?

– Не колдовать в моем доме!

Я дернулась, когда Коул всплеснул руками и схватился за голову. Паралич отступил, и его буквально захлестнуло волной эмоций. Закусив рукав своего джемпера, Коул испустил приглушенный крик.

– Третий раз! – принялся причитать он, когда перестал вопить. – Третий раз ты сносишь мою квартиру! Только вчера установили новые окна вместо тех, что выбил твой мини-ураган, а теперь землетрясение. Ты хочешь, чтобы нам жить стало негде, Одри?!

Молча съжившись с книгой в руках, я проследила за Коулом взглядом: дойдя до окна, он раздвинул пальцами жалюзи, выглядывая на улицу. Там уже почти все стихло, но по-прежнему звучал знакомый рев одного автомобиля. Вынув из кармана ключи от джипа, Коул нажал на пульт, и сигнализация заткнулась. Ударившись лбом о холодное стекло, он медленно и глубоко выдохнул.

– Так больше не может продолжаться. Надо увезти тебя отсюда, пока о нас снова не начали говорить в местных новостях.

– Увезти? – ахнула я, и душа будто ушла в пятки, но Коул обернулся и, увидев выражение моего лица, пояснил:

– За город, Одри. Уедем на выходные из Бёрлингтона, туда, где ты сможешь практиковать магию без вреда для моего физического и психического здоровья.

Я недоверчиво выгнула одну бровь. Провести время за пределами четырех стен, в которых я уже выучила каждую трещинку, было заманчиво. Но еще заманчивее казалась перспектива провести это время вместе с Коулом, при взгляде на которого мне на ум все чаще приходили грязные мысли.

Может, из-за этого я никак не могу достичь внутреннего покоя?

– А ты точно уверена, что эта книга не бракованная? – недоверчиво поинтересовался Коул, подойдя ближе, и с опаской осмотрел тканевый переплет тяжелой книги в пятьсот рукописных страниц. – В детстве я считал, что ведьмы шьют свои книги из человеческой кожи...

Я распахнула сизую обложку из бархатной ткани и ласково огладила пальцами корешок, а затем погладила и прописные буквы в углу первой главы.

«Аврора Л. Эдлер».

– Думаешь, она сама подкинула ее тебе? – спросил Коул, заметив, как угрюмо я разглядываю пожелтевший от времени пергамент, пестрящий заклятиями.

Практически под каждым из них присутствовала чернильная иллюстрация – восковая свеча с колышущимся пламенем под призывом путеводного фамильяра, клыкастая пасть демона-диббука под проклятием, цветущая роза под любовным разделом. Восемь разделов на каждый из восьми даров, не считая серой магии, – все, как и уверяла меня Аврора. А еще целых тридцать страниц, вынесенных в отдельную главу, написанную на недоступном мне немецком языке таким почерком, что помочь мне был бы бессилён даже электронный переводчик. Лишь ее название я смогла расшифровать, что и лишило меня покоя, ведь не нашлось бы названия любопытнее, чем «*Shenom*».

Я покачала головой и сместила красную закладку на сороковую страницу, где остановилась.

– Это точно сделала не Аврора. Она требовала у меня Бёрлингтон и жемчуг в обмен на гримуар... Щедрость – это не про нее, – хмыкнула я и слабо улыбнулась, узнав заклятие, которое было отмечено приятнейшим из моих воспоминаний. – «Песнь синицы»! Смотри! Его написала моя мама, – я повернула Книгу к Коулу, демонстрируя яркую птичку в конце абзаца, разукрашенную насыщенным голубым мелком, – мой детский рисунок. – Мне было семь. Аврора даже его скопировать не поленилась... Впрочем, все, что ни делается, к лучшему. Не верится, что я держу гримуар Шамплеин спустя столько лет.

Я подняла глаза и вдруг смутилась, обнаружив, что все это время Коул, опустив ресницы, смотрел вовсе не в книгу, а на меня.

– И что делает эта «Песнь синицы»? – полюбопытствовал он, сыграв искреннюю увлеченность, и я мысленно поблагодарила его за это: как редко мне удается поговорить о маме! – Прелестное название. Надеюсь, это не какая-нибудь порча?

– Нет, порчу с выпадением зубов мама назвала «Саранча», – усмехнулась я, и лицо Коула вытянулось. – А «Песнь синицы» названа в честь Рэйчел...

– Рэйчел? Кто такая Рэйчел?

Я прикусила язык, но было поздно. Его глаза не просто внушали доверие – они убеждали, открывая меня так, как я ежедневно открывала Книгу заклинаний. И, выдохнув, я впервые заговорила об этом, а меня впервые кто-то услышал:

– Лучшая подруга моей матери. Они были очень близки. Думаю, даже мой отец не был маме дорог так сильно, как Рэйчел, – сказала я и приложила все усилия, чтобы не запнуться: я больше не имею права называть Валентина Эбигнейла своим отцом. – Мама звала ее Рашель на французский манер. Рэйчел любила ее... Сейчас, вспоминая это, я не уверена, что в детстве понимала смысл их любви правильно. В ковенах не приняты однополые отношения, но... Как бы там ни было, Рэйчел защищала нашу семью. Меня. Сначала от всего мира, когда мамы не стало, а затем и от Джулиана. У Рэйчел был волшебный голос... Она обожала петь. Поэтому и «Песнь синицы». Это чары-оберег.

Коул слушал внимательно, присев вместе со мной на скомканный плед, которым был застелен диван. Он улыбался краешком губ, внимая каждому моему слову, и чем больше я рассказывала, тем легче мне становилась: душа больше не металась в агонии, когда я думала о Рэйчел или Виктории. По крайней мере, в присутствии Коула.

– В древности Верховные писали на валлийском или латыни, потому только ведьмы могли прочесть его. Со времен моей бабушки предпочтение стало отдаваться национальному языку. Лишь основные призывы восьми даров по-прежнему звучат на старых диалектах. Хочешь опробовать чары? – предложила я, вдохновленная душевной близостью с Коулом, и перелистнула следующую страницу, где эти чары были расписаны подробнее.

Да, он и впрямь меня слушал, даже наслаждался... Пока не осмыслил мое предложение.

– Нет! – Коул резко отпрянул, и я засмеялась.

– Брось! Это самая светлая часть магии, какую только можно найти. Подобные чары даже на новорожденных накладывают! Ничего страшного не случится.

– Нет, Одри, нет! Даже не вздумай!

Я хитро улыбнулась и, положив ладонь на книгу, начала читать, освежая в памяти сокровенные строки.

– Одри! – взбунтовался Коул и вскочил с места, но я вытянула руку, приложив одну ладонь к его груди, а другой держа книгу на коленях.

Оцепеневший, будто любое неосторожное движение во время ритуала могло его убить (наивный!), Коул широко распахнул глаза. Его кадык нервно дернулся. Стараясь не рассмеяться, я сосредоточилась и вдавила подушечки пальцев в его твердые мышцы под свитером. Там колотилось сердце, как та самая певчая птица, только загнанная и одичавшая.

– *Синица, смотри, как плетет паутину паук. Он голоден, он лелеет надежду, но ты летишь выше любой паутины. Ты сидишь на верхушке сосны, что в грозу упадет. Ты играешь с кошкой, что загубит дюжину крыс. Синица, ты не умрешь, и потому его тоже синицей я нареку.*

«Песнь синицы» действительно была песней – из волшебства были сплетены не слова, а мелодия, которой нужно было их пропеть. И я пела – приглушенно и нежно, как учила мама, когда писала это заклятие, обмакивая перо во флакон с чернилами. Пальцы инстинктивно сжались, сминая свитер Коула, и сердце мое забило в такт его сердцу. Одно дыхание на двоих – мята зубной пасты, чайный имбирь, миндаль. Коул сидел, обездвиженный, но смирившийся со своей участью. Однако это не длилось дольше двух минут: я произнесла финальное слово и, закончив, отдернула руку. Но...

Воздух не электризовался, магия не рвалась наружу. Затишье, которого не должно было быть.

Коул заморгал и медленно осмотрел свой помятый свитер.

– Это что, все? Фух...

– Хм, что-то не так, – протянула я недоуменно, хмурясь и быстро пролистывая страницы. – Заклятие будто... не работало.

– Говорил же, что эта книга бракованная, – сказал Коул не без облегчения, отодвигаясь, но я снова ухватила его за ворот.

– Стой. Давай попробуем еще раз. Хочу понять, что я сделала не так.

Коул возмущенно замычал, но я уже закрыла глаза и снова прижала к его груди руку – на этот раз сразу две, чтобы наверняка.

– Синица, смотри, как плетет паутину паук...

– Хм, – изрек Коул, когда я смолкла, а чуда снова не произошло. – Нет так нет. Не велика потеря. Пойду собирать вещи.

Он поднялся, не скрывая радости, и ринулся в спальню, загрохотав выдвигаемыми ящиками.

– Только приведи перед отъездом мою квартиру в порядок, пожалуйста!

Обреченно вздохнув, я взобралась на спинку дивана, чтобы видеть и контролировать все пространство, и сконцентрировалась. Дар метаморфоза был невероятно полезен, потому что вместе с тем являлся и даром восстановления.

Управляя обстановкой квартиры, как дирижер оркестром, я расставила все статуэтки, книги и картины по своим местам, а примерившись к разбитой посуде и горшкам, собрала их воедино, не забыв убрать и желтую лужу под лежанкой Штруделя, которую тот, похоже, оставил по моей вине.

– Сэм ничего не говорил? – поинтересовалась я осторожно, заканчивая устранять погром. – Про тот вечер в баре, да и в целом...

Роясь в шкафчике над раковиной, Коул взял свою зубную щетку и на миг замер.

– Ну, сегодня он ни разу меня не послал, – осознал он с удивлением – И, кажется, завязал с выпивкой. Сэм вообще притих после того, как ты починила его «Форд». Думается мне, он испугался, что словил белую горячку... Машина-то стала выглядеть лучше, чем была.

– Ай да Одри, – бодро похвалила я саму себя, довольная.

В ту ночь, не выдержав жалобного скулежа Сэма, я отправила его домой на такси, а сама осталась, чтобы залатать машину по кусочкам. Буквально. На это ушло не только много времени, но и много магии, поэтому наутро мне аукнулся не один лишь выпитый бурбон.

Пока Коул опустошал аптечку, снова почувствовав тошноту от просроченного сэндвича, я прикидывала, что мне может пригодиться на эту пару дней. Пара вязаных платьев, джинсы, два свитера, носки, шапка, свечи из пчелиного воска, свечи торфяные, пучок зверобоя, полыни, крапивы, засушенные осы... Нет, осы здесь, пожалуй, лишние.

Когда мы выехали за черту города, уже стемнело.

– Засада, – буркнул Коул, глянув на мигнувший экран сотового телефона в подстаканнике рядом с полицейским значком. – У постояльцев сломалась машина, и они смогут съехать только завтра утром.

– У каких постояльцев? – спросила я, лениво играя с нашим третьим пассажиром, Штруделем, с которым Коул был неразлучен: дразня кота лазерной указкой и заставляя скакать по задним сиденьям, я сучающе притоптывала ногой.

– Я сдаю один из коттеджей родителей под Шипман-Хилл, – объяснил Коул. – На короткие сроки, обычно на время отпуска. Туда я и хотел тебя свозить, но...

– Ты сказал «один из»? – переспросила я с завистью. – Сколько же недвижимости было у твоих родителей?

Коул стушевался.

– Много.

– Это не ответ. Ладно... Значит, практика на природе отменяется. Возвращаемся в Бёрлингтон?

– Почему же? Нет. Отправимся туда завтра утром, а сегодня переночуем... кое-где еще. Нам как раз по пути. Ох... Не этого я ждал от выходных.

Что-то во взгляде Коула отбило у меня охоту расспрашивать его, куда именно мы направляемся вместо коттеджа. Впервые в дороге не гундосило радио и даже не пела его любимая Бритни Спирс. Слушая вместо этого стук редкого дождя по крыше, который шел этой осенью в Вермонте каждый день, я приоткрыла окно. Пробившись из тонкой щели, порыв ветра всколыхнул мои волосы, и я с упоением подставила ему лицо, но ненадолго: воспоминания о лихорадке и кашле, саднящем легкие, были еще свежи.

Мы ехали около двух часов. За окнами проносился густой лес, объятый туманом. Длинный дорожный мост раскинулся прямо над утесами, а за ними колыхался серо-голубой Шамплейн, почти сливаясь по линии горизонта с таким же небом. Круговорот хвои, асфальта и перьевых облаков. Очень скоро широкая автотрасса сменилась извилистыми сельскими дорогами, на кочках которых мы каждый раз резко подпрыгивали.

Приложившись головой о стекло, когда джип снова трянуло, я чертыхнулась, но отвлеклась на белую каменную церковь, которую мы проезжали, завернув в тихое поселение. В такую морось на улицах никого не было. Лес сгушался, и в просветах между деревьями мелькали

поля, редееющие в преддверии зимней поры. Я потянулась к бардачку, вглядываясь в черную точку где-то вдалеке, к которой мы приближались. Постепенно абстракция вырисовалась в одинокий двухэтажный дом из черного дерева с кирпичным дымоходом, откуда клубами валит дым. Из-за кухонных штор лился тусклый свет, а сбоку к дому примыкала ферма с загонем и конюшней.

Я снова приоткрыла окно: в воздухе пахло морозом, тлеющими углями и жженым сеном. Жилые постройки вдоль дороги исчезли: их опять сместил непроходимый лес. Мы не просто пересекли поселение, а оказались на самом его краю, у последнего дома, стоящего на отшибе. Моя семья жила в таком же уединении, и я успела истосковаться по сельскому уюту, поэтому обрадовалась, когда Коул остановился перед фермой.

Мы приехали.

– Кто здесь живет? – поинтересовалась я, отстегивая ремень.

Коул тянул с ответом, выбираясь из машины.

Не прошло и минуты, как входная дверь распахнулась, выпуская кого-то на скрипящее крыльцо. Из собачьей будки рядом донесся предупредительный лай.

Я оторопела, взирая на Коула, показавшегося на лестнице дома. Нет, не так... То был вовсе не Коул. Я поняла это, только когда попятилась и натолкнулась на настоящего Гастингса. На крыльце же стоял кто-то иной. Но почти идентичный ему. И, заметив масштаб моего ужаса, Коул подтолкнул меня вперед.

Я заморгала и снова принялась разглядывать незнакомца. Когда мы подошли, мне стало видно, что, хотя его кудрявые кофейные волосы очень напоминали Коула, черты лица были более мягкими и плавными. Мужчина оказался старше: это выдавали морщинки в уголках его глаз – не ореховых, как у Коула, а светло-зеленых. Лицо усыпали веснушки, но родинок насчитывалось меньше. В плечах незнакомец был в два раза шире, а телосложение выглядело массивным: под черной шерстяной водолазкой проступали мышцы.

Коул махнул ему рукой и обогнал меня, неспешно двинувшись к крыльцу.

– Здравствуй, Гидеон, – вяло поздоровался он, а затем кивком указал на меня: – Это Одри, моя подруга. А это мой старший брат Гидеон. Познакомьтесь.

Я почувствовала, как свежий лесной воздух закупоривает легкие точно пробка, мешая вдохнуть. В шоке я остановилась, приоткрыв рот, переступая с ноги на ногу, пока свинцовый взгляд Гидеона испепелял меня.

– Ты не отвечал на звонки, – наконец, сказал он безразличным тоном.

– Я был занят, – парировал Коул, и Гидеон сложил руки на груди, по-прежнему игнорируя мое присутствие.

– Полгода?

– Да, это были очень трудные полгода. Забывал перезвонить.

Я снова перевела взгляд с Коула на Гидеона и обратно, наконец-то замечая, что в них было ровно столько же различий, сколько и сходства: одинаково безэмоциональные лица, но совершенно разные выражения глаз. Взгляд Коула – распахнутый и выразительный, а взгляд Гидеона – бездушный. Я сглотнула, чувствуя себя крайне неудобно: прежде даже не подозревая о существовании у Коула родственников, я без труда заметила напряжение в их отношениях.

Старший, будь он неладен, брат! Коул почти переплюнул меня в скрытности.

– Зачем ты привел ее? – спускаясь по лестнице на дорожку, спросил Гидеон, враждебно взглянув на меня.

– Я же сказал, Одри – мой друг, – процедил Коул раздраженно. – Ты в курсе, что говорить о человеке в третьем лице в его же присутствии невежливо? Я пригласил ее. Может, проявишь гостеприимство?

Гидеон сжал губы, такие же тонкие, как у Коула, и наконец повернулся ко мне. С заметной неохотой, но он смягчился. Даже улыбнулся, опуская руки, чтобы не слишком походить на неприступное мраморное изваяние.

– Извини, Одри, я просто давно не виделся с братом... А к чужакам не привык. Но я буду рад вам обоим. Прошу, входите!

Гидеон развернулся и, приказав собаке лежать, взбежал обратно на крыльцо, скрываясь под крышей дома.

– Ну и когда ты планировал рассказать мне, что у тебя есть брат?! – исподтишка спросила я, глядя ему вслед.

– Примерно никогда, – честно сознался Коул. – Гидеон не особо радушно встречает гостей, как видишь, но, учитывая обстоятельства, остановиться нам больше негде. К тому же... Как-никак, мы с ним не виделись больше года.

– А он красавчик, – добавила я мечтательно и удовлетворенно заметила, как Коул нахмурился.

– Мы с ним, кстати, очень похожи, – как бы невзначай пробормотал он.

– Да, знаю, только поэтому он и красавчик.

Уши Коула загорелись. Он жестом пригласил меня идти вперед и, забрав из машины наши вещи и Штруделя, поднялся в дом.

– Ты и кот с собой притащил, – скривился Гидеон, прислонившись к косяку кухонной двери и брезгливо оглядывая Штруделя, обнюхивающего его обувь.

– Он идет со мной в комплекте, – буркнул Коул, расстегивая пальто. – Как Бакс идет в комплекте с тобой. Я же тебе не указываю, каких домашних животных заводить.

Гидеон хмыкнул, и лишь повесив на вешалку свой шарф и верхнюю одежду, я заметила, что он не сводит с меня глаз. Тяжесть непрошеного внимания легла на плечи, как якорь, и я судорожно оглядела себя в зеркальном столике в прихожей, якобы ненароком поправляя взлохмаченные волосы и макияж.

– Поговорим? – предложил Коулу Гидеон бесстрастным тоном, а затем красноречиво добавил: – Наедине.

– Нет, – отрезал Коул так небрежно, будто отказывался от лишней порции пирога.

Гидеон оскорбился.

– Что значит «нет»?!

– Разве мы не должны сначала показать Одри дом?

Если бы взглядом можно было убить, Гидеон не оставил бы от меня и мокрого места. Он сдержанно кивнул, открывая проход на кухню и обводя рукой лестницу, а затем прилегающие к ней комнаты.

– Пожалуйста.

Дом, в меру большой и сложенный из цельных блоков дерева, пах смолой и жаром огня из раскопчегаренного камина. Здесь не было ничего лишнего: чистота и порядок, как и в доме Коула, охотничий реквизит на стенах и свежие фрукты в вазочках. Мое внимание привлекли семейные фотографии на стенах, и я улыбнулась, задержавшись перед изображением маленького Коула в тех самых красных башмачках в обнимку со старшим братом. В детстве они выглядели практически одинаково, разве что Гидеон был крупнее и выше, старше Коула примерно лет на пять.

– Ух ты! Почему я не видела эту прелесть раньше? – протянула я со смешком. – Пыталась найти у Коула хоть один фотоальбом дома, но... Теперь понятно, что все их он отдал тебе. Столько фотографий!

Гидеон встрял между мной и коллажем.

– Как это нет альбома?! Подожди, а ты вообще знала о моем существовании? – уточнил он, и я втянула голову в плечи, по умоляющему взгляду Коула поняв, что накликала на него беду. – Seriously? Куда ты дел наши фото, дурень?!

– Убрал, – промямлил Коул. – На всех фотографиях мы обнимаемся, как два идиота, а ко мне иногда друзья заходят...

– Не ври! У тебя нет друзей.

– А откуда им взяться, когда ты всю мою квартиру детскими фотками обклеил?!

Я отодвинулась от них, переместившись в гостиную и подставив замерзшие ладони к пламени. Танцующее, оно убаюкивало, и меня стало клонить в сон после долгой поездки и тренировки заклятий, пока два брата ссорились за моей спиной.

Игнорируя громкую ругань, я обошла почти весь нижний этаж, когда рядом с моим плечом вырос Коул. На стенах дома была запечатлена вся история братьев Гастингс, и мой взгляд прилип к огромному семейному портрету: мужчина и женщина с двумя озорными мальчишками на руках.

– Это твои родители? – догадалась я. – Они выглядят счастливыми.

Похоже, так оно и было: женщина с лучезарной улыбкой и карими глазами Коула, рядом зеленоглазый мужчина, веснушчатый, с непослушными темными кудрями. Оба казались совсем юными на изображении – наверно, мои ровесники.

– Почему ты не живешь вместе с Гидеоном? – спросила я приглушенно. – Кажется, в детстве вы были очень дружны.

– Наши пути давно разошлись. Мы оба выросли, но мой брат считает, что взросление коснулось его одного, – пробормотал Коул угрюмо, воровато озираясь. – Он работает на производстве кленового сиропа. Иногда мне кажется, что этот сироп склеил ему мозги.

Я покосилась на Гидеона, мешающего кочергой угли в камине и упрямо делающего вид, что он ничуть не подслушивает наш разговор.

– Просто не кради у него ничего. И не колдуй, – предупредил меня напоследок Коул. – Это всего на одну ночь. Притворись... нормальной, ладно?

Я закатила глаза, и Коул отошел от меня.

– Вы устали, – произнес Гидеон заботливо, по-хозяйски складывая разбросанные по дивану книги. – И наверняка голодны. Я как раз готовил ужин. Поможете мне с...

– Ой, совсем забыл навестить Меркурио!

Гидеон не успел договорить, потому что Коул, взбудоражившись, уже умчался на улицу с воплем, как сильно он скучал по своему любимцу в конюшне. Оставив меня наедине со своим старшим братом, Коул не учел то напряжение, природу которого я никак не могла разгадать. Гидеон будто возненавидел меня с первой секунды, и это ощущение отнюдь не развеялось чудесным образом, но, благо, примялось, как матрас, когда он осознал, что от моего общества сегодня никуда не деться. Гидеон вымученно улыбнулся:

– Хм, что же... Одри, может, тогда хоть ты составишь мне компанию на кухне?

– Да, с удовольствием.

Маринуя утку, которую Гидеон достал в честь нашего визита, я наблюдала в зашторенное кружевами окно, как Коул играет с псом Баксом, пытаясь отнять у него здоровенную кость. Он выглядел по-настоящему веселым, беззаботным, и я задалась вопросом: он такой всегда, когда ему доводится провести время в зверинце? Или же дело в братском прибежище, по которому он тосковал в глубине души? Я улыбнулась, когда Бакс, отряхнувшись от грязи, забрызгал Коула и от крупниц земли родинки на его лице будто сделалось вдвое больше.

– Он всегда любил животных, – проследив за моим взглядом, поведал Гидеон. – Только ради него я держу лошадей. Раньше он приезжал каждый месяц, проводил здесь выходные...

– На него и впрямь много работы свалилось в последнее время, – решила встать на защиту Коула я.

– Вы с ним давно знакомы? – спросил Гидеон, осторожно отпихивая ногой мяукающего Штруделя, выпрашивающего ломтик сырого мяса.

Я замялась, придумывая ответ. Коул не предупреждал меня, как надо вести себя с Гидеоном, но то, что стоило прятать свое прошлое и магию, было ясно и так. В конце концов, правилам притворства со смертными Рэйчел обучала меня с пеленок.

– Месяц, – ответила я, не желая врать. – Мы познакомились в Новом Орлеане. Он... подбросил меня до отеля, когда началась буря.

Нет, все-таки без вранья никуда.

Гидеон скептически сощурился, перемешивая сладкий яблочный соус.

– Вы с Коулом вместе? – спросил он в лоб, и я едва не расплескала весь маринад. – Очевидно, вы встречаетесь, раз ты из Нового Орлеана потащила за моим братом в Бёрлингтон... Ты ведь точно не оттуда родом. Таких совпадений не бывает.

Я взглянула на Гидеона.

«Если бы ты только знал, на какие совпадения горазда моя жизнь».

– Мы друзья, – ответила я деликатно. – Очень хорошие друзья. Мы быстро сблизились и... Я его стажер в полицейском участке. Коул чудесный... В смысле, чудесный детектив.

Гидеон промолчал, ворочая на сковороде подрумяненное филе. Я закусила губу, уткнувшись в разделочную доску.

– Вы переехали из Северной Каролины, верно?

– Верно. Нас растила бабушка, – сказал Гидеон, заправляя салат. – Коул хотел работать в полиции, а я просто хотел быть рядом, как и положено семье. У тебя ведь есть семья?

Я тряхнула головой, фокусируясь, и снова взялась за резку овощей.

– Нет, я сирота.

Гидеон замер, но, быстро преодолев неловкость, возвратился к готовке.

– Поставь вот этот противень в духовку, – велел он мне. – Я сейчас вернусь.

Я кивнула, послушно оборачивая противень фольгой и засовывая внутрь. Гидеон покинул меня как никогда вовремя: отчего-то мне нестерпимо захотелось плакать – крайне нечастое явление у ведьмы, привыкшей к лишениям и отшельничеству. Я невольно вспомнила праздничные ужины, которые мы готовили всем ковеном на одной кухне, и своего отца, доброго, сильного и честного, с голубыми глазами и густой темной бородой. Он учил меня готовить бисквитный торт, а всего через год умер. На тот момент Ноа было всего пару месяцев от роду. Магия отца увяла, как цветок, что случается с каждым ведьмаком и ведьмой, когда тем переваливает за три сотни лет. Валентин Эбигнейл. Вряд ли он бы стал тогда учить меня готовить бисквит, если бы знал правду.

Прошло больше пяти минут, когда я заподозрила неладное. Оглянувшись на шорох в коридоре, где Коул сбросил наши сумки, я протерла руки полотенцем и выглянула из кухни.

Гидеон расстегнул молнию на моем рюкзаке и, роясь в нем, почти вытянул на свет гримуар.

– Что ты делаешь?! – воскликнула я, вырывая у него из рук рюкзак и прижимая к себе.

Гидеон растерянно заморгал, выпрямляясь, и невозмутимо пожал плечами.

– Я просто хотел отнести ваши вещи наверх.

– Нет, ты в них копался! – воскликнула я, разгневанная.

– Что? Одри, тебе показалось... Штрудель свалил рюкзак, и все высыпалось. Молния разъехалась...

Я не успела распалиться, яростно доказывая вину Гидеона, как дверь отворилась, впуская внутрь дома грязного Коула с не менее грязной собакой на руках. Оба были облеплены сухими листьями, застрявшими даже в волосах, но выглядели абсолютно счастливыми.

– Как ты можешь держать Бакса в такой холод на улице?! – ужаснулся Коул. – Сердце кровью обливается! Сегодня он ночует с нами.

Коул поставил довольного пса на пол и лишь после заметил, что в его отсутствие что-то пошло не так. Этого по-прежнему не признавал только Гидеон: с отстраненной улыбкой он смотрел то на меня, то на брата и действительно выглядел так, будто ничего не произошло. За все годы бегства я не встречала того, кто бы сравнился со мной в искусстве лжи, но, видя сейчас ледяное спокойствие в зеленых глазах и подвергая сомнению трезвость собственного рассудка, я вдруг поняла, что впервые встретила такого же лжеца, как я.

– Ты вернулся как раз вовремя. Ужин уже готов, – объявил Гидеон.

Скользкий момент так и остался просто скользким моментом. Мы уселись за стол, который любовно накрыл Коул после того, как отмылся от грязи. Гидеон же заставил всю скатерть блюдами и тарелками, полными еды, и от этого сочного масляного аромата я и впрямь была готова зарыть топор нашей войны. Разлив по бокалам глинтвейн, от которого Коул категорически отказался, заменив его крепким чаем с тремя ложками сахара, Гидеон поочередно положил в тарелку каждому утку с печеным картофелем.

– Еще салата, Одри? – любезно предложил он, и я закивала головой, охотно доедая предыдущую порцию, пускай тишина за столом и не располагала к аппетиту. – А ты почему не ешь, Коул?

Коул отодвинул от себя тарелку, довольствуясь чаем. От одного лишь запаха утки его передергивало, и я посочувствовала его горю.

– Я отравился утром, – рассказал Коул, морщась. – Не уверен, что вообще захочу есть в ближайшие десять лет.

На лице Гидеона пролегла глубокая тень, и он странно посмотрел на меня. Я невинно улыбнулась, пожав плечами, и положила себе еще початок отварной кукурузы, сдобренный солью.

– Вы останетесь? – спросил Гидеон. – До понедельника.

– Нет, мы едем в отцовский коттедж, – сказал Коул, поглаживая холку Штруделя, свернувшегося у него на коленях. – Отдохнем пару дней и вернемся в Бёрлингтон. Может, во вторник, если Сэм согласится махнуть сменами...

– А почему не провести уикенд здесь? Второй этаж в вашем распоряжении. Мне на работу к девяти, так что дом пустует сутками и... Эй, помнишь, как я учил тебя верховой езде? – заулыбался Гидеон ностальгически. – Мы могли бы прокатиться завтра. Давно никто не седлал Меркурио...

– Кстати, о втором этаже! – встрял Коул, будто это было единственное, что он услышал. – Перетащу-ка я туда наши вещи. Спасибо за ужин, все было потрясающе, Гидеон.

Тот даже не успел предложить чаю с вишневым пирогом, как Коул уже поставил свою тарелку в раковину и скрылся в коридоре.

Гидеон тяжело вздохнул, и мне вдруг стало его жалко. Проводив Коула тоскливым взглядом, он налил себе еще глинтвейна и залпом осушил глиняную кружку. Мне не следовало лезть в их братские отношения, но кое-что в родственных связях я все же смыслила (как бы оптимистично это ни звучало из уст той, чей близнец оказался убийцей). Гидеон выглядел как самый любящий брат на свете, а Коул – как самый ершистый и отстраненный. Типичная градация между «старшим» и «младшим», которая проходит сама по себе с возрастом, но... Это правило явно не сработало в семье Гастингс. У них вообще никакие правила не работали.

– Давай я помою посуду, – вежливо предложила я, вставая из-за стола и направляясь к пирамидке из грязных тарелок.

– Не стоит, – сказал Гидеон, отодвигая стул и вешая полотенце на крючок. – Ты здесь гостя, пускай и незваная. Да, порой я бываю чересчур резок... Просто не ожидал, что Коул приведет к нам в дом постороннего человека. Впрочем, это слишком громко сказано, ведь по факту винить его не в чем – человека он с собой и не приводил.

Моя рука уже сжала моющую губку, когда грубый рывок отшвырнул меня к шкафу. Звон тарелок заглушил шум воды. Пар клубился над перевернутыми стаканами, оставшимися лежать на дне раковины. Я же оказалась прижата к стене, испуганно царапая пальцы Гидеона, сомкнутые вокруг моей шеи. Они вот-вот могли соединиться, переломив ее пополам.

– Больше, чем незваных гостей, я ненавижу разве что ведьм, – прошипел он мне в лицо. – И уж точно я выхожу из себя, когда одна из ведьм манипулирует моим младшим братом!

То, что в руках Гидеона я до этого принимала за десертную ложку, вдруг оказалось разделочным ножом, наточенным и отшлифованным до слепящего блеска. Нож прижался к моему горлу. Острие показательно прошлось по гортани и остановилась у сонной артерии. Я бы вздрогнула, если бы не боялась даже сглотнуть: при малейшем движении нож мог вонзиться в меня.

– Зачем ты здесь? – спросил Гидеон тихо, и зеленые глаза, прежде напоминающие мне о весенних полях из розмарина и мяты, потемнели. – Как долго ты используешь Коула? Что тебе понадобилось от него, ведьма?!

Нож болезненно надавил, но отстранился, чтобы я смогла ответить. Застигнутая врасплох и оцепеневшая, я лишь задушенно промычала:

– Он мой друг.

– Друг? – Гидеон разразился нервным смехом и, стиснув зубы, снова приставил острие ножа к прежнему месту – артерия пульсировала в такт моему бешено колотящемуся сердцу. – У Коула нет друзей! Ведьма, пользующаяся доверчивостью моего ничего не подозревающего брата, тем более не имеет права называть себя его другом. Ты должна понять, – он глубоко вздохнул и, вернув себе самообладание, заговорил медленнее: – Мы двое – все, что у нас есть. Коул – самое важное в моей жизни, и я не намерен терять его только из-за того, что какой-то одинокой ведьмочке захотелось поиграться со смертным, напоив его приворотным зельем. Не думай, что я не заметил! Он ничего не ест. Как давно ты поишь его этой дрянью?!

Объяснять, что в голодовке Коула виновата отнюдь не передозировка зельем, а просроченный сэндвич, было невозможно. Я пялилась на Гидеона, пытаюсь поверить, что уникальный дар Коула был вовсе не уникален: все это время Гидеон знал, кто я такая.

– Оставь моего брата в покое, Одри! – прошептал он. – У тебя всего один шанс. Ты сию же минуту поднимешься наверх, заберешь свой рюкзак и, ничего не объясняя, уедешь отсюда к чертям собачьим. Ты больше никогда не появишься в жизни Коула. Мы поняли друг друга?

– Лично я понял тебя предельно ясно, братец.

Я бы поперхнулась, если бы не помнила о лезвии ножа под горлом. Гидеон повернулся, и я взглядом последовала за ним: Коул стоял в дверях. Смерив ледяным взглядом кухонное оружие брата, мешающее мне двигаться, он спокойно приказал:

– Положи на стол.

Гидеон поджал губы, но подчинился: рука с ножом опустилась, и меня накрыло ватной волной облегчения. Кинув нож на грязную разделочную доску, он отошел от меня и недовольно посмотрел на Коула.

– Так ты знаешь, – понял он, и Коул кивнул.

– Я знаю больше, чем ты думаешь. Может быть, знаю даже больше тебя самого.

– Ох, ну это ты уже перегнул палку. Знать, что твоя новая подружка ведьма, – не то же самое, что...

– Я знаю о ковенах, культах, мессах, демонах, – перебил его Коул, закатив глаза, и их перебранка вдруг напомнила мне спор двух школьников, меряющихся оценками по алгебре. – О ритуалах, закланиях, проклятых – волках и бессмертных. Я даже подозреваю о существовании фейри...

Гидеон хмыкнул, и я была готова поспорить, что он пытался скрыть изумление и даже кое-что больше... Разочарование.

– Откуда?.. Ты ведь говорил, что работаешь детективом, – процедил Гидеон, и в его голосе назревала целая буря, которую он едва сдерживал, стискивая кулаки до белых костяшек.

– Так и есть.

– Да ну?! Ты должен был просто заполнять кипы отчетов и защищать людей! – не выдержал Гидеон, взорвавшись криком. – А чем же ты занимаешься на самом деле?!

– Я и защищаю их! – воскликнул Коул в ответ. – От всего! Не только от наркомана с перочинным ножиком в подворотне, но и от того, что живет в тени.

– Ты должен был...

– Не смей говорить мне, что я должен! – рявкнул Коул, и даже я, все еще немая и парализованная, дернулась одновременно с Гидеоном от его неистовой ярости. – Если я могу кому-то помочь – я помогаю. Это и значит защищать! Я не виноват, раз вижу то, чего другие не видят, и поэтому могу предотвратить то, что никогда в жизни не предотвратит кто-то другой. Вижу не педофила, а низшего инкуба, крадущегося за ребенком... Вижу, что прячется в окне дома пожилого сантехника, который должен умереть сразу же, как пересечет порог собственного дома. Я *вижу!* – Коул почти ударил себя по груди, и я увидела, какими заволаживающими могут быть его тигриные глаза, когда блестят от слез. – И ты их тоже видишь! Теперь я знаю. Почему ты врал мне, Гидеон?!

Гидеон задохнулся от горечи, заполнившей рот вместо слюны и слов, и пристыженно опустил глаза. Коул почти плакал, стоя напротив, а я смогла лишь запрятаться в угол кухни и вытянуть руки по швам, хотя они и тянулись к его кудрявым волосам в утешительном жесте. Я не имела никакого отношения к этой семье. Поэтому все, на что имела право сейчас, – молчаливо наблюдать, пока Коул кричал, не успокаиваясь:

– Столько лет... Столько лет мы врали друг другу! Зачем? Почему? Смотри мне в глаза, Гидеон!

– Я заботился о тебе, – прошептал он спокойно, хотя дрожь и сотрясала его спину. – Я хотел, чтобы ты жил нормальной жизнью.

– Нормальной жизнью?! Да я же аутист! Я априори не способен вести нормальную жизнь! Представь, если бы у меня не было нашего дара, благодаря которому я сумел найти свое место в жизни... Как много ты знаешь подобных мне, кто пригодился современному обществу? Таких, кто тоже болен...

– Не говори так...

– Синдром Аспергера – это болезнь, Гидеон. Признай ты уже, наконец, что мы с тобой непохожи!

– Ты не болен! – закричал Гидеон, не стерпев давления Коула, и голос его сорвался. Карие глаза широко распахнулись в смятении от услышанного: – Нет у тебя никакого Аспергера! Ты охотник. То, что ты считаешь аутизмом, – это инстинкт!

Тишиной, что повисла на кухне, можно было заколачивать гвозди. Тяжелая, душная, она придавила меня, и я осела на край стола, переводя дыхание, потому что услышанное ударило под дых не только Коулу. Ведьма никогда не должна слышать такие слова, а если она их вдруг слышит, должна бежать со всех ног, не оглядываясь.

– Сколько у меня ресниц? – вдруг спросил Гидеон серьезно, и Коул выпалил быстрее, чем я успела посмотреть на его веки:

– Двести три.

Гидеон удовлетворенно кивнул.

– А у тебя двести девятнадцать.

– К чему ты это вообще? – едва слышно сказал Коул, охрипнув.

– Мы охотники на ведьм, – повторил Гидеон вкрадчивым тоном, скрестив руки на груди, будто пытаюсь свернуться в кокон. – То, что ты считаешь симптомами болезни, является залогом для выживания каждого охотника. Сводящая с ума внимательность, скрупулезность, эйде-

тизм, заиклинность на деле – это твоя гарантия на охоте, что ты сумеешь отличить мишень от жертвы и не будешь застигнут врасплох. Чувствительность к шуму и прикосновениям, ярко выраженное собственничество к вещам – это тоже рефлекс. Элементарный инстинкт самосохранения от нечисти.

– Он мешает жить, – попытался оспорить Коул.

– Нет, он помогает охотникам не вымереть.

– Выходит, все это время я был... нормальным? – ошарашенно уточнил Коул, и Гидеон замялся.

– Почти. Твой инстинкт гипертрофирован, он не должен был развиваться до таких масштабов, чтобы заставлял тебя бояться всего вокруг. Думаю, это следствие, что ты рос в незнании о своем предназначении... Ты пугался, когда не понимал, что видел под масками людей, и спешил закрыться от видения. Не тренировался, как я, поэтому выработал... механизмы самозащиты. Даже эти «ритуалы» с почесыванием или зеркалом служат в качестве сдерживающего барьера – притупляют жажду охоты. Все, что происходит с тобой сейчас, сугубо моя вина, Коул. Прости.

Трясущимися руками Коул начал рыться в карманах и, выудив на свет бронзовое зеркальце, открыл его, уставившись на свое отражение. Не знаю, что именно он силился разглядеть в нем, но с каждой секундой кожа его становилась блее, а глаза – темнее, выделяясь на ее фоне.

– Мне его мама подарила, – прошептал он едва слышно. – На тот самый день рождения. Думал, оно волшебное, раз в нем я вижу правду...

– Оно не показывает правду. Оно только фокусирует твое внимание на нужных вещах. В детстве ты обходился и без него, просто ты не помнишь. Коул... – Гидеон передохнул и начал с новым запалом: – Я считал, что если мы с бабушкой постараемся воспитать тебя обычным, то ты обычным и вырастешь. Я хотел, чтобы ты жил в безопасности, надеялся, что жажда охоты в тебе атрофируется, как бесполезный орган, перестанет напоминать о зове... Я еще никогда в жизни так не ошибался.

– Я два года проучился в учреждении для детей с задержкой развития, – выдавил Коул и обрушился на стул, отчего тот едва не опрокинулся назад. – Да я даже на службу в полицию смог поступить только потому, что ты продал фамильный особняк и купил для меня чистое дело!

– Прости... – вновь сказал Гидеон, жмурясь, и наверняка повторил бы это еще сотню раз, если бы только Коулу было какое-то дело до его раскаяния. Вместо этого тот начал сыпать все новыми и новыми вопросами:

– Почему мы родились такими?

– Это наследственное. Ты, я, наши родители и их родители – все мы потомки последователей святой инквизиции. Тамплиеры, Салем, Огненная палата – деяния наших предков. Это почти ремесло, передаваемое из поколения в поколение. Мы тоже должны были убивать таких, как она, – Гидеон кивнул на меня, и я зябко поежилась. – Орден бы обучил нас.

– Орден?

– Сейчас такие сборища принято называть сектами. Наши родители познакомились там. – Хочешь сказать, наша мама убивала людей? Да она даже муху прибить жалела! Я помню...

– Увы, но ты был слишком мал, чтобы запомнить родителей. А Орден они покинули еще за год до моего рождения.

– Почему?

Гидеон на миг замолчал, собираясь с мыслями.

– Со временем охотники все больше скатывались в недра религиозного фанатизма и беспочвенной паранойи. В двадцать первом веке вешать и сжигать ведьм больше неактуально –

стали актуальны сами ведьмы. Сериалы, кино, книги... Колдовства перестали бояться, а колдовство опасно лишь тогда, когда кто-то его боится, ведь в таком случае приходится защищаться. Настало мирное время. Орден изжил себя. Охота больше не несет смысла, и теперь охотятся либо спятившие, либо... те, кто хочет им помешать. Некоторые охотники нынче охотятся на других охотников.

– Что это значит? – сглотнул Коул. – Охотиться на охотников? Для чего?

Гидеон сделал круг вокруг стола, и я осторожно отодвинулась подальше с его пути, ненавязчиво сместившись поближе к двери.

– Это затронуло лишь последнее поколение, когда охотники поняли, что воюют в войне, которая давно кончилась. Посвятив борьбе всю жизнь, трудно податься куда-то еще... Ты не нужен нигде, кроме как на войне. Однако защитники всегда будут нужны самим ведьмам.

– Охотники теперь защищают ведьм, которых раньше гнали, как скот на убой? – фыркнул Коул.

– Не все, но многие. Чаще те, кто происходит из охотников, но никогда не бывал в Ордене, как мы с тобой. Зов крови, как и аутизм, тоже лишает тебя большинства социальных перспектив, пускай ты никогда не брал в руки оружие. *Охота*... Она в нашей природе. Такие чаще всего находят себя в армии, на флоте, в пожарных подразделениях... Или в полиции, – Гидеон почти улыбнулся бледному Коулу. – Или в качестве защитника ковена, если принести одной из ведьм клятву верности. Таких зовут *атташе*. Атташе значит «привязанный».

В груди у меня защемило. Я незаметно сползла вниз по кухонной стенке.

Нимуэ. Пикник семейства охотников на берегу Шамплейн. Одолжение моей матери, спасшей их обожаемое дитя. Ведьмы помогают смертным, но даже моя мать ничего не делала безвозмездно. И, в подтверждение моей ужасной догадки, из уст Гидеона вырвалось:

– Родители были атташе Верховной ведьмы Виктории из ковена Шамплейн. Клятва была даром в благодарность за твою жизнь. Ты ведь не помнишь, почему именно боишься плавать?

Коул бросил на меня беглый взгляд. Практически тот же самый вопрос, что я задала ему неделю назад в спальне после просмотра мультфильма. «*Как давно ты плавал в озере?*» Я с трудом удержалась, чтобы не кинуться к нему объяснить, что я и понятия не имела о его родителях, а если бы знала, то не посмела бы подойти к нему и на милую. Ведь все атташе – это орудия, как бы мама ни убеждала в обратном и ковен, и саму себя. Все атташе рано или поздно умирают за своих ведьм.

– Они погибли через год службы, – все бил и бил по моим незримым болевым точкам Гидеон. – Их смерть была издержкой многовековой вражды ковена Шамплейн с ковенем Шепота... Такое случается. Для ведьм люди – всего лишь пешки. Потому я и держусь подальше от всего этого. Не просто так, Коул, и уж точно не просто так я хотел, чтобы от этого подальше держался и ты. Наши родители...

– Умерли, – оборвал его Коул, глядя в пол. – Не важно, по чьей вине. В обычной аварии, как мне говорили, или защищая ведьму... Ты думаешь, это должно напугать меня? Разозлить? Меня злишь только ты, Гидеон, а не какие-то ковен и выбор наших родителей, который они приняли добровольно! Это ты лгал мне, а не ведьмы!

Гидеон утратил дар речи, бросив на меня умоляющий взгляд. Неужели он просил о поддержке? О прощении? Ведь только что он пытался настроить против меня Коула ради его же безопасности... Устрашить мной. И он бы точно не пришел в восторг, если бы знал, что я – дочь той, которая ненамеренно сгубила его семью. И что, возможно, я сгублю его брата.

Коул отвернулся.

– Одри, мы уезжаем.

Я вопросительно уставилась на него, но он даже не обернулся, сдергивая с вешалки нашу одежду и хватая Штруделя.

– Коул... – попытался вразумить его Гидеон, глянув на часы и ветреную погоду за окном, но тот рывкнул, уже распахнув настежь входную дверь:

– Одри, в машину!

Моего мнения не спросили ни разу с тех пор, как мы очутились в гостях у Гидеона (разве что когда предлагали салат). И Коул не собирался спрашивать его тоже. Я и сама не желала выступать между братьями третейским судьей, поэтому лишь забрала из рук Коула свое пальто и залезла в машину, даже не попрощавшись с Гидеоном.

Коул запихнул на заднее сиденье кота, завел мотор и помчался по сельской дороге к шоссе.

Прошло минут десять, прежде чем я поняла, что, наверно, стоит все же напомнить Коулу: все наши вещи, включая мой рюкзак, остались на втором этаже у Гидеона. Но Коул выглядел так, будто стоит мне открыть рот – и это уничтожит его окончательно. Сгорбившийся под пальто, он сжимал руль так крепко, что я могла пересчитать каждую жилку на его руках. Натянутый, как тугая струна моей скрипки: с выбеленным лицом, влажными глазами, сотрясающийся от дрожи.

– Коул... – слотнула я, впиваясь ногтями в кожаное сиденье и тревожно поглядывая на окно, за которым с фантастической скоростью проносился лес. Машина мчалась все быстрее. – Коул!

Я понимала его. Я чувствовала его. Боль, пульсирующая так глубоко в потемках, что ощущается на молекулярном уровне. Страх, от которого никуда не деться. Растерянность, словно ты один на всем свете в кругу предателей и чужаков. Вот только Коул Гастингс не был одинок.

Он стал сбавлять скорость. В тишине салона я услышала протяжное мяуканье Штруделя, но мое сердцебиение заглушило его. Еще бы секунда на таких скоростях, и мы бы точно расшиблись в лепешку. Благо Коул притормозил, а спустя мгновение машина и вовсе встала: съехав на обочину, где в темноте ничего не было видно, он молча вылез из машины и скрылся во мраке.

– Коул?

Я вышла следом, дернув заледеневшими пальцами дверь, и с облегчением выдохнула: он стоял всего в паре метров от машины, сбоку, чтобы прямой свет фар не доставал до него. Упираясь руками о дорожные ограждения, Коул смотрел на острые утесы и озеро Шамплейн, готовое принять в объятия даже нашу диковинную пару – страждущего охотника и дуреху ведьму.

– Коул...

Его имя, сахарное и одновременно горькое, как облепиховая настойка. Я подошла ближе, шагая медленно, осторожно, будто подкрадываясь к тигру. Оказавшись рядом, я тронула Коула и вдруг почувствовала, как сотрясается его спина под моими ладонями. Смятый. Сломанный.

– Я детектив? – спросил он меня, повернувшись, и его лицо было искажено той пустотой, что зияла у него внутри, просясь вырваться наружу. – Я охотник? Я аутист? Кто я такой, Одри? Что мне теперь делать?

Паническая атака. Вот что это было. Я переживала подобное не раз с тех пор, как Джулиан убил целый клан: удушение, суматоха в мыслях и боль под ребрами, ноющая, как гематома. Рэйчел помогла мне преодолеть это, а теперь я должна была помочь Коулу.

Я никогда не дотрагивалась до него, если не считать прикосновения к руке или плечу. Тем более я не думала, что когда-либо дотронусь до его лица, но сделала это: обхватила его голову ладонями, прижав холодные пальцы к румяным щекам, и наклонила Коула к себе, чтобы сравняться с ним в росте и обнять. Я стиснула его так сильно, как только могла, прижала к себе, перебирая кудри, спутанные от ветра.

– Я не знаю, Коул, – ответила я шепотом. – Но мы это выясним. Вдвоем – ты и я. Что скажешь?

Коул всхлипнул, сотрясаясь, и я слабо улыбкунула, повернув его лицо к моему.

– Ты мой друг, – сказала я, и Коул наконец сфокусировал на мне лихорадочный взгляд, а после, приложив усилия, даже заглянул мне в глаза. – Ты мой... друг, Коул. Мне жаль твоих родителей. Прости, что мой ковен виноват в их гибели. Но все эти годы ты помогал людям лишь благодаря тому, что от тебя скрыли правду. Будь иначе, будь ты охотником, а не детективом Гастингсом, разве ты бы не пожалел об этом? Меня бы не было сейчас с тобой. Это прозвучит ужасно эгоистично, но... Своим враньем Гидеон фактически спас мне жизнь. А еще он любит тебя... Твой брат безумно любит тебя, Коул! Разве этого мало, чтобы простить?

Сейчас для Коула этого действительно было мало, и сложно было винить его, ослепленного злостью и горем. Я бы хотела забрать и то и другое, если бы только существовало такое заклятие. Если бы оно только работало на нем, охотнике, который защищен от любых чар по праву рождения. Даже от таких светлых, как «Песнь синицы».

Глупая Одри! Как можно было не понять этого сразу?

– Давай вернемся в дом Гидеона, – предложила я мягко, взяв руки Коула в свои и с трепетом заметив, что его пальцы, сплетаясь с моими, почти в два раза длиннее.

Когда мы вернулись к ферме Гидеона, Коул почти пришел в себя. Гнев и отчаяние уступили место смущению, стоило Коулу переступить порог: его брат беспокойно расхаживал по гостиной и, увидев нас, остановился. Повисла неловкая пауза, за которую я успела не только перетащить Штруделя из джипа в дом, но и проклясть мужскую гордость, молясь всем известным богам, чтобы кто-то из них двоих, наконец, заговорил первым.

– Коул, я... – Гидеон шумно вздохнул, потупившись, и я облегченно улыбкунула, когда Коул шагнул к нему и молча похлопал по плечу. – Завтра нам предстоит серьезный разговор. Сбегать посреди ночи, когда грядет такая буря, – это верх безрассудства!

Коул закатил глаза так, что на секунду стали видны лишь белки. Потом он схватил меня под локоть и потащил вверх по лестнице, так размашисто шагая, что я дважды навернулась на ступеньках, не успевая.

– Эй! – окликнул нас Гидеон снизу. – Я, вообще-то, постелил Одри на диване...

– Она ляжет со мной.

– Но...

– Спокойной ночи, Гидеон.

Если это было и не завершение их конфликта, то хотя бы тайм-аут. Уже неплохо.

Комната Коула будто осталась нетронутой с его школьных времен: воздушные змеи под потолком, флуоресцентные наклейки-звезды на шкафах, горящие неоновым зеленым в темноте; доисторический радиоприемник и двухспальная, но узкая кровать с одеялом в клетку. Я нашла ее на ощупь и, бесстрашно переодевшись прямо перед носом Коула (в таком освещении все равно ничего не было видно), забралась поскорее в постель, пропитанную запахом сонных трав, которыми была набита подушка.

Коул шуршал где-то в изголовье, и я устала в потолок, пока он вытаскивал из шкафа одеяла и подушки, сооружая из них на полу спальник. Рухнув на него пластом, Коул затих, и я затихла тоже.

– Теперь понятно, почему я так не понравилась Гидеону, – осмелилась сказать я чуть позже, и Коул лениво поморщился, даже не размыкая глаз от усталости.

– Ты не понравилась ему не потому, что ведьма. Гидеону в принципе никто не нравится, – хмыкнул Коул. – Он всегда был сварливее нашей бабки, а ей, чтобы ты понимала, было за восемьдесят. Да к тому же она, как оказалось, в прошлом охотилась на ведьм. Теперь представь себе весь масштаб невыносимого характера Гидеона.

– Мне кажется, он хороший, – призналась я, чуть-чуть приукрасив слово «пугающий», и повернулась на бок, наблюдая сверху за Коулом, растянувшимся возле кровати. – Гидеон очень любит тебя. Это факт.

– Не лгал бы, если бы действительно любил так сильно, как ты мне твердишь.

– Иногда близкие лгут во благо. Так им кажется.

– «Кажется», Одри. Это слово здесь ключевое.

Я вздохнула, побоявшись спорить с ним, и натянула одеяло до самой шеи, пытаясь забыть это колкое ощущение под челюстью, куда еще недавно впивался кончик разделочного ножа.

Коул зашелестел одеялом, устраиваясь поудобнее, и я свесилась с края постели снова, чтобы еще раз взглянуть на него. Вздохмаченный и помятый, он подложил под кучерявую голову руки: локоны окрасились в черный с наступлением ночи. Его живот вздымался от глубокого дыхания, и я отметила, что не такой уж он и тощий: под футболкой проступали рельефные мышцы, пускай он и был длинным, как каланча. Одеяло с трудом доходило до его босых ступней. И я подавила смешок. Коул сощурился и зевнул, но я поняла, что он лишь притворяется сонным, а на деле с трудом сдерживает тремор и обдумывает все, что поведал ему Гидеон. Его глаза еще были красными, а губы сжимались.

– Ты правда собираешься спать на полу? – решила спросить я, чтобы отвлечь его. – На кровати обоим места хватит.

Коул отреагировал не сразу, но, когда повернулся, то побелел еще сильнее. Я почти пожалела, что предложила ему это.

– Спать с тобой? – уточнил он с надрывом. – В одной постели то есть?

– Да. Можем взять разные одеяла. Или три одеяла... Одного для тебя маловато будет, шпала.

Я ухмыльнулась, когда мне удалось его развеселить: рот Коула расслабился и изогнулся, но Коул остался лежать на полу, будто окаменевший. Я вздохнула и отодвинулась, демонстративно освобождая ему нагретое место.

– Или ты соблюдаешь завет целомудрия? Тебе страшно ночевать с ведьмой? Бу!

Коул ухмыльнулся и, к моему потрясению, поднялся, бросая на свободную половину постели одеяла. Устроившись рядом, он, кажется, стал постепенно оттаивать, как мороженое: сначала перестал подгибать ноги, распрямился, а после и вовсе раскинул руки. Единственное, что выдавало его напряжение, – конвульсивно сжимающиеся пальцы, которые Коул пытался спрятать под подушку, чтобы унять тревогу и наконец-то заснуть.

– Где твое зеркало? – спросила я, когда эти его танцы на постели выбили и из меня сон.

– Забыл в машине.

– Тебе нужно что-нибудь держать в руках, чтобы заснуть, да? – спросила я, садясь. – Что-нибудь похожее на зеркало или... Может, сгодится что-нибудь мягкое?

– Люблю мягкое, – шепнул Коул, но вдруг скривился. – Гидеон сказал, что я не болен. Это из-за синдрома я позволял себе эти компульсии. Но раз никакого синдрома нет, я не должен больше...

– Привычка – это не болезнь, – подбодрила Коула я, и его глаза выражали куда больше благодарности, чем могло вынести мое сердце. – Ты просто привык вечно тереть в руках какую-нибудь безделушку, вот и все. В этом нет ничего плохого. Ты сказал, что любишь мягкое? Какая-нибудь ткань?

– Угу, – Коул слабо кивнул, ерзая. – Одри, необязательно...

– Шелк сгодится?

Я перегнулась через тумбу и дотянулась до рюкзака, стоящего у стула. Расстегнув первый попавшийся карман, я всучила в неугомонные руки Коула небольшой кусочек шелковой ткани.

– Что это? – поинтересовался он, и его пальцы заскользили по гладким швам.

Он сразу переменялся, откинулся на подушку и вздохнул, умиротворенный. Я же абсолютно перестала дышать и, судя по растекшемуся жару, зарделась до корней волос при виде того, что всучила Коулу в руки: лунный свет из окна падал на шелковые трусы.

– Это... Г-хм... Мое нижнее белье. Ничего другого подходящего не нашла, – оправдалась я, решив, что лучше прозвучать уверенно, как будто так и задумывалось.

Коул приоткрыл один глаз. Побоявшись смотреть на меня, чтобы тоже не сгореть со стыда, он смял трусы в одной руке и отвернулся, перекатившись на бок лицом к двери.

– Мне нравится. Спасибо.

– Ага. Обращайся.

– Хм, действительно чистый шелк...

– Можешь оставить себе. Дарю.

– Ты правда даже трусы из шелка носишь?

– Коул!

Он замолчал, и я облегченно зарылась в одеяло, тоже перевернувшись на бок спиной к его спине. Выступающие лопатки Коула касались моих – и жар, что источала его кожа, быстро передался мне, грея не только снаружи, но и внутри.

– Ты останешься?

Я почти провалилась в сон, когда на поверхность меня вновь выдернул его шепот. Почувствовав, что жар усилился и Коул прижался ко мне спиной совсем вплотную, я покрылась мурашками.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты ведь не уйдешь после того, что рассказал Гидеон? Я – охотник на ведьм. Не лучший кандидат в напарники и уж точно не лучший сосед по квартире.

– Выжившая Верховная с клептоманией, которую пытается убить собственный брат-близнец, – тоже не лучшая соседка.

– Что правда, то правда.

Я толкнула Коула под ребра локтем, и он глухо рассмеялся.

– Останься со мной, Одри, – прошептал он так близко, что я вздрогнула и едва не повернулась, решив, что он навис надо мной. – Пожалуйста. Я хочу тебя защищать. Ты сама слышала... Охота на ведьм – это может быть охота и на твоего брата. То, что тебе нужно. Охотник, защищающий Верховную ведьму и убивающий тех ведьм, что хотят ей навредить.

Я не нашлась что ответить и вжалась в подушку, когда рядом раздалось:

– Не наказывай себя снова.

– Что?

– Ты вечно наказываешь саму себя одиночеством, когда чувствуешь вину. Поэтому и сбегаешь. Я не хочу оставаться без тебя, Одри.

В груди что-то предательски надломилось. Я зажмурилась, проглатывая ком слез при звуке имен, пронесшихся в голове: Рэйчел, Дебора, Ноа... Мое одиночество никогда не было добровольным, как считал Коул, но в одном он был прав: быть одной – сущее наказание.

– Гидеон, конечно, вряд ли обрадуется, – протянул Коул. – Но он тоже тебя защитит, если я попрошу. Все будет хорошо, Одри. Верховная ведь не может жить без ковена вечно, верно? Думаю, из нас двоих выйдет неплохой ковен.

Во сне мне показалось, что Коул обнимает меня, но, проснувшись и обнаружив поутру другую половину постели пустой и холодной, я убедила себя, что мне действительно просто показалось.

VIII Покой

Я почти до полудня валялась в постели только потому, что Гидеону и Коулу требовалось поговорить наедине. Слушая хриплые голоса, до того похожие, будто сам с собой разговаривал один человек, я знала, что поступаю правильно: не суюсь в семейные разборки и даю возможность Коулу самостоятельно уладить конфликт с братом. Он вскочил на ноги с рассветом, желая закончить все распри до моего пробуждения. Я ничего не имела против, чтобы бездельничать дольше положенного, разглядывая плакаты музыкальных групп и старые рисунки Коула. Однако в тот миг, как мой живот заурчал, время Гастингсов вышло.

– Слушай, я должен спросить... Ты когда-нибудь чувствовал, что хочешь убить ее?

Я остановилась на середине лестницы и пригнулась, сев за перилами.

Застегивая сапоги, Коул глумливо повел бровью и без тени веселья ответил:

– Постоянно, да, но я уверен, что это нормально. Любой бы захотел убить ее, если бы узнал поближе.

Я фыркнула в кулак и юркнула назад на второй этаж, успев прежде, чем Гидеон обернулся.

– Тогда все в норме, – снова раздалось снизу. – Я тоже прекрасно контролирую свои инстинкты. Разве что Одри в самом деле держит тебя под действием приворотного зелья... Правда же не держит, да?

– Гидеон!

Дверь хлопнула, и я, облегченно вздохнув, подождала еще пару минут для правдоподобности, прежде чем спуститься.

– Доброе утро, Инквизитор, – поприветствовала я бодро Гидеона, уже занявшегося готовкой.

Он приветственно махнул мне поварешкой.

– Доброе утро, Салем. Садись завтракать.

Я оглядела гостиную, где кроме Гидеона, виртуозно подбрасывающего на сковородке румяные блинчики, сидели облизывающиеся звери. Нетерпеливо виляя хвостом, Штрудель широкими зрачками-блюдцами следил за летающими блинами, а Бакс капал слюной себе на брюхо.

Я присоединилась к этой паре, не менее голодная, сев у стола и отхлебывая домашнее какао из кружки.

– Спасибо, – поблагодарила я Гидеона, когда тот поставил передо мной тарелку. – А куда подевался Коул?

Он плюхнулся рядом и, неохотно поделившись с псом и котом одним из блинов, свернул другой трубочкой и принялся заливать кленовым сиропом.

– Уже поел и возится с Меркурио в конюшне. Сказал, что хочет прокатиться разок-другой перед отъездом.

– Вы ведь помирились, да? – решила спросить я, и Гидеон сдержанно кивнул. – Вчера вышло очень... неловко. Ну, когда ты приставил нож к моему горлу и вдруг вошел Коул, а затем началась эта перебранка и...

– Да, Одри, я понял.

Мы оба переглянулись и продолжили завтрак в гробовой тишине.

Охотники. Ведьма могла столкнуться с ними лишь единожды, ведь для нас такие встречи всегда заканчиваются смертью. Моему ковену везло не навлекать на себя эту беду многие столетия... И вот я – первая из Шамплейн, которая не просто нарвалась на охотника, но и осталась жива.

А теперь сижу здесь и завтракаю с одним из них.

Входная дверь распахнулась, и Коул впорхнул следом за сквозняком, встреченный возбужденным лаем Бакса. Он на ходу своровал с тарелки Гидеона пару блинов и быстро запихал в рот, пока тот не успел возмутиться.

– Не хватает соли, – вынес Коул свой вердикт, громко жуя, привычно взлохмаченный и сияющий после поездки на лошадях. – Одри! Ты уже проснулась. Готова ехать?

Он дернул меня за рукав, и, отложив вилку, перепачканную в меде, я подняла на него глаза. Прошлая ночь откликнулась покалыванием румянца на щеках. Отчего-то – быть может, как раз от воспоминаний о вчерашнем – я смутилась, но меня быстро отрезвил ядовитый запах, перетянувший на себя все внимание.

– Ты что, чистил стойла? – спросил Гидеон, подавив рвотный рефлекс. – От тебя за версту несет навозом. Мы тут едим вообще-то!

– Это не навоз. Меркурио сбросил меня в болото, – оправдался Коул и, заметив, что я скривилась не меньше его брата, обреченно выдохнул: – Ладно, сначала приму душ. Оставьте мне пару блинчиков!

Спустя полчаса мы с Гидеоном стояли на крыльце в ожидании, пока Коул, отмывшийся и терпко пахнувший лосьоном, подготовит машину. Он тщательно чистил ее от листьев, стараясь не уколоться о ветки шиповника, которые ветер принес на лобовое стекло невесть откуда.

– Я не извинился за свое поведение, – вдруг сказал Гидеон, даже не удосуживаясь повернуться, будто смотреть мне в глаза было выше его достоинства. – Я повел себя некрасиво. Надеюсь, ты понимаешь почему. Мне все еще не по душе, что мой брат живет вместе с ведьмой...

Я чуть не подавилась грушей, стащенной из фруктовой корзинки на кухне. Разговор Коула и Гидеона длиной в несколько часов остался для меня тайной. Я сумела подслушать лишь обрывки фраз: советы, как сосредотачивать свой охотничий дар, крики да ругань. Как же я упустила момент, когда Коул раскрыл ему наши секреты?

– Ты одна из ковена Шамплейн, – продолжил Гидеон приглушенно, не сводя с леса глаз, в которых плескалась вся зелень Вермонта. – Наверно, Коулу не стоило так много болтать,

но в его оправдание скажу, что я бы не отпустил вас, пока не узнал детали. Жаль, что тебе пришлось услышать обвинения в адрес твоей Верховной вчера. Слышал, ваш ковен постигла ужасная участь. Тебе и впрямь повезло, что ты успела спрятаться.

Я постаралась сохранять спокойное лицо, пока соображала, о чем говорит Гидеон. Он знал обо мне все и ничего одновременно: Коул не соврал ему, но не стал рассказывать, что я и есть та самая Верховная. Дозированная правда – лишь то, что знать Гидеону было позволено.

– Одри Маршалл, – поддержала версию Коула я, натянуто улыбнувшись. – Приемная дочь Рэйчел Маршалл. Она тоже была атташе, как ваши родители.

– Тогда ты знаешь, – прошептал Гидеон.

– Знаю что?

– Что значит быть атташе. Быть атташе – это умирать за ведьм.

Я промолчала, чувствуя, что мы оба понимаем, о чем идет речь: не просто об атташе, а о Коуле. Там, где слышалось слово *умирать*, на самом деле звучало «а если Коул умрет?». Скулы у меня свело, но я не дрогнула, не выдала того же страха, что терзал и Гидеона: связавшись с ведьмой, Коул может захотеть заняться ремеслом покойных родителей.

– Ты ведь не знаешь клятвы атташе? – спросил меня Гидеон с надеждой, многозначительно приподняв брови. – Для того чтобы служить ведьме, сначала нужно принести клятву верности. Провести ритуал. Единственная магия, которой подвластны охотники, потому что она создана с их помощью. Ты...

– Нет, – тут же выпалила я. – Я не знаю слов клятвы. Понятия не имею, как это делается.

– Славно, – выдохнул Гидеон облегченно, услышав ложь, которую жаждал услышать всем сердцем, и снова посмотрел на Коула, ругающегося с незакрывающимся багажником. – Любовь – сложная наука для моего брата. Коул никогда не влюблялся и не привязывался к людям, потому что боялся их. Раньше. Ты же делаешь его бесстрашным, а бесстрашие – это безрассудство. Не дай ему умереть из-за тебя или *за* тебя, потому что иначе ты станешь первой ведьмой за последние триста лет, которую сожгут на костре.

Я нервно сглотнула, и Гидеон добродушно похлопал меня по плечу.

– О, погляди, Коул завел машину! Ну что же, вам пора в путь. Счастливой дороги!

Заторможенно кивнув, я отправилась к автомобилю и поспешила спрятаться внутри, сжимая коленки под красной вельветовой юбкой, чтобы они не дрожали от такого прощания.

В зеркало заднего вида я увидела, как Коул заключает спустившегося с крыльца брата в объятия. Немного выше и шире в плечах, Гидеон почти закрыл Коула собой и, что-то тому сказав на ухо, медленно отпустил. Затем его руки вернулись в исходное положение – крест-накрест на груди. Напряжение и замкнутость... До тех пор пока к нему снова не вернется его младший братишка.

Ежась от колючего ветра, Коул забрался в машину. Оба мы наблюдали, как в зеркале отдалается фигура высокого человека, глядящего дворового пса, пока оба они не скрылись из вида.

– Ты так и не рассказал ему, – подала голос я, когда мы миновали белую церквушку на краю деревни. – Рассказал, что я ведьма из ковена Шамплейн, но не стал уточнять, что я Верховная. Поджилки затряслись?

Коул ухмыльнулся, не отвлекаясь от дороги, и пожал плечами. Зеленая клетчатая рубашка, которую он надел после душа, сидела на нем, словно вторая кожа.

– Я отложил это до более благоприятного момента. Мы с Гидеоном только помирились, не хотелось драться с ним дважды за одно утро...

Я удивленно посмотрела на Коула.

– Вы что, подрались? Хм, а я-то решила, что это Штрудель свалил книги в гостиной.

– Это было проявление братской любви. Своеобразное. Девчонкам не понять, – буркнул Коул и поморщился, когда задел пальцами свой висок. Завитой локон волос, всколыхнувшись, приоткрыл моему пытливому взору лиловую ссадину.

– Хм, значит, у меня впервые появился повод порадоваться, что я родилась девочкой. У нас в ходу поцелуйчики, а не синяки.

– Целоваться с Гидеоном я бы хотел не больше, чем драться.

Прыснув со смеху, я удобнее расположилась в кресле и вытянула ноги. Никто из нас не спешил заговаривать о вчерашней ночи, и мимолетным напоминанием о ней послужил лишь взгляд Коула, пробежавший по моим коленкам в капроновых колготках.

Ехать оказалось недолго: уже спустя полчаса я снова видела кромку озера Шамплейн, а по бокам стояли домики и коттеджи, где люди отдыхали от душной рутины по выходным. Коул остановился у одного из таких домов – уютный и большой, но ничем не примечательный, кроме удаленности от соседей и умиротворения, царящего вокруг.

Яркая васильковая крыша, выложенная черепицей, походила на драконьи чешуйки. Створчатые квадратные окна со стеклами, выложенными изумрудным витражом, и яблоневые деревья, осыпающие переспелыми плодами крыльцо, превращали это место в маленькую американскую мечту.

Я отдернула подол юбки и выбралась из машины, забирая из багажника вещи.

– Этот дом отец подарил маме на свадьбу, – поделился Коул, когда я, подойдя к яблоне, наклонилась и подобрала яблоко с земли. – Всего домов семь. Вчера Гидеон рассказал, что они вовсе не результат их рабочих усилий, а награда Ордена за охотничьи заслуги.

Кусочек яблока встал у меня поперек горла.

– Что? – спросил меня Коул. – Почему ты так смотришь?

– Просто пытаюсь осознать, что первый человек, с которым я подружилась, оказался красавчиком миллионером.

– Мне не по себе, когда ты так... Погоди, ты назвала меня красавчиком?

– Да, и уже не в первый раз, кстати.

Я не смогла понять, смутился и оробел Коул или же, наоборот, польстился и расцвел, потому что любая его эмоция выглядела почти так же, как предыдущая – все они состояли из нервных почесываний, багрянца и невнятного бормотания.

– Мало что осталось от родительского состояния, кроме недвижимости, – продолжил он, вернувшись к мысли. – Большую часть бабушка потратила на наше с Гидеоном образование, а потом и на то, чтобы мы смогли обустроиться и где-нибудь осесть. Еще на часть средств Гидеон купил долю в кленовом производстве. Она хоть приносит и небольшой доход, зато стабильный, – Коул пожал плечами. – Оставшееся лежит на счету в банке, но Гидеон почти ничего не берет оттуда, а то, что все-таки берет, чаще всего отдает мне. Сразу, как ему исполнилось восемнадцать, он юридически отказался от наследства в мою пользу.

– Ух ты, – невольно восхитилась я. – Твой брат – золото! Почему некоторым в родственники достаются щедрые филантропы, а мне достался жестокий психопат-убийца с манией величия?

– Наверно, потому, что ты бы уже через месяц просадила все сбережения на какую-нибудь красивую шляпку.

– И то правда.

Я покрутила головой, озираясь на плотный лес, обступивший домик, за которым виднелась серебряная гладь озера, и подняла взгляд, рассматривая второй этаж. Там, за одним из витражных окон, колыхались синие занавески. Они приподнялись, открывая налитые кровью горящие глаза, а затем быстро опустились обратно.

Воздух в груди сперло.

– Коул, – позвала я сипло, не в силах оторваться от темного окна. – А прошлые жильцы уже съехали?

– Этим утром, – отозвался он, сгребая в охапку сонного Штруделя и наши сумки. – Что-то не так?

– Еще не знаю, – честно ответила я и, глубоко вздохнув, зашла в дом.

Внутри оказалось так же мило и уютно, как и снаружи. В гостиной и спальнях наверху располагались гранитные каминные, а мебель была старой и ветхой, но чистой и мягкой, пропахшей сосновыми иголками и смолой.

– Позади дома есть амбар, – сказал Коул, заваривая чайник и разбирая то, что осталось в холодильнике. – Можешь практиковать магию в нем. Родители складывали туда все барахло, так что ничего страшного, если ты вдруг его взорвешь.

– Как скажешь. А ты чем займешься?

– Съезжу в местный супермаркет. Надо закупить продуктов, – Коул выпрямился, захлопывая морозильную камеру, и, поймав мой удрученный взгляд, уточнил: – Ты ведь не хочешь питаться до понедельника одними макаронами, верно?

Вот только оставаться совершенно одной в доме, где обитало нечто злобное и потустороннее, мне хотелось еще меньше, чем макарон.

– Возвращайся быстрее, – только попросила я, и Коул кивнул, направившись к выходу. Спустя минуту снаружи раздался рев мотора: я проследила в кухонное окошко, как удаляется темно-синий джип, растворяясь в золоте осени.

– *Fehu*, – шепнула я в камин, опустившись на колени перед кедровыми поленьями, и клубы дыма тут же взвились через дымоход наружу.

Подставив под огонь ладони, окоченевшие от непогоды и тревоги, я задумчиво огляделась.

– Ну вот мы и одни, – сказала я. – Не хочешь показаться?

Когда ведьма призывает бесплотное существо, оно обязано явиться на зов. Мне потребовалось втянуть голову в воротник и собрать всю свою смелость, чтобы морально подготовиться к этому, но... Никто не отозвался. Совсем.

Я медленно обошла коридор и поднялась вверх по лестнице, отзывающейся натяжным скрипом под каждым шагом.

– Даю тебе последний шанс, – крикнула я в пустоту дрожащим голосом. – Не играй со мной! Чем бы ты ни был, я ощущаю тебя.

Я и впрямь чувствовала *это*: волоски на коже зашевелились, как от мороза, и затылок пронзило странной болью. Голова всегда ноет так, когда тебя сзади сверлит пылливый взор, хотя кажется, что позади никого. Тиканье напольных часов сливалось с шумом крови, стучащей в висках. Я вслушивалась в звуки дома, игнорируя скрежет мышиных лапок под крышей и свист ветра за окном, но никак не могла уловить доказательств чужеродного присутствия. Лишь моя интуиция продолжала вопить об опасности.

Закрыв двери в обе спальни, вид из которых открывался прямоком на яблоневый сад, я тронула круглую бронзовую ручку еще одной двери, но, толкнув ее плечом, обнаружила, что та заперта.

Грохот, раздавшийся за ней, заставил меня с визгом отпрыгнуть назад.

– Да ну к черту, – выругалась я и ринулась вниз, едва не расшибившись о ступеньки лестницы.

Схватив в охапку куртку и гримуар, я вылетела наружу и остановилась напротив крыльца, переводя дух. Сердце неистово колотилось, и я схватилась руками за грудь, будто мне было по силам умерить пульс. Колючий ветер расшатывал яблони, и я не сразу нашла силы оторвать взгляд от земли и снова посмотреть на злополучный коттедж.

В окнах, где прежде мне довелось увидеть дикие красные глаза, из-за шторы вновь выглядывали такие же: большие, светящиеся, с узкими кошачьими зрачками, отражающими всю темноту того места, откуда это существо прибыло. А затем штора отодвинулась, и я увидела еще две пары таких же глаз.

Их было трое.

– Амбар так амбар, – смирилась я и, обняв Книгу, побежала к деревянной постройке за домом. Спустя минуту я, сжав зубы, все же заставила себя вернуться и забрала из кухни Штруделя, шипящего на все углы. – Коул не простит мне, если я дам тебя сожрать.

Не знаю точно, сколько я просидела в амбаре на подстилке из жесткой соломы в окружении сельской техники и ржавых инструментов. Устроившись на сене рядом со спящим котом, я принялась читать, почти касаясь лбом страниц.

В разделе, посвященном капризным духам, были отмечены критерии, по которым можно было отличить их от сущностей демонических – куда более страшной находки для тех, кто внезапно обнаружил в своем доме паранормальную активность. Ни тот, ни другой перечень мне не нравился, но я, скрестив пальцы, уповала на первый.

– Демон, – содрогнулась я, подсчитав отметки. – Просто чудесные выходные!

Скрип тяжелых раздвижных дверей напугал меня чуть больше, чем я в ответ напугала вошедшего Коула, взвизгнув от неожиданности.

– Кажется, у тебя нервы на пределе, – подметил он, вытряхивая из волос солому, которую обрушил на него вызванный мною ветер. – Обучение тяжело дается?

– Уже лучше. Выучила пару проклятий и... Немного почитала главу про психокинез, – соврала я, решив, что это звучит лучше, чем «демонология».

Опустив взор на чернильные изображения рогатых чудовищ, я вложила закладку поперек списка адских имен и закрыла гримуар.

– А я купил яблочные пироги, – торжественно объявил Коул, поднимая мурчащего Штруделя с горы сена на руки. – И ребрьшки. И карамельки. В общем, много чего. Может, хватит на сегодня практики? Пошли в дом.

В дом. От одной лишь мысли, чтобы вернуться туда, у меня все внутри скручивалось.

– Ты разве привез меня сюда не для того, чтобы я практиковалась? – попыталась отвертеться я.

– Это было до того, как я узнал, что являюсь охотником на ведьм, – буркнул Коул, помрачнев. – Сейчас мне просто необходимо что-нибудь... нормальное. И твое общество тоже, Одри.

Я покосилась на свою Книгу, раз за разом прокручивая в голове то, что успела запомнить, и глубоко вздохнула.

Мы занялись приготовлением ужина, как и хотел Коул, – стандартное занятие, за которым мы и раньше частенько коротали вечера. Ничего в коттедже больше не гремело, кроме кастрюль и нашего смеха. Мы наконец-то отвлеклись от всего, от чего нужно было отвлечься: Коул – от расследования убийств и семейной тайны, а я – от экзорцизма и самобичевания.

Коул выложил на сковороду сырые стейки, и я, подав ему специи, засмеялась, когда он начал безудержно чихать от поднявшегося облака острого перца.

Штрудель, прежде дремлющий на стуле, вдруг встал на дыбы и зашипел, как и днем.

– Прости, приятель, не хотел тебя пугать, – снисходительно приласкал его Коул, пока я незаметно крестилась на углы, не уверенная, испугало ли Штруделя именно чиханье.

Мы поставили на стол противень с картофельным пюре и расселись. Коул чесал ногой пузо Штруделя, лежащего под стулом, а я старалась убедить себя, что не есть целые сутки – вредно для желудка, и даже обитающий поблизости демон не должен помешать мне насладиться трапезой.

– Все хорошо? – спросил Коул, и я вдруг очнулась, с удивлением обнаружив, что его тарелка уже почти пуста, в то время как я к своей еще и не притронулась. – Ты сама не своя с тех пор, как мы приехали сюда. Это из-за Гидеона?

– Нет.

– Тогда в чем дело? – Коул отложил приборы и поставил локти на стол, наклонившись ко мне. Я почувствовала себя, как на допросе: бесспорно, это была фишка Коула, прихваченная из полицейского участка. – Тебе не нравится здесь?

– Нравится, – выдохнула я, ковываясь вилкой в пюре. – Здесь очень уютно. Просто... Так сочла не я одна.

– В каком смысле?

– У тебя в доме прячется *нечто*.

Коул подавился.

– Ты не могла сказать мне это до того, как мы сели есть?! Или хотя бы после того, как я прожую этот стейк.

Я виновато улыбнулась, наблюдая, как Коул тут же отодвигается от тарелки, утратив всякий аппетит.

– Что значит «нечто»? – спросил он предельно осторожно, откинувшись на спинку стула. – Не такое «нечто», как в книгах Стивена Кинга, я надеюсь?

Я замялась.

– Вроде бы нет. У того существа красные глаза со зрачками, как у Штруделя. Я видела их в окне утром, когда мы приехали, и потом тоже... А наверху за одной из запертых дверей что-то бродит. Мое экспертное мнение – у тебя в доме завелась вредоносная сущность. Возможно, демон, а возможно, просто очень настырный и зловредный дух. Что в той закрытой комнате, кстати?

Коул слушал меня внимательно, и безэмоциональная маска застыла на его лице, как случилось каждый раз, когда он «включался» в рабочее состояние.

– Родительская спальня, – негромко сообщил он. – Она заперта с тех пор, как мама с папой умерли. Одри, я никогда не имел дел с призраками... Или сущностями, как ты их зовешь. Откуда им здесь взяться?

– Есть много разных способов впустить их, все и не перечислить. Прости, не стоило рассказывать...

– Почему?

– Потому что у тебя и так проблем навалом, – пробормотала я, уткнувшись в свою тарелку. – Я сама займусь этой сущностью, ладно? Я ведь ведьма. Сущности часто служат нам проводниками, а иногда даже фамильярами, если заключишь выгодную сделку. Конечно, мы можем просто переночевать здесь и уехать, забыв про сущность, ведь она прикреплена исключительно к дому и не отправится вслед за нами, но...

– Но мне вообще-то еще дом сдавать, – понял Коул. – А я хочу сдавать его людям, а не призракам.

– Тогда, – я вытерлась салфеткой и изобразила воодушевление, – надо его выманить.

– Как?

– Ничего особенного делать не нужно. Просто проведем этот вечер, будто не знаем о его существовании. Он сам выйдет к нам, когда решит, что мы достаточно расслабились.

– Думаешь, оно прямо сейчас подслушивает нас? – понизив голос, спросил Коул, и я красноречиво приложила указательный палец к губам, моргнув ему несколько раз.

Коул побледнел и окончательно забыл про свой любимый стейк.

– Нас еще ждет десерт! – нарочито громко воскликнула я, вскочив из-за стола. – Посмотрим, что ты там накупил... Ого! На случай конца света затарился? – Я зависла перед полками

холодильника и выудила на свет пакет молока, чтобы наполнить блюдце Штруделя и чугунную кастрюльку. – Ты когда-нибудь пробовал эгг-ног? Тащи корицу!

Кот попробовал напиток первым, и лишь после Коул решил обмакнуть туда указательный палец и настороженно лизнуть, убежденный, что все, куда добавляются сырые яичные желтки, представляет смертельную угрозу для человечества. Разлив ванильный эгг-ног по кружкам, мы втроем переместились к камину. Я играла с огнем заученными заклятиями, заставляя тот мерцать, меняя цвета и формы, когда Коул накинул на мои ноги плед.

– Думаешь, мне стоит его выбросить?

Я отвлеклась от камина и взглянула на Коула, крутящего в руках бронзовое зеркальце. Щелкая замочком, он напряженно всматривался в золотые ромбы на крышке, будто ждал, что они вот-вот заговорят с ним.

– Это зависит от того, что ты намерен делать дальше – забыть о наставлениях Гидеона и жить, как прежде, или же...

– Или что?

– Учиться.

Коул вопросительно нахмурился.

– У меня была атташе, Рэйчел, – сказала я. – Я сама училась у нее и видела, как она учит других. Не только ведьм, но и других атташе. Я могла бы помочь тебе освоить твой охотничий дар. Круговорот помощи, – улыбнулась я слабо.

Коул промолчал, и я не решилась давить на него. В тишине мы, сидя на ковре, допили эгг-ног, следя за колыханием камина и соприкасаясь коленями под шерстяным пледом.

– Оставь, – все же добавила я, заметив, что он посматривает на зеркальце. – Неважно, будешь ты использовать его или нет. Это память. Талисман. У каждого должно быть что-то, что он оторвет от себя разве что вместе с сердцем. У меня, например, это бусы.

– А у меня теперь это ты.

Я не поверила, что Коул и впрямь сказал это. Кажется, в это не верилось даже ему самому: он ничуть не поменялся в лице и, не сводя взгляда с зеркала, поблескивающего во всполохах пламени, остался недвижим. Огонь будто выжег весь воздух из комнаты, и сделалось душно. Я почувствовала медовый жар, растекшийся по лицу, и жадно выпила остатки эгг-нога, чтобы смочить пересохшее горло.

– Надо кое-что доделать в подвале, – пробормотал Коул, и я разобрала лишь часть из его слов, сбивчивых и нечленораздельных из-за смущения. – Проверить... Починить... Скоро вернусь.

Он сбросил с себя одеяло и вышел из комнаты, так ни разу на меня и не взглянув. Я улыбнулась ему вслед, и эта улыбка походила на пьяную, вот только эгг-ног был безалкогольным. Опьянена я была другим.

Просидев больше пятнадцати минут, но так и не дождавшись возвращения Коула, я отнесла посуду на кухню и поднялась наверх, чтобы наполнить себе ванну.

Керамическая, расписанная вдоль бортика акриловыми красками ванна стояла под узким матовым окошком, по которому хлестали ветви деревьев. Плитка по углам стен треснула и осыпалась, но, за исключением этого, ванная комната выглядела миловидно. Я провела рукой по махровой ткани полотенец и заметила среди стойки с шампунями еще две склянки – масло можжевельника и морскую соль. *«Морская соль делает нас сильнее, если заговорить ее и принять внутрь, но обжигает и ослабляет, если коснется кожи. У всех вещей две стороны»*, – говорила мама. Поэтому я ограничилась маслом и капнула несколько капель под струю воды.

Дождаясь, когда ванна наполнится до краев, я высунулась в коридор. Несмотря на все мои попытки выглядеть беззаботно, по коже табунами бродили мурашки. Однако мысли после вечера с Коулом были кристально чисты: я больше не боялась того, что незримо витало под потолком, наблюдая. Скользя пальцами по кедровому подоконнику, я остановилась в дверях

боковой спальни, в которую Коул закинул мои вещи. Практически пустая, она выглядела аскетично – кровать, две тумбы и шкаф. Такой же была вторая комната, которую Коул присвоил себе, а вот какой была третья, оставалось только гадать. Я задержалась перед запертой на ключ дверью и, уже собираясь возвращаться в ванную, тронула круглую ручку.

Та повернулась, и дверь открылась.

Дыхание обратилось в морозный пар: в комнате было аномально холодно и сыро. Шагнув внутрь, я выставила ладонь, ощупывая дверные углы, чтобы не напороться в темноте на один из них.

– *Мерцают светлячки*, – шепнула я невинное заклинание, которому матери учат своих детей с ранних лет, чтобы те не боялись ночевать в одиночестве.

Мягкое желтое свечение, озарившее пыльную спальню, разливалось всюду и ниоткуда одновременно.

Кровать с балдахином, заправленная бордовым покрывалом, такого же цвета стены и пуфик, загроможденный старыми вещами и одеждой. Я огляделась, но, что бы ни сидело в этой комнате раньше, его здесь больше не было. Обычная заброшенная комната, по дверной раме которой тянулась резьба, доходящая мне до пояса, – горизонтальные отметки, поставленные ножом. Лишь приглядевшись к ним, я вспомнила, как точно так же отец мерил нас с Джулианом, состязавшихся в росте. На двери родительской спальни Гастингсов чередовались две буквы: К и Г.

Я грустно улыбнулась и, выйдя из комнаты, закрыла за собой дверь.

Когда я вернулась в ванную, вода добралась почти до бортиков. Сложив на раковине пижаму и избавившись от юбки с джемпером, я погрузила в ванну сначала щиколотки, а затем окунулась полностью.

Под ступней промялось что-то мягкое и упругое. Потянувшись рукой, я нащупала упавшую в воду мочалку и достала ее.

Но то была совсем не мочалка.

– Коул!

Я завизжала и, швырнув трупик дохлой крысы, выскочила из ванной, чувствуя под ногами еще с десятков мертвых крыс. Я едва успела схватить полотенце и завернуться в него, когда дверь распахнулась, выбитая Коулом. Он, перепачканный в чем-то вязком и багровом, зажимал рукой плечо.

– Меня что-то схватило внизу, – выдавил он, отдышавшись. – И распороло руку.

Я зажала его рану чистым полотенцем, приподняв ткань футболки: под ней атели несколько тонких симметричных полос, оставленные звериной лапой.

– Он запугивает нас, – сказала я, приседая и поддевая краем расчески труп мертвого грызуна, чтобы рассмотреть поближе. – Зараза... Ну я ему покажу! Отвернись!

Я развязала полотенце на секунду раньше, чем Коул успел отвести глаза, и, поспешно натягивая пижаму, заметила, как глубоко и рвано он дышит. Но, быстро вернув самообладание, Коул молча поднял мышинный трупик и понес его к мусорному ведру.

– Эй, стой, верни!

Коул недоуменно приоткрыл рот, когда я, брезгливо морщась, замотала руку в полотенце и отняла у него серую тушку.

– Пригодится. Жди меня здесь. Что бы ты ни услышал, ни в коем случае не смотри в окна и не выходи!

Я обулась и, сбежав по лестнице, вышла на улицу, захватив с собой рюкзак. Отыскав самую высокую яблоню напротив дома, я закрыла глаза и привстала на цыпочки, тянясь вверх. С ветки сорвалось крепкое красное яблоко, и я рухнула на колени.

– Живой плод здесь для насыщения твоего. Мертвая плоть здесь для милости твоей. Я тоже здесь – для того, чтобы встретиться с тобой лицом к лицу.

Я опустила голову, вдыхая морозный воздух, который не охлаждал и не остужал: масло можжевельника разлилось по коже, согревая. Я вслушивалась в шорох яблоневых ветвей, в звуки леса и дома: там царил тишина, и лишь камин трещал, как и дыхание Коула, перевязывающего руку на кухне в томительном ожидании. Все это было слышно так же отчетливо, как и мое сердцебиение.

Стук. Стук. Вдох.

Я распахнула глаза и увидела отражение своего побелевшего лица в черных лентовидных зрачках с кроваво-алой радужкой. Вокруг них простиралась необъятная тьма, закрывшая собою все вокруг. Существо сидело ко мне нос к носу, и позади него раздавался треск – по земле хлестал длинный чешуйчатый хвост, извиваясь. Вдавлив ногти в ладони, чтобы сдержать крик, я, не смея отвести взор, разглядела нависающую над тьмой корону – терновая, она была сплетена из металлических шипов и проволоки, как насмешка над нимбом и величием.

– Имя мне Одри Дефо, – представилась я. – Я Верховная ведьма ковена Шамплейн, что повелевает землей под тобой; водами, что текут под ней; огнем, что разжигается в ее недрах; воздухом, который ее питает. Значит, тобой я повелеваю тоже. Ты незванный гость! Именем Баала я велю тебе покинуть сей дом.

Существо моргнуло – сначала одним глазом, а потом другим, как рептилия, – а затем я почувствовала удар: хвост демона обрушился на меня, и я отлетела в сторону, приложившись спиной о ствол яблони. Чешуя, которой хвост был усеян, заострилась, сделавшись острой щетиной.

Молниеносно придя в себя, я подскочила и приложила руку к расплоскованной щеке. Существо заклокотало, и красных глаз стало целых шесть, как и тогда за окном. Тьма вилась ввысь словно дым. У демона не было ни морды, ни туловища – лишь зрачки и хвост, бешено крутящийся волчком.

Я едва не упала снова, когда ветви и листья из-под моих ног устремились к нему. Демон материализовался, сотканный из жухлой травы и грязи, и двинулся ко мне. Унося от него ноги, я обернулась и налетела на крыльцо, опрокинувшись на ступеньки.

– Заклинаю тебя именем Пеймона, девятого короля ада и Гоетии, старшего сына твоего отца и отца других сыновей, – прошептала я. – Назови свое имя! Кто ты и что ты есть?

Чудовище, осыпаясь гниющей зеленью, распалось на части раньше, чем его лапы из выкорчеванных дубовых ветвей успели дотянуться до меня.

Я влетела в дом и, снеся Коула, забила в угол на кухне.

– Соль! – крикнула я, принявшись судорожно искать по ящикам, швыряя на стол все, что только попадалось под руку. – Костная мука. Бычьи почки...

– Где я тебе все это достану?! – воскликнул Коул, поспешив к соседнему шкафу, чтобы помочь мне в поисках. Увидев, что моя паника немного улеглась, уступив место собранности, он решился спросить: – Так что именно поселилось в моем доме?

– Точно демон, – решительно заявила я. – Благо он не похож ни на одного из лордов ада. Слишком уж он хилый, но... На призывы не отзывается, будто ни у кого нет власти над ним. Сначала я подумала, что это отпрыск Баала, первого из семидесяти двух демонов, запертых царем Соломоном, потому что увидела кошачьи глаза... Потом я решила, что это Пеймон, раз на нем терновая корона, однако опять мимо. Не понимаю...

– Одри, – прервал меня Коул, побелев. – Давай перейдем к той части, где ты расскажешь, как нам от него избавиться. И, да, еще вопрос: он может нам навредить?

Я замялась, раздумывая.

– Это зависит от того, как давно он живет в твоём доме... Но, судя по этому, ему уже пора выдавать клубную карту.

Я ткнула пальцем в свою щеку, рассеченную смертоносным хвостом, и Коул заботливо стер струйку крови, капающую с моего подбородка на пол. Там, куда приземлилась увесистая

капля, сквозь половицы вдруг просочилось еще море таких же. Крови становилось все больше. Она заливала кухню, и я отскочила. Банки с ритуальными ингредиентами увязли в ней, но Коул вдруг наклонился. Испачкав в крови пальцы, он поднес их к губам и лизнул.

Я скривилась.

– Вкус вишни, – задумчиво изрек он. – Люблю вишню.

Я нахмурилась и, когда Коул зачерпнул рукой еще крови, сделала то же самое. Демоны и вишневым сироп не могли существовать в одной связке, но это действительно был сироп: сахарный и ягодный. В нем был испачкан и Коул, и я сама. Вовсе не кровь, а маневр, как декорации к фильму ужасов.

– Одри? – робко позвал меня Коул, когда я, отряхнув свой рюкзак от грязи, вывалила на пол кожаный мешочек. – Что ты делаешь?

А я впервые знала, что нужно делать.

– Я помню, что вы не разговариваете со мной, – шепнула я костяным рунам, высыпав их на ладонь. – Но, может, через вас со мной захочет поговорить кто-нибудь другой?

Я скинула руку вверх. Руны покатались по столу, затрещали, подпрыгивая на столе, и в последний момент сложились в ряд.

«ПОКОРМИ НАС»

Едва я успела тронуть их, как руны завертелись вновь и заворили:

«МЯУ МЯУ МЯУ МЯУ МЯУ МЯУ»

Коул озадаченно покосился на меня.

– А среди демонов бывают... Ну... Умственно отсталые?

Я ухмыльнулась, ловя кубики и останавливая их одержимый хоровод. Обойдя Коула, я послушно открыла холодильник, выживая на столешницу все, что было. Палка сырокопченой колбасы, ветчина, пончики, наши недоеденные стейки и початая бутылка молока.

– Хотите есть? – громко выкрикнула я в воздух. – Хорошо! Вам больше не придется питаться энергией и эмоциями. Вместо этого в вашем распоряжении будет все, что найдете на кухне. А здесь так много всего, м-м! Колбаса куда вкуснее нашего страха. Я выпущу вас в мир людей, но для этого придется показаться. Всем вам. По отдельности, а не срашиваясь воедино.

Коул растерянно взирал на мою хитрую улыбку, не улавливая, что к чему. Я не спешила разъяснять, притихнув и выжидая, сработает ли уловка.

Тени под столом зашевелились. Одна из них, длинная и подернутая рябью, вдруг отделилась, вползая по ножкам стула вверх на обивку. Она действительно была далеко не одна: следом проявилась такая же, а затем и еще. Три тени плясали, карабкаясь на стол, и явили нам свои черты.

– Колбас-са, – зашипела морда черного кота с горящими красными глазами.

– Молоко-о, – промурлыкала вторая, потирая уши о третью, которая в свою очередь облизнулась тоже:

– И пончики, пончики!

Короткая угольная шерсть сверкала, переливаясь бриллиантовой крошкой, уродливо общипанная на острых гончих мордах. Хвосты всех троих были сплетены между собой, перетянутые узлами так туго, что лишнее движение одного вызывало болезненное шипение у двух других. Неотделимые и связанные, почти одно создание, но разного характера и происхождения. Однако с одинаковым предназначением – уничтожать.

– Что они такое? – шепотом спросил Коул.

– Grimy, – ответила я. – Мелкие демоны. Когда их изгоняют на улицу, принимают обличия волков, чтобы выжить. Они не из ада и никогда там не были. Их бы просто туда не впустили, – я хихикнула. – Всего лишь порождения грешной человеческой природы. Между прочим, это твои прошлые жильцы оставили их здесь. Те, что съехали сегодня, наверняка твои постоянные гости, да?

– Да, – заторможенно отозвался Коул. – Я им дом уже два года время от времени сдаю. Погоди... Их создали люди?!

– Ага, – я пожала плечами. – Вот так и сдавай свой дом кому попало! Породили низшие сущности и даже не удосуживаются забрать их с собой. Интересно, что они за пороки... Эй, grimy, как вас зовут?

– Спор, – мурлыкнула одна голова, глаза на ломтики ветчины.

– Эго, – представилась та, что была по центру и, выпячивая колесом грудь, доминировала над остальными.

– Блуд, – заурчал третий кот.

Я взглянула на Коула.

– Слышал имя последнего? Сто процентов у тебя тут устраивали оргии. Лучше перестирать все постельное белье, что найдем в доме. И прокипятить!

Коул, чистоплотный и прилежный, содрогнулся.

– Мы можем договориться, – сообщила я котам, сощурившимся в надежде и подозрении. – Я могу даровать вам плоть и кровь, возможность вкушать смертную пищу и греться под солнцем. Отвечайте: хотите этого или нет?

Grimy занервничали и сгруппировались, прижавшись друг к другу вплотную, чтобы поговорить.

– Может быть, она будет чес-сать нас за ушком, – тихо мурлыкнул Блуд. – Я слышал, это приятно.

– Поз-зор нам, если падем до второсортной ведьмы! – фыркнул Эго. – Я сказал нет!

– Но она Верховная, – выступил Спор. – Я так хочу попробовать, какова на вкус ветчина! Я закатила глаза и демонстративно откашлялась.

– Ну? Что вы решили?

Гримы переглянулись, и у всех троих расширились зрачки, сделавшись круглыми и бездонными.

– Мы соглас-сны, – хором ответили они.

Я удовлетворенно кивнула и взяла из вазы яблоко, такое же, какое использовала для призыва. Но прежде чем отдать его, предупредила:

– Тогда станьте моим фамильяром, – гримы поочередно зашипели, и я указала им на свою расцарапанную щеку. – Я не могу быть уверена, что вы не попробуете сожрать меня ночью, когда окрепнете и вконец обнаглеете. Мне нужна гарантия.

Эго оскалил разодранную пасть.

– Обещаем...

– Этого мало, – я зацокала языком. – Скрепите клятву троицей падших и нерушимых.

Гримы зашлись рычанием, заходили по столу, выстреливая искрами чистой тьмы, из которой были сотканы, бездушные и бессердечные. Сплетясь вместе уже не только хвостами, но и телами, они в конце концов смирились.

– Баал, Агарес, Вассаго, – пробурчал Эго первым. – Клянусь.

– Самигина, Марбас, Валефор. Клянусь...

– Барбатос, Пеймон, Асмодей. Клянусь!

Я улыбнулась и кинула им плод.

– Умницы. Съешьте это, и сможете отведать все, что только найдете в холодильнике. Советую начать с пюре, его готовила я, так что оно потрясающее!

Выходя с кухни, я закрыла за собой створчатые двери, чтобы не мучиться всю ночь бессонницей от голодного рева, грохота посуды и поросячьего хрюканья. Коул, стоя рядом, обреченно молчал, крутя в руках зеркало.

– Ты правда настроена забрать их с собой? – уточнил он с надрывом, слушая, как за стенами кухни гремит перевернутая миска со стейками. – Ко мне домой?!

– Они безобидны, – вступилась за гримов я, и Коул указал на свою перепачканную футболку и хаос, творящийся на кухне. – Ну, по большей части. Они истязали нас, чтобы просто наесться. Энергию добыть не так-то и просто.

– Это же демон! – воскликнул Коул. – Я сам слышал, как ты сказала, что они могут сожрать нас ночью, когда окрепнут. И...

– Ну, Штрудель тоже не подарок, – хмыкнула я. – Однако же ты его оставил.

Коул покраснел от злости, и я торопливо побежала наверх, прихватив с собой Книгу, легкомысленно оставленную возле камина. Моя решимость сменилась усталостью, и теперь на каждом шагу меня нагоняла истома. Я едва успела добраться до постели, как упала замертво, истощенная и физически, и морально.

Коул пришел за минуту до того, как я окончательно отключилась. Молча подвинувшись, я освободила ему место на кровати и перевернулась на живот. Он лег, ни о чем не спрашивая.

– Поспишь со мной?

Мы посмотрели друг на друга: никто из нас не понял, кто произнес это первым. Мы оба нуждались в тепле друг друга, особенно после того, что пережили за эти выходные. Поэтому Коул только согласно кивнул, укрыл нас одеялом и вытянулся на подушке.

– Я никогда не видел тебя такой...

– Какой?

– Смелой.

Я посмотрела на Коула и подогнула под себя дрожащие ноги. На протяжении всего дня я боялась – боялась так сильно, что сейчас у меня раскалывалась голова.

– Да, – сказала я. – Так это делается у ведьм: надо растерзать первой, чтобы не растерзали тебя. Нельзя показывать, что боишься.

Коул повернул голову, и мы почти столкнулись носами. Я почувствовала его дыхание, ванильное и пряное от коричневого эгг-нога.

– Это ужасно, – шепнул он.

– Иначе никак.

– Неправда, – возразил Коул. – Там, на мосту, после ссоры с Гидеоном... Мне было страшно. Я показал это и не пожалел, потому что рядом была ты. Всегда должен быть кто-то, кто прикроет тебя в момент слабости. Чтобы не растерзали, да.

Я слабо улыбнулась и придвинулась ближе, устраиваясь поудобнее. Мои руки под одеялом, нечаянно тронув его руки, отреагировали инстинктивно: я сплела их вместе, всматриваясь в лицо Коула, чтобы не пропустить момент, когда надо его отпустить. Но такой момент все не наступал, и я закрыла глаза, позволяя себе провалиться в сон, не расплетая наших рук.

Проснувшись на три часа раньше, Коул гладил мою раненую щеку и, не дожидаясь моего пробуждения, заклеил ее детским пластырем с самолетиками.

Утро выдалось не таким напряженным, как я ожидала, пускай Штруделю и не нравилось делить дом с другой живностью, особенно с той, что подглядывает за тобой из темноты и норовит вырвать из лап сосиски (вместе с самими лапами). Пока я готовила яичницу на пятнадцать порций, Коул не спускал Штруделя с колен, недоверчиво наблюдая, как я объясняю Эго, Спору и Блуду правила поведения и подбираю для них предмет, в который они могли бы переселиться во время путешествий. Их предложение впустить их внутрь моего тела мне абсолютно не понравилось, и потому я вышла босиком к той самой яблоне, с которой сорвала призвавший гримов плод. На ней, треснув, разошлась кора: ствол надломился от моего веса, что пришелся на него во время удара. У меня до сих пор ныла поясница. Откопав в амбаре надколотый цветочный горшок, я утрамбовала в него землю из-под корней дерева, еще влажную после ночного дождя.

– Так я смогу перевезти вас, – ответила я на брезгливый взгляд Эго, следящего за моими действиями с крыши. – А теперь сгиньте! Мне надо позаниматься.

Я дождалась, когда дымка из трех сплетенных хвостов развеется, а затем заперлась в амбаре вместе с горшком, рюкзаком и книгой, готовая к новым свершениям.

– *Berkana*.

На этот раз землетрясения не последовало, но и никаких ростков пшеницы прямо из-под пола тоже. Я перешла к развитию метаморфоза, решив, что, раз мне не дается изучать новое, то стоит хотя бы совершенствовать старое. Открыв изображение рыси, я пыталась не просто изменить обличье, а измениться целиком и полностью, но мысли путались.

Созвездия на лице. Тигриный взгляд, а в минуты признания и откровенности – олений. Жесткие локоны, которые так приятно расчесывать пальцами.

Я передернула плечами и потеряла пластырь на щеке, поднимаясь на ноги. Выбравшись из амбара, я побрела по зарослям леса, наворачивая вокруг дома круги, надеясь, что свежий воздух вернет мне концентрацию.

«Я никогда не видел тебя такой... Смелой».

Срывая цветы и растения, не успевшие сгнить в осени, я возвратилась в свой ведьмовской уголок, покрытый сеном и воском от свеч. Дыханием перелистывая страницы и мельком пробегаясь по ним глазами, я сплетала вместе собранные цветы, чтобы занять руки.

– Я тебе надоел и ты решила меня убить?

Я оглянулась на голос Коула и, проследив за его озадаченным взглядом, посмотрела себе на колени: на них лежал пышный венок, пахнущий зеленью ушедшего лета.

– «Венок сплетет – какой и где?» – напомнил Коул слова стихотворного предостережения. – «Васильки – могила ждет»...

– О, – я взвесила в руках венок, вышедший не только роскошным, но и тяжелым, и сощурилась, любуясь сине-фиолетовыми бутонами. – Как-то не подумала. Я плела его для тебя.

Поднявшись, я подошла к Коулу и возложила венок ему на голову.

– Васильки, – хмуро и все еще недоверчиво буркнул Коул, а я весело хохотнула из-за его суеверности.

Созвездия на лице, мерцающие в обрамлении из цветов. Что может быть красивее?

– Давай представим, что это не васильки, – шутливо предложила я. – Пусть это будет омега.

Коул непонимающе нахмурился, и я почувствовала тепло, растекшееся по губам, когда поцеловала его. Поцелуй вышел смазанным: я поцеловала его в уголок рта, промахнувшись. Коул, обездвиженный, смотрел на меня в упор, забыв моргать, и не было в нем больше следов болезни: распахнутый взгляд нырнул в мой, не страшась близости. Тогда я поцеловала снова, медленно, аккуратно, а затем отстранилась, позволяя ему, наконец, вдохнуть.

– Пошли, – шепнул он, протянув мне руку, и я, ни о чем не спрашивая, послушно приняла ее.

До конца дня мы бродили по лесу, собирая цветы. Коул отвел меня к утесам, под которыми бушевал Шамплейн, похожий на море. Венок то и дело менял своего владельца, кочуя с головы Коула на мою и обратно. Я несла с собой гримуар, делясь с Коулом тем, чему успела научиться, и рассказывая истории своего ковена: о том, как гонимые ведьмы Салема вешались перед черными зеркалами, чтобы отомстить своим обидчикам; о травах, что мы использовали до того, как царица ведьм несколько тысячелетний назад создала дар исцеления; об основательнице моего рода, фаворитке монарха Франции, которая, забеременев от короля, была вынуждена бежать в Британию, прежде чем ее потомок, восьмая Верховная, перевезла ковен в Америку.

– Помнишь, вчера ты говорила, что я мог бы... научиться? – спросил Коул в какой-то момент. – Научиться быть охотником, как ты учишься быть ведьмой. Допустим, я не против... В теории. С чего бы мы начали?

Не сбавляя шага и перелистывая на ходу Книгу, я задумчиво протянула:

– Ну, лично я бы начала с того, что проверила тебя на прочность.

– То есть?

Я хитро улыбнулась и, резко сбросив книгу на траву, обхватила голову Коула руками.

– *Как бред, как жар, как боль стыда, сидит ворон, чистя перья. Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте, и под люстрой, в позолоте, на полу, он тень простер. И душою из этой тени не взлетишь ты с этих пор!*

Лесной воздух затрещал, и в куртке стало нестерпимо жарко, как в духовке. Коул смахнул с себя мои руки и отскочил.

– Ты что, прокляла меня?! – завопил он.

– Ага. Ну как? – спросила я, с любопытством вглядываясь в его раздумывавшееся лицо. – Чувствуешь что-нибудь... этакое?

Коул запнулся и посмотрел в серое небо, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– В животе урчит. Кажется, я проголодался.

– Значит, эксперимент удался! Для достоверности нужно подождать часок, не покроешься ли ты язвами, но, думаю, и так понятно. Мне было интересно, насколько сильна твоя врожденная невосприимчивость к магии. Хорошая новость – на тебя не действуют даже смертельные проклятия. Плохая – защитные чары не действуют тоже.

– Смертельные проклятия?.. То, что ты там бормотала про ворона, было смертельным?!

– Это стихотворение Эдгара Алана По, переименованное под проклятие, – поведала я, подобрав и спрятав книгу за пазуху. – Эдгар, к слову, тоже увлекался оккультизмом, что, как известно, закончилось для него плачевно. В основном из-за интимной связи с моей бабушкой...

Коул затряс головой, и его кудри, не дающие мне покоя, разлохматились под натиском ветра, который будто начал возмущаться вместе с ним.

– Могла бы и предупредить!

– Если бы предупредила, ты бы не согласился, – констатировала я. – Надо еще кое-что проверить...

Я подняла с земли камень и, занеся его над головой, швырнула с такой силой, на какую только была способна, придав броску ускорения с помощью магии воздуха. Но Коул перехватил его: поймал, словно лениво подброшенный бейсбольный мяч, и озадаченно заморгал.

– Физические рефлексy у тебя в норме, – вынесла вердикт я. – Хорошо, что ты нашел себя в полиции и не запустил эти таланты. А вот с *видением*, похоже, проблемы. Ты ведь вчера не использовал зеркальце, чтобы общаться с Эго, Блудом и Спором, верно? Уже прогресс. Может, отдашь пока его мне? На хранение.

Коул вынул из кармана бронзовое зеркальце и уставился на него в замешательстве, но уже спустя секунду кинул зеркало мне в руки – так легко и безропотно. Коул доверял мне, и я, не желая его подвести, спрятала зеркальце туда же, куда и Книгу, плотно скрепив их вместе соединяющим заклятием, чтобы не потерять и любовно беречь.

Возвратившись в коттедж, мы насобирали переспелых яблок: одну часть загрузили в багажник джипа, а вторую пустили на ароматный пунш и пироги. Коул признал, что моя выпечка куда лучше его замороженной, и выходные подошли к концу незаметно и стали лучшими за последние пять лет.

Выехав спозаранку, чтобы добраться к началу рабочего дня в офис, мы уже в шесть утра мчались по пути в Бёрлингтон. Я лежала на заднем сиденье, «досыпая» то, чего лишил меня Коул из-за своего нежелания выезжать домой в воскресную ночь.

Обнимая цветочный горшок с землей, пахнувшей летом и грозой, я вдруг почувствовала, как машина остановилась. Оковы дремоты были слишком крепкими, чтобы я проснулась. Однако Коул и не собирался меня будить: вместо этого послышалось шуршание, а в следующую секунду меня обняло ватное облако – теплое и мягкое мужское пальто, почти такое же, какое Коул подарил мне в Новом Орлеане. Только это пальто пахло им и запах был свеж. Коул укрыл меня, и я почувствовала, как он улыбнулся, прежде чем снова тронуться в сторону города.

Не открывая глаз, я улыбнулась тоже и плотнее обхватила глиняный горшок. Там, пробиваясь сквозь утрамбованный грунт, пророс зеленый стебель яблоневого дерева.

Таким и был истинный покой.

IX Versipellis

Трость с трудом выдерживала ее поступь. С каждым днем она все больше переносила на нее свой вес, все больше опиралась, не в силах ступить самостоятельно. Иссушенные болезнью пальцы, поредевшие волосы и потухшие глаза. Но живой в ней осталась чуткая материнская улыбка.

– Что бы я без тебя делала, – сказала она Рэйчел, придерживающей ее фарфоровую чашку, пока она медленно отхлебывала из нее горячий чай.

– Пила бы безвкусный «Lipton» вместо наваристого сбитня из клюквы? – ухмыльнулась Рэйчел, убирая с лица Виктории волосы. Ее глаза были красными от бессонных ночей.

Виктория обняла свою атташе, вернув кружку на блюдце, и обернулась, будто только сейчас заметила мое присутствие.

– Спасибо, Рашель. Не оставишь нас одних на пару минут? – попросила она, и Рэйчел, усмирив свой инстинкт опекать, кивнула, скрываясь в спальне. Проходя мимо, она ободряюще погладила меня по спине.

– Я горжусь тобой, – произнесла мама, когда обе мы замерли на краю балкона, любуясь садом и шелковыми волнами озера, простирающегося за ним.

– Мам, не нужно...

– Быть самой юной Верховной будет непросто, – продолжила она, не слушая. – Многие поставят твой авторитет под сомнение – и внутри ковена, и за его пределами, – но ты справишься. За моей спиной стоят десятки женщин нашего рода – Верховные, что были до меня. А скоро они будут стоять и за твоей спиной. Я пополнию их ряды. Оборачиваясь, вспоминай, что ты никогда не останешься одинока. Дочери твоих дочерей не должны забывать об этом тоже. Обязательно расскажи им, как сейчас я рассказываю тебе, ладно?

Виктория подошла ближе и прижалась ко мне. Я могла слышать, как удушливо хрипит мокротой ее дыхание, распирая пораженные метастазами легкие. Из последних сил она улыбнулась и привычным жестом пригладила мои волосы, забранные в длинную косу, от которой с каждым годом все сильнее ныл затылок.

– Почти двести лет назад я связалась с Верховным ведьмаком из другого ковена, – вдруг заговорила она меланхолично. – И забеременела. Он не желал объединения наших родов, но страстно мечтал о наследнике. Узрев какое-то дурацкое знамение в тот день, ведьмак выкрал мое дитя, едва оно появилось на свет и разразилось плачем. Только ведьмак ошибся: ребенок оказался вовсе не Верховным... Разочаровавшись, он избавился от этого дитя раньше, чем я успела найти их. Я даже не узнала, кто это был – мальчик или девочка.

– Боже, – выдохнула я, парализованная от ужаса. – Зачем ты говоришь мне все это?

Виктория грустно взглянула на меня и нежно потерла большим пальцем мою скулу, вмиг утратившую румянец.

– Затем, чтобы ты знала, что каждый мудрец когда-то был глупцом. И затем, чтобы сказать тебе: того ведьмака зовут Марк Сайфер и он поныне жив. Его ковен располагается в Монтане. Держись от него подальше, как и от Авроры Эдлер. Запомнила?

Я кивнула, и Виктория нахмурилась так, будто судорожно вспоминала, что еще должна успеть поведать мне перед своим уходом. Это отдавалось ноющей болью под ребрами, будто от давнего синяка. Я должна была внимать последним словам матери, чтобы облегчить ее страдания... Чтобы занять трон и стать достойной ее.

– После того случая я надолго отказалась от идеи вступить в брак, а потому так поздно завела детей. Все изменилось благодаря встрече с твоим отцом, – продолжила Виктория, неотрывно смотря на закат. – У меня ушла сотня лет на то, чтобы укрепить ковен и окрепнуть самой, оправиться, а теперь... Мне жаль. Возможно, роди я вас раньше, мы бы провели больше времени вместе.

Я пересилила себя и взяла ее за руку, отчего Виктория посмотрела на меня с благодарностью.

– Я стольким еще не поделилась с тобой, – прошептала она, и губы ее дрожали, как и серая радужка зрачков, блестящая от слез. – Стольким вещам тебя не научила. Столько любви недодала... Я...

Мама пошатнулась, отстраняясь от меня и от края балкона, чтобы опереться на скрюченную рукоять своей трости.

– Рэйчел! – воскликнула я, и от паники у меня пересохло во рту, когда мама вдруг низко наклонилась.

Трость надломилась, не выдержав. Не выдержала и я: упала на пол, содрогаясь в рыданиях.

– Рашель сделает это за меня, – хрипло произнесла Виктория, ласково сжав мою ладонь в своей, похолодевшей. – Она проследит за вами, а ты проследи за братом. Не как Верховная, а как его близнец. Ему нужна твоя помощь. Джулиан не злой...

– Что? Мама, никто не считает Джулиана злым...

– Он не злой, – повторила мама надрывным шепотом, сквозь забвение и лихорадку, и ее глаза закатились прежде, чем на балкон ворвалась Рэйчел, неся флакон со снотворным и обезболивающим, в котором Виктория больше не нуждалась. – Мой мальчик не злой...

Но она ошибалась.

* * *

– Свиной чертополох!

От неожиданности Коул дернул ручкой, перечеркнув почти законченный рапорт, и гневно сузил глаза. Вскинув голову и отлепив ото лба скрепки, я зевнула, с хрустом потягиваясь.

– Ненавижу понедельники. Вдобавок здесь так скучно, что я умудрилась заснуть.

– Не ты одна, – заметил он, кивая на своих коллег, некоторые из которых клевали носом компьютерную клавиатуру. – Но, в отличие от них, нам повезло больше: только что мне написал Сэм. Есть одно интересное дельце...

– Какое?!

От возбуждения я подпрыгнула, нетерпеливо потирая руки, и побежала за Коулом. Выхватив из рук проходящего мимо стажера толстую папку, он пролистал ее до нужной страницы и завернул в служебный коридор.

– Это допросная комната. Вчера Сэму дали новое расследование, раз уж с жертвоприношениями мы в тупике. Подозрение в преднамеренном убийстве, – Коул потряс папкой у меня перед носом. – Ганс Хармонд. Непримечательный старьевщик, ремонтирует антиквариат. Соседи пожаловались на шум, доносящийся из его дома, а когда полиция приехала, жена Ганса была уже мертва. Она упала с крыши, сломала спину и скончалась до приезда «Скорой». Старые добрые бытовые убийства на почве семейных скандалов! Что бодрит с утра лучше?

– Кофе, – мрачно ответила я, когда Коул открыл служебной картой магнитный замок на двери. – Однозначно кофе бодрит лучше.

Коул явно был со мной не согласен. Он пропустил меня вперед, и мы очутились в небольшом отсеке, застекленном со всех сторон, со множеством мониторов. За ними развалился полицейский, уминая сдобную выпечку.

– Привет, Ричи, – бросил ему Коул бодро. – Мы зашли посмотреть, ты не против?

Полицейский пожал плечами и откатился на стуле к другой панели, предоставляя нам возможность подойти поближе к стеклу. За ним, среди четырех выбеленных стен, стоял лишь стол и два стула. Напротив друг друга сидели двое – Сэм в зеленом свитере, снова забывший об утреннем бритье, и рослый мужчина со светлыми волосами, как пшеница, и голубыми глазами, как небо над ее полями.

Я смотрела на подозреваемого и чувствовала то, что не поддавалось логике и рациональному объяснению, – первобытный ужас, кричащий спрятаться. Что-то дикое и древнее, как сам инстинкт самосохранения, срабатывающий перед оскаленной пастью хищника. Впрочем, мужчина и внешне походил на зверя: массивная челюсть, обьятая густой растительностью, сведенные вместе брови, грузное тело. Однако взгляд его был абсолютным контрастом – широко распахнутый и невинный, помутневший от слез, склеивших длинные ресницы.

– Я бы никогда не убил свою жену, – глухо произнес он, и Сэм сделал еще одну пометку в блокноте. – Мы поженились еще в колледже. Я любил Анну!

– Несомненно, мистер Хармонд, – равнодушно отозвался Сэм, поглядывая на папку, раскрытую перед мужчиной. – Должно быть, вы еще и счастливы вместе были?

– Разумеется!

– Я, конечно, не гуру отношений, но одно знаю точно: женщины не режут себя от счастья, – отчеканил Сэм, и я приблизилась к стеклу, разглядев на одной из фотографий перед подозреваемым изображение женских запястий, покрытых старыми бледными шрамами. – И часто она пыталась покончить с собой?

Ганс со свистом вздохнул.

– У нее была затяжная депрессия на фоне автокатастрофы, в которой погибли ее братья, но это было много лет назад. Анна наблюдалась у психиатра. Думаю, у нее случилось обострение... Не знаю, как я не заметил этого сразу.

– Ясно, – Сэм со скрипом отодвинул металлический стул и закинул ногу на ногу. – Где во время инцидента находилась ваша дочь?

– У себя в комнате.

– Соседи сказали, что слышали шум незадолго до самоубийства Анны. Вы ссорились?

Ганс запнулся, тщательно подбирая слова.

– Все супружеские пары иногда ссорятся. Это нормально.

– Знаете, что ненормально? Когда после обычной ссоры один из супругов идет прыгать с крыши, – хмыкнул Сэм, тарабанив костяшками пальцев по столу. – Итак, проговорим все события еще раз. Вы с женой повздорили. Перевернутый стол, разбитая посуда, упавший шкаф... Этот конфликт явно был очень бурным. После ваша жена, не выдержав обиды, поднялась к себе в комнату, вылезла на карниз и, забравшись по нему на крышу, сиганула вниз с десяти метров. Так, выходит? И вы что, даже не пытались ее остановить?

– Я...

– Разве что Анна полезла на крышу не для того, чтобы спрыгнуть с нее, а чтобы спастись от вас. Тогда это все равно непредумышленное убийство...

– Что за бред?! – Ганс дернулся, едва не перевернув стол. – Я не преследовал Анну! И я не загонял ее на крышу! После ссоры мы...

– Ну? Что же вы сделали сразу после ссоры, Ганс?

– Я не помню.

– Чего именно вы не помните?

– Всего, – Ганс пристально посмотрел на Сэма, таранящего его детективными нападками. – Я помню лишь, что мы опять поссорились, когда сели ужинать. Времена в семье были нелегкие: задержка зарплаты, невроты жены... Мы начали кричать друг на друга, а потом я очнулся рядом с ее телом.

– То есть вы стояли внизу, на земле, когда она упала? – уточнил Сэм, и Ганс мотнул головой.

– Нет, я тоже был на крыше. Стоял и смотрел сверху, как... Как она истекает кровью. Меня будто парализовало и... Затем я вызвал «Скорую», ну а дальше вы в курсе. Я не знаю, как она очутилась на крыше, зачем вылезла из окна, и не помню, как пытался остановить ее, но уверен, что пытался. Я не толкал Анну и уж точно не вынуждал ее спрыгнуть!

Сэм замолчал, пораженный открывшимися деталями, как и я, наблюдающая по ту сторону зеркала. Был поражен даже полицейский за мониторами, забывший про остывающий пончик в руке, но только не Коул: тот, задумчиво почесав подбородок, многозначительно замычал.

– Сэм, – позвал напарника он, наклонившись к микрофону. – Выйди, пожалуйста.

Сэм глянул в камеру, прикрепленную под потолком в углу кабинета, поднялся и открыл дверь. Ганс остался сидеть, давясь слезами, которые старался стереть рукавом свитера.

– Что ты здесь забыл? – гаркнул Сэм на Коула в тот же миг, как переступил порог комнаты. – Ты вроде бы должен заниматься делом ритуального убийцы, а не соваться в мое расследование.

– Это *наше* расследование, – тактично поправил его Коул. – Мы напарники.

Сэм наверняка уже слепил в голове язвительную остроту на этот счет, но вдруг заметил меня и стушевался, спрятав сжатые кулаки в карманах.

– А она?

– А она смотрит и набирается опыта, – сказал Коул, закатывая рукава черного свитера, а затем вошел в допросную комнату, занимая место Сэма. – Мой черед.

Ганс сразу вскинул голову, взирая на незнакомого ему человека. Я переступила с ноги на ногу в предвкушении: прежде мне никогда не доводилось видеть, как Коул проводит допросы. Его резкая заинтересованность в этом расследовании осталась для меня загадкой, и я только послушно прильнула к прозрачной стене: жертва и хищник лицом к лицу. Только кто из них кто?

Сэм пристроился рядом, сложив руки на груди.

– Вы тоже будете допрашивать меня? – спросил Ганс, и Коул остановился перед столом, не собираясь садиться. Подобрал несколько фотографий, он раскрыл их веером перед лицом. – Я уже все рассказал тому рыжему, с запахом перегара. Что, второй раунд?

Звук с той стороны доносился эхом через динамики, немного смазанный, но громкий, позволяя слышать даже тяжелое дыхание Ганса и его всхлипы.

– И часто ваша жена просила вас быть с ней поглубже?

– Что?

Рот у меня невольно приоткрылся. Я уставилась на Коула, перебирающего фотографии с места преступления с таким отстраненным видом, будто крупные кадры тела с выкрученными суставами и раздробленной головой нагоняли на него тоску.

– Я спрашиваю, – медленно заговорил Коул и, швырнув фото на стол, повысил голос так, что вздрогнул даже Сэм: – Как часто ваша жена любила поглубже?

– Я не понимаю...

– Вот это, – Коул хлопнул ладонью по разбросанным снимкам жертвы: лиловые синяки на запястьях, совсем свежие, и такие же на бедрах, только зеленее. – Вы били свою жену или практиковали БДСМ?

Сэм усмехнулся, а я нет. Резкая смена в характере Коула устрасала. Не проживи я с ним больше месяца, после такого я бы ни за что не приблизилась к нему и на метр: железный, бесчувственный и саркастичный. Коул просто не мог быть таким. Его новое амплуа отражало сугубый профессионализм – рабочая трезвость и беспощадность, природа которых была такой же звериной, как и его карие глаза.

– Что он делает? – спросила я у Сэма, чувствуя себя крайне глупо и неловко от собственного негодования.

Сэм пожал плечами.

– Работает.

Коул со вздохом уселся на стул и пристально посмотрел на Ганса, побагровевшего от злости.

– Я ни разу не поднял на свою жену руку! – прошипел он. – Следите за своим языком, офицер.

– Сержант, – сухо поправил его Коул и придвинулся к Гансу вплотную. – Только полные неудачники и ничтожества бьют женщин.

– Я же сказал, что никого никогда не бил!

– А судя по этому, – он снова ткнул пальцем в фото, не слушая, – вы полное ничтожество.

– Хватит!

– Хотите расскажу, что на самом деле случилось с вашей женой? – спросил Коул настырно, не замечая криков Ганса. – Вы поссорились. Опять. Ваш брак трещал по швам. Вас так достала хандра Анны, ее апатия, что вы вспылили и начали хватать ее за руки. Она оттолкнула вас и, напуганная, побежала наверх, чтобы укрыться в спальне. Дверь ведь была выбита с той стороны...

– Да! Потому что я боялся, что она наложит на себя руки, вот и пытался попасть в комнату.

– Вы ведь только что сказали моему напарнику, что ничего не помните о том инциденте, – подловил его Коул, и Ганс сдался, всплеснув руками.

– Не помню, но уверен, что так и было. Я бы все сделал, лишь бы остановить ее и не позволить Анне лишиться нашу дочь любимой матери!

– А я уверен, что вы выломали дверь в спальню, потому что у вас сдали нервы и вы хотели избить свою жену. В очередной раз. Потому она и вылезла из окна на крышу, с которой затем нечаянно сорвалась, когда вы попытались достать ее оттуда. Вы убийца, Ганс Хармонд.

– Я не убивал Анну!

Ганс взревел так громко, так отчаянно, что, казалось, дрогнули стены. Он подскочил со стула, нависая над Коулом и сотрясаясь в крупной дрожи, но тот не пошевелился. Гансу сделалось дурно: побелевшие щеки, выступившие желваки и вены на руках, пульсирующие в такт тому, как от бешенства клацали его зубы. Топазовые глаза потемнели и окрасились в... Желтый?

Я замерла. Коул закрыл папку и поднялся.

– Если не ошибаюсь, вашу дочь зовут Марта, – сказал он. – И она ждет вас с няней дома. Езжайте к ней. Малышке сейчас как никогда нужен отец. Ваше присутствие в участке нам больше не требуется, спасибо.

Друг за другом они покинули камеру, и, проходя мимо меня, Ганс обернулся. Его глаза действительно были лазурного цвета, вовсе не такие, как минуту назад, когда он кричал на Коула, но и не такие, как прежде, – теперь отчужденные, пустые. Ганс отвернулся и быстро скрылся в коридоре, после чего Сэм зааплодировал.

– Иногда мне кажется, что у тебя уже две причины посетить психиатра, – сообщил он Коулу. – И это еще я, по мнению Манфреда, люблю перегибать палку! Что же, молодец. Это было круто. Не так круто, как мог бы я, но все же, – добавил он, побоявшись перехвалить Коула. – Ты прав.

– Прав в чем? – уточнила я, не понимая, но Сэм проигнорировал меня и весело бросил, прежде чем вылететь в коридор:

– Я понаблюдаю за Гансом. Уверен, скоро что-нибудь да всплывет!

Коул спустил рукава свитера и озарил меня улыбкой.

– Пообедаем? – предложил он беззаботно. – Я бы не отказался от пиццы.

Коул взял меня за руку и вытянул из кабинета. До самой пиццерии я покорно внимала его отвлеченной болтовне, переваривая увиденное. Это продолжалось, пока мы не устроились за свободным столиком с коробкой «Маргариты» и я наконец не прервала рассказ Коула о новом диетическом корме для Штруделя взмахом руки.

– Ты всегда ведешь себя так с подозреваемыми? – осторожно начала я, отклеивая от теста запеченные дольки маслин, которые на дух не переносила.

– Как «так»? – спросил Коул с набитым ртом, поджывая за мной те самые маслины.

– Грубо. Я никогда не видела, чтобы ты ругался.

– Я и не ругался.

– Но ты хамил ему...

– Чтобы прощупать границы. Сэм решил, что у Ганса просто нестабильная психика, но я уверен, что его проблема несколько... деликатнее. Наш вспыльчивый муженек – оборотень, Одри, – изрек Коул, отодвинув от себя быстро опустевшую коробку от пиццы. – И мне нужно было понять, насколько хорошо он контролирует себя, потому что это прямой ответ на вопрос, способен ли он убить свою любимую жену.

Оборотень. Одно слово мигом расставило все по своим местам: и мой первобытный инстинкт самосохранения, работающий даже в неведении как часы, и поведение Коула, и даже голубые глаза мужчины, наливающиеся янтарем.

– Похоже, мне надо откалибровать свое ведьмовское чутье, – сказала я, отхлебывая чай из бумажного стаканчика. – Гляди, тебе и зеркало не понадобилось! Браво.

– Это он сделал, Одри, – вдруг заявил Коул без тени сочувствия, но мне все же показалось, что в глубине души ему сделалось грустно. – Ганс убил свою жену. Очевидно, он обратился в приступе злости, поэтому ничего и не помнит.

– Ганс показался мне хорошим человеком...

– Хороший человек и хороший оборотень – не одно и то же, Одри.

– Я почти ничего не знаю об оборотнях, – я посмотрела на Коула, грея руки о горячий стакан. – Кроме того, что они прокляты.

– Новички страдают провалами в памяти в моменты обращения, – принялся рассказывать он поучительно. – Злость – вот настоящий триггер, а не полнолуние. Ее сложно контролировать, поэтому на счету оборотней, как правило, много непреднамеренных убийств. Очевидно, в случае Ганса это не родовое проклятие, иначе бы оно проявилось гораздо раньше, а не в сорок лет... Ему вообще повезло, что он выжил. Зачастую те, кто были прокляты, а не унаследовали это проклятие от родителей, не переживают первое обращение. Наверняка Ганс насолил какой-нибудь вредной ведьмочке, – усмехнулся Коул, поведя бровью, и я закатила глаза.

– И что ты планируешь делать?

– Поехать и купить то, что помешает Гансу свести в могилу следом за женой еще и дочь, – ответил Коул мрачно, а затем вдруг радостно добавил, выкидывая черствые корешки пиццы в урну вместе с коробкой: – А ты поедешь со мной. Твоя красота поддерживает мой боевой дух.

– Ух ты, – восхитилась я. – Сделал комплимент и даже не покраснел!

– Все дело в дыхании. Вычитал упражнение на одном форуме.

Мы забрались в джип, и Коул завел мотор, включая обогрев. Втянув голову в воротник куртки, я взглянула на приборный термометр: температура явно намеревалась достигнуть нуля к следующим выходным.

– Так ты посадишь его? – спросила я, когда мимо пронеслось здание университетского общежития, где мне довелось лицезреть детективную работу Коула впервые.

– Да.

– За что?! Он ведь не виноват, что его прокляли!

– Не виноват, – согласился Коул. – Но я не могу позволить разгуливать оборотню в своем городе. Я могу лишь облегчить его трансформации и принятие своей сущности, но посадить обязан. Ганс – преступник, Одри, и неважно, в состоянии сверхъестественного аффекта он совершил это преступление или нет. Я полицейский, охраняющий людей от мифических существ, а не наоборот.

– Разве?

Коул взглянул на меня, и я, поджав губы, красноречиво ткнула указательным пальцем себе в грудь, на что он тут же ощетинился:

– Ты – другое дело.

– Неправда.

– Правда. Не спорь со мной. Ганс не первый оборотень в моей практике и не последний. Я точно знаю, чего он заслуживает и что я обязан делать, – Коул угрюмо смотрел перед собой, и я, закипая от раздражения, отвернулась к окну.

Остаток пути мы ехали молча. Я совсем не следила за дорогой, а потому, когда машина наконец остановилась, вовсе не ожидала увидеть перед собой...

– Супермаркет? – спросила я. – Ты что, снова проголодался?

Коул подхватил меня за локоть и втащил внутрь магазина. Там, выкатив вперед тележку, он двинулся сметать все ряды, но – вот чудо! – хватал с полок отнюдь не яблочные пироги.

– Нам обязательно надо было тащиться вот за этим на другой конец города? – поинтересовалась я, помахав перед лицом Коула хрустящим батоном хлеба, таким длинным и жестким, что им можно было отбиваться, как дубинкой. – У нас багеты и возле участка продаются.

– У меня в этом магазине скидочная карта.

Я бросила хлеб обратно в тележку, и Коул толкнул ее к аптечному прилавку в конце магазина, где продавались стероиды и минеральные комплексы. Взяв пару банок с таблетированным сбором горных трав, он двинулся к кассе, прихватив на ходу еще несколько литровых бутылок с водой и упаковку бенгальских огней. Едва поспевая за ним, я взяла со стеллажа готовой еды пару пончиков в бумажных свертках, надеясь, что для Коула это останется незамеченным.

– Только не говори, что они весь день были с нами, – тяжело вздохнул Коул, наградив меня укоризненным взглядом.

Я невинно улыбнулась, и на мои плечи обрушилась почти осязаемая тяжесть сразу трех демонических котов. Посетителей в магазине было немного, но, даже глядя на меня в упор, они бы не заметили Эго, Спора и Блуда. Для того чтобы увидеть их, по-прежнему надо было обладать либо очень тонкой душевной организацией, либо способностями, подобными моим. Но ни то, ни другое было не таким уж частым явлением в Бёрлингтоне.

– Было бы лучше, если бы я оставила их дома наедине со Штруделем? – уточнила я, и Коул тут же притих. – Я переселила их в резинку для волос. – Я продемонстрировала ему свое запястье, обтянутое тугой пурпурной лентой. – Они мои фамилляры. Какой в них толк, если будут торчать дома в пыльном цветочном горшке? Пускай учатся быть полезными.

– Пока что пользы от них никакой – одна трата денег, чтобы прокормить три лишних рта, – буркнул Коул, выкладывая товар на кассу вместе с моими пончиками.

– Однажды я все-таки съем его kota, – прошипел обиженно Эго над моим ухом, и я успела столкнуть его со своего плеча раньше, чем Коул обернулся, замахиваясь бутылкой.

Хлеб. Аптечные травы. Бенгальские огни. Пончики.

– Не таким я представляла себе набор для охоты на оборотней, – скептически хмыкнула я, пока Коул шуршал новенькими купюрами, расплачиваясь.

Стащив с полки над кассовым аппаратом мятную жвачку, я по инерции поднесла ее к карману. Шлепок Коула по моей ладони привел меня в чувства.

– Положи на ленту!

Насупившись, я послушно отдала жвачку продавщице, пробивающей товар. Оплатив, Коул сунул ее мне и направился к выходу.

– Так неинтересно, – буркнула я, глядя на пачку жвачки, к которой Коул отбил у меня всякую охоту своей праведностью.

Пока он складывал покупки на заднем сиденье джипа, я кинула масляные пончики через голову, зная, что их подхватят трое связанных котов, только и ищущих возможности чем-нибудь подкрепиться.

Сотовый телефон Коула завибрировал в ту же секунду, как я села в авто.

– Слушаю, – ответил Коул на звонок, и я успела мельком разглядеть имя Сэма, высветившиеся на дисплее. – Что?.. Не ходи туда, ты меня понял?! Сэм! – Лицо Гастингса вытянулось, и он быстро сбросил вызов, отшвыривая телефон. – Надо ехать.

Заведя мотор и пристегнув ремень, Коул пристегнул и мой тоже.

– Что стряслось, Коул?

– Ганс снова разбушевался.

По коже побежали мурашки.

– Так разве Сэм не должен за ним присматривать?

– В этом все и дело! Сэм – смертный, а Ганс – неуравновешенный оборотень. Сэму конец, если мы не появимся в течение пятнадцати минут. Видишь бутылки с водой сзади? – пробормотал он, и на повороте шины взвизгнули, как и старушка с тележкой продуктов, которую Коул едва не сбил. – Достань лекарственные травы и раскроши в каждую по пластинке таблеток.

Я не стала спорить, уже привыкшая, что, какими бы сумбурными ни казались просьбы и действия Коула, в такие моменты к нему стоит прислушиваться. Перегнувшись на задние сиденья и перетащив к себе на колени бумажный пакет, я послушно открыла аптечную банку и, раскрошив в ладонях крупные оранжевые таблетки, засыпала травяной порошок в горлышко одной из бутылок.

– Что это за травы?

– Не знаю, но главное, что в составе есть зверобой.

Я взболтала бутылку и принялась за следующую.

- А что делать с багетом?
- Пускай лежит. Достань зажигалку из бардачка.
- Мне поджечь багет?
- Нет, – Коул удрученно вздохнул. – Это для бенгальских огней.

Я сделала все, как велел Коул, и, сложив поистине охотничье обмундирование в кучу, выглянула в окно. Там, почти за чертой города, возвышался двухэтажный особняк из желтого дерева, огороженный ржавым забором с чугунной калиткой, распахнутой настежь.

– Черт, – выругался Коул, и я, кажется, выругалась одновременно с ним, ведь оба мы увидели у подъездной дорожки припаркованную пустую машину Сэма.

Выхватив из бардачка пистолет, Коул вылетел на улицу. Схватив пакет, я последовала за ним. Деревянные качели под старым дубом раскачивались от ветра. Я почувствовала, как заморосил противный дождь, но вдруг заметила впереди белый газон и выставила перед собой ладонь. Кружась в танце, на нее опустились пушистые снежинки, и я запрокинула голову, глядя в тугие серые тучи, обрушившие на дом Ганса снег в начале октября.

– Как интересно, – вырвалось у меня, когда я, оглянувшись, не увидела снега на капоте машины и на асфальтированной дороге: он, ложась ровным слоем, шел лишь над участком дома, не выходя за границы калитки.

От воя, донесшегося из стен дома, осадившие старый дуб вороны с криком взметнулись в небо.

Спрятавшись под навесом крыльца, я прижалась к дверному косяку, впуская Коула первым. Входная дверь была сорвана с петель и валялась на ступеньках, как мусор. Оказавшись внутри, Коул пригнулся и жестом подозвал меня.

Шаг за шагом мы беззвучно начали обход первого этажа, и Коул заглянул в гостиную. В его руках, снятый с предохранителя и заряженный, был зажат полицейский «Глок». То, как Коул двигался с ним, было похоже на танец. За этот день я, казалось, узнала его лучше, чем за весь прошедший месяц: не офисный клерк и растяпа, а детектив. Щелчок, преображающий его личность каждый раз, как требовалось кого-то защитить, был механизмом той загадочной природы, которую он столько лет принимал за еще один аспект синдрома Аспергера. Истинный охотник.

– Держись за мной, – скомандовал он, и мне совсем не захотелось ему возражать.

Виниловые обои свисали лоскутами, разорванные по швам, а пол был застелен перьями от выпотрошенных подушек. Это был не беспорядок... Это были последствия трансформации – звериное начало оборотня, сеющее хаос и разрушения. Я содрогнулась при виде пятен крови, размазанных по сваленному книжному шкафу. Под ним, без движения, лежало тело женщины в строгой офисной форме. Из-под ее побагровевшей руки выглядывало удостоверение.

– «Отдел опеки и попечительства»? – прочитала я шепотом, наклонившись, и вопросительно посмотрела на Коула, проверяющего кухню.

– Там еще двое. Все мертвы.

Он выбил коленом дверь ванной и заглянул туда, осматривая. Я разделяла его опасливость: даже за душевой шторкой мог притаиться зверь, готовый к смертоносному прыжку.

Атмосфера дома угнетала: было бы не так жутко, окунься мы сразу в противоборство, а не в фальшивую тишину. Коул вздохнул и жестом указал мне на лестницу. Ступеньки скрипели под ним куда громче, чем подо мной, но, не останавливаясь, мы друг за другом поднялись наверх.

Дверь в детскую комнату была выломана. На розовых обоях порхали птицы, выведенные золотой гуашью. Куклы и плюшевые игрушки, разбросанные по полу, небольшая кровать под окном, завешенным пледом. В прохладном воздухе пахло клубникой и кровью.

– Идем, – шепнул Коул, когда проверил детскую. – Он должен быть где-то здесь...

Я не успела спросить, кого Коул ищет, панически метаясь из угла в угол, – Ганса или же Сэма, – как он уже заскочил в следующую комнату. Собираясь отправиться за ним, я повернулась к окну и проводила взглядом кубик, со стуком выкатившийся из-под кровати и ударившийся об комод.

Пальцы сжали бумажный пакет, прижимая к себе. Приблизившись к детской постели, я встала на колени и, опустившись на пол, осторожно заглянула под нее. Там, в клубках пыли и залежах деталек от конструктора, притаилась девочка пяти лет с двумя белокурыми хвостиками, свернувшись калачиком. Увидев меня, она обняла мишку с пуговицей вместо одного глаза, но не закричала.

– Привет, – выдавила я улыбку, вглядываясь в круглые глаза-бусинки небесного цвета, в точности как у ее отца. – Не бойся. Меня зовут Одри. А как зовут тебя?

Девочка крепче стиснула игрушечного медведя.

– Марта.

– Приятно познакомиться, Марта. А что ты здесь делаешь?

– Прячусь.

– От кого?

– От папы.

Я кивнула, стараясь обуздать материнский инстинкт и воспоминания о том, как точно так же от меня прятался маленький Ноа, играя в прятки. Пыль, игрушки, хихиканье, которое выдавало его с головой и было слышно даже с первого этажа. Утерянное детство.

– Я здесь вместе со своим другом, – прошептала я. – Мы пришли помочь тебе и твоему папе. Где он сейчас?

Девочка положила подбородок на сжатый кулачок, шмыгая носом.

– Наверно, все еще злится.

– Из-за чего?

– Пришли люди, которые хотели забрать меня, и папа разозлился. Он защищал меня. Вы ведь не станете наказывать его за это?

Я слотнула и, вымученно улыбнувшись, протянула девочке ее укатившийся кубик.

– Нет, конечно, – ответила я, вкладывая кубик ей в ладонь. – Обещаю. Посиди пока здесь, ладно? Я скоро приду за тобой.

Девочка кивнула и стиснула кубик пальцами. Она не дрожала, не плакала, но и остаться в своем убежище была только рада. Марта робко взглянула на коридор через щель под матрасом и ткнула пальчиком в стену.

– Папа на чердаке.

Я с благодарностью улыбнулась ей и привстала на локтях, выбираясь из-под кровати, когда в соседней комнате послышался шум и звук мужских голосов.

– Одри!

Я вскочила и, кинувшись на голос Коула, обнаружила Сэма, ползающего среди осколков торшера. Он, распластавшись на полу, зажимал рукой пробитую голову. Коул сидел рядом, придерживая напарника за плечи. Встав и выпрямившись, Сэм придирчиво осмотрел нас обоих.

– Твою мать, – первое, что по обычаю произнес он, придя в себя и тут же принявшись искать на полу потерянный пистолет. – В дом забрела настоящая зверюга! Волк. Дикий. Просто огромный! Никогда таких не видел. Кажется, это он толкнул меня, и я... Я... Вот блин, – Сэм вздохнул, морщась от головной боли. – Как девочка? Вы нашли ее? Где Ганс?

Мы с Коулом тревожно переглянулись. Облегчение, что Сэм так и не связал появление волка с исчезновением Ганса, накатило волной. Я усадила его на кровать, ощупывая кровотокащий затылок, и прежде, чем оттолкнуть мою руку, Сэм задержал взгляд на моем лице.

– Я в норме, – буркнул он. – Я пришел сюда вместе с органами опеки за Мартой. Они хотели перевести ее к сестре Ганса на время, но тот стал кричать, швырять вещи, а потом... – Сэм поежился. – Выпрыгнул волк. Никогда не видел их в Вермонте. Марта в безопасности?

– Да, – ответила я, и Коул наградил меня недоумевающим взглядом, на который я пояснила: – Она в детской комнате, под кроватью. Я велела ей сидеть тихо.

Сэм кивнул и снова поднялся, облакачиваясь о стену.

– Тебе следует пойти в машину и вызвать подкрепление... – забормотал Коул, скрывая волнение.

Сэм отмахнулся от него пистолетом, убирая со лба волосы, слипшиеся от крови.

– Сказал же, я в норме! Хочешь все лавры себе забрать? Или предлагаешь вызвать службу по отлову диких зверей? – съязвил он, решительным шагом идя к двери.

Коул судорожно вздохнул.

Столкновение теневого мира с человеческим – это ужасная неприятность. Столкновение с теневым миром Сэма Дрейка – это уже судный день.

Два шага вперед. Мои пальцы на его влажном лбу. От касания Сэм вздрогнул, но не отстранился. Взгляд болотно-зеленых глаз сделался внимающим, иступленным. Секунда мужской слабости дала мне фору – и, привстав на цыпочки, я сжала его голову так крепко, будто намеревалась разmozжить ему череп.

Сэм возмущенно вскрикнул, но не успел отбиться.

– *Somnis insomnia.*

Глаза Сэма закатились, и сильное, грузное тело обмякло, едва не придавив меня к полу. Сэм потерял сознание прямо в моих руках – беззащитность, которую никому не позволено видеть. Коул вовремя подхватил его сзади под руки, и я помогла оттащить Сэма обратно в спальню и уложить на ковер.

– Ловко сориентировалась, – похвалил меня Коул, разминая спину, едва не надорванную из-за восьмидесяти килограммов Сэма. – Сколько он проспит?

– Недолго. На мужчин плохо действует, – сообщила я. – Эти чары предназначены для беспокойных детей. Чем сильнее личность, тем быстрее они разобьются. Думаю, Сэм проспит максимум минут тридцать.

– Тогда действовать надо быстро. Волк на чердаке.

– Знаю. Идем.

Длинный коридор заканчивался большим стрельчатым окном, выходящим на дорогу. В потолке над подоконником, приоткрытая, висела дверь с убранной лестницей. Оборотень мог в один прыжок заскочить внутрь, даже не выдвигая ее. Роста Коула хватило тоже: встав под входом на чердак, он вытянул руки вверх, ухватился за лестницу и разложил ее.

– Обычно дамы идут вперед, – сказал он. – Но не в этот раз.

– Может, достать воду со зверобоем? – робко предложила я, по-прежнему стискивая в руках бумажный пакет из супермаркета.

– Это тяжелая артиллерия. Прибережем ее на экстренный случай. Лучше приготовь бенгальские огни.

В гримуре оборотням было посвящено лишь несколько фраз: первая рассказывала о проклятии, превращающем человеческую душу в звериную, а вторая была посвящена целебному обряду, если ведьме не повезло угодить под полуночные когти. «Волчья кровь», вопреки указаниям книги, не являлась болезнью и, возможно, даже переставала быть проклятием со временем – а становилась природной сутью так же, как моей сутью было колдовство, а сутью Коула – охота. И первое, и второе, и третье необходимо учиться обуздывать – жить с этим, используя либо во вред, либо во благо.

И это было все, что я знала об оборотнях, а потому, слепо доверяя опыту Коула, я осталась стоять за ним, шуруша пакетом в поисках бенгальских огней.

Коул набрал в легкие побольше воздуха и, затаив дыхание, ступил на первую ступеньку выдвинутой металлической лестницы, похожей на стремянку.

– Ганс, – позвал он низким, спокойным голосом, глядя в темноту, сожравшую весь чердак. – Мы знаем, что ты здесь.

Ответом ему стал гортанный рык – откуда-то из недр душевной комнаты, в которой витала пыль, поднятая в воздух взмахом хвоста. Я попятилась, слыша, как мягко ступают наверху массивные лапы. Коул жестом потребовал бенгальские огни, и я поспешила вложить ему их в руку.

– Успокойся, – сдержанно приказал Коул, продолжая смотреть в темноту, и там, налитые янтарем, сверкнули два больших глаза. – Твоя дочка рядом. Марта. Ты ведь не хочешь навредить ей, как Анне?

Это было дурной идеей – упоминать о жене Ганса, – и Коул понял это на миг позже, чем поняла я. Именно поэтому я успела отскочить в сторону, а Коул – нет.

Оборотень выпрыгнул с чердака, как черт из табакерки, и Коул откатился назад, опрокинувшись с лестницы. Темнота расступилась, рождая нечто необъятное с жемчужно-серым мехом. Волк, достигающий в холке моего роста, с непропорционально длинными конечностями и раскрытой пастью, перепачканной в багровых слюнях, поднялся на задние лапы и взвыл. Живой оборотень выглядел куда более устрашающе, чем картинки из книги. Переступив через упавшего Коула, он приблизился ко мне, и смрад острого мускуса, мокрой шерсти и крови обдал мое лицо.

– Коул... – всхлипнула я, парализованная.

Лязг зажигалки. Искра, из которой рождается пламя, – и деревянные тростинки в пальцах Коула вспыхнули праздничным фейерверком, стреляющим каплями огня и света во все стороны.

Волк взревел и отшатнулся. Коул встал перед ним, загородив меня собой и размахивая сразу четырьмя бенгальскими огнями. Ганс зарычал, но броситься вперед не решился и отступил. В желтых глазах, замороженно следящих за искрами, плясало отражение пламени.

– Не знаю, как именно это работает, – тихо сказал мне Коул, не отворачиваясь от Ганса. – Но оборотни боятся огня, в особенности фейерверков. Правда, этого мало... Одри, достань багет и дай мне что-нибудь острое.

Я внимательно следила, как сгорает калька, приближаясь к своему завершению, и поспешила выполнить просьбу Коула. Надломив кусок багета, я оглядела пространство вокруг себя. Единственное острое, что при мне было, – это серьги-гвоздики из титана, и, быстро сняв одну, я бросила ее в руку Коула, когда пара бенгальских огней уже догорела.

– Сэм, нет!

Чары, прерванные раньше срока. Сэм оттолкнул меня, выпуская весь магазин пистолета в волка. Его плоть податливо приняла в себя пули, но тут же вытолкнула их обратно: кровь сочилась из свежих ран, и на паркет посыпались кусочки свинца с ошметками мяса.

Сэм опустил пистолет. Освирепев, волк снова встал на дыбы и, нависнув над ним, оскалил длинную пасть, похожую на акулю из-за обилия клыков.

– Это никакой не волк, – прошептал Сэм, и Ганс вцепился зубами ему в плечо.

Тот пронзительно вскрикнул, и оборотень сомкнул челюсть так сильно, что струйками брызнула кровь. Он оторвал Сэма от пола и ударил лапами ему в грудь, отбросив на несколько метров дальше по коридору.

А затем посмотрел на меня.

– Ганс Фредерик Хармонд!

Оборотень передернулся, неестественно содрогнулся от звука своего имени и повернул морду к Коулу, удерживающему в одной руке ломоть хлеба, а в другой – мою серьгу.

– Ганс Фредерик Хармонд, – повторил Коул еще раз и всадил острие серьги в подушечку своего пальца. Та с легкостью проткнула его, и палец побагровел. – Ганс Фредерик Хармонд!

Он повторил его имя трижды – и трижды капнула кровь, пропитывая мякоть свежего хлеба, будто вареньем. Волк замер, и Коул швырнул багет ему в лапы. Волк вонзился в него зубами, жадно слизывая капли шершавым языком, и, когда от хлеба остались одни крошки, прилипшие к его перепачканной морде, кости волка вдруг стали ломаться изнутри. Дробление и хруст, как будто кто-то наступил на печень, – с таким звуком выкручивались лапы зверя, ребра, таз, шея. Его будто сложило пополам, и Ганс взвыл от боли, рухнув навзничь.

Коул отступил, вытирая кровотокащий палец о штанину.

– Он скоро перевоплотится, – прошептал он и бросил панический взгляд на Сэма, съевшегося под окном. Пол под ним тонул в крови. – Одри, ты сможешь... *позаботиться* о нем?

И я все поняла. Голос Коула, обычно нейтральный и собранный, сейчас сказал мне больше, чем любые инструкции: увести Сэма, остановить кровь, остановить заражение, а после уложить в постель и заставить забыть. Да, я справлюсь. Ведь именно этим я занималась каждый день своей жизни, до знакомства с Коулом Гастингсом, – исправляла ошибки и замечала улики.

Коул молча вынул из кармана пальто связку ключей и перебросил их мне через весь коридор.

– Вот! Забирай Марту и уезжайте. Я приеду сразу же, как закончу с Гансом. Пожалуйста, не сбей никого на дороге!

Я нервно ухмыльнулась и помогла Сэму подняться. Он старался держаться изо всех сил, но давалось ему это прескверно: кровоточило не только его разорванное плечо, но и верх живота, располосованный когтями от удара в грудь. Сэм что-то невнятно бормотал себе под нос – ругательства вперемешку с обрывками вопросов, – а я упрямо вела его вниз, надеясь, что болевой шок и адреналин не позволят ему заметить, как волк, забившийся в угол, на глазах меняет шкуру на человеческую кожу.

Посадив Сэма в машину, я бегом вернулась наверх и ввалилась в детскую комнату, ища Марту.

– Я сама собрала рюкзак. Мне его мама подарила, – раздалось за спиной, и уже в дверях я увидела девочку в полной боеготовности: сиреневая курточка, башмачки и кулек вещей за плечами. – Что это? Папа?

Она покачнулась в сторону коридора, залитого кровью, где ревел и метался по полу Ганс. Схватив малышку, я прижала белокурую голову к себе, зажимая ее уши, и быстро спустилась вниз, вынося Марту из дома.

– Я не хочу уезжать без папы! – взвизгнула она, взвинтившись в моих руках, мне с трудом удалось затолкать ее в машину. – Пожалуйста, давай возьмем папу с собой!

– Папа не может поехать сейчас с нами, милая. Ему надо отдохнуть.

– Я не поеду без папы! – разрыдалась Марта, пытаясь отстегнуть ремень безопасности. Я перехватила ее крошечные руки, ласково вкладывая в них шерстяного мишку, который вывалился с сиденья под колеса машины.

– Знаешь, там, куда мы едем, живет очень большой и пушистый кот по имени Штрудель. Он обожает, когда его тискают и обнимают.

– Котик? – Марта недоверчиво нахмурилась, сморгнув жемчужины слез, и вытерла лицо рукавом куртки. – Ладно.

Облегченно вздохнув, я захлопнула двери автомобиля и села за руль.

Мне потребовалась минута, чтобы прийти в себя и все осознать. Впервые со времен ковена я снова несла ответственность за чьи-то жизни. Убедившись, что Сэм, заляпавший кровью пассажирское сиденье, еще дышит, я проверила Марту через зеркало заднего вида. Выжи-

дающе стуча туфельками, она обняла рюкзак вместе с мишкой и робко перегнулась в проем между сиденьями, чтобы дотянуться до Сэма.

– Кажется, дяде плохо.

– Ну, хоть кто-то заметил, – прохрипел он, жмурясь и судорожно перевязывая плечо кашемировым шарфом Коула, найденным в бардачке. – Мы когда-нибудь поедим?! Или ты не знаешь, как заводится эта штука?

Встрепенувшись, я повернула ключ зажигания, предусмотрительно оставленный Коулом в разьеме, и вдавила ногу в педаль газа. Уроки вождения Рэйчел не прошли даром, и, сумев без происшествий выехать на дорогу, я двинулась по навигатору к дому.

– Подожди... – Сэм встрепенулся, на миг отвлекшись от своих ран и выглянув в окно. – Куда это мы? Ты разве не должна отвезти меня в больницу?

Я не нашлась что ответить. Не позволяя панике взять верх, я продолжила ехать согласно карте, и тогда Сэм истерично рассмеялся.

– Ну да, зачем мне уколы от бешенства, когда животное, которое меня покусало, совсем не животное? Не хочешь рассказать, что за бесовщина там творилась, а, куколка? – Сэм фыркнул, ничуть не удовлетворенный моим затяжным молчанием. – Не гони ты так! На спидометр посмотри. Расслабься, мне уже лучше... Не подохну. По крайней мере, пока не получу объяснений!

Последнее слово Сэм не сказал, а прокричал мне в ухо. И если бы не ребенок на заднем сиденье машины, то он бы точно сказал мне еще пару крепких словечек. Но вместо этого он только отвернулся, пока я ворочала руль трясущимися руками, сосредоточившись, чтобы не снести светофор.

Благо доехали мы быстрее, чем Сэм успел разбушеваться. Помогая вылезти сначала Марте, а затем и ему, я вцепилась Сэму в рукав, не давая сбежать или упасть. Дотолкав его до квартиры Коула, я надежно заперла входную дверь, чтобы никто из них двоих не удрал.

– Марта, – обратилась я к девочке, поспешно стягивая с нее ветровку и ведя в спальню. – Ты голодная?

– Нет, – затрясла хвостиками та. – А конфеты есть? Где котик?

Я свистнула, привлекая внимание Штруделя, и, перехватив его при попытке к дезертирству, подняла на руки и передала в теплые объятия Марты, пищащей от восторга. Проведя ее вместе с котом в спальню Коула, я усадила их на заправленную кровать и не придумала ничего лучше, чем включить проектор с мультиками.

Дождавшись, когда ее увлечет «Секрет крыс» и рисование карандашами в детском альбоме, я бесшумно прикрыла за собой дверь и вернулась в коридор.

– Теперь ты, – сказала я Сэму, сторбившемуся на обувном пуфике Коула.

Он скептически нахмурился и поднял глаза, смотря на хрустальную люстру под потолком.

– Вот это берлога, – присвистнул он. – Да наш бравый детектив, оказывается, мажор! Как та штука называется, которую ты включила мелкой в спальне?

– Проектор.

– А телевизор уже не в моде?

Я вздохнула и, запрыгнув на стул, достала с верхней полки на кухне аптечку.

– Идем в ванную.

– Помыть меня хочешь? Или утопить?

– Еще не решила.

Сэм передразнил меня сиплым, булькающим голосом, и я поняла, что он только храбрится, хотя дела его плохи: дойдя до ванны лишь с моей помощью, он тут же рухнул на бортик, зашипев, когда я попыталась отодрать от кожи хлопковую рубашку. Та намертво припеклась к ране.

– Всего пара царапин... – снова завел он старую песню, и я прижала ладонь к его губам, а затем рванула прилипшую ткань на себя.

Сэм дернулся, едва не прокусив мне ладонь, и, виновато потупившись, я принялась торопливо расстегивать оставшиеся пуговицы.

– Давай раздевайся, а то вся кровь засохнет, и тогда одежду точно придется отрывать от тебя вместе с кожей.

– Вроде бы говоришь омерзительные вещи, а меня все равно заводит.

Я покосилась на Сэма. Следя за мной из-под опущенных век, под которыми тянулись глубокие тени, он оскалился в несносной улыбке, и тогда я опустила взор ниже. На плече, разорванном поперек, не было живого места. Скинув разодранную рубашку Сэма на пол, я нашла еще одну рану прямо под ребрами – длинные полосы от когтей. Над ними, уходя вверх, тянулась дорожка темных волос и родинок, которые украшали тело помимо пары татуировок.

– Хочешь прочесть мне сказку перед сном? – спросил Сэм, когда я, помчавшись в гостиную, притащила вдобавок к аптечке свой гримуар. – Кто ты такая, Одри?

Листая страницы, я постаралась сохранить самообладание, но не выдержала.

– Ведьма.

– Хм, – многозначительно изрек Сэм, ничуть не изменившись в лице. – А тот волк...

– Оборотень.

– Так я и думал. А Коул тоже ведьма? То есть колдун или...

– Нет. Он... почти человек.

– Почти, – ухмыльнулся Сэм. – Допустим, ты сейчас говоришь абсолютно серьезно, а не с целью довести меня до нервного срыва и посмотреть, как я плачу, точно девчонка... Почему ты рассказываешь мне это?

– Потому что уже через полчаса я сделаю так, что ты забудешь этот день.

– А что ты собираешься делать прямо сейчас?

– Спасать твою душу.

На этом вопросы у Сэма иссякли, и я вдруг осознала, что коленки у меня предательски дрожат. Сэму, к счастью, было все равно: по его взгляду стало понятно, что он верит в мои рассказы не больше, чем я верю в то, что его раны безболезненны. Стараясь не отвлекаться на приступы искренности, я взялась за антисептик и бинты.

– Черт! – воскликнул Сэм, когда я наклонилась над его торсом пузырек с прозрачной жидкостью и та запузырилась на коже, дезинфицируя. – Если ты и впрямь ведьма, то что, нет никакого другого чудодейственного способа быстро поставить меня на ноги?!

– Я молодая ведьма, – оправдалась я, стирая сгустки крови, собравшиеся на рваных краях его изувеченной плоти. – Считай, новичок.

Я услышала, как скрипят зубы Сэма, будто на них был песок, – он откинул назад голову, кривясь, когда я проделала то же самое с его животом, поливая антисептиком и ярко-розовые полосы на боку.

Продев бинт под рукой Сэма и обмотав его тело в несколько слоев, я глубоко вдохнула.

– Хотя бы кровь остановилась, – обрадовалась я, но следом за этой новостью пришла следующая: если первая проблема устранена, то пришел черед решать вторую.

Заражение.

– Оборотень, – вдруг произнес Сэм пересохшими губами. – Разве от его укуса ты сам им не становишься?

Я посмотрела Сэму в глаза.

Чтение мыслей – прерогатива ведьмаков, но Сэм был исключением. Для того, чтобы видеть человека насквозь, ему не нужна была магия – детективный опыт с лихвой восполнял ее. И как мне только хватало раньше смелости лгать ему прямо в лицо?

– Я не допущу этого, – пообещала я, приседая на корточки, чтобы поднять свою книгу с душевого коврика, который уже залила кровь Сэма, оставляя алые кляксы.

– Что особенного в Коуле Гастингсе?

Я снова открыла гримуар на странице про *versipellis* – *сменяющих кожу* – и встала напротив Сэма. Эти разговоры сбивали с мысли. Будто яд, текущий в его жилах, внушал ему отвлечь меня и дотянуть до момента, когда тот успеет ввестись в костную ткань, и всякая магия станет бессильна.

– Что есть в нем такого, чего нет во мне?

Я прижала книгу корешком к подбородку и встревоженно глянула на Сэма. Его лицо осунулось, изнеможенное, будто он неделю не выходил из ночного патруля. Мертвенная бледность, с которой я доставила его в квартиру Коула в центре Бёрлингтона, сменилась на тошнотворный зеленый оттенок. Красные капилляры и сосуды просвечивались под кожей, как флуоресцентные.

– Его глаза, – ответила я. – Карие.

– Самый обычный цвет...

– Вовсе нет.

– Ага. Значит, ты влюбилась в него из-за глаз, – прыснул со смеху Сэм, неуклюже покачавшись на бортике ванны, и я удержала его, ухватив под локоть. – И все?

– Ну, еще мне его кудрявые волосы нравятся и то, что он с легкостью может повесить новые шторы, даже не забираясь для этого на кухонный стол. Сэм, ты задаешь мне неправильные вопросы... Нельзя влюбиться в человека за что-то конкретное. Это происходит само собой, а лишь потом тебе начинает казаться, что все случилось из-за красивых глаз да кудрей. Но ведь на самом деле причина совсем не в них...

– А может, как раз в них? – вскинул брови Сэм. – В мелочах... Может, будь у тебя глаза зеленые, а не серые, то и мне было бы плевать на тебя с высокой колокольни?

Сэм схватил меня раньше, чем я успела понять, что вскочил он вовсе не от внезапной и острой боли в плече. Его пальцы – цепкие, сильные, холодные на фоне кожи, охваченной жаром, – сдавили мое запястье так сильно, что я выронила книгу, ахнув. Сэм обездвижил меня, и все, что я смогла, обескураженная, – это уткнуться носом ему в щеку, стараясь не слиться с его быстрым и рваным дыханием, из-за которого заразным казалось уже не волчье проклятье, а это безумие.

Я подняла руку и приложила ладонью к горячему лбу Сэма, блестящему от испарины в свете ламп и зеркал.

– У тебя лихорадка. Обращение началось...

– На кой черт тебе сдался наш захолустный городишко? – прорычал Сэм мне в лицо, буравя взглядом, подернутым яростью, в которой была виновата отравка, что жгла его тело изнутри. – Ты будто сама Шамплейн... Это проклятое ледяное озеро с мифическим чудовищем, обитающем на его глубине! Коул когда-нибудь говорил, какие у тебя красивые губы? – он надавил большим пальцем на мою нижнюю губу так, чтобы та приоткрыла ряд нижних зубов. – У тебя на лице ни одной родинки, ни одной веснушки. Как чистое полотно. – Его палец скользнул влево, очерчивая линию моей челюсти. – Каждый раз, как представляю тебя, ощущаю себя лютым извращенцем. Ты ведь еще совсем девочка... Зачем Коул втянул тебя в это расследование? Он не имел права. Ты этого не заслужила – быть частью такого дерьма. Пожалуйста, уезжай из города...

– Сэм, – спокойно сказала я, хладнокровно встречая его взор. – Отпусти меня. Сейчас же.

Он столкнулся со мною лбами, и я почувствовала привкус соли во рту: его поцелуй походил на морскую волну Мертвого моря, что обжигает до сукровицы.

– Ты не должна умереть в этом чертовом городе!

– Сэм!

Я схватила дезодорант, стоящий на ванной полке, и хорошенько приложила им о его висок. Руки Сэма, обившиеся вокруг моей талии и задирающие кофту, разжались. Мне не хотелось добавлять ему больше травм, чем у него уже было. Поэтому, толкнув его назад, я подняла Книгу и стремительно начала:

– *Шкура. Зубы. Вой*, – Сэм осел на бортик, обхватив голову руками. – *Когти. Копья. И огонь*. – Он ударил кулаком по стенке, и плитка пошла трещиной. – *Что выжигает порчу крови. Вожак людей, вожак волков. Оба – жертвы для богов. Шкуру сняли, бой утих. Вожак людей их победил!*

Я повторила это несколько раз, боясь, что заклинание не сработает, но оно работало. Спина Сэма выгнулась. Он упал, выташничав на коврик то, что походило на деготь, но пахло в десять раз противнее: кислая черная жижа, которая копилась внутри его тела и распространялась по венам, отравляя вместе с телом и душу. Магическое кровопускание.

Сплюнув едкую гниль, Сэм захрипел и принялся заваливаться на бок. Я придержала его, сев рядом, и помогла подняться, отложив Книгу на стиральную машину.

Я довела Сэма до дивана в гостиной и аккуратно уложила, уже представляя, как раскричится Коул, когда увидит изгаженную ванну и перепачканные подушки. Смешав в глубокой фарфоровой миске ивовую кору и розовое масло, я залила смесь крутым кипятком и, смочив в нем полотенце, приложила к лицу Сэма, стирая свежие красные градины с его щетины, рта и шеи. Веки, устало сомкнутые, трепетали от моих прикосновений, как крылья бабочек. Я тщательно промыла тем же полотенцем и рыжие волосы. Они стали походить на кораллы, о которые можно порезаться. Сэм ежился от озноба, стискивая побелевшими пальцами ремень собственных штанов, и, укрыв его сверху шерстяным пледом, я вдруг увидела, что он открыл глаза и в упор разглядывает меня.

– Значит, ведьма, – прошептал он. – А теперь ты сделаешь так, чтобы я обо всем забыл? У тебя и для этого особое заклинание есть?

– Да, – соврала я. – Все, что от тебя требуется, – это заснуть. Отдыхай, Сэм.

Впервые в жизни Сэм Дрейк оказался послушным. Он зарылся глубже в одеяло и прислонился виском к спинке дивана. Дыхание его сделалось размеренным, и мне тоже дышать стало легче. Я наклонилась и, запечатлев на его остывающем лбу целомудренный поцелуй, отстранилась, оттягивая резинку для волос, сдавливающую запястье.

– Эго, Спор и Блуд, – шепнула я в воздух. – Кажется, настал ваш звездный час. Пора отрабатывать пончики!

Упитанная туша с угольным мехом, который день ото дня начинал приобретать лоск и объем, взгромоздилась на подлокотник дивана рядом с головой Сэма. Раздраженно виляя узлами хвостов, за ней показались еще двое.

– Наша хозяйка не знает подходящего заклинания? – злоратно промурлыкал Эго.

– Совсем-совсем ничего не знает, – хихикнул Блуд.

Спор, явившийся последним, облизнулся.

– Но для этого у тебя и есть мы.

– Гримы, – утомленно вздохнула я. – Вы же питаетесь эмоциями. Что вы можете предложить?

– Память – это и есть чистые эмоции, – пояснил Эго, оглядывая неподвижного Сэма с голодным и плотоядным прищуром. – Все когда-либо пережитое...

– Обдуманное, – подхватил Спор.

– И запланированное, – закончил Блуд.

Я недоверчиво кивнула.

– То есть вы можете съесть его память?

Коты мяукнули.

– Хорошо. Только не переусердствуйте, – напутствовала я, пристально следя за гримами, принявшимися обступать Сэма. – Не хочу, чтобы его мозги превратились в желе.

Эго оскорбленно фыркнул и запрыгнул Сэму на подушку. Все трое вдруг сплелись вокруг его головы мохнатой шапкой. В зловонных пастях сверкнули розовые языки – и гримы одновременно лизнули голову Сэма.

Он раскрыл рот и выгнулся, сведенный судорогой.

– Все же никакая ветчина не сравнится со вкусом истинного страха, – промурлыкал Спор, лобзая испарину с его лба.

– А чуть раньше еще больше боли... Вы это чувствуете? – подхватил Блуд, похрюкивая от блаженства. – Самоубийство, м-м!

– Всего одиннадцать лет, а мозги с половиц уже соскребал так лихо, – заметил Эго.

– Даже от них лавандовым мылом пахло, – мечтательно протянул Блуд. – Прямо как от ее волос... Теперь он ненавидит лаванду.

Я вздрогнула и тут же подалась вперед, хватая Эго за шкуру.

– Не так далеко! – рыкнула я на гримов, тут же прижавших к макушке остроконечные уши. – Не надо выедать его детство и воспоминания! Лишь последние два часа, ясно? Кончайте с этим.

Эго сощурил глаза, и я впервые увидела, чтобы кот улыбался – так хищно, довольно и совсем по-человечески. Мне потребовалось приложить усилие, чтобы не позволить любопытству взять верх: услышать о прошлом Сэма было бы увлекательно, но на деле это могло разрушить его психику, а возможно, и дееспособность.

Блуд провел шершавым языком по переносице Сэма снизу вверх, и трое гримов плавно отстранились.

– Последних двух часов в его памяти больше нет, – заключил он. – Получился весьма сытный обед. Я даже потолстел! Взгляните на эту прелестную складочку жира!

Я удовлетворенно осмотрела Сэма: смерила на ощупь пульс и прислушалась к дыханию, чтобы убедиться, что такие энергозатраты не повредили его и без того истощенный организм. Он продолжал спать так же, как и прежде – здоровым и беспробудным сном. Целительным сном, который позволит ему жить без бремени ужаса, сожаления и стыда.

Поправив шерстяное одеяло, я отошла от дивана.

– Молодцы, – похвалила я гримов и оттянула резинку, щелкнув себя по запястью. – Домой!

– Это еще более унижительно, чем цветочный горшок, – вздохнул Эго, оскалившись на ненавистный глиняный сосуд, стоящий на подоконнике. Из него теперь к потолку увивалось тонкое и хрупкое яблоневое дерево.

В едином прыжке гримы растворились в воздухе, и в этот момент ключ в дверном замке повернулся.

– Я сделал две копии ключей – для себя и для тебя, – объяснил вошедший Коул, подняв над головой руки, когда я уже приготовилась швырнуть ему в голову подсвечник. – Что с Сэмом?

Впервые Коул, говоря о своем напарнике, звучал столь озабоченно и волнительно. Он обошел диван, нерешительно заглядывая Сэму в лицо, будто опасаясь увидеть его давно очутившимся. Обняв Коула за плечи, я утешительно растерла руками его мышцы, затвердевшие от напряжения.

– Я все сделала.

– Сделала что? Он останется человеком или...

– Останется, да. Сейчас он спит. Утром ему станет лучше. Он и не вспомнит о том, что напало на него в доме Хармонда.

– Спасибо.

– Не поверишь, – ухмыльнулась я. – Но за это ты должен благодарить Эго, Споры и Блуда.

Коул поморщился и, взяв меня за руку, повел к своей комнате, откуда доносился шум работающего проектора и голоса нарисованных мышей, спасающихся от трактора через поле. Тихонько приоткрыв дверь, Коул просунулся в щель, а затем закрыл дверь обратно.

– Она рисует, – шепнул он. – Кажется, совсем не напугана.

– Марта очень храбрая девочка, – согласилась я. – Так что ты сделал с Гансом?

Коул вдруг помрачнел, и под ложечкой у меня тревожно засосало. Не дав мне разволноваться и засыпать его вопросами, Коул быстро вошел в спальню, приветливо улыбаясь. Марта стучала коленками, разложив на них альбомные листы, а рядом, свернувшись клубком, мурлыкал свою колыбельную Штрудель.

– Где папа? – спросила она то же самое, что пыталась разузнать и я секунду назад. – Он что, ушел на небо к маме?

В спальне будто резко похолодело.

– Нет, вовсе нет! – воскликнул Коул, как и я поразившись тому, что такая кошмарная мысль стала первой, которая пришла на ум этой крохе. – С ним все в порядке. Сейчас я отвезу тебя к тете Шэрон. Ты ведь помнишь Шэрон?

Я не знала, о ком говорит Коул, но Марта радостно взвизгнула и закивала, складывая альбом и упаковку карандашей обратно в розовый рюкзачок.

– Тетя Шэрон давно к нам не приезжала, – поведала она. – А папа будет ждать меня там?

– Нет... Папа придет к вам немного позже. По телефону тетя Шэрон сказала, что испечет твой любимый морковный кекс. Ну что, ты готова?

Малышка резво побежала к своей ветровке, висящей в прихожей, и я уже надеялась воспользоваться моментом и обсудить произошедшее с Коулом, как он прижал палец к губам, прося повременить с этим. Втроем мы вышли из квартиры, оставляя Сэма отлеживаться.

– Сейчас я пристегну тебя, – сказала я Марте, посадив ее в джип на заднее сиденье. – Правила безопасности превыше всего.

– Мама тоже так говорила, – ответила она, приподняв руки, чтобы не мешать мне заботиться о ней. – Ты похожа на маму.

Я вцепилась пальцами в край машинной дверцы, которую собиралась закрыть, чтобы сесть вперед. Одно слово и так много смысла – сирота. Тюремное заключение, которое грозило Гансу, было сравнимо с тем, чтобы лишиться семьи навечно.

Я забралась в пассажирское кресло рядом с Коулом и уткнулась в свое окно. Он тронулся, и мы устремились по главному шоссе к выезду из Бёрлингтона. На мигнувшем навигаторе высветилось название соседнего поселения.

– Кажется, ты неплохо ладишь с детьми, – заметил Коул со слабой улыбкой, когда Марта задремала сзади, обняв свой рюкзак. Волны светлых волос, выбившихся из заплетенных хвостиков, обрамляли личико, похожее на персик.

– «Неплохо»? Да я отлично с ними лажу! У меня ведь было семеро братьев и сестер, – усмехнулась я. – И четверо из них младшие.

– Тяжко, наверно. Мне с одним-то Гидеоном иногда вздернуться хотелось...

– Я тоже раньше считала, что тяжело... А теперь, вспоминая, думаю, что это было прекрасно.

Я любила тишину, но такую, какая вдруг повисла сейчас, – нет. В такой тишине легче всего было вдруг разрыдаться, и я включила радио, сбавив звук до минимума, чтобы не разбудить Марту, но достаточно, чтобы заглушить свои мысли.

– Я отпустил его.

Коул стиснул кожаный руль, и пускай лицо его осталось невозмутимым, но глаза горели яркие. Пронзительные, подвижные... Его глаза не умели лгать.

– Я отпустил Ганса, – повторил он, уставившись на дорогу. – Иначе... Иначе Марта останется совсем одна. Я навел справки о ее тете – она единственная, кому могут доверить опеку. Но Шэрон недавно вылетела с работы и едва сводит концы с концами, так что Марту отправят в приют. Поэтому я решил дать Гансу еще один шанс... Я велел ему уехать из города и научиться владеть собой, а до тех пор не возвращаться. Пока будет идти расследование, я уговорю органы опеки, чтобы Марта жила у Шэрон.

– Почему?

Коул вопросительно посмотрел на меня, и я покачала головой, стискивая рукава свитера, потрясенная, но счастливая.

– Ты ведь говорил, что Ганс преступник и проклятие тому не оправдание...

– Я помню, что говорил, – парировал Коул резко. – Посмотрим, насколько я был прав или ошибался. Я сделал это потому, что ты просила, Одри. Я ведь доверяю тебе.

Я улыбнулась и накрыла ладонью руку Коула, лежащую на руле, ласково сжав ее. Он расслабил пальцы, развел их, позволяя мне пропустить меж ними свои, чтобы сплести их воедино.

Морозный воздух, до этого щиплющий и щеки, потеплел, и вовсе не от автоматического подогрева сидений.

– А где ты научился этому?

– Чему?

– Трюкам против оборотней. Хлеб, три капли крови, три раза произнести имя...

– Ах, это. – Коул отмахнулся, приняв невозмутимый вид, хотя единственная эмоция, которую ему действительно никогда не удавалось скрыть – самодовольство, – просвечивала в его движениях. – Мне было четырнадцать, когда я столкнулся с оборотнями впервые. Один напал на меня среди ночи, когда я гулял допоздна. Чудом удалось вырваться невредимым. Я решил, что если мне придется встретиться с ними еще раз, то я непременно буду готов. Пару месяцев провел в библиотеке, изучал сказания, предания, а когда поступил на службу в участок и встретил оборотней снова, то просто экспериментировал. Применял поочередно все, что когда-либо вычитал. Хлеб – это способ из эстонского фольклора, скормить обращенному человеческую пищу. Возвращение человеческого облика происходит куда быстрее, если объединить это с христианскими практиками – трехкратным зовом крестного имени и пролитием смертной крови. Самый необычный и безобидный способ решения сверхъестественной проблемы, который я когда-либо находил, – ухмыльнулся Коул.

Ему нравилось делиться со мной своими наработками, о которых обычным коллегам просто так не расскажешь, а мне нравилось слушать. Мама всегда говорила, что «обучение Верховной длиной в жизнь», и я вдруг осознала ее слова как никогда ясно. Я часто поучала Коула, а у него, оказывается, в запасе тоже была тысяча вещей, которым он мог научить меня.

– А как же серебро? Святая вода? Волчий аконит? – принялась перечислять я. – Не работает?

– Не-а, – пожал плечами Коул. – Вместо серебра работает обсидиан, но... Я не использую его.

– Почему?

– Это был первый способ, который я опробовал. И... Я вонзил оборотню в плечо обсидиановый стержень, а спустя пару дней он скончался от заражения крови. Я никого не убивал до того случая. После еще месяц не мог спать по ночам, – приглушенно произнес Коул и, когда я попыталась дотянуться до него, отодвинулся, махнув головой. – Все нормально. Тот оборотень не был новообращенным, как Ганс, а полностью отдавал своим действиям отчет. Он стал убийцей добровольно, так что, может, я тем самым спас кому-то жизнь.

Я прислонилась к окну, ерзая от неловкости, но быстро подавила этот внутренний мятеж. Коул не нуждался ни в моем сочувствии, ни в утешении. Он был мужчиной, давным-давно принявшим свое прошлое. И, возможно, если бы не это, то он бы не смог принять мое прошлое.

– Ты всегда был охотником, – сказала я шепотом, разглядывая его профиль, обточенный солнечными лучами. – Даже когда не знал об этом. Гидеон был прав... Охота у тебя в крови.

– Знаю.

– Все охотники еще немножко и коллекционеры. Теперь понятно, почему ты не успокоился, пока не забрал меня с собой в Бёрлингтон.

Коул только ухмыльнулся.

Я не заметила, как пейзажи города, уже ставшего мне родным, сменились на леса и дороги, усыпанные багряно-желтыми листьями. Через полчаса впереди показался дом, крыльцо которого увивали ухоженные виноградные лозы. Едва Коул успел затормозить, как Марта, отстегнувшись, открыла дверцу и выпорхнула наружу. Мы догнали ее, когда она уже упорно жала на бронзовый звонок, подпрыгивая, чтобы достать до него.

– Детектив! – выдохнула открывшая дверь женщина средних лет, с русыми волосами и с широким, но добрым лицом. – Я ждала вас. Мартышка! – Она ахнула, опустив глаза на Марту, и губы ее задрожали от непрошенных слез и умиления. – Иди ко мне скорее!

Женщина подхватила Марту на руки. Я облокотилась о поручень крыльца, любуясь их воссоединением. Благодаря Коулу у Марты все еще была семья.

– Звоните мне в любое время, – сказал Коул напоследок и, протянув руку к Марте, сконфуженно отдернул, так и не решившись потрепать ее по волосам, как до этого сделала я. – Нам пора. Слушайся тетю, ладно? Здесь тебе ничего не грозит.

Девочка кивнула и, когда Шэрон уже собралась занести ее в дом, вдруг взбрыкнула. Сорвавшись с рук, Марта подскочила ко мне и принялась торопливо рыться в своем рюкзаке.

– Я нарисовала это для тебя.

Она вложила мне в руку сложенный альбомный лист, а спустя мгновение дверь за ней и Шэрон закрылась.

– Да, ты права. Ты отлично ладишь с детьми, – улыбнулся Коул и, взяв меня за руку, потянул обратно к машине.

Я кивнула, стараясь заткнуть вопящую интуицию. Мне стоило бы испытывать радость, что все закончилось хорошо, но...

Что-то упущено. Что-то не замечено... Нечто очень и очень важное!

– Давай поскорее вернемся к Сэму, – пробормотал Коул, вырубивая на главное шоссе. – Мне не по себе, что он находится в моей квартире без присмотра, да к тому же еще и наедине со Штруделем...

В ушах стоял голос Марты. Я опустила глаза на рисунок, лежащий в моих ладонях, и развернула его. Оттуда, шурша крыльями от соприкосновения с пергаментом, вылетела тройка небесно-голубых бабочек Морфо Пелеида, цвет которых так походил на цвет глаз всего семейства Хармондов.

– Как в общезжитии Харпер Стоун, – произнес Коул, подняв глаза к потолку автомобиля, под которым порхали бабочки. – И тот снег, который шел на участке их дома...

– Знаменья. Марта еще одна ведьма, – поняла я. – Это значит...

– Что она может быть следующей жертвой, – договорил он, и его кадык нервно дернулся, когда Коул резко повернул руль влево, разворачивая автомобиль на сто восемьдесят градусов.

Интуиция. Зря смертные так ее недооценивают.

Как только на горизонте показался виноградный дом, я выскочила на ходу из машины и со всех ног кинулась к крыльцу. Сердце колотилось, сотрясаясь от боли, будто в любой момент могло замереть. Когда после нескольких звонков в дверь на пороге показалась Шэрон, я почти сбила ее с ног, промчавшись мимо.

– Нам срочно нужно увидеть Марту! – выпалил Коул, вбегая следом.

– Что-то стряслось? Вы ведь только что уехали, – забормотала Шэрон растерянно, но препятствовать не стала. – Она наверху...

Дубовая лестница, казалось, тянется бесконечно. Я взлетела наверх первой и, распахнув дверь, украшенную блестящими наклейками, застыла, взирая на розовый рюкзачок, валяющийся на кровати в абсолютно пустой комнате.

– Вы ведь сказали, что Марта наверху.

Шэрон остановилась на лестнице, и ее лицо недоуменно вытянулось, побелев. Обойдя меня и оказавшись внутри, она в панике распахнула шкаф для одежды и даже заглянула под кровать, а затем поежилась от зябкого дуновения ветра, ворвавшегося в комнату из открытого окна. Прозрачный тюль развевался, окрашенный в красный от заходящего солнца, пробившегося сквозь тучи.

Пальцами, заледеневшими от страшной догадки, я дотянулась до расстегнутого рюкзака и придвинула его к себе.

– *Dangos y gorffennol.*

«Покажи, что было».

Разум разбился на сотню осколков, и в каждый из них пришлось заглянуть, чтобы отыскать правду. Я бы закричала в ярости, если бы ужас не сдавил горло. Черный цвет – один лишь сплошной черный, запачкавший образ видения, как акриловая краска. Лицо, скрытое тьмой, будто капюшоном; ладонь с серыми прожилками, в которую Марта добровольно вложила свою. Доверчивая малышка, поверившая, что добрый незнакомец отведет ее к папе. Глупое дитя, чьим одиночеством жестоко воспользовались.

– Я знаю, куда оно забрало ее, – выдохнула я, вцепившись в рюкзак и повернувшись к Коулу.

Он ничуть не колебался, следуя моим указаниям. Я задавала направление, сидя на заднем сиденье машины, чтобы лучше концентрироваться, сминая в руках сокровенный рюкзак. Тербя розовую ткань, я молилась лишь о том, чтобы это чувство, пульсирующее в груди, как свет маяка, не угасло. Чтобы мы успели.

– Здесь!

Коул затормозил, и, выбравшись наружу, мы наткнулись на серебристый пикап, припаркованный на обочине.

– Это машина Ганса, – констатировал Коул, взглянув на номера. – Он что, похитил собственную дочь?

– Нет, не он, но Ганс тоже здесь. – Я закутилась на месте и, окинув взглядом кленовый лес, кинула рюкзак на землю. – Я знаю, где она.

Коул был физически выносливее и быстрее меня, но бежать ему все равно приходилось сзади, потому что вела нас я. Так, как были знакомы леса Шамплейн ведьмам моего ковена, они были знакомы разве что зверям, обитающим в них. Перепрыгивая пни и камни, я, сбив дыхание, наконец-то увидела то, что должна была увидеть, – брошенная радиовышка, в сумерках похожая на острую иглу, пронзающую небосвод. Это гнетущее место, поросшее зарослями и плющом, будто было создано для черной мессы.

Там, на самом верху, я увидела несколько размытых человеческих силуэтов.

– Одри, аккуратно! – вскричал Коул, когда я принялась карабкаться по ржавой лестнице вверх и в спешке оступилась, повиснув на поручне.

Оправившись от испуга, я собранно, шаг за шагом, принялась преодолевать плоские ступени. Коул двигался за мной, поддерживая за талию. Неистовый ветер трепал волосы, мешая видеть. Сделав последний рывок, я взобралась на верхушку башни и заскочила в люк.

Ставня захлопнулась, едва не защебив мне лодыжки, и я услышала крик Коула, барабанившего по железной дверце с той стороны. Тьма, из которой был сплетен образ из моих видений, оказалась настоящей – осязаемая и живая, она стояла напротив, и казалось, что парит над полом, не имея ног. Тело, напоминающее кокон гусеницы из черного бархата, сторбилось

над тельцем распростертой на полу девочки, чей отец лежал в другом конце площадки без сознания.

– Отойди от нее!

Голос чудом не подвел меня, и страх вдруг рассеялся, уступив место злости. Существо повернулось, и я увидела уродливую шаманскую маску из черного дерева с прорезями для глаз, затянутыми змеиной кожей. Вырезанный кривой рот, тянущийся до самых ушей, и чернильный мех, ниспадающей по бокам маски вуалью.

– Боишься меня? – процедила я, ступая вперед. – Поэтому прячешь лицо под маской, тварь?

Существо по-птичьи накренило голову вбок и, к моему облегчению, отлипло от тела Марты. Это был вовсе не сгусток энергии и не демон – это был человек, и мне достаточно было увидеть манеру его походки, чтобы понять, что тьма, в которую он облачен, – не что иное, как чары.

– Ты колдун, – прошептала я. – Или ведьма? Хотя какая разница! Я все равно тебя убью.

Существо не ответило. Бесполое, темное, хищное, оно двигалось плавно, точно пламя, танцующее от ветра. У него будто не было конечностей: руки, скрытые под плащом из магии, роняли на пол багровые капли. Один из его пальцев выгнулся: длинный серповидный стержень из окровавленного металла. Им существо резало своих жертв, рисуя на них ритуальные символы.

Я бросила беглый взгляд на Марту: над ней этот коготь поработал тоже. Изрезанный свитер, порванные колготки и кровь, растекающаяся по лицу вокруг правого глаза, вместо которого теперь была черная жемчужина. Глазное яблоко с голубым зрачком, откатившись, валялось поодаль. Голые ручки Марты, покрытые гусиной кожей на морозе, уже были испещрены символами, но не полностью: похитителю не хватило времени закончить ритуал. Дыхание Марты было слабым и поверхностным, но все-таки она дышала.

Я отвлеклась, и существо воспользовалось моментом.

Мне удалось пригнуться, когда оно, прыгнув вперед, точно пума, оказалось за моей спиной и выбило стекла смотровой будки. От силы, с которой существо оттолкнулось от края и спрыгнуло с башни, покачнулось основание вышки: я услышала скрежет натянутых тросов, и несколько из них оборвались, не выдержав. Башня накренилась, и я взвизгнула, летя лицом в оконные стекла.

Коул, выбивший плечом люк, схватил меня за ремень джинсов раньше, чем я бы пробила стекло головой.

– Я держу тебя!

Радиовышка падала, утратив опору. Я прильнула к плечу Коула, стиснув рукав его пальто. Уверенность и сосредоточие – Коул источал их даже сейчас. Он был спокоен, и я вдруг успокоилась тоже.

– *Berkana gebo!*

Выставив ладони над полом, я закрыла глаза и почувствовала, как башня замедляет свое падение, а затем восстанавливает баланс. Подхваченная воздухом, вернувшись на место, она вросла обратно в недра земли, что расступилась, гостеприимно принимая ее назад.

Вышка замерла, и я опустила руки, провалившись в объятия Коула.

– Папа, я плохо вижу... Почему глазик так болит?

– Пройдет, милая. Все пройдет. Я так люблю тебя...

Я посмотрела на очнувшегося Ганса, подхватившего на руки обмякшую Марту, которая, постепенно приходя в себя, начала хныкать. Ганс, с рассеченной переносицей, укачивал ее на руках, глотая слезы, текущие по щекам и смешивающиеся с кровью дочери.

– Этот запах... – прошептал вдруг он, и его голос сорвался, когда Марта прижалась к его груди, надрывно плача. – Я ехал к Шэрон, чтобы попрощаться с Мартой, когда почувствовал запах... Запах моей малышки, перебиваемый смрадом. Так пахнет смерть. Я просто знал, что она в опасности... Знал, и все тут! Но я не успел... Не успел... Вы ведь видели? Видели?! Это сделал не я, клянусь!

Коул осторожно отпустил меня и, подойдя к Гансу, приложил ладонь к его дрожащим лопаткам.

– Мы все видели, не волнуйтесь. Мы доставим вас в больницу, – произнес он мягко. – А потом отвезем туда, где вы оба будете в безопасности и где о вас позаботятся.

Выбитые стекла хрустели под подошвой сапог. Выйдя на смотровую площадку, я перегнулась и свесилась с края, глядя вниз – туда, куда прыгнул колдун в маске, не решившись вступить со мной в схватку. Посреди заросшей травы темнели лужицы крови Марты, которой истекали его руки в полете. Он исчез, оставив в память о себе лишь девочку, чью жизнь искалечил в попытке присвоить себе.

Вытащив из кармана рисунок, я снова развернула его. Там, разукрашенный карандашами, красовался человечек в красном платьице верхом на рыжем коте, с волшебной палочкой в руках и моим именем, написанным с ошибкой.

– Больше нельзя медлить, – сказала я и вышедшему за мной Коулу, и самой себе. – Пора собирать ковен.

Х Джулиан Дефо

Ее смерть была похожа на выстрел прямо в висок.

Микроскопическая молния, приковавшая меня к подушке. В руки и ноги будто всю ночь вколачивали гвозди – напряжение, скручивающее мышцы и связки. Я бы закричала, если бы от горечи утраты у меня не отнялся голос.

– Просыпайся, Одри, – мягко позвала меня Рэйчел. – Пора спускаться.

Встать утром с постели и уже никогда не быть прежней – вот что это такое.

Если бы мы с Джулианом все еще ночевали в одной комнате, он бы обнял меня и мне бы стало легче. Но спальня Джулиана давно находилась в конце коридора, а он сам – в смятении и не меньшей агонии, чем я сама. Казалось, таких усилий, какие я приложила, чтобы сменить пижаму на белое платье, мне не приходилось прикладывать даже на уроках скрипки.

Распущенные волосы. Церемониальное молчание. Мрамор лестницы обжег ступни холодом. Я вышла босиком, согласно традиции, и прошла вниз по склону к берегу озера Шамплейн, сопровождаемая всхлипами своих братьев и сестер. Весь ковен бросал на меня заискивающие взгляды. Еще не та, перед кем следует кланяться, но уже и не та, кого можно небрежно трепать по щеке. Они не знали, как именно смотреть на меня, поэтому выходила угнетающая помесь сочувствия и недоверия.

– Она хотела, чтобы это сделала ты, – шепнула Рэйчел мне на ухо.

Я кивнула, провожая взглядом деревянный плот, загроможденный цветочными венками. Поверх него расстилалась белая вуаль, прикрывая источник моей боли.

– *Fehu*, – послушно сказала я, сжигая тело матери, отправленное в последнее плавание.

Рэйчел повернула меня лицом к ковену и, сплетя наши пальцы, подняла мою руку вверх.

– Верховная Виктория умерла, – объявила она, и я увидела, как в толпе сверкнула улыбка Джулиана, выдавленная сквозь слезы. – Да здравствует Верховная Одри!

* * *

– Не верю, что мы оставили Штруделя! У Ричи ведь память, как у золотой рыбки. Вдруг он забудет его покормить? Не зря же его посадили за мониторы, не доверяя другую работу. Черт, что же я наделал?..

Я открыла глаза, вдруг поймав себя на том, что дремлю, слушая нервозную болтовню Коула вполуха. Растерев глаза, красные от бессонницы, я уткнулась носом в окно и замерла, наблюдая калейдоскоп мелькающих пейзажей. Вывеска, обещающая самые вкусные пончики в Западной Вергинии. Колонна из дальнобойщиков дальнего следования. Пестрые фургончики с досками для серфинга, закрепленными на крыше. Мотели и забегаловки. Автозаправки и перекресток железных путей.

– Я звонил в больницу. Сэм пришел в сознание и первым делом потребовал закурить, а потом чуть не подрался с лечащим врачом. Видимо, идет на поправку. Хорошо, что они поверили, будто его покусал сторожевой пес Хармондов... Пришлось подкинуть на место преступления пару собачьих ошейников.

Мельком взглянув на Коула, но так ничего и не ответив, я снова сосредоточилась на гримуре. Прочитав новое заклинание, я открыла для себя возможность играть со светом. Проведя солнечный зайчик от края бардачка до коробки передач, я удовлетворенно кивнула и быстро переметнулась на следующую главу.

– Мне кажется, ты перебарщиваешь. Которая это страница за день? Пятнадцатая? Еще позавчера ты и одну осилить не могла. Это точно не навредит?

Я зажмурилась, призывая шторм. Не те редкие тучи, что возникают, когда ведьма в бешенстве или печали, а пробуя осознанный контроль погоды. Я повторяла заклинание, пока не выглянула в окно и не увидела чернильную кляксу, пролившуюся на закат.

– Ого, – прокомментировал Коул, перегнувшись через руль.

Голова гудела от усталости, но, помассировав виски, я продолжила.

А тем временем вывески за окном сменились лесами. Снова за чертой города. Дорога, дорога, дорога...

– Одри, слушай... Если не хочешь говорить со мной, то хотя бы поешь.

Жемчужина ожерелья, с которой я играла, выскользнула из пальцев, шершавых от сухого осеннего воздуха. Обернувшись на Коула, сидящего за рулем и днем, и ночью, я опустила глаза на подстаканники, заполненные давно остывшей едой. Пара нетронутых хот-догов с имбирным чаем. В те моменты, когда Коул не смотрел на дорогу, он смотрел только на меня. И сейчас смотрел – обеспокоенно и заботливо. Я эти чувства не разделяла. Зачем беспокоиться обо мне, когда я просто делаю то, что должна?

– Извини, – вздохнула я, послушно захлопывая Книгу. – Я становлюсь очень замкнутой, когда...

– Грустишь, – понял Коул. – И терзаешься чувством вины. А потому моришь себя голодом. В наказание.

– Вовсе нет! У меня просто нет времени на праздность.

– Еда – это потребность живого организма, а не праздность, – скривился на последнем слове Коул.

Я закатила глаза и снова отвернулась. От вида нескончаемого шоссе начинало мутить. Когда мы уже приедем? Почувствовав, что Коул продолжает смотреть на меня, я обреченно застонала.

– Ладно, – сдалась я. – Я просто... все думаю о том колдуне в маске. Почему он не напал на меня. Сначала я решила, что он испугался, но потом... – И я неохотно призналась Коулу в том, в чем признаться не могла даже самой себе: – Теперь мне кажется, что он просто не хотел

причинять мне вред. Это имеет смысл лишь в том случае, если я нужна ему. А кому я еще могу быть нужна, если не Джулиану?

– Ну, – Коул долго и напряженно молчал, прежде чем ответить. – У меня пальцев не хватит, чтобы пересчитать всех, кому ты можешь быть нужна. Так что это ни о чем не говорит...

Я безрадостно ухмыльнулась.

– Ты ведь знаешь, что это неправда. Все, кому я могу быть нужна, – это либо ты, либо демонические животные. Вряд ли кто-то из вас прятался под той маской.

– А что насчет той рыжей ведьмы? – задумчиво поделился своими размышлениями Коул, стуча по рулю. – Королева Шепота... Ну, та, что хотела от тебя Бёрлингтон и жемчуг.

– Аврора? – удивилась я. – Зачем ей убивать новоодаренных ведьм? К тому же детей.

– А как еще ей заставить тебя делать то, что она хочет?

– Она хотела Бёрлингтон и жемчуг в обмен на Книгу, – напомнила я и покрутила перед лицом Коула гримуаром в нежном, сизом переплете, с которым не расставалась во сне. – Но она уже у меня. Знаешь, у Авроры есть еще одно прозвище – Хведрунг. Это означает *Поднимающая бурю ради веселья*. В шестнадцатом веке она заставила жителей Страсбурга плясать несколько дней подряд, пока те не скончались от сердечного приступа или обезвоживания. В истории это обозвали «танцевальной чумой». Да, Аврора хитрая и любит доставлять неприятности. Возможно, она сама подкинула мне книгу. Аврора способна на все, что угодно, но убивать детей... Тут нужна не хитрость. Тут нужно бессердечие.

Коул замолчал, уставившись на дорогу впереди.

– По-моему, бессердечие – это как раз то, чего следует ожидать от ведьмы, устраивающей средневековые вечеринки с летальным исходом. Помнится, ты рассказывала и про человеческие жертвоприношения в центре Нью-Йорка ради получения вечной жизни, – протянул Коул. – Она и вправду так делает? Продлевает себе жизнь с помощью черной магии. Сколько же ей лет?

– Доподлинно неизвестно, но однажды я слышала, как она говорила о короле франков Хлодвиге I так, будто знала его лично. А Хлодвиг жил еще в пятом веке, – хмыкнула я и стащила с хот-дога ломтик соленого огурца, на что Коул одобрительно улыбнулся. – Честно, я ее не понимаю. Не знаю, что может быть хуже, чем пережить свой ковен.

– Может быть такое, что она решила заменить человеческие жертвоприношения на ведьмовские? Ведь забирать жизненную силу новоодаренных, должно быть, эффективнее.

– Возможно, но так заморачиваться... Это глупо. Авроре незачем такие эксперименты, когда Нью-Йорк – туристический центр мира. Даже десяти пропавших без вести там никто не хватится, чего не сказать о таком маленьком городке, как Бёрлингтон.

Коул оторвал одну руку от руля и, пока я разглагольствовала, протянул мне почти холодный хот-дог. Я обреченно поморщилась, но признала поражение и вгрызлась в мякоть хлеба. С каждым укусом усталость отступала, пока не исчезла совсем. Я постаралась не замычать от удовольствия, чтобы самодовольство Коула не раздулось еще больше и не лопнуло, перевернув машину на полном ходу.

– Еще я утром звонил Гансу, пока ты спала, – осторожно начал он, убедившись, что я доела, умяв и его порцию тоже. – Оказывается, он и впрямь отлично ремонтирует мебель. Гидеон в восторге! Наконец-то кто-то починил ему шкафчик в прихожей. Не помню, чтобы мой брат хоть когда-то столь охотно делился жилплощадью. А Марте понравились лошади. Гидеон учит ее верховой езде. И я... Я перевел деньги, чтобы Ганс мог заказать для нее глазной протез. Так что у них все хорошо, – выдавил улыбку Коул, будто не замечая, как я переменялась в лице, перестав облизывать крошки с пальцев.

Милое платьице и колготки, заляпанные кровью. Белокурые волосы, разметавшиеся по грязным половицам. Знаки и руны, шрамы от которых пройдут с ней через всю жизнь и сойдут лишь тогда, когда плоть сойдет с костей от старости. Глазное яблоко с васильковым зрачком,

вместо которого теперь зияющая дыра, сделавшая из невинного ребенка сломанную куклу. Все это я вспомнила, лишь слыша имя «Марта». Не зря Коул ждал, когда я доем.

Я содрогнулась и снова уставилась в Книгу. Похоже, сегодня я вновь не засну.

– Это не твоя вина, – отчеканил Коул то, что повторял как заведенный с самого нашего отъезда из Бёрлингтона. Заметив, что у него все равно ничего не выходит, Коул откашлялся: – Так что там за кандидат, которого ты хочешь пригласить в ковен? Ты уверена, что он все еще в Новом Орлеане? Неприкаянные редко засиживаются на одном месте...

Коулу достаточно быстро удалось переключить мое внимание на мешочек с рунами, лежащий на бардачке. Руны, прежде обиженные, заговорили со мной внезапно. Для этого мне хватило вернуться домой с той заброшенной радиовышки и просто взять их в руки. В тот же миг руны будто перенастроили, как духовой инструмент: теперь они не просто внимали мне и указывали города, а называли конкретное место.

«Лавка Саламандры».

Я потянулась к мешочку и вытряхнула из него несколько кубиков. Убедившись, что вязь не изменилась, я проверила старый смартфон Коула, которым он снабдил меня перед поездкой. Как и раньше, в поисковике отобразился лишь один результат на запрос.

– «Вы можете узнать, что вас ждет завтра, уже сегодня! В нашей лавке чудес на каждый вопрос найдется ответ. Вуаль будущего прозрачна для той, что смотрит на мир глазами саламандры. На первый сеанс действует двадцатипроцентная скидка», – зачитала я вслух с веб-сайта эзотерического салона. – Да, эта ведьма нам и нужна.

– Ведьма? – переспросил Коул.

– Да. Здесь точно не написано, но я почти уверена, что это девушка. Она зовет себя Саламандрой. – Я сделала глоток остывшего чая, пролистывая сайт. – Ее лавка находится прямо в центре французского квартала. Интересно, почему она не в ковене Вуду... Похоже, ведьма – провидица. Будет как нельзя кстати: осваивать прорицание в одиночку очень сложно! Лучше учиться у профи.

Коул ностальгически улыбнулся.

– Новый Орлеан... Там мы и познакомились. Не верится, что руны выбрали неприкаянного родом именно оттуда. В прошлый раз мне не хватило времени сходить на экскурсию. Может, в этот удастся? Я хотел бы посмотреть на кладбище Метейри.

Я пожала плечами, пряча мешочек с рунами в сумку.

– Нам нужно собрать кандидатов как можно скорее. Возможно, тот, кого руны предложат следующим, будет на другом конце Штатов. Придется ездить много и быстро. Ну, или разориться на авиаперелет.

Коул поежился, выражая неприязнь к самолетам, и свернул на следующем повороте. Я принялась упаковывать в рюкзак вещи, разбросанные по машине (расческу, гримуар, руны, жестяную банку с ягодными леденцами). Мы добрались до Луизианы одним марш-броском, уложившись в сутки: благодаря мне Коул даже отказался от мотелей, и мы вели машину по очереди. После случая с Мартой медлить не хотелось даже ради перерыва на полноценный сон.

– Сейчас только бензин залью и поедем, – предупредил Коул, остановившись в пятистах метрах от вывески «Новый Орлеан – 220 миль».

Я выбралась из машины следом за Коулом, чтобы размять затекшие мышцы, и проводила его взглядом от бензоколонки до кассы. На противоположной стороне дороги расстились ивовые заросли, похожие на декорации к «Робину Гуду». Казалось, даже осень была способна выбить из них болотно-зеленые краски. Прислонившись к капоту, я оглянулась и вытащила из кармана небольшой моток красных ниток.

Неторопливо распутывая в пальцах овечью шерсть, я сконцентрировалась.

– Веретено крутится, нитку плетет. Ариадна по ней Тесея найдет. Лабиринт тянется, нитка завязывается. Без голоса Ариадны Тесей снова теряется. Нитку заменят мои слова... И тоже выведут Джулиана Дефо на меня.

Но, как назло, сколько бы раз я это ни повторяла, впервые в жизни меня никто не искал. Кусты за бензоколонкой зашелестели, и я повернулась.

– Ты не похожа на того, кого я жду, – улыбнулась я растерянно, глядя на огненную лисицу, выскочившую оттуда. – Впрочем, ты гораздо симпатичнее!

Мех без единого изъяна переливался на солнце, как слиток золота. Глаза, словно выточенные из бирюзового хрусталя, уставились на меня, и животное замерло. Я нахмурилась и, оттолкнувшись от капота, шагнула лисе навстречу.

– Яблочный пирог! Представляешь, здесь продается тот самый, что свел нас вместе. Я бы сказал, пирог судьбы. Купим?

Я повернулась к Коулу, а когда обернулась обратно к лесу, лисицы уже не было. Лишь четыре следа от маленьких лапок на влажной земле подтверждали, что мне это не привиделось. Быстро спрятав клубок нитей обратно в карман, я покачала головой.

– Покупной пирог, хм... Я не слишком-то скупаю по изжоге. Ты закончил с бензином?

– Ага, – кивнул Коул и, протянув руку, вдруг надел мне на голову бейсболку с логотипом Hard Rock Cafe. – А еще вот это. Только недавно задался вопросом, куда подевалась твоя дорогушая жемчужная шляпка...

– Лучше тебе не знать, – отмахнулась я от воспоминаний о Нимуэ и довольно поправила бейсболку, приподняв козырек. – Мне нравится. Тоже красная. Спасибо.

Спустя десять секунд мы снова были в дороге, а я продолжила любоваться через боковое зеркало желтеющим лесом, который остался позади.

Бейсболка, пахнувшая новизной. Песни Бритни Спирс, приглушенно доносящиеся из динамиков. Длинные пальцы Коула, отбивающие ритм по кожаному рулю. Тепло от включенной печки, а еще пальто Коула, которое было слишком тонким для октябрьской погоды, но которое я все равно взяла с собой, чтобы укрываться им вместо одеяла.

– Остановимся здесь, что скажешь? – подал голос Коул, когда небо окрасилось в апельсиновый сок, а вдоль дорог зажглись фонарные столбы и вывески мотелей. – Мы на границе с Орлеаном. За час доберемся до центра, если выедем рано утром.

Я сонно кивнула, слишком уставшая, чтобы спорить. Как только Коул припарковался на стоянке одного из мини-отелей, я вывалилась наружу и едва не упала: одна половина тела онемела, а другая онемела еще больше.

Оглядев облезлую двухэтажную постройку с крутыми лестницами, я покрылась мурашками в предвкушении горячей ванны. Даже если после этой ванны меня покусает клопы, кишащие в матрасе.

Пожилой консьерж с ярко выраженным британским акцентом отдал нам ключ от комнаты с деревянным брелоком – 8.

– Счастливое число, – присвистнула я саркастично, снимая пальцем паутину с угла, пока Коул пытался справиться с заевшим замком и войти в дверь на первом этаже.

– Надо найти, где здесь можно перекусить, – пробормотал Коул и налег на дверь плечом, толкая. Ключ со скрипом повернулся. Коул ввалился внутрь и поспешил включить свет. – На другой стороне дороги есть бар.

– Я не пойду, – заявила я, сбрасывая на кровать набитый рюкзак и брезгливо проверяя, нет ли на простыне и подушке пятен чего-нибудь черного или бордово-коричневого. – Хочу полежать в ванне. Возьмешь мне что-нибудь навывнос?

– Да, разумеется.

Коул пододвинул пуфик к шкафу, чтобы сбросить на него куртку, и включил воду в раковине, вспенивая руки торфяным мылом. В окружении нейтральных синих обоев стояла дву-

спальная постель; достаточно широкая, чтобы уместиться на ней одному, но слишком узкая для двоих. Ремонт в номере и впрямь был свежим, и я мысленно поблагодарила небеса за столь щедрый дар после дней тряски в машине. Разложив на кровати водолазку и льняные джинсы, в которые я собиралась переодеться утром, я выудила из рюкзака шелковую пижаму. Такой контраст вызвал усмешку: убогий мотель и шелк. Вся моя жизнь в четырех словах.

По привычке спрятав Книгу под подушку, я разулась и запрыгнула на постель, выжидая, пока Коул освободит ванную.

– Точно не хочешь пойти со мной? – поинтересовался он, сев рядом, и от его близости я почувствовала нарастающее тепло в груди, которое покинуло меня и не появлялось с тех самых пор, как я увидела искалеченную Марту.

Коул взял меня за руку, растирая мои холодные пальцы.

– Я устала, – призналась я тихо. – Ты был прав насчет гиперактивной практики... Не привыкла к таким нагрузкам. Слишком много заклятий за один день.

– Не мучай себя. Та, к кому мы едем, лишь первая из списка. Потом будем искать других, и кто знает, насколько это затянется. Ты все успеешь, – улыбнулся Коул уголками рта и, неохотно выпустив мою руку, поднялся. – Давай проверим, насколько хорошо я тебя изучил. Если будет стоять выбор между китайской лапшой и бургером, что мне тебе взять? Лапшу?

– Ух ты! Экзамен пройден. Молодец, Гастингс! – похвалила я. Коул вытащил бумажник из сумки и двинулся к двери, вновь одарив меня кроткой улыбкой. С каждым днем эти улыбки давались ему все лучше и лучше. – Не задерживайся, а то я умру от голода и тоски.

Дверь за ним закрылась, и, вздохнув, я опрокинулась на постель. Раскинув руки, я пролежала в прокрастинации несколько минут, а затем, наконец... расплакалась.

– Соберись, тряпка! – велела я себе, когда ужаснулась поросычье-красному носу в отражении зеркала. Глаза были такие же ужасные: сосуды полопались, окрасив белки в розовый. – Коул не должен видеть тебя страшной размазней. Ты же Верховная, черт побери!

«А Марта была всего лишь маленькой девочкой. И смогла ли ты защитить ее, Верховная? Как должна защищать каждую ведьму своих земель».

Этот голос говорил со мной каждый раз, как я пыталась закрыть глаза и расслабиться. Каждый раз, как я пробовала простить себя и выпустить из рук гримуар, на который променяла сон и пищу. Этот голос принадлежал мне самой, и он не оставлял меня в покое ни на секунду.

– Ты облажалась, – сказала я самой себе, смотрясь в зеркало ванной. – Но этого больше не повторится.

Набрав горячую ванну, я высыпала туда остатки сухой лаванды и добавила полтюбика гвоздичного масла. Ароматный пар и тепло сделали свое дело – я мгновенно успокоилась, откинув голову на бортик. Чтобы осмелиться лечь сюда, пришлось несколько раз прочитать дезинфицирующее заклятие – страшно представить, сколько трупов могли расчленить в этой ванне.

Когда я выбралась оттуда и завернулась в махровое полотенце, мне сделалось значительно легче. Гвоздика впиталась в кожу, а лавандовый пар наполнил легкие, и вместе с приятным ожиданием Коула этого хватило, чтобы поправить мое самочувствие. Расчесав мокрые волосы и натянув пижаму, я вышла из ванны.

Коула все еще не было. Тогда я, накинув поверх пижамы его пальто, открыла входную дверь и нетерпеливо выглянула на улицу. На другой стороне дороги, в пятистах метрах от отеля, шумел бар. Над входом неонов мигала нелепая вывеска в виде кошки, играющей на саксофоне.

– Зачем ты вышла? – нахмурился Коул, появившись уже спустя пять минут и сжимая в руке бумажный пакет. – Заболеешь ведь. Иди обратно!

Коул галантно пропустил меня вперед и запер дверь. Сгорбившийся и мрачный от недавней встречи с социумом, он буквально расцвел, стоило нам снова остаться наедине. Может,

так действовала на него долгожданная тишина, а может, моя рука, которую я запустила ему в волосы.

– Лапши не было, а бургеры у них так себе, судя по отзывам на Yelp. Так что я взял тебе кесадилью с курицей, – сказал Коул, открыв передо мной бумажный пакет, по стенкам которого пошли масляные пятна от сочной и горячей еды. В желудке у меня заурчало. – Хм, видимо, не зря я взял еще и картофель фри, и чизкейк.

– А как же салат? – криво улыбнулась я, присаживаясь на кровать и наблюдая за тем, как он раскладывает для меня пластиковые боксы с едой.

– Салат? – отвлекся Коул. – А надо было?

Я тихо рассмеялась, скинув тапочки и болтая над полом босыми ногами.

– Я пошутила, – и, дотянувшись до Коула, согнувшегося над мини-холодильником, клюнула его носом в щеку. – Спасибо.

Он порозовел, подавая мне бутылочку с гранатовым соком. Устроившись на краю постели, я принялась уминать кесадилью, капая соусом.

– Тебя долго не было, – заметила я, взглянув на часы, стрелка которых подбиралась к одиннадцати. – Ты ушел почти два часа назад.

– Я... Да, там было много людей. Очереди на заказ. А еще я долго не мог выбрать, какой соус брать к картошке...

– Правильно подобранный соус к картошке – это важно, согласна.

– А когда я шел обратно, то видел лису, представляешь! Я попытался угостить ее, но она убежала.

– Лису? – переспросила я с набитым ртом, оторопев. – Хм, необычно... Я тоже сегодня видела лису.

– Давай будем считать, что это на удачу.

– Сомневаюсь, но давай. Сейчас удача нам бы не помешала.

Я управилась с едой в считанные минуты, даже обогнав Коула, взявшего себе кукурузный буррито. Сбросив в мусорное ведро контейнеры и смыв с лица в ванной следы чревоугодия, я вернулась к Коулу и прижалась к его плечу, позволяя (точнее, умоляя всем своим видом) обнять меня.

– *Расследование в городе Бёрлингтон продолжается. Личность убийцы на данный момент не установлена, но полиция...*

– Стой! – воскликнула я, едва Коул попытался переключить канал шипящего телевизора, чертыхнувшись.

Подобравшись к краю постели, я уставилась в экран, где транслировали повтор репортажа из нашего города.

– Последняя жертва, Харпер Стоун, училась в университете штата Вермонт на факультете искусств. Ее родители, Гарри и Феодора, не дают никаких комментариев о случившемся...

– Последняя жертва? – спросила я вслух. – Харпер? Они не знают про Марту?

– Конечно же нет, – вздохнул Коул, откидываясь на подушки. – Иначе мне бы пришлось заполнять кучу отчетов и мы никуда не смогли бы выехать как минимум пару недель. К тому же всеобщая известность и сеансы психиатра – не то, что нужно Марте. То есть психиатр как раз бы не помешал, но ради ее же безопасности им с отцом стоит оставаться у Гидеона. Для всех остальных Харпер – последняя. Надеюсь, последней она и останется, ведь мы... Одри?

Коул выключил телевизор и отбросил пульт на пуфик с одеждой, а затем пододвинулся ко мне, съезжившейся под простыней в остром приступе самобичевания.

«Столько жертв, столько убитых семей, людей, ведьмаков... И все ради того, чтобы ты беспечно путешествовала по миру вместе с Рэйчел и ни черта не делала. Удобно быть Верховной, когда не надо думать ни о ком, кроме себя, правда?»

– Одри, перестань делать это.

Я подняла глаза на Коула, нависшего надо мной.

– Делать что?

– Убиваться. Лучше посмотри, что я тебе купил.

Я оторвала ладони от лица и выпрямилась, дожидаясь, когда Коул достанет что-то из кармана своих джинсов. Усевшись на коленях поверх скомканного одеяла, он, такой растрепанный и домашний даже в уличной одежде, достал из джинсов цепочку. Золотой браслет из тонкого плетения, по середине которого красовалась крупная белая жемчужина.

– Думаю, такое жилище понравится гримам больше резинки для волос, – смущенно предположил Коул, запинаясь, и кивком указал на мое запястье с пурпурной лентой.

Я удивленно моргала, глядя то на браслет, то на Коула. Позволив ему застегнуть цепочку на моей кисти, предварительно стянув резинку, я засияла.

– Поэтому тебя не было так долго! – догадалась я, и Коул красноречиво зажевал нижнюю губу. – Где ты нашел в этом захолустье ювелирный магазин?

– Ломбард, – признался Коул и, преодолев стеснение и отголоски синдрома Аспергера, что еще напоминал о себе в особо щекотливые моменты, посмотрел мне прямо в глаза. – Тебе нравится?

– Конечно, нравится, Коул! Сначала бейсболка, потом браслет... Сегодня будто мой день рождения! В последний раз я получала подарки, когда еще была жива Рэйчел. Я даже не знаю, как отблагодарить тебя. Впрочем... – Я вдруг замялась, и Коул с любопытством сощурился, приблизившись к моему лицу. – Нет, я знаю.

Когда он смотрел мне в глаза, цвет его радужки всегда выглядел непривычно – светлее, чем раньше, когда он старательно изворачивался, избегая контакта. Теплый, ореховый, как фундук в шоколаде, и прекрасный.

Когда я придвинулась к Коулу вплотную, он испугался, и этот испуг парализовал его, не давая отстраниться и все испортить. Тогда я застыла, давая ему время привыкнуть к отсутствию свободного пространства между нами, но уже через секунду Коул наклонился и накрыл мои губы своими. Его пальцы легли мне на подбородок, а затем скользнули вдоль линии челюсти. Тяжелая ладонь опустилась мне на затылок, прижимая так, что я бы не смогла вырваться, даже если бы очень захотела.

Но я, разумеется, не хотела.

Я накрыла ладонью жесткие кудри его волос и поцеловала в ответ, перебравшись к нему на колени.

Коула будто переключило. Он изменялся каждый раз, как в его крови пробуждалась *охота*, но со мной охотником он никогда не был. Однако именно на это было похоже то клочущее ощущение, что вдруг зашекотало под ребрами – я его жертва. Коул резко снял меня со своих коленей и кинул на постель, подмяв под себя. Осознание пришло на миг позже: по-другому он просто не умел. Коул вообще никак не умел. Поэтому, позволяя инстинктам обладать, он сотрясался в дрожи от моих прикосновений, возбужденный и ранимый, как оголенный нерв.

– Так приятно, что почти больно, – жмурясь, признался он шепотом. Я облизнула губы, ноющие от нежных укусов, и взглянула на его губы – такие же воспаленные и красные.

Коул ткнул носом мне в подбородок, восстанавливая сбитое дыхание. Комната перед глазами кружилась, как французская карусель. Коул оказался меж моих разведенных коленей, и я почувствовала внутренней стороной бедра твердость, в которую превратились мышцы его живота... И не только.

– Если тебе больно, – хрипло выдавила я, воззвав к своему благоразумию. – Мы можем остановиться. Просто не будем...

– Нет, мы будем.

Коул не выдал сомнений, даже если они у него и были. Он осторожно поддел рукой край моей пижамы и потянул шелковую ткань вверх. Я помогла ему, приподнявшись и задрав руки, чтобы бретельки майки слезли, не запутавшись. Там, под верхом пижамы, на мне совершенно ничего не было.

Коул перенес вес на свой локоть, упершись им в подушку рядом с моей головой, и обвел меня изучающим взглядом. Это было несправедливо: я уже чувствовала, как прохладный воздух в номере касается голой груди, и дело оставалось лишь за спальными штанами. Коул же все еще был одет: повседневная рубашка в клетку и синие джинсы. Торопить его мне не хотелось, но...

Коул положил горячую ладонь мне на живот и наклонился. Карие глаза в свете торшера вдруг показались совсем черными – темнее, чем ночное небо за плотными шторами.

– Что? – спросила я, сглотнув сухость во рту, когда Коул совсем перестал шевелиться, разглядывая меня.

– У тебя пятнадцать родинок, – прошептал он и бережно взял мою руку в свою, поднося к губам. – Пять из них на левом запястье. – Он обвел их, совсем крошечные и незаметные, своим дыханием, а затем принялся за костяшки таза, где над линией штанов виднелась еще пара отметин. – Восемь шрамов... Больше всего мне нравится этот. – Он припал ртом к моему правому предплечью.

Я вздрогнула. Шрам, серпом огибающий руку ниже локтя, я давно научилась не замечать. Всегда скрытый под одеждой, он перестал быть частью моей истории и тем, о чем я бы хотела рассказывать. Когда-то он был ярким, чернильным, но Джулиан превратил его в неприметный изъясн – в бледную, плоскую метку смерти.

– А я его ненавижу, – ответила я, и Коул прервался, вскинув голову.

– Почему?

– Когда атташе приносит ведьме клятву, он помечает их обоих, оставляя каждому по неглубокому порезу одним ножом. Сначала режет ведьму, чтобы ее кровь пропитала лезвие, а потом себя. Это образует связь. Шрам выглядит, как монохромная татуировка, пока атташе жив, но если атташе умирает... Шрам становится просто шрамом. Будто могильный камень на теле, от которого не избавиться.

Коул замер, но, быстро вернув себе самообладание, сделал то, о чем я не могла и мечтать, – забыл о моем предплечье, будто не было ни этой метки, ни нашего разговора. Я вновь впала в безмятежную негу, ощутив его язык над своей левой грудью. Следующей стала ключица, а после Коул снова оглядел меня – мимолетно, но внимательно – и в который раз задрожал.

– Сто восемьдесят ресниц, – сорвалось с его уст, и, наблюдая за ним с любопытством, я улыбнулась, перехватывая губы Коула и целуя.

Его синдром Аспергера – такой точный, такой безошибочный – часто казался неуместным. Но только не сейчас. Сейчас Коул Гастингс был собой – он открылся мне, доверял, и из него рекой текли слова и мысли. Все, что он видел, и все, что он ощущал. Коул не мог остановиться, ведь говорил правду: вдвоем нам было так приятно, что становилось почти больно. Он наконец-то стянул с себя рубашку, и я провела пальцами по его острой трапеции. Под шеей Коула рассыпались созвездия родинок – куда больше, чем я могла сосчитать. Они делали его совершенным.

Коул обвил руками мою талию, перетаскивая с края постели, куда мы успели скатиться, обратно к изголовью. Я взялась за ремень его джинсов.

Резкий удар и треск лопнувшего стекла. Я вскрикнула.

– Птица! – воскликнул Коул, обнимая меня. – Это просто птица!

Да, он был прав: пробив собою стекло и оставив на раме кровавую печать, на пол упала ласточка с переломанными крыльями. Серебряное тельце было усеяно осколками, как аку-

лыми зубами. Трепыхаясь, она силилась взлететь на последнем издыхании. Это зрелище было грустным, но не страшным, однако сердце в груди неистово заколотилось.

– Одри, все хорошо?

Я подняла глаза на Коула, нависшего надо мной с обеспокоенным видом, и будто очнулась ото сна. Мы все еще лежали на кровати, полуголые, сплетенные в один клубок, и, казалось, не было на свете людей ближе, чем мы.

– Да, вроде бы.

Дурной знак. Дурное предчувствие. Дурное решение.

Долгожданный ответ.

«Тайный грех, свои покровы сбрось! И о пощаде грозных вестников небес моли. Я – человек, перед которым грешны другие больше, чем он грешен».

– Надо сообщить администратору, – пробормотал Коул угрюмо, пока птица, дернувшись в последний раз, наконец, не замерла. – Бедняжка.

Трясущимися руками я натянула вместо пижамы свитер, припасенный на утро. Коул не заметил этого, тоже одеваясь и попутно поправляя волосы, взлохмаченные моей лаской.

– Я схожу, – бодро вызвалась я и добавила с напускной беззаботностью: – А ты иди пока в душ.

Коул обернулся и, вопросительно взглянув на меня, замотал головой, пока я стремительно шнуровала ботинки.

– Одри, после такой дороги тебе стоит...

– Ты тоже устал, Коул. Уж позвать горничную и похоронить мертвую птичку я в состоянии.

Коул нахмурился, сбитый с толку, но, к нашему обоюдному удивлению, кивнул.

– Пожалуй, ты права. От ванны я бы сейчас не отказался. Ты точно справишься?

Вместо ответа я чмокнула Коула в ямочку на щеке и, схватив с кресла шерстяное пальто, укуталась в него, вылетая из номера. Мысленно я молилась. За себя. За Коула. За жителей мотеля и всех, кто проезжает мимо него.

В воздухе пахло поздней осенью и приближающимся Хэллоуином. Ветер будто нес с собой запахи лакричных конфет и гвоздичного пунша. Я выскочила на дорогу и, лавируя между сигналиющими машинами, перебежала оживленную дорогу. Стоянку у бара заполняли машины туристов и местных: деревенские пикапы, комфортные «Вольво», пара милитаризированных вездеходов и японские мотоциклы.

Я подвернула длинные рукава пальто и нервно сжала пальцы, чувствуя в них непривычную пустоту – ни рюкзака, ни гримуара. Лишь я и он.

– Верховная, – послышалось шипение за спиной. Я обернулась на трех котов, разгуливающих по перилам крыльца. На фоне агатовых шкур красные глаза светились. – Не ходи туда!

Золотой браслет, подаренный Коулом, сверкал на запястье в свете фонарей.

– Все будет хорошо, – пообещала я, надеясь прозвучать убедительно, и потеряла браслет. – Вот ваш новый якорь. Не высовывайтесь из него, ладно? Не хочу, чтобы вы пострадали.

Гримы нахохлились и переглянулись, но пререкаться не стали. Спустя миг все трое слились с тьмой, а я, набрав в легкие как можно больше опьяняющего сырого воздуха, толкнула тяжелую дверь.

Переступив порог, я приготовилась зажать уши от громкого смеха и музыки, но внутри оказалось уныло: классическая мелодия, не вписывающаяся в пошлый интерьер кантри, доносила со сцены, на которой расположились четыре музыканта. Несколько компаний по три-четыре человека увлеченно переговаривались за столами, изучая меню. Обстановка в баре царила умиротворенная, и я бы приняла это за счастливое стечение обстоятельств, если бы не знала, как слово «счастливое» меня не любит.

Я остановилась, шурясь от софитов, и медленно осмотрелась. Ни одного знакомого лица, но этот голос... Голос все еще звучал в голове, зачитывая «Короля Лир».

«Не суйся меж драконом и яростью его».

Я дошла до барной стойки и, взгромоздившись на бархатный стул, постучала ногтями по лакированному дереву. Взгляд бегал от одной яркой бутылки к другой, ища, к чему прицепиться.

– Можно мне какао?

Бармен на другом конце стойки улыбнулся и смял в руках белое полотенце. Одна симфония Баха сменяла другую, а рядом со сценой танцевала влюбленная пара, порхая над пустым танцполом.

Девушка таяла в объятиях своего партнера, следуя за ним как на магнитном притяжении: гибкая, изящная, она будто парила по воздуху, руководимая статным, темноволосым юношей. На ней была вульгарно короткая юбка и высокие кожаные сапоги. Мужчина же был одет более интеллигентно: дорогие брюки и черная рубашка, застегнутая до самого воротника. Я засмотрелась на их альянс, раскачиваясь на стуле в такт музыке, и почти забыла про заказанное какао. Обернувшись к стойке спустя пару минут, я так его и не обнаружила.

– Может, вы наконец-то нальете мне какао? – вздернула брови я, придвинувшись к бармену.

Тот продолжил натирать бокалы, не выпуская из рук полотенца. Его взгляд прилип к пивному крану – бармен не моргал, повторяя одно и то же движение. Я наклонилась чуть ниже, заглядывая под стойку, чтобы убедиться: по полу разлито вовсе не вино. То была кровь, и капала она с его бедра, проткнутого ножкой стула. Однако мужчина не замечал боли, продолжая работать.

Никто из посетителей вообще ничего вокруг не замечал.

Я медленно выпрямилась, возвращаясь на свой стул, и повернулась к танцующей паре. Девушка, кружась в очередной связке, взмахом головы откинула за спину каштановые волосы и обнажила лицо: окаменевшая улыбка и широко распахнутые глаза. Она даже забывала моргать. Ее партнер же чувствовал себя отлично.

– Обожаю вальс, – поделился со мной Джулиан, блаженно зажмурившись, когда совершал очередной поворот. – Но я помню, что ты больше предпочитаешь джаз.

Он щелкнул пальцами, выпустив девушку из объятий, и та рухнула, будто ее сбили с ног – тряпичная игрушка, утратившая интерес хозяина. Музыка сменилась: бодрая и игривая, будто из нуарного фильма пятидесятых. Я бы тут же впала в беспамятство, упиваясь любимой мелодией, если бы не брат, стоящий напротив.

От лица отхлынула кровь. Я сглотнула и, перегнувшись через стойку, выхватила из-под нее початую бутылку бренди. Встряхнув рукой, чтобы разбрызгать его вокруг себя, я выпалила:

– *Loras!*

Джулиан склонил голову набок, смеясь и отряхивая от алкогольных капель пиджак.

– Защитные чары? Надо же... Раньше ты их не знала. Продолжила свое обучение? Это хорошо. – Джулс сделал шаг вперед и, выставив пальцы веером, подул сквозь просветы в них. Лужа бренди, обходящая меня кольцом, расплылась, утратив четкие контуры. Порыв ветра погнал их по половицам, как ручей. – Вот только я обучаюсь дольше твоего. Дружище, не нальешь даме то, что она просит? Самое вкусное сливочное какао за мой счет!

Джулиан махнул рукой еще раз, и я увидела рисунок, начерченный на тыльной стороне его ладони углем, – раскрытый глаз, обведенный в пятиугольник. Бармен за стойкой, точь-в-точь марионетка на прозрачной леске, кинулся на кухню. Это было «Око Гипноса» – не что иное, как внушающее заклятие-паразит. Только я никогда не видела, чтобы кто-то подчинял себе стольких людей сразу, а ведь все они были подчинены. Все до последнего, кому только не повезло заглянуть в бар в этот поздний вечер. Музыканты, исполняющие джаз; посетители,

поддерживающие иллюзию непрерывной беседы, двигающие губами, но беззвучно, чтобы не сбивать Джулиана с мысли; официанты, бегающие по залу ломаными линиями, будто кто-то забыл вытащить у них из спины заводной ключ. Куклы, в которых мой брат превратил живых людей.

– Заклинание «Домино», – сказал он вдруг, и я вопросительно заморгала, пока он не пояснил: – Вот как я накрыл «Оком Гипноса» весь бар сразу. Двухслойная магия, сестра. «Домино» – заклятие связи. Что случится с одним – случится и с другим. Убью одного – умрут все. Зачарую одного – все зачаруются. Удобно, правда? Могу научить.

Я постаралась не задохнуться, обуреваемая паникой, но лишь невозмутимо покачала головой.

– Как ты...

– Читаю твои мысли? – снова догадался Джулиан, снисходительно улыбнувшись. – Никак. Я просто знаю тебя, Одри. На то мы и близнецы.

Джулиан сложил руки за спиной и задумчиво обошел зал, пока не достиг уединенного столика за деревянной ширмой. Мне не понравилось то, что я увидела поверх белоснежной ска-терти: несколько сервированных блюд, фужеры и свеча, которую Джулиан зажег одним взглядом. К нашей встрече он подготовился основательно и, когда официант положил перед ним последний прибор, жестом пригласил меня присоединиться.

– Поужинаешь со мной? Ведь это достойно праздничной трапезы – моя любимая сестренка наконец-то позвала меня!

Молча пройдя до стола, я неохотно приняла заботу Джулиана, когда он отодвинул для меня стул. Брат занял место напротив. Серые глаза блестели, как две монеты. Я будто смотрелась в зеркало, и от этого меня затошнило. Мы все еще были чертовски похожи: темно-русые волосы, мягкие и послушные; узкие черты лица, кошачья форма глаз и пухлые губы – все, что нам обоим передалось от матери. Только у Джулиана скулы были шире моих – единственное наше различие. Конечно, не считая того, что он был тварью, а я – нет.

– Я готова предложить тебе сделку.

Джулиан откинулся на спину стула, делая глоток бренди из граненого бокала. Мне хотелось выхватить его, чтобы самой промочить горло – во рту пересохло, как от проглоченного песка.

– Так вот оно что, – изрек Джулиан, смакуя выпивку. – А я-то мчался с другого конца Америки на твой зов, думая, что ты созрела к воссоединению...

– Увы, – хмыкнула я. – Мне надоело бегать. Я хочу покоя, Джулс.

– И ты знаешь, как его получить. Покой – это наша семья, Одри.

Спорить с ним было бесполезно, и по пути в Орлеан я готовилась к этим переговорам с таким же усердием, как к освоению новой магии. Все, что должно было случиться, случилось. Все дороги вели меня к одному.

– Я сделаю тебя Верховным ведьмаком ковена Шамплейн.

Джулиан почти поперхнулся, но постарался скрыть это за присущей ему вычурной сдержанностью. Со звоном поставив бокал, он свел на переносице брови, выражая сомнение.

– Извини, кажется, музыка слишком громкая... – Он глянул на сцену, и музыканты затихли. – Повтори еще раз.

– Как только я освою восемь даров, – продолжила я решительно, глядя ему в глаза, – я передам тебе верховенство, и ты исполнишь давнюю мечту, которую лелеял все эти годы. Ты станешь первым Верховным колдуном в истории ковена.

Официант поставил на стол закуски и кружку с моим долгожданным сливочным какао. Однако я даже не взглянула на еду – сейчас мне было вовсе не до нее. Впрочем, как и Джулиану.

– Это не главная моя мечта... – произнес он грудным голосом, посерьезнев. – Ты знаешь, чего я хочу так же сильно, как быть Верховным.

– Мы с тобой – это другой разговор, – тут же прояснила я, но уголки губ Джулиана предательски потянулись вверх, стоило мне произнести это пресловутое «мы». – Сейчас речь о ковене. Сделка такова: верховенство в обмен на спокойное обучение.

– Спокойное обучение?

– «Спокойное» – это значит без тебя, – хмыкнула я. – Все то время, что мне понадобится для освоения восьми даров, я хочу провести с комфортом. Без стресса, а стресс у меня вызывает только ты. Перестань мешать мне, Джулиан, иначе я никогда не стану Верховной ведьмой. Не приближайся ко мне, не манипулируй и не делай все то, что ты обычно делаешь, чтобы найти меня и вернуть, – тараторила я, не позволяя Джулиану возмутиться и вставить хоть слово. – Также мне нужна гарантия, что в безопасности будут и мои друзья. Ты все понял? Подытожу: ты поклянешься не преследовать меня, исчезнуть из моей жизни и не появляться в ней до тех пор, пока я не закончу свое обучение. А потом... А потом я найду способ и сделаю тебя Верховным. Как тебе такой расклад?

Джулиан молчал и не двигался так долго, что я стала подумывать, не потыкать ли в него вилкой. Затем он залпом допил свой бренди и расплылся в торжествующей улыбке.

– О каком сроке мы говорим? – сощурился он. – Обучение может длиться бесконечно. Ты можешь успеть прожить полноценную ведьмовскую жизнь, прежде чем исполнишь свое обещание.

– Сколько ты готов мне дать? – спросила я прямо, вцепившись пальцами в скатерть.

Джулиан потер подбородок, раздумывая.

– Три месяца должно хватить.

– Три месяца?! – вскрикнула я. – Ты что, издеваешься?! Да за три месяца и половину дара не освоить! Мне нужно три года.

Джулиан разразился смехом.

– Три месяца, Одри.

– Два года.

– Одри, нет. Либо три месяца, либо...

– Год, – выпалила я в отчаянии, перегнувшись к нему через стол. Кадык Джулиана предательски дернулся, стоило мне оказаться с ним нос к носу. – Дай мне один год. Прошу тебя, Джулиан.

Брат вдруг приподнялся со стула и подался ко мне. Мягкие, длинные пальцы обхватили мое лицо, и он поцеловал меня раньше, чем я успела опомниться. Лишь тот факт, что так Джулиан набивает своему снисхождению цену, не дал мне залепить ему по лицу кружкой с какао и проклясть навек. Я крепко зажмурилась, давась привкусом желчи и слез, терпя его язык. Джул прошелся им по моим сомкнутым зубам. Морально удовлетворившись и отпустив меня, он ухмыльнулся.

– Хорошо, – объявил брат. – Пусть будет год.

Этот мерзкий поцелуй отнял у меня храбрость. Чтобы вернуть самообладание, мне пришлось несколько раз напомнить себе, что это мое унижение – мой же шанс на победу. Таков план, и он работает.

Глубоко вздохнув, я взглянула на Джулиана из-под опущенных ресниц, облизывая соленые губы.

– Да будет так, брат.

И, взяв со скатерти десертный нож, я с нажимом черкнула им по ладони. Поставив локоть на стол, я раскрыла пальцы навстречу Джулиану, позволяя крови окропить белоснежные салфетки.

Джулиан ухмыльнулся и, взяв нож, сделал со своей рукой то же самое.

– Да будет так, сестра, – сказал он, скрепляя вместе и наши руки, и клятву, которую теперь было не нарушить.

Легкое жжение ущипнуло порез, как пробежавшая искра, и, глядя на свою кровь, которая текла на стол и смешивалась с кровью Джулиана, я почувствовала тяжесть, пригвоздившую меня к стулу. *Обязательство*. Теперь либо все, либо ничего.

Джулиан стянул с соседнего столика чистую атласную салфетку и ласково обернул мою ладонь тканью, останавливая кровь.

– А теперь, – он тепло улыбнулся мне, закончив перевязывать рану, – раз это наш последний вечер перед целым годом разлуки... Проведем его незабываемо, что скажешь?

Он взял мою руку в свои и поцеловал костяшки, поднимая меня из-за стола.

– Потанцуй со мной.

Во внезапном приступе моей слабости было что-то нездоровое. Принесенный обет отнял у меня ровно половину магии – гораздо больше, чем я была готова отдать. Эта часть магии сплела нас с Джулианом вместе. Он явно оказался более выносливым: не испытывая последствий ритуала, подвел меня к сцене и поднял руку, на которой углем был вычерчен глаз.

Джаз снова разлился по бару, как деготь, и Джулиан неспешно повел меня в танце.

– Уже очень скоро, – снова заговорил он спустя ту пару минут, что я позволила себе молчаливо следовать за ним, восстанавливаясь, – мы вновь станем семьей. Однажды я дам тебе все, что ты только попросишь...

– Откуда ты черпаешь свою магию, Джулиан?

Его шаг не прервался, но лицо сделалось хмурым, стоило мне нарушить его нежные грезы о нашем совместном будущем.

– О чем ты?

Продолжая танцевать, я взяла руку Джулиана, лежащую на моей талии, и оторвала ее от себя, чтобы осмотреть раненую ладонь. Рассеченная минуту назад, она не была перевязана, но уже не кровоточила. Даже не испачкала мою одежду, прикасаясь, хотя я готова была поклясться, что на стол крови Джулиана пролилось ровно столько же, сколько и моей.

Пожав плечами, брат опять обнял меня и ответил:

– Да, раны на мне заживают как на собаке.

– Для этого нужно много магии. Я ощущаю ее в тебе. Откуда столько, Джулс?

И это было правдой: держась в танце за его плечи и чувствуя удушливый запах сандалового парфюма, я чувствовала кое-что еще. *Ауру*. Она пульсировала, огненно-рубиновая, и окружала его ореолом, как тот самый парфюм. Чтобы увидеть чью-либо ауру, нужно было сконцентрироваться, но аура Джулиана бросалась в глаза и без этого. Словно бриллиант, подброшенный в кучу камней. Она слепила, почти болезненно, и это было ненормально.

– Ты приносишь в жертву новоодаренных? – спросила я прямо, не сводя глаз с непроницаемого фарфорового лица. – Как называется этот ритуал? Чтобы забрать магию, что тебе не принадлежит... Ты сам был под той страшной маской или обзавелся идолопоклонником?

Джулиан сощурился, бережно держа мою перевязанную ладонь в своей, широкой и холодной.

– Если честно, – промычал он, немного подумав, – я даже не понял, что ты сейчас спросила. Какие еще ритуалы? Я надеялся, ты хочешь поговорить о нас с тобой...

Я фыркнула и скривилась, а затем выскользнула из рук Джулиана, оборвав танец. Музыка продолжила играть, но мы застыли друг напротив друга: я – кипящая от напряжения, а он – безмерно недовольный отсутствием романтики. Все как всегда.

– Кто-то убивает новоодаренных ведьм, – выпалила я. – Там, в Бёрлингтоне. Среди жертв есть дети! Им отрывают языки, вырывают глаза, уродуют их тела... Приносят в жертву. Не говори мне, что ничего не знаешь об этом.

– Но я правда ничего не знаю, – невозмутимо парировал Джулиан. – Если я кого-то и убиваю, то уж точно не маленьких детей, Одри.

Мое терпение лопнуло, как надколотая ваза, которую опрокидывали со стола уже не раз, но никак не могли разбить.

– «Уж точно не маленьких детей»?.. И это говоришь мне ты?! Разве Ноа не был маленьким ребенком, Джулиан?!

Джулиан передернулся. Из года в год, сколько бы раз я ни произнесла имена нашей семьи, убитой им, ничего не менялось – ни внутри Джулиана, ни снаружи. Но впервые, лишь на один миг, в который я не поверила, мне вдруг показалось, что я увидела на его лице... Стыд?

– Ты думаешь, что я – единственный психопат в мире? – спросил он раздраженно. – Почему ты вечно подозреваешь во всем именно меня?

– Потому что ты – худшее зло, что я встречала за свою жизнь! Если в новостях вдруг скажут, что кто-то разбомбил Бельгию, я и тогда первым делом подумаю на тебя, – фыркнула я и отвернулась от брата, подходя к столу и залпом осушая кружку с какао.

Оно, остывшее, ничуть не согрело мой внутренний холод, как не смог бы согреть его даже проглоченный факел.

«Уж точно не маленьких детей, Одри».

– Я не обязан отчитываться перед тобой, но у меня есть союзники, – раздраженно признался Джулиан. – Они и питают меня. Все, что тебе надо знать, – это то, что я не тот убийца, которого ты ищешь. Я не был в Бёрлингтоне с того самого дня, как сделал с нашим ковеном то, что сделал. Так что если ты мне не веришь... – голос Джулиана становился все громче, как и его шаги, нарастающие за моей спиной, – то в следующий раз можешь догнать этого негодяя в «страшной маске», сорвать ее и узнать, кто же под ней. Уверен, тебе это под силу. Ты пока все еще Верховная. И...

Я начала чувствовать его горячее дыхание на своих волосах, спутанных после ванны. Джулиан приблизился ко мне и встал почти вплотную. Затем я услышала странный шелчок, что заставил его затихнуть.

Снедаемая тревожным любопытством, я медленно повернулась.

– Неубедительно, – сухо сказал Коул, приставив к затылку Джулиана дуло полицейского «Глока».

Мой план, – мой непродуманный, идиотский план! – не включал в себя непредсказуемое появление Коула. Он всегда проводил в ванной по меньшей мере пару часов. Его не должно было здесь быть. Только не в четырех стенах с тем, кто сколько раз лишал жизни дорогих мне людей. Кто столько раз разбивал меня вдребезги так, что я годами не могла собрать себя по кусочкам... Нет, нет и нет!

– Одри, – мягко, но взволнованно позвал меня Коул уже, кажется, в третий раз, и я наконец-то очнулась. Его волосы, мокрые после душа, вились еще сильнее обычного. – Ты в порядке?

– Да, – выдавила я, резко охрипнув. – Зачем ты вышел из номера?

– Тебя долго не было, – ответил он будничным тоном. – Я подумал, вдруг что-то случилось... И не ошибся ведь.

– Коул, – я глубоко вздохнула, судорожно пытаюсь придумать новый план, – тебе лучше вернуться в мотель. Пожалуйста...

– Да, Коул, – едко протянул Джулиан, и я вздрогнула, пораженная тем, что он молчал столько времени, – послушай мою сестру. Одри умная. Ты здесь не нужен. Мне будет неинтересно играть с тем, кто не понимает правил игры...

– О, я отлично разбираюсь в правилах, – прошипел Коул, и дуло «Глока» вжалось в затылок брата сильнее, склоняя его голову вниз. – Даже ведьмаки умирают от пули. Как думаешь, кто быстрее: ты, зачитывающий одно из своих заклятий, или я, нажимающий на курок?

Лицо Джулиана предательски дернулось. Он осторожно выпрямился, когда Коул перестал давить на него пистолетом, и развернулся. Неторопливо, но решительно, раздираемый

дичайшей формой интереса, ради утоления которого Джулиан никогда не гнушался поставить на кон все, что имел.

Но увиденное явно разочаровало его.

– Смертный? – фыркнул он брезгливо. – Seriously?

– Я детектив, – произнес Коул, но снова не то, что Джулиан рассчитывал услышать. – Сержант полиции города Бёрлингтон.

– Ах, ты что, заявление на меня написала? – оглянулся на меня Джулиан с усмешкой. – Знаешь, у меня нет на это времени. Поэтому будь так любезен... – он поднял ладонь вверх, и в отражении барного зеркала я снова увидела «Око Гипноса», – приставь дуло пистолета к своему виску и нажми на курок.

Коул опустил руку, нацеленную на Джулиана, вниз, но вовсе не для того, чтобы подчиниться.

– Это все? – вопросительно вздернул бровь Коул, даже не подозревая, что в эту секунду Джулиан пытался применить на нем внушающее заклятие, под которым в этом баре находились все, кроме нас троих. – Может, мне еще голым сплясать канкан?

Обычно сарказм Коулу не давался, но сегодня он явно был в ударе. Джулс тряхнул головой, и я невольно засмотрелась на рассыпавшиеся пряди его волос, отдающие пеплом. Неужели когда-то я запускала в эти волосы пальцы, дразня его утенком и помогая причесываться?

– Теперь мне уже интереснее, – признался Джулиан, недоуменно хмурясь. – Кто ты такой?

– Я уже сказал, – ответил Коул, возвращая пистолет на уровень его лица. – Я детектив. И я здесь для того, чтобы найти виновника убийств. Ты лжец. Я знаю, что ты так или иначе причастен к этому, потому что разбираюсь в людях лучше, чем Одри.

– Не думал, что полицейские расследования заходят так далеко... К ведьмакам.

– Дело не только в расследовании. Я здесь еще и для того, чтобы защитить от тебя Верховную.

От услышанного Джулиан взорвался, как лампочка от перепада электричества. Я прыгнула вперед и, выбрав момент, махнула рукой, устремляя штопор к шее Джулиана. Тот, даже не оглянувшись, отразил его взмахом руки. Штопор от ricochetил и вонзился в деревянную ширму в миллиметре от кончика моего уха. Оно заныло, рассеченное до крови.

– Верховная? – переспросил Джулс со смехом, приблизившись к Коулу. – Да кем ты возомнил себя, что смеешь считать себя защитником Верховной ведьмы? Покажи мне метку атташе, и я приму тебя, как досадную издержку. Но у тебя ведь нет метки, я прав? Ты просто человек, что повелся на красивое личико моей сестры. И знаешь, я тебя прекрасно понимаю... Но ревновать к смертному – это унижительно. Мне плевать. Я лишь хочу, чтобы ты знал свое место!

Джулиан выбил пистолет из его рук таким же взмахом, каким я швырнула штопор. Магия не действовала на Коула, но на его вещи – с лихвой. «Глок», отброшенный через весь зал, вылетел в окно. Коул молча взглянул на Джулиана, поправляющего воротник своей рубашки. Оба – олицетворение холодного расчета. Коул автоматически фиксировал внимание на цели каждый раз, как опасная ситуация становилась опасной смертельно. В этот раз было так же, но его отвлекала я.

Джулиан в один шаг преодолел расстояние до Коула и обхватил его голову руками, привлекая к себе, лбом ко лбу.

– Ты будешь гнить живо, точно яблоко, что забыли на солнце. *Как бред, как жар, как боль стыда, сидит ворон, чистя перья...*

Я узнала это заклинание. И Коул узнал его тоже. Проклятие. Но для таких, как Гастингс, оно проклятием не было вовсе.

Когда Джулиан закончил, открыл глаза и увидел, как Коул улыбается, лицо его вытянулось, выдавая смятение, уязвленную гордость и... Хм, неужели то был испуг?

– Второй, – равнодушно хмыкнул Коул, оттолкнув Джулиана и принявшись демонстративно поправлять задравшийся свитер.

– Что второй?

– Ты уже второй, кто пытается наложить на меня проклятие Эдгара По. Первой была Одри, – Коул взглянул на меня и почти беззаботно подмигнул. – Так что там дальше по списку? Ну, после проклятий.

– *Охотник?*

Это слово прозвучало громом, после которого на весь ресторан обрушилась тишина. Джулиан, казалось, впервые в жизни оцепенел, придя к этой мысли так непринужденно и легко, что мне сделалось завидно. Как он сумел так быстро раскусить то, что не смогла понять я, даже живя с Коулом под одной крышей?

– Ты охотник, – изумленно повторил Джулиан. – Никогда не встречал вас прежде. Разве вы еще не вымерли?

– Как видишь, – пожал плечами Коул. – Я здесь, стою напротив и смотрю прямо на тебя, исчадие.

– Исчадие? – Джулиан хихикнул. – Говорят, охотники видят первозданный облик всех вещей. Так ты видишь во мне исчадие ада?

– Я вижу в тебе болезнь, – прошептал Коул, сжав губы в тонкую, побелевшую линию. – Что-то, что сидит так глубоко и стало тобой, сожрав с потрохами. Недуг. Уродство. Вы с Одри совсем не похожи. Ты даже не ведьмак...

– Верно, – улыбнулся Джулиан. – Я не просто ведьмак. Я – следующий Верховный!

И его магия всколыхнулась. Я попыталась сбросить ее с себя, стряхнуть, но меня будто укутали в свинцовый плащ. Мышцы онемели, не слушаясь, и тело обмякло. Я упала на колени. Сознание билось в неподвластной ему оболочке, но я ничего не могла с этим поделать. Власть надо мной перешла в руки Джулиану – и так сбился мой самый страшный кошмар.

«Не лезь, сестра».

Коул оглянулся на меня, заметив неладное, и сжал руки в кулаки, разозленный. Он ударил Джулиана под дых, а затем по лицу. Уже спустя миг тот ответил ему: схватив Коула за шею, Джулс приложил его головой о край стола. Я увидела кровь, брызнувшую у Коула из носа. Но, вцепившись в Джулиана мертвой хваткой, он вывернул ему руку.

Я никогда не видела, чтобы Коул дрался, но делал он это в сотню раз лучше, чем Джулиан. Правда, этого все равно было недостаточно, чтобы справиться с настоящим ведьмаком, тем более таким, как мой брат – беспринципным и сочившимся силой, как змея ядом.

Джулиан вырвался из хватки Коула и, швырнув его через стол, вскинул руку с начерченным оком. Хватило десяти секунд, чтобы все, кто был в баре, пришли в движение и выстроились за его спиной. Заложники. Армия Джулса насчитывала как минимум двадцать человек: оркестр, весь служебный персонал и обычные посетители. Коул попятился, но Джулиан не спешил натравливать свору.

Он мог просто задавить Коула количеством, но... Это было не в его духе. Джулиан любит причинять боль собственноручно. Раз его магия не способна причинить Коулу вред – он причинит вред другим.

– Что обычно делают детективы полиции, когда умирают невинные? – воодушевленно поинтересовался он, улыбаясь.

Каждый из заложников схватил с сервировки стола по ножу и, не сговариваясь, воткнул острием себе в шею.

Все, что я видела в этот момент, – лицо Коула. Лицо человека, который не первый год работал в убийном отделе полиции, но вдруг осознал, что до сего дня не видел истинных зверств. Но вот оно, прямо перед ним, – толпа людей, за секунду превратившая бар в кладбище. Полы, залитые кровью и усеянные телами. В баре никого не осталось, кроме нас, и все

звуки стихли. Я была готова поклясться, что Джулиану хотелось смеяться, но он не стал портить такой момент.

– Ты... – выдохнул Коул, лихорадочно озираясь. – Ты убил их...

– Очень проникательно.

Коул навис над трупом шеф-повара. Резиновая рукоять кухонного тесака торчала из его сонной артерии. С расшибленного лба и разбитого носа Коула капала кровь, но она была ничем по сравнению с тем алым морем, куда ее капли приземлялись.

– У них были семьи, – прошептал он. – Друзья. Любимые. У них была история...

– Они просто люди, детектив, – парировал Джулиан, протирая салфеткой побитое лицо и присаживаясь на стул. – Их на земле еще несколько миллиардов.

Коул обернулся. На его лице проступили желваки. Глаза сделались такими же темными, как в тот штормовой вечер, когда мы впервые встретились.

– Кажется, я понимаю, почему моя семья веками охотилась на ведьм, – глухо произнес он, и в голосе его звенела сталь. – Чтобы выискать одно гнилое зерно, необходимо перебрать тысячи плевел. В мире полно хороших ведьм, но такие, как ты, всегда...

– Как я? – перебил его Джулиан, вздернув бровь. – Хочешь сказать, Одри другая? «Хорошая ведьмочка»?

Казалось, про меня все забыли. Это было и к лучшему: высвободив из-под заклятия пальцы, я старалась сосредоточиться и развязать остальные невидимые веревки. У меня должно было получиться, но взгляд Коула прервал меня. То был взгляд, скорбящий и пылающий от гнева. А еще он был раскаивающимся, таким, будто этих людей убил Коул, а не мой брат.

– Не знаю, рассказывала ли тебе Одри, – продолжил Джулиан монолог, поднимаясь со стула и проходясь вдоль барной стойки, – но в детстве нас с ней было не разлучить. Сегодня я обещал ей целый год спокойствия, ты в курсе? Мы заключили сделку. Я буду тосковать по ней, но я рад, что ты будешь рядом. Кому-то ведь надо развлекать мою драгоценную сестренку. В одиннадцать лет она обожала плюшевых медвежат... Но моя девочка выросла. На смену мишкам пришли смертные мужчины. Все как у всех. Классическая ведьма, а не хорошая.

Джулиан подошел ко мне и, проведя рукой по моим волосам, выбил из груди Коула возмущенный вздох. Наградив его, готового сорваться с места, глумливым взглядом, Джулиан потер большим пальцем мою щеку. Я бы отдернула голову и прокусила ему ладонь насквозь, если бы только могла.

– Я позволю тебе заботиться о моей сестре, но только на время. Через год все вернется на круги своя. К этому времени она наиграется с тобой вдоволь. Правда, Одри? – Джулиан обхватил пальцами мой подбородок, грубо сжал и ужалил поцелуем в губы.

Коул выронил из рук тесак, который успел незаметно подобрать с тела повара, и, отпрянув, едва не снес пару столов.

Еще час назад я целовала его. Еще час назад я была готова принадлежать ему. Теперь всего этого не стало. Он посмотрел на меня так, будто увидел впервые, а затем все краски, что наполняли его рядом со мной, померкли.

Еще час назад я целовала его... А теперь Коул знал обо мне все, что только мог узнать.

– Дай-ка догадаюсь, о чем ты сейчас думаешь, – произнес Джулиан, скалясь так удовлетворенно, будто вид уничтоженного Коула доставлял ему почти физическое наслаждение. – «Отвратительно»? «Не может этого быть»? «Одри не такая»? О нет, охотник... Одри как раз такая. Об этом я и говорил. Одри не только моя сестра-близнец... Она просто *моя*.

Мое лицо не двигалось, мускулы не слушались, и Коул знал об этом, но пытался выискать в моих глазах то, что разубедило бы его, сказала: «Ты не так понял!» Но этого Коул не находил. Ничего, что вернуло бы ему веру в меня, не было. Только очередная тайна, которую я надеялась

никогда ему не раскрыть. Джулиан не просто преследует меня – он одержим мной, как брат не может быть одержим сестрой.

«Мы оба абсолютно больны, Одри. Я давно заразил тебя. Никто не примет тебя такой, какая ты есть. Никто, кроме меня».

– Итак, ты все понял? – уточнил Джулиан, глядя на парализованного Коула и все еще сжимаемая в пальцах мой подбородок. – Уходи. Я отпущу Одри через полчаса, как только мы попросимся, и...

В глубине души Джулиан не надеялся, что Коул уйдет. Его истинные намерения выдала победная улыбка, заигравшая на рябиновых губах, стоило Коулу, наклонившись, снова пододбать нож. Он метнул его в Джулиана, и лезвие вошло тому в грудь, как в кусок топленого масла. Джулс поперхнулся от боли, но не упал.

– Одри свидетель, – процедил он сквозь зубы. – Я старался быть добрым! Sento mortas...

Мое тело сковало волной очередного обездвиживающего заклятия, и я зашлась беззвучным криком. Верховная, которая не может совладать с другим ведьмаком. Верховная, которая не может контролировать собственное тело. Верховная, которая проигрывает.

Зал снова погряз в вихре, устроенном колдуном и охотником. Все, что мне оставалось, – смотреть на это.

– Ух ты, – искренне восхитился Джулиан, когда Коул подносом отбил осколок бутылки, летящий ему прямо в лицо. – Я впечатлен, детектив. А что, если так?

Джулиан зажмурился и выдернул нож из своей груди. Отдышавшись от боли, он пошевелил пальцами, и тот взлетел в воздух. Его лезвие зашипело, плаваясь, а затем вдруг рассыпалось на сотню маленьких бритв из сверкающего металла. За секунду Джулиан собрал перед лицом Коула целый рой из шипов, способных пригвоздить его к стене, как картину. А затем... Джулиан махнул рукой, и этот рой обрушился на Коула.

Все, что он успел, – это закрыться подносом, пригнувшись. Врожденные инстинкты его не подводили, но их, не отточенных в настоящем бою, было мало. Неопытный охотник не мог справиться с тем, что Джулиан сделал дальше: подняв в воздух еще с десятков столовых приборов, он проделал с ними тот же самый трюк. Вилки, ножи и ложки превратились в смертельные пули. Острые, они налетели на Коула и принялись биться о поднос до тех пор, пока не пробиты его.

Несколько шипов вонзилось в Коула, усеяв его руку до самой шеи, и он упал.

– Коул!

Я не узнала собственный крик, но именно он помог мне освободиться, хотя бы отчасти. Коул перевернулся на бок, зажимая ладонью раны, откуда на серый свитер хлестала кровь. Он рычал, кусая себе губы, но, преодолевая боль, поднялся на ноги.

– Признаюсь, немногим удастся впечатлить меня два раза подряд, – поаплодировал ему Джулиан громко и театрально. – Однако день выдался очень трудным, и сегодня я планировал лечь спать пораньше. Давай заканчивать с этим, ладно?

Джулиан взял в руки бильярдный кий и, разломав его пополам об колено, двинулся к Коулу, едва держащемуся на ногах.

«Если хочешь спасти своего lockig⁵ мальчишку, возмнившего себя атташе, то повторяй за мной».

Я узнала этот голос. Раньше в мою голову проникал лишь Джулиан, но сейчас со мной говорил не он. Этот голос был мелодичным и урчащим. Он шептал, и в этом была его сила. А еще он говорил с напускным немецким акцентом, режущим слух.

«Важно не то, что ты говоришь. Важно то, как ты это делаешь. Я покажу тебе».

⁵ Lockig (нем.) – кудрявый.

И, закрыв глаза, я позволила голосу руководить моими устами, вторя тому шепоту, что окружил меня, как туман.

«Клетка и замок. Дай мне ключ в обмен на то, что сердце вырву в срок...»

– Клетка и замок, – в унисон прошептала я. – Дай мне ключ в обмен на то, что сердце вырву в срок...

«Я кровь свою пролью, но в клетку жертву заточу. Пожар внутри меня горит – ярость пол весь красным окропит».

– Я кровь свою пролью...

Боль, прошившая виски, показалась мне невыносимой. Раскаленная игла, пронзившая лоб. С трудом, но я стерпела. Шепот обручем сдавил черепную коробку. Внутри нее он выжигал все, что только встречал на своем пути. Отчаяние. Чувство незащитности. Здравомыслие. Шепот был свирепым, диким и темным. А еще он был утешительным, как надежда, и с медным привкусом, как кровь.

– Одри?..

Шепот и магия текли из меня, разрушая цепи, наложенные Джулианом. И текли они буквально – мой нос закровоточил.

– Одри, что ты делаешь? – услышала я голос Джулиана будто издалека.

Шепот, в котором утонули все прочие звуки, царапал меня изнутри. Я почувствовала вязкий жар, растекшийся вокруг линии рта: крови становилось все больше. Стерев ее с губ, я размазала ее между пальцами.

Мое тело освободилось. Я медленно поднялась с колен, выпрямилась во весь рост и закрыла глаза. Даже за веками я ощущала чугунный взгляд Джулиана, опасливый и настороженный. Он смотрел на меня так, как я всегда мечтала об этом, – со страхом.

Я впустила в себя боль, и вместе с ней внутрь меня проникло что-то еще. Я позволила этой боли сжечь меня заживо – и тогда моему шепоту вторил еще один, доносящийся из другого конца зала:

– Клетка ребра жертве переломит, перемелет в костницу муку. Ее подброшу я во тьму, что требует уплаты долга. Жатва, жатва, жатва!

Я открыла глаза, глядя на Аврору Эдлер, остановившуюся в дверях бара. Сиреневое платье-футляр, лиловые перчатки до локтей, растрепанные рыжие волосы и манто из лисьего меха. *Лисьего...* Она стояла с таким же залитым кровью лицом, как и у меня. Аврора подняла руки, и я повторила за ней.

Она приложила обе ладони к своему лицу, обмакивая их, а затем наложила друг на друга, продев одни пальцы между другими. Сделав так же, я взглянула на Джулиана сквозь узкие просветы, оставшиеся в них, и снова зашептала Авроре в унисон:

– Клетка ребра жертве переломит, перемелет в костницу муку...

– Что ты делаешь? – воскликнул Джулиан, следя за тем, как моя кровь, кадая на пол, устремляется к нему ожившей змеей. С другой стороны зала к нему ползла кровавая змея Авроры. – Что это за заклинание?! Одри!

Кровь отлипла от пола и поднялась в воздух, как дождевые капли, текущие снизу вверх. А затем она собралась в стену, окружив Джулиана, и окрепла, превратившись в красные прутья. Клетка из крови – прочнее титана. Она начала сужаться, зажимая Джулиана в тиски, и я услышала хруст его костей.

– Эту тьму теперь я признаю своей.

Джулиан закричал, и прежде, чем клетка бы окончательно захлопнулась, переломив его пополам, он зажмурился и выпалил несколько слов на валлийском. В следующую секунду Джулиан растворился, будто его никогда и не было. Сбежал. А клетка из крови вновь стала просто кровью: распавшись обратно на капли, она стекла на пол.

Аврора вытащила из-под манти бирюзовый платок и вытерла о него перепачканные перчатки.

– Ну и хаос же вы здесь устроили! – удрученно зацокала она языком, приводя себя в порядок. – Мне срочно нужна рюмка шнапса. Эй, здесь есть хоть один живой официант?

Все закончилось. Я осмотрела бар, переполненный мертвыми телами, и с трудом отыскала среди этого месива Коула. Он забился под барную стойку, что-то бормоча себе под нос, как во время своих старых приступов. Иногда поглядывая на Аврору, которая, кажется, поразила его куда больше, нежели Джулиан, он прижимал к пробитому плечу горсть бумажных салфеток. Из него все еще торчали шипы.

– Коул! – выдохнула я облегченно, упав рядом с ним на пол. – Все нормально? Дай мне посмотреть...

– Нет.

Это было последнее, что я ожидала услышать. Заметив мой ступор, Коул поджал губы и осторожно отодвинулся.

– Не надо. Я в порядке. Мне просто нужны бинты и холодный душ...

– Коул...

– Пожалуйста, Одри. Все хорошо. Не трогай меня. Дай мне немного побыть одному, ладно?

Прежде я считала, что один Джулиан может ранить меня так больно. Оказывается, нет, не только он.

– Да, конечно, – только сумела выдавить я, послушно убирая руку и позволяя ему встать, самостоятельно опираясь на стойку.

Уставившись себе под ноги, Коул обошел груды трупов и, хромя, проскользнул мимо Авроры, сидящей за чистым столиком с чашечкой кофе, оттопырив мизинец.

– Доброй ночи, – кивнул он ей с дежурной вежливостью, а затем вылетел на улицу.

Аврора поставила чашечку на блюдце.

– Какой воспитанный мальчик, – расплылась она в улыбке, польщенная. – Он мне нравится. Охотник из семьи Гастингсов, да? Они все были lockig, как сейчас помню.

Я дошла до ее столика и рухнула рядом, растекшись на скрипучем стуле бесформенной массой.

– Да, – ответила я, немного отдышавшись. – Именно оттуда. Его зовут Коул.

– Жаль его маму с папой, – без капли искренности посочувствовала Аврора, допивая кофе. – Кажется, это я их убила. Не помню точно. Хм. – Она промокнула салфеткой губы и силой мысли пододвинула ко мне другую чашку, наполненную дымящимся капучино. – Выпей. Расслабься.

– Посмотри, – сказала я, обводя подбородком бар. – Здесь будто прошли съемки «Техасской резни бензопилой». А Коул... Ты видела Коула? Кажется, теперь он ненавидит меня.

– Переживет, – отмахнулась Аврора. – Его прадед, Бартоломью Гастингс, тоже был падок на ведьм! Он охотился на мой ковен на протяжении пятидесяти лет. Точнее, делал вид, что охотился. Он знал толк в искусстве любви, когда тайно сорванный плод слаще, чем запретный. – Аврора плотоядно ухмыльнулась, легким веянием магии пополняя свою чашку из фарфорового чайничка.

Я скептически сощурилась.

– Давай мы не будем говорить о том, каким страстным любовником был дед Коула. Мне и так не по себе.

– Я веду к тому, – закатила глаза Аврора, – что Коул скоро отойдет. У него на роду написано быть у ног одной из ведьм. Просто мужчины не любят, когда видят их слабость. По крайней мере чаще, чем они видят тебя обнаженной.

Я вздохнула, не без радости признавая, что в речах Авроры был смысл. Коул и впрямь отойдет, но от всего ли? Он стал свидетелем массового убийства невинных людей, являясь тем, кто под присягой поклялся защищать их перед всеми напастями. Он был ранен, впервые сражаясь с ведьмаком, выжившим из ума. Он был раздавлен, узнав, что мой брат вовсе не хочет быть мне просто братом. Коул, и без того изувеченный десятилетиями непонимания самого себя и окружающего мира, не мог вынести за один день сразу столько всего. Или мог?..

– Боже! Коул ведь не какой-нибудь слабак, – ответила Аврора на мои мысли. – Нет, этот несносный Кнабе⁶ отнюдь не слаб. Он даже мог бы стать твоим атташе, если бы ты...

– Ни за что, – отрезала я тут же. – Он никогда не станет моим атташе! Все атташе слишком быстро умирают.

– Как и все смертные, дорогая, – сказала Аврора, отставляя блюдо. – Таков их удел. Но давай поговорим о деле: как тебе вообще взбрело в голову встречаться с Джулианом, толком не освоив магические дары?! – Я осеклась и, проследив за ее взглядом, спрятала обратно под кофту свое жемчужное ожерелье, по-прежнему угольно-черное больше чем наполовину. – Хорошо, что я оказалась поблизости. Ты хоть заметила, что я спасла тебе жизнь?

Метки многочисленных атташе на руках Авроры блестели в свете бара глянцевыми рубцами, но выглядели ничуть не уродливо, а завораживающе. В прорезях платья на бедрах было видно, что метки даже там. Я оказалась права: на Авроре действительно не осталось ни сантиметра чистой кожи. Она была покрыта клятвами верности с ног до головы.

– Заметила, – ответила я. – А еще я заметила лисицу, что следовала за нашей машиной от самого Бёрлингтона. Это была ты, верно? Ты не возвращалась обратно в Нью-Йорк. Ты следила за мной. – И, судя по отстраненному выражению на лице Авроры, которое она надевала каждый раз, как терпела поражение, я была абсолютно права. – Зачем?

– Затем, что ты глупое дитя, а не Верховная! – огрызнулась Аврора, откинувшись на спинку стула. – Тебе еще и восьмидесяти нет! За тобой нужен глаз да глаз. А еще кто-то украл у меня гримуар вашего ковена...

Я резко подалась к столу, едва не опрокинув чашку. Вцепившись в нее и залпом выпив горячий, терпкий кофе без сахара, я встряхнулась и постаралась собраться с мыслями.

– То есть мне Книгу подкинула не ты?

– Подкинула?! – фыркнула Аврора. – Ее украли, повторяю! И раз это сделала не ты, то кто тогда?

– Возможно, Джулиан.

– Я тоже допустила такую вероятность, – согласилась Аврора, раздумывая. – Но я бы поняла это сразу. Если кому-то из вас двоих и передалась аккуратность Виви, то точно не ему. Заклятия Джулиана всегда грубы и однобоки, как швы на крестьянской рубахе. К тому же я не вожу такие ценные артефакты с собой: Книга находилась в Нью-Йорке. А затем просто оказалась... здесь?

– Ты ведь можешь отследить, кто касался ее последним, – напомнила я, смакуя приятный и согревающий вкус кофе во рту, который, наконец, забил кислую горечь от поцелуев Джулиана. – Проследить ее путь от Нью-Йорка до Бёрлингтона.

– Ты и сама это можешь, – отмахнулась Аврора. – Этим и займешься. Раз Книга теперь у тебя – забирай! Куда больше меня волнует крыса, что завелась в моем ковене, и Джулиан, которого нужно остановить. Ты ведь понимаешь, что не сможешь нарушить договор?

Я передернулась и пристально посмотрела на Аврору. Вынув из своей материализовавшейся сумочки пудру, она принялась наводить марафет, выжидая ответа.

– Ты была здесь с самого начала? – уточнила я. – С той секунды, как мы с Джулианом встретились? Чего же ты тогда сразу не вмешалась?!

⁶ Кнабе (нем.) – юнец, мальчишка.

– Ну, мне было любопытно, – призналась Аврора. – Так что насчет вашего договора? Год обучения без погони в обмен на верховенство. Ни одна магия не разобьет клятву, что принесла Верховная, ты ведь знаешь это?

– А кто говорит о магии? – ответила я вопросом на вопрос. – Клятва живет до тех пор, пока живы обе стороны договора. Почему я не могу убить Джулиана до того, как стану Верховной?

– Оу, – улыбнулась Аврора умиленно. – И что, ты правда убьешь собственного брата-близнеца?

Я выглянула в окно, на огни мотеля через дорогу, где сейчас находился Коул, отныне такой чужой, скрытный и холодный.

– Убью, – прошептала я. – Для меня это куда легче, чем ты думаешь.

Аврора смотрела на меня с минуту, приподняв тонкую бровь, а затем отодвинула стул и встала из-за стола.

– Что же, теперь тебе и впрямь это по зубам. Ключ к главе «Шепот» находится под задней обложкой. Я спрятала его туда на тот случай, если ты отрастишь себе хребет.

На меня будто вылили ведро ледяной воды. Я зябко поежилась, качая головой.

– Ну уж нет! Не нужны мне твои шепчущие заклятия, – нервно засмеялась я, глядя на Аврору снизу вверх. – Все они взывают к худшему, что есть в нас, ведьмах. Они основаны на жертвоприношениях и сотканы из тьмы. А впустив однажды внутрь себя тьму, ты от нее уже никогда не отмоешься.

– Увы, – сухо парировала Аврора. – Значит, теперь ты такая же грязная, как и я. Ведь как иначе ты прогнала сегодня Джулиана, если не моим коронным шепчущим заклятием? Оно, кстати, находится на шестой странице раздела.

Наверно, мое лицо совсем перекошилось от этой новости, потому что Аврора рассмеялась. Будучи пленницей и находясь в таком отчаянии, унижительном для Верховной, я даже не поняла, каким заклинанием воспользовалась. Даже не заметила, как стала...

– Злой? – проронила я нечаянно, но Аврора уже исчезла.

На краю стола я увидела бирюзовый платок, перепачканный кровью и оставленный мне в подарок.

«Тьма мягкая на ощупь, как кроличья шубка, и теплая, как молоко с медом. Не говори, что тебе не понравилось», – гласила вышивка на нем.

Самое страшное в том, что глупая вышивка знала обо мне больше, чем я сама, – она была права.

XI Лавка Саламандры

На удивление, я заснула сразу же, как моя голова коснулась подушки. Сон – потайное место, как домик на дереве, где всегда можно укрыться. Я зарылась в мягкие простыни, даже не раздеваясь, и прижалась щекой к гримуару, обняв его.

Коул возился в ванной, гремя инструментами и аптечкой. Иногда оттуда доносился невыносимый грохот, а иногда все затихало, словно я была в номере совсем одна. В такие моменты даже сквозь дремоту становилось тревожно: сколько крови Коул успел потерять? Несколько раз я стучалась к нему, пытаюсь предложить помощь, но ответом мне было мычание и заверения, что все под контролем. Голос – сухой, как пергамент, – доверия не внушал, но мне не оставалось ничего, кроме как верить.

Я перевернулась на бок, услышав шум воды в раковине. Дверь ванны скрипнула. Прежде чем я успела открыть глаза, Коул бесшумно обошел постель и взял из чемодана чистую рубашку.

– Ты как? – спросила я, садясь и глядя на него снизу вверх, хотя ответ был очевиден. – Точно все лезвия вытащил?

Коул все еще прихрамывал на левую ногу, обнаженный по пояс. Его старые джинсы, заляпанные кровью, уже валялись в целлофановом пакете под креслом. Он переоделся в темно-бежевые брюки, а мокрые волосы вились на висках. Я обвела взглядом его плоский живот и родинки, которые спускались туда, усеивая тело вдоль ребер. Коул был бледен, как после изнурительной болезни. Его правое плечо укрывали бинты от локтя до самой шеи, а под ними распускались алые бутоны. Следы крови... Очень много крови. Костяшки пальцев на обеих руках тоже были разбиты. Коул морщился при каждом движении, но мужественно терпел.

– Точно. Бывало и хуже, – будничным тоном ответил он, пропихивая в свежую рубашку сначала здоровую руку, а затем поврежденную. – Однажды в академии мне прострелили плечо на полевых учениях. Кто-то додумался выдать студенту огнестрел вместо пневматики... Ауч!

Я поднялась и молча потянулась к нему, намереваясь помочь, но что-то в лице Коула остановило меня. Он замер, глядя мне в лицо, но не в глаза – как раньше, до того как я смогла открыть его для себя. Сглотнув, я робко дотронулась до голой ключицы.

– Вот так, – выдохнула я, помогая ему натянуть рубашку. – Может, поедем в больницу?

– Нет, – отрезал Коул. – Слишком долго.

Я принялась застегивать рубашку, чтобы Коулу не пришлось сгибать локоть, обездвиженный бинтами. Пуговица за пуговицей я продвигалась от низа его живота вверх, до воротника, и, закончив, выдавила слабую улыбку.

– Классная рубашка.

Коул не ответил. Он запахнул в чемодан оставшиеся вещи, не разбираясь, где его одежда, а где моя, и застегнул молнию.

– Нам надо уезжать, – озвучил Коул, отодвигая пальцами оконную штору. – И как можно скорее. Если кто-то решил заглянуть в бар... Не хочу врать полицейским. В конце концов, я сам один из них...

– Никто не станет вызывать полицию, – поспешила утешить его я и отодвинула штору полностью, распахнув окно. Там, через дорогу, по-прежнему тусклым неонам мигала вывеска. – Сам посмотри.

Я указала пальцем на серебряный кабриолет, притормозивший перед мотелем. Немного подумав, водитель свернул влево, на стоянку бара... А затем остановился и, погода еще несколько секунд, вырулил обратно, уезжая из городка.

– Аврора, – объяснила я коротко, заметив недоумевающий взгляд Коула. – Она замела все следы нашего пребывания и наложила на бар отталкивающие чары. Они продержатся до рассвета, так что у нас полно времени...

Времени и впрямь было навалом: небо, иссиня-черное, как голубичный джем, и не планировало светлеть в ближайшее время. На часах было всего три часа ночи. Я тоскливо глянула на постель, ощутив приступ усталости после череды новых заклятий, которые освоила сегодня (даже против собственной воли). Однако Коул остался непоколебим:

– Я все равно не хочу здесь оставаться, – заявил он и, не дожидаясь меня, покинул номер вместе с нашим чемоданом, немного пошатываясь.

Спорить, как обычно, в этот раз мне не захотелось. Завязав шнурки, я надвинула на глаза красную бейсболку, спрятала в рюкзак гримуар и вышла следом. Коул уже ждал меня в заведенном джипе, глядя перед собой стеклянными глазами.

– Поехали? – спросил он, сдвинув рычаг.

– Да, поехали. Знаешь, я могла бы повести машину. А ты бы пока вздремнул на заднем сиденье...

– Я в норме, – отмахнулся Коул в который раз и тронулся с парковки.

Еще никогда наша совместная поездка не была такой угнетающей и ледяной. Точно октябрьский воздух впитался в кости, заморозив все теплое и душевное, что было между нами с Коулом. Даже в ту штормовую ночь, когда он вез меня в полицейский участок, надев наручники, я не чувствовала себя настолько одинокой, как сейчас.

Я напряженно следила за каждым поворотом руля, опасаясь, что однажды мы съедем в кювет. Основания ожидать этого у меня были: под глазами Коула пролегли фиолетовые синяки, а румянец все не возвращался. Я боролась с желанием заставить его срулить на обочину и передохнуть, но Коул был преисполнен решимости выполнить наш план во что бы то ни стало. Впервые мы ехали в абсолютной тишине. Ни песен Бритни Спирс, ни радио, ни свойственной

Коулу беспорядочной болтовни. Привалившись к окну, я сунула руку в рюкзак и, поглаживая сизый корешок Книги, сомкнула веки, раздумывая над событиями этой ночи.

Серые глаза, как две серебряные монеты. Больше двадцати невинных жертв. Договор, ради которого я едва не пожертвовала всем, что имею. Шепот в голове, от которого теперь не избавиться.

«Не говори, что тебе не понравилось».

– Ты голодная? – вдруг спросил Коул, когда мы проезжали мимо круглосуточной закуской с плакатом, обещающим самый вкусный гамбо во всем штате.

Я покачала головой.

– Нет.

– Отлично, я тоже.

И это единственный диалог, который произошел между нами за два с лишним часа.

Мы уже пересекли черту города, когда я, ерзая на месте от беспокойства, все-таки не выдержала.

– Коул...

– Одри?

– Не хочешь поговорить о... сам знаешь чем?

Лицо Коула не выдало эмоций, но губы задрожали. Он стиснул руль и сделал вид, что вчитывается в придорожную рекламу спальных матрасов, маячащую впереди.

– Да, есть кое-что, о чем я хотел спросить, – начал он нерасторопно, и я облегченно улыбнулась: хоть какой-то прогресс! – Что за договор ты заключила с Джулианом?

Я откинулась на спинку сиденья и замялась, неловко перебирая золотой браслет, который теперь ощущался на запястье как свинец – лишнее напоминание о том, что было и чего уже никогда не будет.

– Теперь у меня есть год, – осторожно начала я. – Год до следующей встречи с ним. Я пообещала, что освою все восемь даров к нашей встрече и стану полноценной Верховной. А потом, в обмен на этот год, я отдам ему... все.

– Что значит «все»? – неодобрительно покосился на меня Коул.

– Свое лидерство, – прошептала я, отвернувшись. – Силу, власть над ковеном, дом. Себя. Это и значит «все».

– Зачем? – все, что спросил Коул, причем таким же голосом, каким он говорил на допросе с Гансом, когда обвинял его в убийстве жены. – Какой ценой, Одри?! Что тебе даст год, если...

– Ты не дослушал, – сердито перебила его я. – Эту клятву нельзя нарушить...

– Еще лучше! – всплеснул руками он, стукнув по рулю, и зашипел от боли в плече, вызванной собственной импульсивностью.

– Поэтому я его убью.

– Что?

– Я убью Джулиана раньше, чем сделаю его Верховным, – сказала я, и на какой-то долгожданный миг Коул пересилил себя и наконец-то посмотрел мне прямо в глаза. – В день, когда мы встретимся, я сделаю так, что наш договор станет недействительным. Если одна сторона умирает, сделка становится недействительна. Это мой единственный шанс победить его, Коул, – заверила я, стараясь не показаться совсем отчаянной. – Мне нужно набраться опыта, понимаешь? Стать сильнее. Для этого нужно время, очень много времени... Но если мы соберем ковен, где каждый новый ведьмак будет владеть одним из восьми даров, и они научат меня всему, что знают сами... Тогда я справлюсь. Джулиан очень могущественен. По-другому не получится.

Коул замолчал, и тишина эта была мягкой, понимающей... Вынужденной. Он не знал, что возразить мне, и потому снова уставился на дорогу. Его пальцы, длинные и побелевшие от нажима на руль, медленно разжались.

– Тогда этот план имеет право на существование, – неохотно признал он. – Но план все равно ужасный, Одри! Ты должна обсуждать такие вещи со мной, мы ведь... Мы...

– Я знаю, – прервала я Коула раньше, чем ему бы пришлось произнести то, что после случившегося он произнести не мог. – Прости. Я должна была сказать, но не хотела втягивать тебя в это... Ты ведь видел, на что способен Джулиан. Теперь у меня целый год отпуска от него. Никаких обезумевших психопатов и маниакальных преследований. Ух-у! – изобразила я радость, задрав руки вверх. – Могу не вздрагивать по ночам от шорохов и не накладывать на себя чары забвения. О, кстати о них! Нужно снять заклятие, пока Сэм, твой босс и другие меня не позабыли... Не хотелось бы знакомиться с ними всеми по второму кругу. Сколько уже дней прошло?

Коул нахмурился, беззвучно шевеля губами и, очевидно, ведя мысленный счет.

– Второй день пошел. Чары активируются через два дня, верно? Значит, завтра тебя забудут.

– Верно, – пробормотала я, уже доставая из рюкзака огрызок свечи из пчелиного воска и сухоцветы. – А какое сегодня число, не помнишь?

– Тридцать первое октября, Одри, – ответил Коул, и я покрылась мурашками, выглянув в окно и вдруг заметив тыквы, выставленные на порогах коттеджей. В ночи их сложно было заметить, но теперь, когда на горизонте уже прорезалась полоса рассвета... – Сегодня же Хэл-лоуин.

– Самайн, – невольно поправила Коула я. – Правильно называть этот день Самайн. Что же... Значит, я убью Джулиана в следующий День всех святых. Символично, правда?

Коул хмыкнул, явно не разделяя моего воодушевления. Я же, завороженная внезапным открытием, припала лбом к окну, любуясь сезонными украшениями, которые увешивали крыльца домов и магазинов. За одну ночь города и дороги преобразились, напоминая об окончании октября, который я едва не прозевала. На улицах было еще совсем безлюдно в такой ранний час, но запах гвоздичного пунша и лакрицы больше не казался таким далеким. Вот он – в воздухе! Жжет переносицу, стоит только немного приоткрыть окно.

– Раньше мы с сестрами каждый Самайн ходили по домам, выпрашивая сладости, – прошептала я, выводя пальцами узоры на стекле, запотевшем от моего горячего дыхания. – В последний раз я колядовала, когда мне было тринадцать. А потом я приняла Верховенство, и баловаться стало как-то несолидно. Я обожала эту человеческую причуду разукрашивать лица. Будто какой-то грим мог спасти их от злых духов, ха! Люди вечно забывают, что бояться надо не мертвых, а живых. Ох, как же давно это было. – Я вздохнула, устало прикрывая глаза, и встретила напавшую на меня ностальгию с улыбкой. – Колядки ведь не ведьмовская традиция. Их придумали смертные. Много веков ковенны запрещали ведьмам присоединяться к ним. Это все еще не поощряется, но дети есть дети, что с них взять? У нас взрослые отмечают Самайн иначе – он знаменует конец лета и начало зимы. Мама всегда наваривала целый котелок вишневого глинтвейна и готовила домашние леденцы из тыквенных семечек. Днем вся семья расходилась по комнатам, чтобы уединиться со своими мыслями, и хранила молчание. А вечером, после немого ужина, перед Шамплейн разжигался невероятной высоты костер – с меня ростом! – и ковен плясал до рассвета. Это было волшебно.

Коул внимательно слушал меня, храня молчание и продолжая вести машину. Я успела подумать, что он решил пропустить мою историю мимо ушей, но в какой-то момент вдруг открыл бардачок и сунул в него руку.

– Сладость или гадость? – спросил Коул, вытянув пакетик с клубничным мармеладом.

Я слабо улыбнулась и протянула руку, умолчав, что это делается не совсем так.

– Определенно сладость.

Коул положил пакетик мне в руку, и уголок его рта приподнялся, что внушало надежду.

– Ты никогда не колядовал, да? – догадалась я, и он пожал плечами.

– Было один раз. Гидеон долго ныл, стеснялся один ходить, и бабушка пинками погнала меня на улицу вместе с ним.

– И какие у вас были костюмы?

– Я был банкой арахисовой пасты, – хмыкнул Коул и густо покраснел, когда я засмеялась.

Мы снова затихли на какое-то время, продолжая пересекать окраины Нового Орлеана по пустынным трассам, чтобы поскорее добраться до центра. Я жевала мармелад, поджигая свечу и снимая чары забвения, чтобы, вернувшись в Бёрлингтон, не обнаружить себя снова незваной гостьей. Даже читая заклятие шепотом, я невольно поглядывала на Коула. Мы оба старательно избегали щекотливых тем, затрагивающих мои отношения с братом, и это было неправильно. Неправильно замалчивать о том, что терзает изнутри, как проглоченная спица. Я понимала это, а вот Коул, кажется, нет.

– Коул, есть еще кое-что...

– Мы почти приехали, – вдруг сказал он, озираясь по сторонам. – Проверь адрес. Французский квартал, да?

Я вздохнула и, выудив из кармана смартфон, открыла заметки.

– Бурбон-стрит. Остановись возле перехода, дойдем пешком.

Двухэтажные домики с яркими вывесками, приманивающие наивных туристов, пестрили разнообразием. В ряд располагались магические салоны, обещающие избавить любого от порчи и снарядить защитной атрибутикой вуду. Между такими салонами обязательно призраивалась какая-нибудь захолустная кафешка, подающая на обед бигнеты в сахарной пудре. По кварталу скитались хохочущие музыканты и оркестры, возвращающиеся с ночных концертов. У каждого на голове были ободки с дьявольскими рожками и маскарадные костюмы лепреконов или вампиров. Жизнь в Новом Орлеане кипела круглые сутки. Мне не верилось, что совсем недавно я пересекала эту самую улицу, спасаясь от преследования Джулиана. Здесь же я встретила человека, решившего мою судьбу, и в это не верилось еще больше.

Я посмотрела на Коула и слабо улыбнулась.

– Нам вон туда.

Он припарковался на платной стоянке у ивового парка, и мы выбрались из авто. Я продела руки в лямки рюкзака, поглядывая на смартфон и ведя нас по указателям к дому, указанному на сайте прорицательницы.

Дико хотелось спать. Коул притормозил возле ларька, торгующего кофе для таких же сонных бродяг. Купив нам по крепкому американо, Коул осушил свой стакан практически залпом и заметно прибодрился. Размяв плечо, стянутое бинтом под теплой осенней курткой, он огляделся и указал куда-то.

– Туда.

Я кивнула, согревая пальцы о горячий стаканчик. Мы пересекли мостовую и очутились рядом с вывеской, украшенной золотом и медью. Она изображала ящерицу, карабкающуюся вверх по стволу дерева. Само здание выглядело непримечательно: одноэтажное, из темно-синего камня и с потертой бурой крышей.

– Который час? – спросила я, вчитываясь в стенд, прислоненный к витражной витрине с внутренней стороны. – Здесь написано, они работают с девяти...

Коул пошарил по карманам и достал сотовый телефон. Дисплей ярко загорелся, отбросив на его лицо тень.

– Только семь.

– Значит, подождем... Стой-ка. – Я невольно схватила Коула за рукав куртки и наклонила к себе, указывая пальцем на зашторенные окна. – Там кто-то есть.

Я подошла ближе, потянув Коула следом, и приподняла козырек кепки, вглядываясь внутрь лавки через французский витраж окон. Солнечные и рубиновые гладиолусы, выложенные мозаикой, играли на солнце, переливались. Такие же витражи были и в моем доме, укра-

шая и пряча наш ковен от посторонних глаз. Они также напоминали о происхождении и традициях, которые мы несли через поколения.

Я уже успела разглядеть в полумраке салона книжные шкафы и люстру с зеленой бахромой, когда ключ во входной двери, распянной на тот же манер, повернулся.

Недолго думая, я вцепилась Коулу в руку и залетела внутрь.

– Добро пожаловать в «Лавку Саламандры»! – скандировал щуплый юноша с торчащим платиновым хохолком на затылке. Он перебежал за регистрационную стойку и принялся пересчитывать что-то в кассе. – Мадам решила открыться сегодня пораньше. Видно, кого-то ожидает. Возможно, даже вас. Вы записаны?

Мы с Коулом переглянулись. Улучив момент, я окинула приемную салона профессиональным взглядом: в окружении свеч и антикварных торшеров было скорее по-домашнему уютно, нежели таинственно. В воздухе пахло благовониями – индийский ладан и греческая мирра. Обои, тепло-оранжевые, как мандариновая корка, были украшены тканевыми полотнами и гобеленами. Юноша за стойкой выглядел с иголки, казалось, ему было не в новинку спать по несколько часов в сутки и вставать спозаранку. На нем была накрахмаленная белая рубашка с золотыми манжетами и красным шелковым галстуком, а поверх – галантно брошенный шалоновый сюртук. Под шеей висел массивный пентакль Соломона, символизирующий всеведение.

Внутри салона вела арка, и по бокам от нее стояли двое мускулистых мужчин в серых жилетках – охрана, которую нам не пройти. А рядом с кассой дымилась чашка травяного чая. Облокотившись о стойку, я перегнулась через нее, втягивая знакомый аромат бодрящего мятного зелья. Никакой то был не чай.

Да, мы точно пришли по адресу.

– Вообще-то нет, – ответила я наконец и выдала одну из самых обаятельных улыбок, на какую только была способна. – Но это ведь не проблема, правда? Нам очень надо обсудить одно важное дело с... Мадам.

Юноша, которого я мысленно окрестила ассистентом, резко захлопнул выдвижную кассу и изящно вздернул правую бровь. Брови его были светлые, как и волосы, и практически сливались с кожей.

– Увы, тогда я ничем не могу вам помочь. Мадам принимает только по записи. Я могу внести вас в ее расписание на... следующую неделю. Четверг пока свободен.

Коул закричал от возмущения. Он подался к регистрационной стойке и продемонстрировал ассистенту полицейское удостоверение со значком.

– Вермонт, – прочитал ассистент. – Боюсь, Новый Орлеан вне вашей юрисдикции. Мне очень жаль, но у Мадам сегодня и так много дел. Так что вы решили? Если не подходит четверг, то, может быть, вас устроит пятница...

Я вздохнула и дернула Коула за край куртки.

– Идем, это бесполезно.

Коул свернул удостоверение и, наградив невозмутимого ассистента и двух охранников уничижительным взглядом, так же молча удалился из магазина.

– Никак не могу привыкнуть, что за пределами Вермонта мой значок так же влиятелен, как печатная марка, – хмыкнул Коул раздраженно, с какой-то детской обидой глядя на свое удостоверение, прежде чем спрятать его обратно. – Ну и что делать будем? Вломимся туда силой? Я, конечно, остался без «Глока», но если найти где-нибудь хотя бы палку...

Я закутилась на месте, осматриваясь, и щелкнула пальцами, зацепившись взглядом за ленивых торговцев, выползающих к стендам на обочине Бурбон-стрит.

– Я предлагаю более... творческий подход, – протянула я и скинула на землю рюкзак.

Вынув гримуар, я вдумчиво прошерстила страницы на предмет чего-то, что подошло бы под наш случай.

– «Anweledig!» – воскликнула я радостно, хлопнув ладонью по нужной странице, где чернилами было выведено перевернутое зеркало. – Мы ведь в центре Нового Орлеана! Здесь на каждом шагу разные магические побрякушки. Когда мы проходили, я даже видела за стеклом одного магазина высушенного тритона... Думаю, и ингредиенты для заклятия найдутся.

– Ингредиенты? – переспросил Коул недоуменно. – Ты собралась варить зелье прямо на улице?

– Да, – я пожала плечами, улыбнувшись, и быстро пробежала глазами книжный перечень. – Ты охотник, но насколько я помню по визгам Гидеона, зелья на вас все-таки действуют. Это хорошо. Начнем с чешуи гремучей змеи.

Коул переменялся в лице, но послушно увязался за мной, лавируя между рядами торговцев, входящими в кураж при виде первых туристов. В Луизиане в это время года было теплее, чем в Вермонте, и я расстегнула пальто, вспотев, пока осматривала прилавки.

– Сколько стоит вот это? – спросила я, тряся перед заспанным лицом хмурого барахольщика брелок, на который был подвязан высушенный змеиный хвостик.

– Одиннадцать долларов, – ответил продавец, и я фыркнула.

– Это грабеж! Коул, – и, оглянувшись на него, невинно улыбнулась: – Будь добр...

Он обреченно вздохнул, доставая бумажник.

– Чувствую, твое заклятье влетит нам в мою зарплату, – пробурчал он, когда я снова открыла книгу, а змеиный хвост на цепочке закинула в хлопчатый кармашек внутри сумки. – Так что конкретно за зелье ты взялась варить? Оно точно поможет?

– Однозначно. Нам ведь нужно пройти мимо тех громил и тощего задаваки, верно? Что еще позволит нам это сделать, если не зелье незримости? – протянула я, продолжая носиться между прилавками и разглядывать магические сувениры, которые в большинстве своем были не чем иным, как китайской подделкой. – Уверена, Мадам Саламандра выслушает нас, если у нее не останется выбора.

– Секунду, – Коул остановился, уставившись на блестящие носки своих ботинок, а затем медленно произнес: – Ты сказала «зельем незримости»? Ты что, можешь сделать нас... невидимыми? Это возможно?

Я усмехнулась.

– Ну да. Почему нет? Значит, оборотни и демонические коты тебя не смущают, а в невидимость ты не веришь?

– Просто это уж слишком в духе «Сабрины», – ухмыльнулся Коул. – Знаешь, я даже... заинтригован. Что там дальше по списку?

– Душица, – прочла я, заглянув на нужную страницу книги, и Коул приободрился, но ровно до тех пор, пока я не добавила: – Свиной жир, грецкие орехи, солома... И соленые огурцы.

– Понятно, – вздохнул Коул, оглядываясь на низкие магазинчики, которые выглядели точь-в-точь как в учебнике истории девятнадцатого века. – Я пошел в бакалею. Жди тут.

Как только Коул скрылся в дверях, я передернула плечами и сбросила с себя напряжение. С прошлой ночи я чувствовала себя рядом с Коулом так, будто меня заставляли босиком стоять на ржавых гвоздях. Что-то в его взгляде, – извечно любопытном и настороженном, ирисовом, – не давало мне покоя. Мы говорили, мы гуляли, вместе работали сейчас... Но не более того. Снова просто ведьма и просто смертный, которым Джулиан доходчиво напомнил, кто из них кто и почему ничего, кроме практической пользы, из этого союза не выжать.

Я сунула в карманы руки, замерзшие до гусиных пупырышек, и двинулась к соседним торговым рядам. Отыскав на уличном прилавке корзину с пучками перьев, я перебирала их, пока не отыскала воронье. Мне сделалось грустно: такие же перья мы с братьями воровали из материнского алтаря, чтобы сделать себе костюмы индейцев на колядки смертных.

– Цена? – спросила я, и торговка, занятая распаковкой коробки с шахматными фигурками, молча ткнула пальцем в ценник с тремя долларами.

Я порылась по карманам и тоскливо глянула на бакалею, куда ушел Коул... Вместе с бумажником. Что же, лишний повод попрактиковаться.

– Смотрите! – воскликнула я, ткнув пальцем вслед снежному шару, что, опрокинувшись с подставки, покатился по тротуару, гонимый моей магией воздуха.

Торговка ахнула и, бросив коробку с фигурками, помчалась догонять его.

Я усмехнулась, быстро пряча в рюкзак вороньи перья и несколько камешков черного агата, которые мне приглянулись просто потому, что... приглянулись. Пройдя до конца улицы и проделав такой же трюк еще несколько раз, я вернулась к началу Бурбон-стрит и присела на скамью напротив входа в бакалею, вытаскивая из рюкзака все, что успела собрать.

– Орехи, свиной жир и огурцы. Соленые, – протараторил Коул, появившись перед моим носом спустя десять минут с бумажным кульком. – Что дальше?

– Уже все, – улыбнулась я, кроша в ладони черную жженую соль.

Не успело пройти и пары минут, как Коул нахмурился и наконец-то понял.

– Ты ведь купила все это, да? – осторожно уточнил он, и я постаралась спрятать глаза, чтобы он не заметил, как возбужденно они блестят. – Одри! Я же даю тебе наличные, стоит попросить! Зачем ты снова крадешь?!

– Решила убедиться, что все еще могу, – проскулила я неубедительно, делая вид, что стыжусь своего поступка, оттирая от ладоней следы черного порошка. – Оказывается, воровство – как езда на велосипеде. Раз научилась – и уже не разучишься! Было бы очень обидно потерять такой навык...

– Ты всего два месяца без воровства продержалась, – застонал Коул, всплеснув руками. – Это что, какая-то... воровская наркомания? А, нет, подожди, для «воровской наркомании» уже придумали название. Клептомания, Одри! Ты – kleptomанка! Воровать – это плохо, слышишь?

– «Фу, Одри», – передразнила Коула я, покатываясь от веселья. – «Плохая Одри!».

Коул закатил глаза, хлопнув себя ладонью по лбу так сильно, что у него на переносице остался красный след.

– Ты даже не раскаиваешься, я прав?

– А я должна раскаиваться?! За что? Да эти торгошники пихают туристам стекло под видом лунного камня! Половина из того, что здесь продается, – фальшивка, которую можно найти в детской песочнице. Эти люди заслуживают того, чтобы быть обворованными. Да и что я украла? Пару перьев? Не смейся! Однажды мы с Рэйчел были в музее Хиллвуд, и я присвоила себе рубиновое кольцо императорской семьи Романовых. Она заставила меня вернуть его, но... Вот это была настоящая кража! Так что уймись.

Коул стушевался и, уgomонившись, только пробормотал:

– Посадить бы тебя в камеру на пару дней. Чтобы уроком было...

– О-у! Горячо, – заулыбалась я, сверкнув глазами, но в этот раз Коул даже не покраснел. Он... отвернулся, замкнувшись, как замыкался теперь каждый раз, когда я пыталась сократить между нами эту искусственную дистанцию.

Меня словно обдало ледяной водой, и я мгновенно остыла.

– В общем, давай поскорее займемся зельем. – Я снова уткнулась в ингредиенты, неловко прочистив горло. – Раз котел нам здесь не достать, понадобится стакан с кипятком. Тот парень на углу, что продает кофе... Наверняка у него можно попросить горячей воды.

Коул помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями, а затем кивнул и устремился назад к парку, откуда веяло ароматом кофейных зерен. Собрав на коленях все нужное, я постаралась сосредоточиться на деле и не думать о том, как на кусочки разваливается моя жизнь.

– Принес, – объявил Коул, подавая мне бумажный стакан, немного влажный и раскаленный от кипятка, что еще пузырился внутри. – Хороший парень, даже денег не взял. Что дальше?

– А дальше сиди и смотри, как я творю магию. Снова.

Первым я бросила в стакан змеиную чешую, сняв ее с колечка брелка. Коул внимательно следил за моими действиями, изредка поглядывая в сторону Бурбон-стрит, которая оживлялась по мере того, как стрелка часов подбиралась к полудню.

– *Змея сбросила кожу, и я сброшу свою*, – прошептала я, размешивая пластмассовой палочкой воду. Взявшись за воронье перо, я легонько подула на него, растрепав, и бросила в стакан. – *Перья с вороны слетели, и с меня слетит оболочка, которую можно увидеть*.

Подсматривая в книгу, я отправила в воду горсть черной соли и цветки волчьего аконита, что стащила из сувенирного венка.

– *Я вижу то, что видят все. Меня же не видит никто. Не коснуться, не тронуть, не навредить. Нет меня, нет меня, нет меня*.

Приоткрыв один глаз, я выжидающе взглянула на Коула.

– А где твои покупки?

Он затаился, замороженно наблюдая за мной. Развернув бумажный кулек, Коул сел на скамью рядом и протянул его мне.

– Бекон? – удивилась я, держа в руках упаковку добротного мясистого бекона для жарки яичницы.

– Ты же сама сказала свиной жир, – принялся оправдываться Коул. – В другом виде он здесь не продается. Просто оторви кусочек... пожилистее, делов-то.

Я поджала губы и неуверенно взвесила бекон в руке, а затем вновь перечитала инструкцию в гримуаре.

– Не знаю, работает ли... Если я случайно превращу нас в свиней, в этом будешь виноват ты!

Вскрыв обертку и оторвав кусочек белого жира, я, морщась, поспешила кинуть его в стакан и протерла руки влажными салфетками. Запах ромашки, смешавшись с запахом мяса на моей коже, стал тошнотворным, но это было ничто по сравнению с тем, как запахло зелье, когда я шепнула:

– *Fehu*.

Вода в стакане закипела, плавая ингредиенты, и Коул наклонился над ним, взбудораженный. Но ровно до тех пор, пока не вдохнул то же ароматное облако, что и я.

– Пахнет, как Штрудель после мытья! – воскликнул он, отпрыгивая на край скамейки и едва не опрокидываясь с нее.

– Еще не все, – ухмыльнулась я, к ужасу Коула. – Немного подсластим. – Я глянула в книгу, там ровным почерком было дописано самой нижней строкой: «Последним добавить часть себя». – У тебя ведь нет с собой ножниц? Ладно. Не шевелись.

Я поставила стакан сбоку и потянулась к лицу Коула. Я старалась действовать быстро, не давая ему времени на раздумья, но все равно увидела, как расправились его плечи и напряглись желваки, стоило мне оказаться к нему слишком близко. Коул съежился, застигнутый врасплох. Я же ухватила пальцами за вьющуюся прядку, торчащую из-за его уха, и оттянула локон.

– Чик! – шутливо сказала я, вырвав несколько волосков.

Коул ойкнул, локтем оттолкнув от себя мою руку.

– Больно же!

Я виновато улыбнулась и добавила волосы Коула в воду, сделавшуюся мутной и зеленой. Запустив руку в свою прическу и тоже вырвав пару волосков, я пополнила ими состав волшебного напитка.

– *Anweledig*, – шепнула я, завершая заклятие, и над водой в стакане надулся пузырь. Подождав пару минут, пока он не лопнет, я тряхнула стакан и опрокинула его себе в ладонь.

Коул подался вперед, уже готовый везти меня в ожоговое отделение, но вместо зловонного кипятка мне в руку выпали два леденца. Они были такие же мутные и болотные, с бледно-лазурным отливом. Леденцы походили на опалы, потускневшие от старости и пыли. Форма у них была идеальной, особенно для моего первого в жизни заклятия подобного рода: продолговато-квадратная, четкая, словно кто-то старательно вытачивал их из цельного куска сахара. Но, невзирая на красоту, леденцы все еще были зловонными, это да.

– Вот теперь все, – объявила я, протягивая один из леденцов Коулу. Он недоверчиво скосил на него глаза. – Это застывший концентрат. Пока рассасываешь леденец, будешь оставаться невидимым. Но стоит ему растаять, и чары спадут. Если хочешь, я могу попробовать первой.

Коул удрученно покачал головой и со скептицизмом оглядел леденец.

– Кажется, я вижу тут наши застывшие волосы, – скривился он.

– Возможно. Надеюсь, ты успел проголодаться?

Коул переменялся в лице, явно не оценив мою шутку, а затем, собравшись с духом, закинул конфетку себе в рот. Чтобы начать ее рассасывать, ему потребовалось чуть больше времени: надув щеки, он перенес леденец языком сначала в одну щеку, а потом в другую. Его кадык дернулся, и с характерным звуком Коул сглотнул слюну.

– Как на вкус? – поинтересовалась я осторожно, и в следующую же секунду Коул подскокил со скамьи и метнулся к мусорной урне.

– Терпи! А то придется все заново варить, – воскликнула я и развернула кулек, вынимая банку огурцов. Быстро открутив алюминиевую крышку, я протянула банку Коулу. – Закуси. Полегчает. Только зелье не проглоти случайно.

Дважды просить его не пришлось: Коул выхватил у меня банку и припал к ней губами. Уверена, он согласился бы выпить и не такое, лишь бы унять непреодолимые рвотные спазмы. Сделав пару глотков рассола, Коул удивленно заморгал.

– А ведь действительно полегчало.

– Знаю, – улыбнулась я довольно. – Еще одна ведьмовская фишка. Съешь огурчик, и вообще отпустит.

Коул погрузил пальцы в остатки рассола и, выудив огурец, вгрызся в него с аппетитным хрустом. Я же сосредоточилась на леденце, зажатом у меня в ладони. Солнце пробивалось сквозь его острые грани, как через стеклянное панно. Любуясь им, я долго храбрилась, чтобы последовать примеру Коула.

– Хоть бы получилось, – прошептала я и положила леденец себе на язык.

На вкус он оказался приторно-сладким, вовсе не таким, каким я себе представляла. Зелье незримости, которым сочился леденец, обжигало рот, оставляя после себя маслянистое послевкусие. Я прошлась по зубам языком, стирая с них прилипшую черную соль, крупички которой иногда попадались. От мысли о змеиной чешуе, которая тоже должна была быть где-то там, горло сжал спазм. Я встала со скамьи, чтобы отдышаться, и допила содержимое банки с укусным рассолом, отняв ее у Коула.

– Ну как? Думаешь, сработало? – робко поинтересовался он, разглядывая перед лицом своими выставленные руки. – Я все еще себя вижу. Да и тебя тоже.

– Это нормально. Мы видим друг друга, потому что мы оба есть в этом зелье, – объяснила я. – Ну, то есть частички нас... Волосы, я имею в виду...

– Я понял, Одри, – прервал меня Коул. Кажется, его вновь замутило.

Я сложила в рюкзак ошметки ингредиентов, которые еще могли послужить мне в будущем, и выбросила в ведро прочий мусор.

– Тогда идем! Ковен не ждет. К тому же я не знаю, сколько протянет этот леденец. Чем быстрее найдем Саламандру, тем лучше.

Миновали мы Бурбон-стрит на удивление быстро. Наверно, нас обоих подгоняла не только отступившая тошнота, а еще безумная усталость: после всего мне было жизненно необходимо несколько часов сна и покоя. Я подозревала, что и Коулу тоже. Он частенько зевал и морщился, растирая ноющее плечо. Я невольно представляла, с каким трепетом заботилась бы о нем, только дай он мне такую возможность: меняла бы бинты, помогала сменить одежду и наносила лечебную мазь на свежие раны. Возможно, так я смогла бы залатать не только его тело, но и душу. А заодно залатала бы и свою.

– Ух ты, – восхитился Коул, когда остановился прямо перед пожилой парой и щелкнул пальцами у них перед носом, а они просто прошли мимо, продолжая болтать между собой на испанском. – Они правда не видят меня? И не слышат? Хм, а если я толкну их?

– Не надо! – воскликнула я. – Подобные чары очень хрупкие. Не давай людям повода тебя увидеть. Лучше постарайся ни до чего не дотрагиваться. Вообще. Так мысли людей... обтекают нас. Это как крохотный паучок у тебя под ногами, которого можно разглядеть только под лупой. Но вот если этот паучок прыгнет тебе в лицо, ты все-таки заметишь.

Коул пожал плечами и стал вести себя осторожно. Несмотря на свой рост и некую неуклюжесть, он обходил туристов и торговые ларьки очень ловко и плавно, не задевая их даже кончиком шарфа, развевающегося за спиной. Пробираясь через Бурбон-стрит приходилось с невероятной осторожностью: на дороге уже выползали толпы туристов, фотографируя местные колориты, наполненные болотным духом и магией. Как только впереди показалась вывеска-ящерица, мы с Коулом одновременно остановились, глаза на вход.

– А как с дверьми-то быть? – озвучил Коул то, что пришло мне на ум только сейчас. – Откроешь их ветром? А как убрать из коридора охрану, чтобы не пришлось распахивать их локтями? И как мы...

– Тш-ш! Дай подумать, – шикнула я на Коула, приложив указательный палец к губам. Накрыв подушечками пальцев виски, я усердно помассировала их. – Итак. Одна идея есть, но... Она тебе не понравится.

Коул напрягся, но было поздно: я уже подняла с дорожки кусочек гравия и, прицелившись, шепнула:

– *Gebo!*

Поток воздуха усилил бросок, и камешек пробил витрину, как пуля. Витражный гладиолус посыпался с треском, заставляя прохожих броситься врассыпную. Коул закрыл ладонью лицо, но так ничего и не сказал, глядя сквозь просветы в пальцах на мой вандализм. Этот вандализм, однако, сработал: на улицу выбежала охрана во главе с причудливым ассистентом. Его сюртук был жестоко испорчен пролитым зельем, которое не отмывается: на шалоновой ткани от подбородка до солнечного сплетения растекалось зеленое пятно.

– Где эти мерзавцы?! – вскричал он. – Мой костюм стоит, как половина лавки! Эй, мисс, вы не видели, кто это сделал?..

Я снова прижала указательный палец к губам и дернула Коула за рукав куртки, кивком указав на вход. Двери в лавку остались распахнуты, и мы вместе обошли гудящую толпу, проскользнув внутрь незамеченными, а затем юркнули за бахромом, прикрывающую арку.

– Я никак не буду это комментировать, – прошептал Коул мне на ухо, и я пихнула его локтем в бок, призывая к тишине.

Ни слова. Ни шороха. Только дыхание в унисон, пока мы, шаг за шагом, крались по темному коридору, пропитанному церковным запахом ладана. Где-то вдалеке раздавалось неразборчивое приглушенное бормотание. Женский голос звучал так томно и мелодично, что походил на молитву.

Я раздвинула в стороны бамбуковые двери, похожие на японские сёдзи, и робко просунула голову.

– Смотри, как бы не прищемили, – напутствовал Коул, еще слегка обиженный.

– Эй, гляди! Вот она, ведьма, которая мне нужна!

В центре небольшого зала, уставленного скульптурами античности, сидела девушка в позе лотоса. Устроившись на низком пуфе, обитом бархатом, она держала глаза закрытыми, а руки – на разведенных коленях. Пятеро мужчин напротив, одетые в дорогие черные костюмы с шелковыми галстуками и подтяжками, чего-то выжидали. У ведьмы была темно-оливковая кожа: что-то между цветом черного кофе и бронзы. Вытянутое лицо с пухлыми, притупленными чертами. На запястьях звенели бусины из оникса и цыганские браслеты, а наряд походил на индийский гагра-чоли: короткий топ и юбка длиной почти до пола, открывающая лишь босые ступни. Грудь и шею прикрывал пурпурный платок, в который были обернуты волосы. Локоны-спиральки выбивались из-под него, слишком тяжелые, чтобы их можно было удержать обычной тканью, – темные, как черная руда. Мадам Саламандра выглядела ничуть не старше меня, но стоило ей открыть глаза, как я вдруг усомнилась в этом.

Умиrotворение. Знание. Мудрость. Вот что я увидела в них. Радужка, желто-янтарная с вкраплениями малахита, светилась, а зрачки казались несколько тоньше, чем у обычных людей. Я тут же поняла, почему она выбрала себе такое имя. Саламандра – в точности та, что, согласно легендам, была размером с мизинец, но могла разжечь взмахом хвоста огонь и за одну ночь выжечь целую деревню.

– Завтра, – изрекла Мадам, глядя на морщинистого мужчину в центре, нетерпеливо потирающего руки. – Контракт стоит подписывать завтра. Он скажет вам снизить цену на тринадцать процентов, но... Это блеф. Не соглашайтесь. Да, сначала он уйдет с переговоров, но затем перезвонит вам в восемь часов и тридцать две минуты. – Мужчина широко улыбнулся, удовлетворенный, и я увидела золотые вставки, заменяющие несколько его зубов. А затем Саламандра добавила: – Только не убивайте его слишком быстро. Дайте ему неделю, пока он не выполнит все условия, а потом можете приступать. Лучше всего инициировать это как самоубийство. У мистера Хобса есть личный психоаналитик, Томас Линкольн. Живет в Лоурэн-Гарден. Он все подтвердит, если вы заплатите ему наличными.

Коул поперхнулся воздухом, и я стиснула в пальцах свое жемчужное ожерелье, которое принималась перебирать каждый раз, когда не могла совладать с шальными нервами. Было в этом жесте что-то успокаивающее – что-то, что не позволило мне развернуться и выбежать из лавки сразу же, как я все поняла. Поняла, что клиенты Мадам вовсе не были обычными бизнесменами.

Они были мафией.

– Отлично, сестренка, – оскалился мужчина и, подбрасывая в руках золотую цепь, которой можно было убить одним ударом по виску, спросил: – А что насчет Родригеза? Он мне крупно задолжал...

Саламандра перегнулась к краю стола и взяла в руку перо, принявшись выводить чернилами на фолианте что-то, на что мужчина коротко и согласно кивнул. В это время Коул зашевелился и оттянул меня подальше от двери, прежде чем встряхнуть за шиворот.

– Ты же не будешь звать ее в ковен после этого, верно? – с надеждой в голосе прошептал он. – Она работает на мафию, Одри! Я не стану звать ее в Бёрлингтон! И уж точно и близко не подпущу к своей квартире и Штруделю. Мафия! – повторил он уже громче. – Я читал про новоорлеанские семьи бандитов, но чтобы так, прямо как в «Крестном отце»... – Коул зябко поежился, невольно поправляя кобуру под курткой, которая, однако, была пуста. – Уходим отсюда!

Я снова выглянула, увидев, как один из телохранителей уже доставал портмоне из крокодиловой кожи. Затем он достал кое-что еще – белоснежный сверток, который с такого расстояния мне было не разглядеть. Прикусив губу, я снова глянула на Саламандру. Энергия вокруг нее искрилась, как фейерверк. Даже поодаль от нее становилось тепло и уютно, как возле

камина в канун Июля. Я вспомнила руны, которые уже предавала однажды... И которые ни разу до этого не ошибались.

– Нет. Она мне нужна, Коул, – твердо сказала я. – Обещаю, с ней не будет проблем. Я прослежу за этим. Тебе меня не отговорить.

Коул поджал губы и недовольно засопел. Он медленно вдохнул и выдохнул несколько раз, а после посмотрел на меня с таким знакомым чувством во взгляде... Я успела затосковать по нему, пусть и прошло меньше дня, как это самое чувство исчезло. То было доверие.

– Хорошо, – смирился Коул. – Тогда давай дождемся, когда они уйдут, и... – Он показал мне язык, на котором лежал голубой леденец. – И выплюнем уже эту гадость, наконец!

Едва он успел договорить, как двери в другом конце коридора открылись. Находясь в узком проходе, мы не смогли бы не столкнуться с ассистентом, который решительно шел напрямиком к залу. Неся перед собой сервированный поднос с десятком глиняных пиал, наполненных медовым чаем, он тихо чертыхался.

– Все стекла в магазине теперь менять... Еще и под заказ, ждать придется месяц... Нет, это же надо иметь такую наглость!

Я с ужасом взглянула на Коула и завертела головой, ища, куда можно спрятаться, чтобы уйти с дороги. Ассистент был уже совсем близко, когда Коул схватил меня за шкурку и толкнул плечом раздвижные створки. Одним суматошным клубком мы ввалились в гадалый зал.

Ассистент застыл перед дверью, отодвинувшейся сама собой, но, пожав плечами, прошел следом за нами. Мы с Коулом забились в самый дальний угол зала, пока тот расставлял перед мафией и Мадам дымящиеся пиалы.

– Обожаю этот рецепт. Моя бабушка так же чай заваривает, – промурлыкал один из мужчин, утаскивая с подноса пару малиновых ватрушек.

– Еще один вопрос, – произнес главарь, отказавшись от своей пиалы.

– Время, месье, – мягко поторопила его Мадам, кивнув на напольные часы с павлином вместо кукушки. – У меня на сегодня много клиентов.

– Я доплачу. Двести грамм в довесок, – пообещал мужчина. – Этот вопрос очень важен для меня. Мой сын в последнее время ведет себя так, как будто что-то затевает... Что-то не очень семейное. Ну, ты понимаешь. Что-то против меня.

Леденец во рту был сладким и терпким, а язык очерчивал еще несколько граней. Запаса зелья было много, и чары не ослабевали. Мы были в абсолютной безопасности, поэтому я не помешала Коулу, когда он облегченно выдохнул и отлип от меня, немного расслабившись и принявшись рыскать по залу. Делать нам все равно было нечего – только ждать окончания сеанса. Я отодвинулась подальше от центра, где ноги утопали в пушистом ковре, и тоже осмотрелась.

Убранство оказалось куда роскошнее, чем казалось из-за створок. Все было заставлено свечами с капающим воском, а над мраморным столиком, за которым сидела Саламандра, раскачивалась турецкая люстра. Солнечный свет душили велюровые занавески. Восточный стиль сплетался с греческим там, где на полотнах изображались древние мифы. Нежные пляды в развевающихся туниках; Афина, дарующая свой легендарный щит Персею; Артемида, возглавляющая на олене своих девственных охотниц. Этот зал будто вобрал в себя мудрость всех наций и традиций. И я понимала почему: в любой мифологии саламандра занимала роль мифического и могущественного создания. Позолоченная брошь ящерицы, блестящая под шеей Мадам и скрепляющая платок, лишний раз доказывала это.

Немного осмелев, я подступила к ведьме поближе. Та перебирала на столе камешки хрусталя, отвечая на бесконечные вопросы мафии.

– Да, – вздохнула Мадам устало. – Лучше стричься во вторник.

Я внимательно разглядывала ее, удивленная собственными чарами: стоять так близко к толпе людей и при этом не существовать для них вовсе. Но в тот момент, когда мафиози уже застегнули пальто и встали, в углу зала раздался шум.

Я обернулась на Коула, задевшего локтем фарфоровую вазу: та накренилась вбок, падая.

– Осторожно! – выкрикнула Мадам в воздух, подорвавшись с пуфа. Метнув испуганный предостерегающий взгляд точно в то место, где стоял Коул, она сощурилась. – Это фамильная реликвия.

В груди у меня похолодело. И у Коула, уверена, тоже. Он так и замер с вытянутыми руками и вазой, которую успел подхватить и вернуть на место за миг до того, как та встретилась бы с деревянными половицами. Телохранители мафиози взбудоражились от возгласа и неразберихи, как по щелчку: разом они окружили своего главаря, запуская руку под пиджак и показательно вынимая стволы крутых пушек.

– О, господа, не волнуйтесь! – тут же встрепенулась Саламандра, вернув себе нежную улыбку и убедительное спокойствие. – Все в порядке. Я обращалась к своему... мышонку. Завела тут на днях питомца... Сбежал из клетки, негодник! Вон, видели? Мышиный хвостик. Такая прелесть! Итак... У вас остались еще вопросы?

Леденец во рту начал таять. Я занервничала, с укором глядя на побелевшего Коула, но наши чары все еще действовали – я точно знала это. Но, видимо, действовали не на всех.

– Когда надумаете снова прийти, звоните на мой личный номер. В ближайшее время я буду в отъезде, – бросила в спину мафии Мадам, и, как только двери за ними закрыл ассистент, она обмякла на пуфе, протяжно взыв: – Митра! Это было очень долгое утро. А если бы ты, Коул, разбил урну с прахом моей мамы, оно бы стало еще и кошмарным. Для вас, конечно же.

Коул ахнул и сплюнул леденец прямо на пушистый ковер.

– Урна?! – переспросил он. – Я думал, это ваза для цветов...

Мадам развернулась ко мне. У меня во рту все еще было зелье, но она смотрела мне прямо в глаза – пронзительно и внимательно, улыбаясь своей дружелюбной, идеально симметричной улыбкой.

– Верховная Одри, рада встрече! – на одном дыхании затараторила она. – Меня зовут Мадам Саламандра. Это прозвище дал мне брат, когда я притащила ему в постель около пятидесяти ящериц. Нам, кажется, лет по десять было. Забавное время! А вообще меня зовут Зои. Да, я прорицательница – это мой врожденный дар. Еще я владею огнем и парочкой трюков с метаморфозом, но на этом все. Впрочем, мне хватает. Итак, я слушаю тебя. Давай! Хочу поскорее услышать это вслух. Так интересно, как именно ты это скажешь!

Я была настолько потрясена, что все еще рассасывала гадкий леденец, а затем и вовсе случайно проглотила, закашлявшись. Коул похлопал меня по спине, и спустя минуту чары спали, растворившись там же, где и сахар, – в желудке.

– Здравствуй, – кивнула я, наконец подчинив себе мысли и голос. – Ты нас...

– Видела? О да. Все это время, – Зои хихикнула, размяв затекшие лодыжки и снова приняв позу лотоса. – Вы ведь устроили погром в моей лавке, только чтобы обмануть Эвана и пару тупоголовых охранников, которых я держу просто потому, что у них модные жилетки. Кстати, зачем вы это сделали?

– Ну, – я замаялась, поставленная в тупик такой прямоотой. – Мы не знали, как еще встретиться и поговорить с тобой. Нас не хотели впускать.

Зои распахнула глаза и выгнулась нам с Коулом навстречу, едва не опрокинувшись на своем пуфе.

– Эван! – заверещала она таким тоном, что даже звук грома показался бы детской колыбельной. – Иди сюда! Сейчас же.

Белокурый юноша заглянул внутрь, держа в руках свою чашку с новой порцией утреннего зелья. Заметив нас рядом с Зои, он вновь опрокинул его на себя.

– Я ведь велела тебе впустить Одри Дефо и Коула Кастинкса, – закатила глаза она, и Коул робко поправил:

– Я Гастингс. С буквой Г.

– Извини, – улыбнулась Зои смущенно. – Мои видения бывают неточными. Так почему ты не впустил их, Эван?

Ассистент спрятал чашку и невнятно проблеял:

– Так они и не представились...

Зои перевела взгляд на нас.

– Вы не назвали свои имена?

– М-м... Имена?

– Да. Имя. Это то, что дают тебе при рождении. Обычно мама с папой, – саркастично ответила Зои. – Вам нужно было всего-то представиться, и Эван бы вас впустил. Я внесла вас в список еще две недели назад. Почему... – Она осеклась и затрясла головой, отчего пурпурный платок спал окончательно, высвободив роскошную копну прямых черных волос. – Нет-нет, не объясняйте! Это все я. Снова искаженное видение. Это как ошибки перевода, знаете... Помехи. Голова уже пухнет от клиентов с их вечным нытьем и бесполезными вопросами. «Ой, а когда мне лучше помыть кота, завтра или в понедельник?» Наколдовать бы половине из них мозги. Ох.

Зои соединила три пальца, положила руки себе на колени и закрыла глаза. Пока она медитировала и восстанавливала душевный баланс, чтобы продолжить беседу, Коул кинул на меня панический взгляд. Даже без дара телепатии я услышала его мысли: «Ты уверена, что все еще хочешь пригласить ее в ковен?»

Честно сказать, я и впрямь была не уверена в этом, но все равно сказала:

– Значит, ты уже в курсе, зачем именно я пришла? Как Верховная ковена Шамплейн, я хочу пригласить тебя присоединиться ко мне.

Зои разомкнула веки, подведенные синим, и нахмурилась. Что-то было в ее взгляде такое, отчего казалось, что твою душу выворачивают наизнанку. Но в этом не было ничего враждебного или даже дискомфортного – лишь абсолютное и немое взаимопонимание.

– Да, разумеется, – Зои вскочила с пуфа и хлопнула в ладони. – Я еще утром закинула вещи в чемодан. Вот только...

Все не могло быть так просто, и я даже обрадовалась, услышав это недоброе «только». Ведь если бы мне вдруг начало так несказанно вестись, то ад покрылся бы льдом.

– Говори, – бодро отозвалась я, сложив руки на груди. – Что ты хочешь в обмен на союз?

– Совершенно ничего, – заверила меня Зои в сердцах. – Мне лишь надо закончить одно дело. Забрать то, что у меня... одолжили, но забыли вернуть. Без этого я не смогу уехать. Эта вещь крайне важна для меня, да и для тебя тоже.

Я прищурилась, раздраженная любопытством, что же за вещь может быть мне нужна. Но Зои улыбалась так, что становилось понятно: она мастерица по части интриги и загадок. Впрочем, чего ждать еще от той, что знает все будущее наперед?

– Скажи, что именно тебе достать и где.

Коул переступил с ноги на ногу, сомневаясь в этой затее, как и в любой другой. Возможно, он был прав.

Зои обошла гадальный стол, собирая хрустальные камешки в тканевый мешочек, в каком я хранила свои костяные руны. На нем были вышиты зороастрийские письмена, которые мне было не прочесть.

– Череп, – произнесла Зои, не поднимая глаз. – Человеческий. Еще времен гаитянских рабов, что заполнили Орлеан своим вуду. – Последнее слово она произнесла с явным пренебрежением. – Насколько я знаю, он должен быть в комиссионном магазине недалеко отсюда.

Называется «Барон Суббота». Принеси его, и мы сразу же отправимся в Бёрлингтон, клянусь! Я принесу тебе ковенант хоть в машине, если захочешь.

Я поджала губы. В Зои, ее работе и этих сбивчивых предсказаниях не было ничего, что вызывало бы доверие. Но... Откуда-то это доверие все равно было. Словно из недр земли, как прорастают стебли, проростало и ощущение родственности. Я никак не могла отделаться от чувства, что мы с Зои уже знакомы. Возможно, так и было в одной из тех искаженных реальностей, которые она иногда видела вместо правдивого будущего.

– Согласна, – сказала я. – Только хочу сразу спросить... Почему ты не в новоорлеанском ковене? Слышала, он один из сильнейших в штатах, хотя очень обособлен. Даже моя мать в свое время пыталась подружиться с ними.

Зои погладила пальцами угол стола и пожалала плечами. Стянув с себя пурпурный платок, она обвязала его вокруг предплечья, как браслет, пока подбирала правильные слова.

– Так вышло. У нас всегда были напряженные отношения. Вуду любят деньги больше, чем своих ведьм! Не думай об этом, Одри. Главное ведь, что я не в Вуду, так? Я в Шамплейн. И я ждала тебя. – Я заметила, что Зои морщит нос, когда улыбается так игриво и искренне, как сейчас. – Ступай уже, Верховная Одри! Мне не терпится скорее потискать мягкий жирочек Штруделя.

Когда мы проходили мимо ассистента в холле, тот все еще подметал осколки с пола, фыркающая проклятья на языке, похожем на албанской. Мы с Коулом виновато потупились, проходя мимо разбитых окон.

– Это было так... странно, – наконец-то подал голос он, когда мы уже прошли до «Барона Субботы» половину пути, проложенного на смартфоне. Погруженный в свои мысли, Коул шел прямо по лужам, даже не замечая воды, затекающей в ботинки. – Я смотрю на эту Зою, и мое чутье... Вопит! Она выглядит не старше меня, но я будто стою напротив своей бабушки. Ощущение, что это она ведет нас в Бёрлингтон, а не мы ее. В смысле... Может, Зою и впрямь долго ждала нас? То есть тебя. Мне немного жутко от этого.

– Мне тоже, – созналась я, жуя внутреннюю сторону щеки до железистого привкуса во рту, который, однако, все равно не мог перебить той мерзкой сладости, что еще оставалась там от блевотного леденца. – Но, наверно, именно такие ведьмы мне и нужны. Сильные. Она точно знает, что делает. Я даже... завидую ей. А еще у нас просто нет другого выбора. Видишь? – Я даже остановилась, чтобы достать из рюкзака мешочек с рунами и подкинуть их горсть в ладони. – Здесь все еще «Лавка Саламандры». Как бы я ни злилась на них, но они еще ни разу меня не подводили. Так почему должны подвести теперь?

Коул остановился, прервав свой размашистый шаг, который равнялся двум моим и потому вечно поторапливал. Заглянув в мои сложенные ладони, где кости твердили одну и ту же вязь, он улыбнулся уголком губ.

– Хм, ну да. Это хорошие кости. Они нас познакомили. Так что, пожалуй, ты права. – Я посмотрела Коулу в глаза, и он тут же двинулся дальше. – Судя по навигатору, нам сюда. «Барон Суббота» ведь, да? Это за углом. И почему она сама не могла сходить за своим драгоценным черепом? Пророчицам несолидно посещать комиссионку?

Мы действительно прошли меньше километра, как оказались перед ступенями двухэтажного здания из красного кирпича. Совсем недавно оно пережило ремонт, судя по свежей темно-бордовой краске и острому запаху аммиака. Шагнув на ступеньки, я остановилась, задержав взгляд на ветхой вывеске, которую заменили, но которую я все равно узнала.

– Это тот самый магазин, – прошептала я, и голос у меня сел.

Штормовое предупреждение по радио. Буря. Маленькое убежище в залежах дырявых одеял и сломанного ночника.

Коул обернулся. Успев подняться до двери, он быстро спустился обратно и встревоженно накрыл ладонью мое плечо.

– Комиссионка, – пояснила я, оглядывая здание еще раз, чтобы точно убедиться в этом. – Здесь я пряталась от Джулиана в ту ночь, когда ты арестовал меня. Я еще подожгла ее...

– Хм, – Коул проследил за моим взглядом и оглядел магазин исподлобья. – Ну, вроде сейчас с магазином все в порядке. Крыльцо как новенькое... Даже не скажешь, что здесь был пожар. Может быть, своим поджогом ты, наоборот, спасла этот магазин от прозябания? Привлекла к нему внимание общественности...

Было что-то чертовски милое в том, как Коул пытался меня приободрить. Раньше ему никогда не давались утешения, как и многое другое из социальных навыков, но в последнее время он во всем делал успехи. Кивнув на вход, Коул вдруг взял меня под руку.

– Идем. Чем бы это место ни было раньше, теперь это «Барон Суббота», и у нас здесь есть работенка.

– Да, – кивнула я через силу, заставляя себя преодолевать ступеньку за ступенькой. Коул, оказавшись впереди, приоткрыл передо мной дверь. – Давай уже найдем этот чертов череп и вернемся домой с новой ведьмой!

Мы пересекли порог, и колокольчик над нашими головами весело брякнул. Ремонт внутри действительно выглядел свежо и очень хорошо: кто-то разгреб залежалый товар и передвинул стеллажи, расставив их лабиринтом. По нему прогуливались несколько посетителей. Полки были заставлены всем, что только могло понадобиться ведьме: пучки сушеных трав для окуривания, книги теней, алтарные покрывала и жезлы. На отдельном стенде красовались куклы вуду и талисманы гри-гри. Все они различались по своим свойствам: одна кукла была для порчи, другая для любви, а третья...

– Одри.

Коул позвал меня по имени, и я тут же откликнулась. Заметив, что он смотрит в конец зала, где располагается касса, я посмотрела туда.

Уже спустя миг я увидела череп, которым увенчивалась изящная деревянная трость в руках темнокожего мужчины. Этот череп, несомненно, являлся именно тем, что мы искали.

– Добро пожаловать в «Барон Суббота», – гостеприимно поприветствовал нас владелец магазина, в котором я тут же узнала Верховного колдуна ковена Вуду. – Меня зовут Рафаэль. Чем могу вам помочь, старые друзья?

XII Вуду

Колокольчик над дверью приветствовал новых посетителей. В магазин вошла компания подростков, скупающих черную соль и маятники для хэллоуинского ритуала. Они громко обсуждали между собой планируемый призыв мертвых, который, однако, не сработает, ведь свечи нужны церковные, а не обычные. Глупые дети.

По углам магазинчика тлела трава-ворожея и вербена. Агатовые глаза Рафаэля прожигали нас, пытаясь выведать сокрытые тайны. Мой взгляд то и дело падал на светло-желтый череп, что служил набалдашником для его трости. В первую нашу встречу, когда вокруг зверствовал ураган, а я тайно поглядывала за ним с Коулом, было сразу ясно, что череп настоящий, человеческий. Но кто бы подумал, что он еще и очень ценный?

– Рад видеть, что ты все-таки нашел ведьму, согласившуюся тебе помочь, – Рафаэль подмигнул Коулу, крутящему в пальцах хрустальный шар, взятый с прилавка. – Что привело вас в Новый Орлеан на этот раз?

– Дела, – небрежно ответила я. – Кажется, мы незнакомы. Меня зовут Одри Дефо, и я...

– Да, я знаю. Верховная ведьма ковена Шамплейн. Уж кого этот магазинчик только ни видывал, но другие Верховные заходят сюда впервые, – протянул Рафаэль, оглядывая стены из дубовых панелей и абажуры из ротанга. – Кстати, спасибо за то, что подожгла его. Я выкупил это здание на аукционе три года назад, но все никак руки не доходили... А после тебя в этом месте поселилась такая мощь, такая энергия! Магазин сразу заиграл другими красками.

Я не поняла, иронизирует Рафаэль или же говорит серьезно, поэтому на всякий случай извинилась.

– Не страшно. Говорю же, спасибо, – Рафаэль улыбнулся. Нет, кажется, он все-таки говорил абсолютно искренне. – Вы любите музеи? Если вы еще не спланировали свой визит в Новый Орлеан, то очень рекомендую музей джаза.

– Боюсь, в этот раз без культурной программы. – Я подошла к одному из шкафов и сняла оттуда книгу, посвященную викканским ритуалам. – Нам нужно как можно скорее закончить работу и возвращаться в Бёрлингтон.

– И вы зашли в мой магазин как раз по работе, верно? – подхватил Рафаэль, отодвинув назад свою шляпу-цилиндр.

Ее увивали маленькие черепки мышей-полевок с металлическими вставками, из каких было сделано и массивное ожерелье, висящее на его шее. У него были широкие скулы и приплюснутый нос, пухлые губы обрамляла густая бородка, а на одном ухе блестела золотая серьга-колечко.

Заметив, что я не собираюсь отвечать, а только пялюсь на него, Рафаэль удрученно покачал головой.

– Не зная, что именно вам нужно, я не смогу помочь...

Да, черт возьми, он был прав. Я тут же включила свою творческую жилку, пытаюсь придумать правдоподобную историю, которая могла бы объяснить наш визит в колдовской магазин. Сказать, что мы собираемся украсть реликвию их ковена, точно было не лучшей идеей, но Коул...

Коул, как всегда, считал иначе.

– Нам нужен череп на твоей трости. Можно его забрать?

Я дернулась и взглянула на него исподлобья. Все это время Коул молчал, разглядывая сувениры. И лучше бы он молчал дальше, ей-богу! От его непосредственности Рафаэль даже повалил склянку на кассе. Вслед за ней посыпались и другие, как домино. Махнув рукой и вернув всему идеальный порядок, Рафаэль вышел из-за стойки, прихватив с собой трость.

– Этот? – спросил он, покрутив черепом у нас перед носом. – Зачем он вам?

Я не успела пихнуть Коула под ребра, как он уже и на этот вопрос ответил, снова блеснув своей честностью:

– Новая подруга Одри попросила его в обмен на... Как она там это назвала? – Коул бросил на меня беглый взгляд и щелкнул пальцами. – Ковенант, точно!

– Договор о вступлении, – расшифровал Рафаэль задумчиво. – Значит, ты собираешь ковен, Одри? И что же за ведьму ты себе подыскала? В Новом Орлеане тех, кто не входит в Вуду, можно пересчитать по пальцам одной руки, поэтому очень вероятно, что я...

– Зои, – перебил его Коул. – Ведьму зовут Зои Саламандра.

Тонкая бровь Рафаэля многозначительно дернулась вверх.

– Ах да, я и впрямь ее знаю. Зои... – произнес он медленно, будто смакуя ее имя во рту, и сложил обе руки на трости. – Вечно норовит доставить неприятности. Давно пытаюсь выселить ее из города. Однако... – Он постучал лазуритовым перстнем по костяной рукояти. – Вы хотя бы знаете, что это такое?

– Ну, череп, – Коул пожал плечами. – Разве нет?

Рафаэль вздохнул.

– Я имею в виду, знаете ли вы, чей он? Ведьмы, оборотня или...

– Ведьмы, – выпалил Коул, не раздумывая, и я невольно удивилась, пока не вспомнила, кто он сам такой. – Я вижу, что ведьмы, да.

Рафаэль закусил нижнюю губу и демонстративно поигрался с тростью, будто показывая ее нам со всех сторон. Его пальцы прошлись аккуратно вдоль шва на черепашке, делящего затылок на две половинки. Я поежилась, когда он обвел пальцами пустые глазницы, а затем верхнюю челюсть. Нижней у черепа почему-то не было.

– То была необыкновенная ведьма, – низко произнес Рафаэль, улыбнувшись краешком губ. – Ее мать – чернокожая рабыня, отец – богатый землевладелец. Рожденная быть чужой и там и здесь, она стала своей повсюду. Ее боялись и к ней же бежали за помощью, когда заболело дитя или изменял нерадивый муж... Судье стоило лишь назвать ее имя, и он тут

же смягчал любой приговор, опасаясь следующим утром найти у себя под дверью проклятую гри-гри.

– Мари Лаво, – поняла я вслух, и Рафаэль кивнул. – Королева вуду.

– Наша первая Верховная, – продолжил он. – Да, ковен достаточно молод. Если бы не она, его бы не было вовсе. Она сумела объединить разрозненных представителей культа вместе и, невзирая на происхождение, была свободным человеком. Во всех смыслах этого слова. Надеюсь, этого достаточно, чтобы вы поняли, какую ценность представляет для меня сей артефакт. Так с чего мне отдавать вам единственное, что осталось от моей матери?

– Матери? – переспросила я и оглядела Рафаэля повнимательнее.

Я видела портреты Мари Лаво лишь в книгах Виктории, поэтому не могла оценить, насколько Рафаэль похож на нее внешне. Самая сильная магия всегда выбирает женщин, но даже среди них Мари Лаво считалась больше, чем просто выдающейся. Она была гением.

– Моя мать родила по меньшей мере пятнадцать детей. Я даже не со всеми из них знаком лично. Чтобы объяснить новоорлеанцам свое долголетие, Мари долго притворялась своей собственной дочерью... Но однажды годы взяли свое. Уже давно именно я возглавляю ковен. Останки матери – это регалия, подтверждение моего Верховенства, – объяснил Рафаэль. – У нас лидерство наследуется иначе. Верховная сама выбирает себе преемника. Расстаться с черепом – это сложное решение...

– Так, значит, ты его не отдашь?

Рафаэль внимательно осмотрел свою регалию со всех сторон, размышляя. Точнее, делая вид, что размышляет, ведь для себя он уже все давно решил.

– Ну, почему же... Отдам.

Я фыркнула, сложив руки на груди. И почему все вокруг стали такими добрыми? Где пряталась от меня эта неслыханная доброта мира раньше?

– В чем подвох? – решился уточнить Коул, видимо, подумав о том же самом.

– Никакого подвоха! Видите ли, я тоже заинтересован в предотвращении ритуальных убийств. Вы ведь здесь именно из-за них, я угадал? В Новом Орлеане смертей не было с августа. Благо у нас не так много лишней магии, свободно разгуливающей по городу в поисках пристанища, как в Бёрлингтоне после истребления Шамплейн. Потому и новоодаренных почти нет...

– Погодите-ка, – прервал его Коул, подняв руку, как школьник. – Когда мы разговаривали в последний раз, ты сказал, что я все выдумываю насчет ритуалов и это орудует обыкновенный маньяк...

– Прошло два месяца, мальчик, – Рафаэль закатил глаза. – Я тоже не сию без дела и успел многое разузнать. Только вот продвигаюсь гораздо медленнее, чем вы. Ведь у меня, как у Верховного, на попечительство ковен из ста ведьм, так что и свободного времени в разы меньше. Я буду только рад, если вы возьмете решение столь... деликатной проблемы на себя. В обмен я готов предоставить вам все, что для этого нужно, включая регалии моего ковена.

Коул заискивающе посмотрел на меня. Я смогла только промычать в ответ, сомневаясь во всем, что происходит, а оттого совсем не радуясь дружелюбию Верховного Вуду.

– Допустим, мы согласны, – медленно произнесла я, снова осторожничая. – Так когда мы можем забрать череп?

– Не раньше завтрашнего утра, – ответил Рафаэль и, пройдясь до окна, одернул жалюзи. Те взлетели вверх со свистом, открывая вид на оживленную улицу, где уже прогуливались раженые с детьми, конфетами и музыкальными инструментами.

– Самайн, – простонала я, хлопнув себя по лбу. – Точно!

– Сегодня наш ковен празднует День мертвых и воздает почести лоа – духу вуду, что ждет нас всех на той стороне. Сегодня день Барона Субботы – князя смерти, и этот череп, – он любовно погладил рукой костяную макушку, – то, что позволяет установить с ним связь. Мари Лаво была его любимицей. Без этого никак.

Я кивнула. Потерпеть до завтра было не таким уж суровым условием для столь выгодной сделки, как бы мне ни терпелось скорее вернуться домой.

– Хорошо. Тогда мы заедем за ним сразу после ритуала...

– О, вы тоже приглашены! – Рафаэль заулыбался так широко, что под темными губами, похожими на дольки инжира, сверкнули белоснежные клыки. – Если к моему ритуалу присоединится другая Верховная, Барон Самеди явится куда охотнее.

– Извини, но мама с детства учила меня не лезть в то, в чем не разбираешься. Один из первых законов магии, – шутливо хмыкнула я. – Это не мой культ и не мои духи. Не хочу случайно нажать себе новые неприятности в виде каких-нибудь энергососущих существ.

– Решать тебе, но... Тогда я бы отдал тебе череп куда охотнее, – Рафаэль произнес это так ненавязчиво, будто это был вовсе не ультиматум. – Ты ведь понимаешь, что значит встретиться с самим князем смерти? Это возможность расспросить его о том, в чем он сведущ лучше всего, – о черной магии. Лоа – не боги, но они думают и видят, как они. Призыв состоится в полночь на кладбище Метейри. У вас есть время передохнуть. Кстати, могу предложить уютную гостиницу прямо за углом. Разожги камин, и, как для друзей ковена, вам сделают пятидесятипроцентную скидку!

Последнее Рафаэль отчеканил с таким официозом, что сомнений не осталось: вести бизнес – действительно его стезя. Продажи здесь наверняка идут полным ходом.

Мы с Коулом переглянулись и вышли из магазина, как только он оплатил на кассе все, что успел нахватать с полок за время нашей беседы. Поглядывая на курильницу и нож-атаме в его руках, чтобы понять, зачем они ему сдались, я спросила, как только колокольчик над нашими головами снова звякнул, прощаясь:

– Зачем ты рассказал ему про Зои?! Выложил все как на духу! А если бы он только разозлился от этого?

Коул сложил покупки в бумажный пакет, стоя на каменной лестнице, и пожал плечами.

– Но не разозлился же...

– А мог! И что бы мы тогда делали?

– Быть честным – это нормально, Одри.

– Быть честным – это опасно! – воскликнула я.

– А как собиралась поступить ты? – Коул нахмурился и поравнялся со мной, когда я, раздраженная, уже неслась по пешеходной улице в сторону машины. – Снова соврать и обокрасть его? Тебе мало врагов, и ты захотела нажать себе еще одного в лице Верховного колдуна Вуду?! Иногда достаточно просто попросить, Одри. Большинство людей понимают по-хорошему.

– Ты слишком наивен для детектива убойного отдела.

– Может быть, но у меня есть чутье, забыла? Я же охотник. С Рафаэлем по-другому бы не сработало, поверь. Не злись, – голос Коула вдруг прозвучал так мягко и смятенно, что мой гнев укололо нежностью, и тот сдулся, как воздушный шар. – Лучше расскажи, что мы будем делать с приглашением на ритуал.

– Ты правда думаешь, что у нас есть выбор? – буркнула я. – Это не приглашение, а условие сделки, Коул. К тому же, помнится, ты как раз хотел побывать на кладбище Метейри...

– То есть мы идем? – улыбнулся Коул, и сложно было не заметить, что в глубине души он надеялся услышать это. – Не то чтобы я одобрял твое участие в призыве какого-то духа, но... Это любопытно. Вдруг он расскажет что-нибудь полезное?

Мы с Коулом достигли машины и забрались внутрь, чтобы доехать до гостиницы, которую рекомендовал Рафаэль. Ванна и несколько часов сна – это сейчас было в приоритете, особенно для Коула, который морщился от боли в плече каждые три минуты.

– Если честно, я не верю, что лоа Вуду вообще появляются на их ритуалах, – призналась я, когда Коул парковался под вывеской «Cornstalk» возле двухэтажного коттеджа, выкрашенного

в бледно-розовый цвет. – Обычно духи поощряют тех, кто взывает к ним, одержимостью. Не более того.

– Что-что? – переспросил Коул, переменявшись в лице и едва не выронив в лужу чемодан, который доставал из багажника.

Я наклонилась, помогая ему с вещами.

– Когда дух посещает ритуал, ты невольно начинаешь копировать его поведение. Конкретно Барон Суббота – это... Секунду. – Я достала барахлящий смартфон Коула и, открыв первый попавшийся сайт в интернете, промычала: – Ты много танцуешь, пьешь и пошло шутишь. Если сможешь осушить залпом бутылку рома, настоящего на двадцати одном перце чили, – значит, ты и впрямь одержим Бароном Самеди.

– Хм, а он веселый парень, – натянуто улыбнулся Коул, уже поднимаясь по ступенькам гостиницы. – И это называется дух мертвых?

– Несмотря на то что Барон Суббота – проводник душ в загробный мир, он обожает жизнь. Да, магическая традиция вуду очень... своеобразная. Она учит не бояться смерти. Это мне, кстати, нравится. Традиция Шамплейн куда более пессимистичная.

Я спрятала телефон обратно в карман, а затем вошла следом за Коулом на территорию маленькой гостиницы, огороженную кованым заборчиком.

Стоило переступить ее порог, как я будто очутилась в двадцатых годах прошлого века. Все здесь напоминало о тех временах, о которых мне с упоением рассказывала перед сном мама: бежевые обои с геральдическими лилиями, громоздкая хрустальная люстра, винтовая лестница из темного дерева и антикварная мебель, обшитая бирюзовым жаккардом. Это место очень походило на жилой дом, в который мы вторглись, перепутав его с отелем. Каждый угол хранил историю, исчисляющуюся десятилетиями.

Пока я осматривалась, смея только догадываться, сколько ведьм побывало здесь до меня, Коул нашел портье и попросил для нас номер. Точнее, два. Раздельных. Это резануло слух так же болезненно, как и мысль, что эта ночь станет первой за долгое время, которую мы проведем порознь. Похоже, Коул был готов даже переплатить уйму денег, лишь бы не оставаться со мной наедине.

– *Fehu*, – шепнула я, глядя на пирамидку углей в камине. Огонь вмиг затрещал, принявшись пожирать ее.

Портье, пересчитывая сумму на калькуляторе, сощурился.

– Друзья Рафаэля, я полагаю, – сказал он, глядя в камин. – Скидка, да.

Выдав нам по старомодному бронзовому ключу, портье сопроводил нас наверх. Остановившись перед своим номером, я замялась, смотря на дверь комнаты Коула, которая была следующей.

– Постарайся выспаться. Встретимся в холле в половину одиннадцатого, – сказал он, поворачивая замок.

– Хорошо. Ты взял с собой аптечку? Может, зайти к тебе позже и помочь с твоей... – Я замолкла, не успев договорить: Коул уже зашел внутрь и оставил меня в коридоре одну. – Ладно, как скажешь.

Наши комнаты разделяла одна-единственная стена. Я невольно провела по ней пальцами, ощупывая салатные обои, и прислушалась, как Коул за ней разбирает вещи. Осмотрев широкую кровать с балдахином, я включила телевизор и открыла свой гримуар.

Руки так и чесались залезть под заднюю обложку, где, по словам Авроры, был спрятан ключ, способный перевести ее Шепчущую главу. Память о той магии была еще свежа: бархатная, она окутывала, как теплый плед, и превращалась в кокон, не желающий отпускать. Тьма, которая показалась мне сладкой, как сливки для кошки.

Под задней обложкой действительно проступало нечто тонкое и продолговатое, будто вшитый внутрь сверток. Осознав, что я щупаю тайник уже несколько минут, готовая вот-вот

вспороть сизую ткань и узнать все секреты Авроры, я испуганно захлопнула книгу и бросилась в ванную, чтобы отвлечься.

– Только мне что-нибудь оставьте! – крикнула я гримам, которые, выпущенные на свободу впервые за долгое время, перевернули мини-холодильник.

Лежа в пенной воде под чавканье демонических котов, я то и дело гадала, чем же сейчас занимается Коул. Изредка до меня доносился его голос: он позвонил Гидеону, чтобы справиться о самочувствии Марты и ее отца. Под эту приглушенную болтовню я пообедала снеками из мини-бара, а затем уснула, завернувшись в махровый халат.

Кажется, я проспала весь день, прежде чем меня разбудил шершавый язык Блуда.

– Фу, не делай так, – скривилась я, вытирая обслонявленное лицо о подушку.

– Кто-то ошивается под нашей дверью, – мяукнул он. – А еще у нас кончились шоколадки!

Я потеряла глаза, садясь на постели. Часы уже показывали без пятнадцати десять, а за дверью действительно слышались глухие шаги.

– Наверняка Коул пришел разбудить меня, – сказала я гримам. – Целый день прошел, а я так и не вытащила его ни в один ресторанчик. Должно быть, он напуган.

Но, выглянув в коридор, я никого не увидела.

На дверной ручке болталась вешалка с белоснежным платьем. Я взяла его в руки, разглаживая плотную ткань без узоров и пуговиц. Чистое полотно. На поясе, приколотое золотой булавкой, висело письмо.

«Совсем забыл сказать про дресс-код! Не опаздывайте. Вам помогут найти дорогу. С уважением, Рафаэль».

Скептически оглядев платье, я втащила его в номер и заперла дверь. У меня все равно не было с собой ничего, в чем мне, как Верховной, было бы не стыдно показаться перед ковенном Вуду. Коты же возмущенно шипели. Чернильный мех стоял дыбом на их холке.

– Ты пойдешь?! Ритуалы вуду премерзкие, – поежился Спор.

– Ты очень глупая женщина. Мы не хотим участвовать в этом. Оставь нас в чемодане, – фыркнул Эго, прежде чем потянуть остальных за узел хвостов и утащить всех троих в пустоту.

Я обиделась, но послушно растегнула золотой браслет и спрятала его в груди вещей. Забрав волосы материнским гребнем, жемчужины которого теперь украшали мою шею, я надела платье и посмотрелась в зеркало. Оно было соткано не только из белого хлопка, но и из магии: теплое, как зимняя куртка. Жар от него растекался по всему телу до самых ступней. В нем спокойно можно было прогуливаться по октябрьскому лесу, даже не заботясь о сапогах и пальто. Рукава расширились к запястьям, а вырез на груди был глубже, чем мне бы того хотелось. Накинув сверху шарф, я обвела губы красной помадой и постучала в номер Коула.

Но никто мне не открыл. Тогда я постучала еще раз. Снова, снова и снова. Я стучала не меньше пяти минут, пока не заныли костяшки пальцев. Тревога в груди нарастала как снежный ком: шипы Джулиана вонзились в Коула слишком глубоко, оставив ужасные раны. Могли ли они занести в его кровь инфекцию? Отравить?

Я развернулась к себе, чтобы побежать за Книгой и как можно скорее найти отпирающее заклятие, но, обернувшись, столкнулась нос к носу с миловидной темнокожей девочкой. На ее плечиках сидели такие же черепки, как у Рафаэля на шляпе, а длинные волосы были заплетены в тонкие африканские косички.

– Тебя зовут Одри? – спросила она, хлопая пушистыми ресницами. – Я Диана. Рафаэль просил проводить тебя до кладбища Метейтри. Ты готова?

Я заторможенно кивнула, и Диана, взявшись за мой локоть, потянула меня к лестнице.

– Подожди! С нами идет мой друг, Коул, – пробормотала я, оглянувшись на дверь. – Но он не открывает. Должно быть, что-то случилось...

– Я встретила Коула по дороге сюда, – невозмутимо отозвалась девочка, наградив меня ласковой улыбкой. Я увидела лапки морщинок, что пролегли вокруг ее глаз, и вдруг поняла, что не такая уж она и юная: просто хрупкая низкорослая женщина, тоненькая, как трость Рафаэля, с детски писклявым голосом. – Он уже ушел.

– Куда?

– Не знаю. На кладбище, наверно, – пожала плечами Диана. – Я сказала, что провожу тебя. Идем. – Она мельком глянула на свои карманные часы, висящее поверх жакета на таком же белом платье, как у меня. – Скоро начало. Надо поспешить!

Все это казалось подозрительным, но Диана шла слишком быстро, чтобы у меня оставалось время на раздумья. Мы запрыгнули в пустой трамвай, идущий без остановок прямо до Метейри, и выскочили на улицу уже спустя двадцать минут.

Вдоль дорог прогуливались ряженые подростки, чумазые и требующие у прохожих конфет. Воздух стоял морозный, но чем больше мы приближались к кладбищу, тем слаще и разреженнее он становился. Желто-багряные листья кружили в вихре у чугунных ворот, гостеприимно раскрытых навстречу ночным посетителям. Диана выставила перед собой ладонь, пройдя впереди, и шепнула заклятие. Из ее руки полился мягкий голубой свет, освещая нам путь, будто она сжимала в кулаке склянку со светлячками.

Повсюду возвышались мраморные статуи и надгробия. Мы прошли вглубь кладбища, и лишь там, за высокими семейными склепами, горели свечи. По воздуху тек запах дурмана и мелодия джаза. По мере нашего приближения музыка звучала все громче, а количество свечей вокруг увеличивалось. Вскоре не осталось тропинки, где землю и могильные плиты не покрывал бы горящий воск, капая и шипя. Пламя колыхалось от ветра и дыхания ковена, собравшегося у центрального склепа, поросшего красным плющом. Ведьм и колдунов вуду здесь было непомерно много: одни танцевали и пели, другие глушили водку и черный ром, а кто-то рисовал на земле особые знаки кукурузной мукой – *веве*, открывающие врата духам.

Шагая за Дианой на громогласный зов Рафаэля, я засмотрелась на знакомый высокий силуэт и упустила ее из виду. Под ногами захрустели гранатовые зерна, рассыпанные по всему кладбищу.

Коул стоял в закоулке, приютившись возле мраморного креста, и говорил с кем-то. Темные волосы вились, не расчесанные. Он смеялся и активно жестикулировал, и я подошла поближе, чтобы рассмотреть, кому удалось вовлечь его в пылкую дискуссию.

Но перед ним никого не было. Впереди распростерлась лишь узкая тропа из могил, поглощенных тьмой.

– Коул? – робко позвала я.

Он обернулся, и его губы тронула улыбка. Он растерянно заморгал и помахал рукой, приглашая меня подойти поближе.

– Одри! Извини, что не встретил тебя в холле. Решил... заскочить в магазин по дороге на кладбище. Диана сказала, что проводит тебя сама. Все нормально?

– Да, нормально. А... С кем ты говоришь, Коул?

Он приоткрыл рот, озадаченный моим вопросом, и обернулся, всматриваясь в точку на уровне своего лица. Хмурясь, он помолчал с минуту, прежде чем ответить:

– Ты разве не видишь?

Я сделала еще шаг и пригляделась. То, что казалось мне тьмой и далекими надгробиями, вдруг приобрело ясные черты. Тень, висящая над Коулом, становилась все отчетливее, пока не оформилась во взрослого мужчину. На нем была полицейская униформа, старая и темно-синяя, лишь отдаленно похожая на ту, что было принято носить сейчас. Сам мужчина был

полупрозрачным и тусклым, как чья-то тень, над его верхней губой торчали густые усы. Жидкие волосы были уложены по бокам, а в руках он сжимал деревянную дубинку.

– Познакомься, это Дэвид Хенnessи, – произнес Коул. – Раньше он был шефом полиции, но сейчас он...

– Мергв, – сглотнула я, глядя на привидение.

– Я предпочитаю называть это «перешел на ту сторону», – дружелюбно отозвался мужчина, и голос его звучал пусто, будто эхо минувших дней. – Но я все еще слежу за порядком на этом кладбище. Мне не нравятся эти варварские сборища вуду. От них все здесь стоит на ушах! Будьте осторожны сегодня, юная леди. Если увидите женщину в бальном розовом платье – бегите! Это миссис Митчилл. Вы состаритесь и умрете раньше, чем она закончит перечислять вам всех своих любовников.

– Спасибо, – заторможенно поблагодарила я и многозначительно дернула Коула за рукав. – Идем, Рафаэль уже начал. Мы почетные гости, помнишь?

Он вздохнул и, попрощавшись с призраком, быстро нагнал меня, давя подошвой ботинок гранатовые зерна. Те лопались, как мыльные пузыри.

– Дэвид стал детективом, когда ему было всего двадцать, – принялся с восхищением делиться он. – А в пятнадцать он уже поймал двоих преступников! Я читал о нем еще в колледже. Он был легендой Нового Орлеана... Пока не перешел дорогу итальянской мафии, конечно. Вот бы еще пообщаться с ним!

Белая свободная рубашка из сатина, такая тонкая, что просвечивали плоский живот и грудь, идеально сидела на Коуле. Через нее даже можно было увидеть ту россыпь родинок, от которой у меня предательски дрожали коленки. Расстегнутая почти до середины, рубашка ниспадала на его коричневые брюки. Я сглотнула слюну, которой во рту вдруг скопилось неприлично много, и отвела глаза.

– Прекрасно выглядишь, кстати, – сказала я, и Коул ответил, глядя на меня в упор:

– Взаимно.

Его взгляд скользнул по вырезу моего платья, который стал виден, как только я развязала шарф. Смутившись, я запахнула его и вдруг увидела, как на фоне толпы из ведьмаков выделяются несколько человек. По сравнению с остальными они дрожали, сутулились и выглядели такими далекими, хоть и стояли близко... Сквозь их бледные тела просвечивали очертания могил и других людей, которые, в отличие от них, были живы.

– Призраки, – выдохнула я испуганно, вцепившись пальцами в руку Коула. – Да здесь повсюду призраки!

– Знаю, – отозвался Коул снисходительно и слабо сжал мою ладонь в ответ. – Дэвид ведь жаловался, что из-за ритуалов вуду кладбище всю ночь не спит. Ты что, никогда не встречала призраков?

– Никогда, – призналась я, сглотнув. – А ты?

– Тоже, но, пока я был здесь и ждал тебя, успел перезнакомиться почти со всеми. Вон там, – он ткнул пальцем в стройную девушку, кружащуюся в красном платье под аркой из кирпича. – Джози Арлингтон, которая основала самый известный в Новом Орлеане публичный дом. – Даже при упоминании уже несуществующего борделя Коул умудрился густо покраснеть. Его палец сдвинулся чуть левее. – А этот мужчина в костюме – Чарльз Гордон. Он выкупил ипподром под кладбище после того, как его не пустили сделать ставку. Очень... импозантная личность!

– И со всеми из них ты успел пообщаться? – недоверчиво уточнила я. – Как давно ты на Метейри? И в какой это магазин ты ходил, что меня не дождался?

Коул отвернулся. За прошедшие сутки он смотрел мне в глаза с настораживающей редкостью. И чем отчетливее впереди слышался рокот барабанов, тем более угнетающим было его молчание. Он так и не ответил.

– Смотри, – сказал Коул вместо этого, указав на оркестр, расположившийся прямо между старыми могилами. Они, покосившиеся и разваливающиеся, больше напоминали руины. Ни на одной из плит было уже невозможно прочесть имя и эпитафию.

На крыше склепа из белого камня, окруженного колоннами, стоял Рафаэль. Ведьмы и колдуны, облаченные в светлые одежды, притихли. С их рук осыпалась кукурузная мука. Я встала рядом с Коулом, и проходящая мимо Диана надела нам обоим на шею ожерелья из черно-белых бусин. Точно такие же висели на груди и у нее, и у всех остальных.

Рафаэль стукнул тростью о склеп. На миг мне показалось, что череп на его рукояти светится серебром.

– Я приветствую ковен и мертвых, которые сегодня присоединятся к нам! Да начнется их ночь.

Он стукнул тростью во второй раз, и надгробия вокруг превратились в священные алтари: они вспыхнули огнем, усеянные свечами, как и все вокруг. Их увивали цветки ноготков и черепа, нанизанные на нитки. Там были даже человеческие – искусственные или настоящие, я предпочла не знать.

Рафаэль поднял перед собой бутылку черного рома и, открыв ее, встряхнул над головами собравшихся, которые столпились под крышей склепа. Брызги окропили их и центральную вею, начерченную на земле. То был знак Барона Самеди – крест и две могилы, нарисованные по бокам. Алкоголь намочил рисунок, и тот загорелся тоже. На кладбище Метейри стало невероятно светло для ночи.

– Первым я призываю Папу Легбу, как посредника между нашим миром и миром лоа. Прошу тебя, открой врата в Ле Гвинею, чтобы Барон смог чествовать сегодня смерть вместе со своими детьми! – произнес Рафаэль нараспев, а дальше его речь плавно перетекла в гаитянский язык и стала напоминать шаманский вой, которому вторили барабаны.

Коул оглянулся. Толпа льнула ближе к Рафаэлю, чтобы брызги его рома попали на каждого. Это было благословением Самеди, о котором мечтал любой, кто исповедовал вуду. Мне же было этого не понять, как им всем было не понять меня, привыкшую черпать магию из себя и своего рода, а не из потусторонних материй.

– Барон Самеди! Услышь наш зов. Я, Верховный ведьмак ковена Вуду, приглашаю тебя к столу!

Я поморщилась, когда один из рослых, широкоплечих колдунов закинул на крышу склепа кричащего черного петуха. Рафаэль поднял свою трость, и из ее наконечника вылезло тонкое сверкающее лезвие. Он полоснул им петуха по шее. Тот закудахтал, прежде чем наполнить своей вязкой кровью бамбуковую чашу, которую держал под ним другой колдун. Коул отвернулся, не в силах смотреть на это, хотя раньше ему приходилось смотреть и не на такое. Я же неотрывно следила за ритуалом, природа которого от меня ускользала, но ощущалась: такая же густая, как петушиная кровь, мощь расплзалась во все стороны от алтаря Рафаэля и украшенных надгробных крестов, стекаясь и сосредотачиваясь на вею Барона. Знак все еще полыхал, и трава вокруг него пожухла, затлела, мешая запах пепла с горьким запахом кубинской сигары, которую закурил Рафаэль.

Затем Ковен разошелся к другим алтарям, чтобы вознести свои подношения: жареную кукурузу и стаканчики с крепким черным кофе, перечный стейк с бобами и дольки граната. Дары были самые разные, и весь ковен отдавал их Барону со словами благодарности и молитвами. Следом по рядам ведьм прошла початая бутылка с ромом, и, осмелившись сделать глоток, я поперхнулась от вкуса чили во рту, который в сочетании со спиртом жег невыносимо.

Коул отказался от угощения вежливым жестом, и я перевела взгляд на Рафаэля, вззирающего на ковен с широкой улыбкой. В его глазах читался задор, и, когда он посмотрел на меня, я вдруг почувствовала себя неудобно, так, будто смотрел на меня уже не Рафаэль. Он неспешно

потягивал сигару, и с каждым ее вдохом нечто наполняло его изнутри. Я впервые поверила, что лоа вуду действительно нисходят на землю.

– Среди нас есть еще одна Верховная. Она тоже готова отдать тебе дань уважения, Барон! Готова ведь, правда?..

Рафаэль шагнул к краю склепа и протянул мне руку. Его голову по-прежнему украшала шляпа, но уже элегантный классический котелок. Я набрала в легкие воздух и недоверчиво ухватилась за него.

– Ты ведь сама говорила, что не участвуешь в том, в чем не разбираешься, – вдруг остановил меня Коул, схватив за пояс платья. – После петуха я вообще жалею, что мы пришли сюда...

Я была солидарна с ним, но уже давно сдалась на милость любопытству.

– Выпей чего-нибудь и расслабься, – сказала я Коулу с усмешкой, карабкаясь вверх.

Склеп оказался выше, чем казалось снизу, и я неловко пошатнулась в туфлях, опираясь на локоть Рафаэля.

Он, должно быть, позаботился о скрывающих чарах для кладбища, потому что такой шум точно не остался бы незамеченным. Толпа, разодетая в шелка и браслеты, буйствовала: пением они восхваляли Барона Субботу, уйдя в забытие от настоящей водки.

– Ну и какой дар от меня требуется?

– Все просто, – улыбнулся Рафаэль и, наклонившись к оркестру, позаимствовал у одного из музыкантов две скрипки, покрытые темным лаком. – Сыграй со мной дуэтом в его честь.

Я очертила пальцами изящные формы инструмента, прежде чем ахнула от удивления, узнав в нем одно из редких творений Страдивари.

– Красивая, правда? У меня их две. Передаются по наследству.

Я кивнула, зачарованная позолоченным грифом, и подняла смычок скрипки. Если для того, чтобы раз и навсегда покончить с Джулианом, мне надо вызвать духа смерти, то это не такая уж большая цена за возмездие.

– Что будем играть?

Рафаэль улыбнулся краешком губ и, взяв вторую скрипку, встал рядом.

– Не знаю. Тебе выбирать, но учти, что Барон любит веселиться.

Я нахмурилась, шерстя взглядом ковен. Барон Суббота – князь смерти, который учит, что уход из жизни – просто еще один повод устроить вечеринку. Таких песен я совсем не знала, кроме разве что...

Я набрала в легкие воздух и пропела вслух, пока Рафаэль смотрел на меня удивленным взглядом:

*Я вышел в полночь за сигаретой,
Маленькая Сэнди спросила меня об этом,
Я убил ее, ведь спрашивать о таком неприлично для леди,
Где твоё воспитание, Сэнди?*

А затем закинула на плечо скрипку и, подперев ее подбородком, заиграла. Мелодия была быстрой, резвой, как ветер, гонящий осенние листья. Она была неистовой, сумасшедшей, какой надо было стать и мне. Закрыв глаза, я самозабвенно скользила смычком по струнам, и моя музыка стала единственным звуком, нарушающим спокойствие кладбища. Барабаны смолки, но внезапно моей скрипке начала вторить другая. Рафаэль подхватил мелодию и заиграл в унисон, но тяжелее и ниже. Он будто знал эту песню так же хорошо, как Рэйчел, в шутку напевающая ее каждый раз, как я надевала слишком короткое платье.

Легкие жгло от дыма затушенных папирос, но я снова глотнула его, прежде чем прервать свою игру и пропеть дальше:

*Я в прорубь за домом кинул ружье
И выкурил дотла сигарету в постели,
Тело Сэнди едят рыбы где-то на дне,
Ах, сгубили же леди дурные манеры!*

Рафаэль не останавливался, и, восстановив дыхание, я снова взялась за скрипку и поддерживала его партию своей. Спустя несколько секунд к нам присоединился оркестр: зазвучали гитара и виолончель. Я почувствовала, как ноют кончики пальцев от напора и рвения, но только зажмурилась, продолжая рассекать смычком воздух.

*Шериф поймал меня спустя двое суток,
Спросил: «Ты ли маленькую Сэнди убил?»
Я ответил: «Пускай меня судят,
Сифилис бы все равно ту девку изжил».*

Под конец дыхание сбилось, а руки дрожали. Кажется, я не бралась за скрипку с тех самых пор, как у нас с Коулом случилась первая ссора. Но сейчас музыка текла сквозь меня, унося всю ту ненависть и боль, которыми я была преисполнена после встречи с Джулианом, словно ядом, которым он меня отравил. И, когда песня кончилась, я излечилась.

Скрепя сердце я рассталась с идеальной скрипкой Страдивари, отдав ее одному из колдунов Рафаэля. Десятки глаз взирали на меня снизу, одурманенные собственным колдовством и водкой, а затем хор ведьм завел следующую песню.

Рафаэль одобрительно кивнул и помог мне слезть с крыши склепа. Я почти оступилась, изнеможенная и будто опьяневшая, когда меня подхватили руки Коула. Все это время он наблюдал за мной, приросший к одной из колон.

– Эта песня нравится мне больше, чем Вивальди, – признался он, и в его глазах плясало пламя свечей.

Я улыбнулась, все еще чувствуя руки Коула на своей талии, придерживающие меня, хотя нужда в этом давно отпала. Он отвел меня в сторону, и мы молча созерцали праздник, пробуя угощения из жареного арахиса и вяленой говядины.

– Будем стоять здесь всю вечеринку? – наконец решила спросить я, хрустя орехами. Коул замычал, пытаясь прожевать тянущееся мясо. – Знаешь, мне уже хватило. Я бы с радостью вернулась в гостиницу и подождала череп Мари Лаво там. Если ты, конечно, не вошел в кураж...

Коул смял салфетку, вытирая рот, и его взгляд устремился куда-то мне за спину.

– Одри, рядом с тобой кто-то стоит.

Я вздрогнула и повернула голову туда, куда смотрел Коул, но никого не увидела.

– Что, очередной призрак?

– Нет, Одри, – сказал Коул хриплым голосом, и лицо его застыло, будто маска из гипса. – Это что-то другое.

Мне сделалось не по себе. А уже в следующий миг я поняла, о чем говорит Коул: то, что он увидел, действительно не было призраком. Воздух рядом с моим плечом сделался плотным, тугим и вдруг обрел формы. Вырисовывался силуэт: сначала стройная фигура в черном фраке с распахнутой до груди рубашкой, а затем такой же черный цилиндр. Кожа у мужчины была даже темнее, чем у Рафаэля, с нарисованным черепом на лице. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: нет, то был вовсе не рисунок... Кости просвечивали так, что можно было пересчитать каждую. Мужчина улыбнулся, сверля меня пепельными глазами, пронзительными и холодными, как талый лед.

А затем он протянул мне раскрытую ладонь.

– Можно пригласить Верховную на танец?

– Барон Суббота, – ахнула я, чувствуя, как от лица отхлынула кровь.

Дух мертвых во плоти.

Тот, кому был посвящен этот праздник, древний лоа вуду, стоял передо мной. Я не могла понять, видят ли его другие так же отчетливо, как вижу я. Вдоль позвоночника побежал холодок, выдавая мой испуг, который я не хотела показывать.

Сглотнув, я кивнула, подавая ему руку, но Коул запротестовал, загоразживая меня собой.

– Все нормально, – сказала я ему тихо, мягко отодвигая. – Я ненадолго.

Барон Суббота бросил на него мимолетный взгляд. Костлявые пальцы, на ощупь точно сухой пергамент, сжали мои. Он вывел меня в центр толпы, и я приложила все усилия, чтобы не обернуться на Коула и не попросить срочно увезти меня из Луизианы обратно в спокойный и предсказуемый Вермонт.

– Не думала, что ты придешь, – призналась я, когда люди вокруг нас расступились. Но никто будто не замечал лоа, не похожего ни на колдуна, ни на человека.

– Я и не собирался приходить, – честно ответил Барон, придвинувшись. Его необычайно тяжелые руки легли мне на поясницу, приобнимая, и я нервно сглотнула. – Но мне понравилось, как ты зывала ко мне. Столько страсти в таком маленьком щуплом тельце... И красивая песня. Люблю кантри. Рафаэль знает, на что давить. Он уже много лет жаждет моего внимания, но все никак.

Барон повел меня в медленном танце, хотя музыка была бодрой и резкой. Под нее хотелось трясти бедрами и выгибать плечи, а не кружиться в вальсе.

– Разве ты не являешься ковену каждый Самайн? – уточнила я, стараясь подчинить себе срывающийся голос. – Не в этом ли смысл праздника? Они веселятся в твою честь, а ты...

– А я предпочитаю веселиться где-нибудь еще, – равнодушно ответил Барон. Он не переставал улыбаться ни на секунду, сверкая флуоресцентно-белоснежными зубами. – Видишь ли, Рафаэль никогда не видел меня. Он мнит себя королем вуду, но я признаю лишь королев... Мари Лаво была королевой. Легендарная ведьма! С ее смертью ковен вуду утратил для меня интерес.

Я растерялась, и от этого мой шаг сбился. Я наступила Барону Самеди на ногу и лихорадочно покраснела. Он расхохотался, и смех его был скрипучим, лязгающим, будто кто-то отодвигал мраморную плиту. Ритм нашего танца вдруг ускорился, будто Барон хотел, чтобы я споткнулась еще раз. От него разило черным перцем, спиртом и кубинским табаком. Никогда бы не подумала, что именно так пахнет смерть.

– Выходит, Рафаэль принес меня тебе в жертву, как черного петуха? – Осознание грянуло внезапно. – Я – его подкуп.

Барон усмехнулся. Его глаза ни разу не моргнули с тех пор, как мы пересеклись взглядами в первый раз, но зрачки сделались тонкими, как у рептилии.

– Так и есть. Я пришел, потому что в Самайн ко мне воззвала королева, пускай и не вуду. Отныне ты – мой подарок. А обычно с подарками я делаю, что пожелаю... Раздевайся.

Я поперхнулась воздухом, и Барон расхохотался еще раз.

– Интернет не ошибся, – вздохнула я. – У тебя действительно ужасное чувство юмора.

– Ужасное? Оно прекрасное! Именно так я выбираю, дать умирающему второй шанс или забрать с собой. Смеется над моими шутками – значит забираю. Веселые компаньоны мне всегда нужны. Не смеется – тоже забираю, ведь я оскорблен и унижен!.. Ладно, снова шучу. Эй, улыбнись, любовь моя. Танцевать с такой кислой миной неприлично. Может, тебе еще рома налить?

Я закатила глаза, но выдавила улыбку, решив, что злить одного из главных лоа будет действительно неприлично. А еще крайне глупо. В ответ на это пальцы Барона сжали мою

ладонь, и сделал он это так нежно, что я удивилась: смерть всегда представлялась мне жестокой и беспощадной, но никак не мягкой и... Подбадривающей?

– Я все равно не покажусь Рафаэлю, – заявил Барон и наконец-то посмотрел куда-то еще, кроме моего лица. – Из принципа. Запомни, голубка... Рафаэль тебе не друг.

– А кто мне друг?

– Я, конечно! Разве ты не хотела бы иметь среди друзей князя смерти?

– Не отказалась бы, – честно призналась я, и Барон закрутил меня вокруг своей оси, прежде чем снова прижать к себе. Я глубоко вздохнула, пытаюсь сосредоточиться в объятиях самого безрассудного духа из всех известных мне культов. – Может, сделаешь мне по-дружески одно одолжение? Хочу кое-что узнать о черной магии. Некто истребляет ведьм, оставляет на их коже метки, а тела...

– Уродует, да-да, – прошептал Барон Самеди. – Ну и мрачную же тему ты завела посреди вечеринки, голубка! Давай лучше поговорим о чем-нибудь забавном. Знавал я одного висельника, который...

– Мне правда нужно знать, – возразила я и сжала плечо Барона, за которое держалась. Он неоднозначно сощурился. – Прошу тебя! С чего ты взял, что их тела уродуют?

– Потому что я видел их души. Они изуродованы тоже. Столь древний ритуал затрагивает не только бrenную плоть.

– Значит, ты и впрямь можешь мне помочь. Расскажешь?

Барон Самеди раздраженно поморщился. Очевидно, я ходила по тонкому льду, но не зря вырез на платье, что подарил мне Рафаэль, был таким глубоким.

– Там, куда меня с семьей перевезли на корабле через океан, об этом ритуале ходили лишь слухи...

– Ты был человеком? – уточнила я, не удержавшись, и улыбка Барона сделалась печальной. Вот что такое лоа – мученики, посмертная вера в которых сделала их чем-то большим.

– Был. Самая скучная пора!

– А ритуал?.. – надавила я из последних сил.

– Жрицы вуду звали его *Sibstitiyyon*. Это значит «подмена».

– И все? – фыркнула я, когда тишина между мной и Бароном затянулась, нарушаемая лишь оркестровой музыкой. – Больше ты ничего не скажешь?

– Не скажу, иначе будет неинтересно наблюдать, как ты мечешься в поисках разгадки. Я только что нашел себе развлечение на ближайшие пару лет, – ухмыльнулся Барон и наклонился к моему уху. Его дыхание пахло сырой землей и обдало меня вместе с облаком дыма. Он будто все это время курил сигару и только что сделал очередную затяжку. Я закашлялась, прежде чем услышать: – Отыщи отца.

– Мой отец давно умер... – выдавила я, разгоняя удушливое облако рукой.

– Не того отца, глупышка! Я о родном.

Меня прошибло током, и на осеннем кладбище, нагретом магией Рафаэля и свечами, сделалось совсем жарко, как в парилке. Ноги вросли в землю, но Барон упрямо вел меня в танце дальше.

– Исаак Грей из Нью-Гэмпшира, – протянул Барон и накрутил на палец прядку моих волос, выбившуюся из прически. – Смертный. Ты похожа на него ничуть не меньше, чем на мать.

Я сжала губы и молча кивнула, понимая, что больше ничего полезного мне из Барона не выжать. Серьезный разговор окончен – настало время веселья. Вот только веселиться мне ничуть не хотелось.

– Ах, взгляни, как она виляет задницей! – рассмеялся Барон, глядя на ведьму, что отплясывала прямо перед алтарем в его честь. Самеди щелкнул пальцами, и та вдруг прильнула к колдуну поблизости, впившись в него поцелуем. – Вот так лучше.

– Ты вуду-купидон? – хмыкнула я мрачно.

– Я не только лоа смерти, голубка. Я еще дух плотских утех и деторождения... Кстати, об утехах: твой охотник все взгляд с тебя не сводит! Должно быть, это любовь. Не зря же он выпросил у Рафаэля свиток с закланием атташе. Упс, – Барон прижал ладонь к раскрытому рту в притворном испуге. – Проговорился!

Вцепившись в Самеди испепеляющим взглядом, который заставлял его разве что глумиться надо мной, я уточнила с замиранием сердца:

– Хочешь сказать, у Коула есть заклинание, которое может сделать его моим атташе?

– А где еще, по-твоему, он пропадал в то время, пока ты куковала в отеле?

– Он бы не стал... Он знает, как опасно быть атташе и что я против этого.

– Да, именно поэтому он планирует провести ритуал втайне от тебя. Упс, вот опять! Ну я и болтун!

Я отвернулась, ища взглядом Коула в толпе, но тщетно: ковен танцевал вокруг. Тогда я попыталась вырваться из объятий Барона и двинуться на его поиски, но он зацокал языком, удержав меня на месте.

– Эй, не кипятись!

– Я убью его и Рафаэля. Какого черта он лезет не в свое дело?! – прорычала я.

– Наверно, Коул просто боится, что я утащу свой милый подарок с собой. Хочет связать себя с тобой всеми возможными способами! Физически, кстати, тоже...

– Я не твой подарок! – воскликнула я, окончательно выйдя из себя. – Даже если Рафаэль решил иначе.

– Нет, любовь моя, ты ошибаешься. На тебе уже подарочная обертка, просто ты ее не видишь. То оболочка из плоти и крови. Я оставлю тебя в ней до поры... Но однажды ты умрешь, и я приду, чтобы провести твою душу через этот мир в свой, и заодно покажу тебе, как прекрасны они оба. Ах, поскорее бы настал тот день! – промурлыкал Барон и потер пальцами мой подбородок.

– Я не исповедую вуду, – напомнила я уже в сотый раз, осторожно отстраняясь от его руки. – Боюсь, на той стороне меня ждет что-то другое.

– Ты будешь удивлена, – усмехнулся тот, заставляя меня покрыться мурашками. – Мы и до этого не раз увидимся. Власть моя повсюду и над всеми. Я в еде, которую ты ешь, когда голодна. Я в алкоголе, что ты пьешь, потакая пороку. Я в желании, от которого у тебя зудит тело, когда Коул Гастингс целует тебя.

Я слотнула и попыталась оттолкнуть от себя Барона, но он будто вновь стал бесплотным. Мои руки провалились в его грудь и прилипли к внутренностям так, что их нельзя было вытащить. Он смеялся мне в лицо, и меня замутило тем самым глотком рома, что я сделала, как только мы с Коулом пришли на кладбище. Тогда Барон Суббота подхватил меня, обездвиженную, и оторвал от земли, закружив. Он подбросил меня в воздух несколько раз, как монетку, и вдруг отпустил, едва я успела вскрикнуть. Его тело растаяло, и мои руки наконец-то высвободились. Последнее, что исчезло в темноте, – широкая улыбка и два голубых глаза.

Я пошатнулась, брошенная, и рухнула на Коула.

– Все в порядке? – спросил он обеспокоенно, помогая мне выпрямиться после того, как я почти распласталась у него в ногах.

– Эти духи ничего не знают о манерах! – фыркнула я, отряхивая белое платье, и вдруг что-то пошло не так.

Это было что-то неуловимое и потустороннее, как сам Барон Суббота. Он сделал что-то и со мной, и с Коулом. Люди вокруг нас сливались в близости, и кто-то даже уединился в далеком уголке кладбища. Нас окуривало дымом от свечей и сигар, а язык пылал от остроты чили. Все это было компонентами магии, которая была мне чужда и неприятна, но которой я покорилась. *Одержимость*, наступающая после прикосновения Барона Субботы, как и было написано.

Я вонзилась пальцами в кудри Коула и наклонила его к себе, целуя.

Сначала он не отвечал мне, но затем та зараза, что поселилась во мне, передалась ему вместе со слюной. Коул вжался в мои бедра, сминая подол платья. Музыка гремела, взрывалась, и весь ковен Вуду гудел, как рой ос. Я же полностью замкнулась на Коуле: прочий мир перестал существовать. Лишь мои руки, расстегивающие его белоснежную рубашку, чтобы подобраться поближе; его пальцы, нечаянно порвавшие колготки в попытке задрать платье и стянуть то, что под ним; мраморная колонна, в которую я вжалась спиной, не думая, что нас видят.

Коул поцеловал меня в шею, и кожу царапнул его подбородок с островками щетины. Он зашипел, когда я нащупала под его рубашкой слой бинта и отогнула один край, чтобы взглянуть на запекшиеся отверстия. Их было множество, больше десятка: все покрылись багровой коркой, тонкие и глубокие, как будто Коула исполосовали скальпелем. Порезы усеивали всю его руку от локтя до плеча, и от этого зрелища мне сделалось больно.

Он запахнул бинт обратно и обхватил ладонями мое лицо, заставляя смотреть ему в глаза и видеть душу, а не тело, истерзанное по моей вине.

Дыхание снова сбилось, когда он снова утянул меня в поцелуй. Вот так рухнул тот лед, что, как я думала, уже не разрушить. Слишком легко, слишком неестественно... И слишком приятно. Ладони Коула все же подлезли под мою юбку, и я, совсем потеряв голову, взялась за ремень его брюк.

Хриплый смех, похожий на свист ветра, вывел меня из игры, затеянной Бароном. Я увидела ту же сверкающую улыбку, когда его силуэт показался из-за алтаря напротив. Подмигнув мне голубым глазом, он поправил свой цилиндр и исчез окончательно.

Я оттолкнула от себя Коула, залитого румянцем и испариной, с дрожащими руками и губами, которые я искусала в кровь.

– Это все магия вуду, – прошептала я, кивая на танцующий ковен. – Посмотри! Мы одержимы, как и они.

Коулу потребовалось чуть больше времени, чем мне, чтобы вернуть себе здравый смысл. Он оглянулся на нескольких мужчин и женщин, раздевающих друг друга прямо под сводом sklepa. На остальных одержимость сказала не так сильно: многие пили и танцевали, пока не валились на траву от усталости.

Вспыхнув еще ярче от этого зрелища, Коул принялся торопливо застегивать рубашку.

– Мы... Мы при всех этих людях чуть не... – он вконец смутился, даже боясь заглянуть мне в глаза.

Я юркнула за колонну, чтобы отдышаться и незаметно поправить смятое платье. Пытаясь собраться с мыслями и вытеснить дурман сексуальной магии, я сощурилась и снова посмотрела на Коула. Вспыхнувшая злость отрезвила.

– Ты узнал, как стать атташе.

То был не вопрос, но Коул, оторопев, все равно затряс головой. Однако так и не нашел, что мне возразить.

– Поэтому ты не дождался меня и отправился на Метейри один, – продолжила я, и кадык Коула предательски дернулся – это было красноречивее любых слов. – Ты вернулся в магазин Рафаэля, чтобы купить у него заклятие атташе. Ты хотел провести ритуал без моего ведома. Зачем, Коул? Как можно быть настолько глупым?! Восемьдесят процентов атташе погибают уже после пяти лет службы! Быть одним из них – это...

– Умирать за ведьм, – прошептал Коул спокойно. – Я в курсе, Одри. Без метки атташе я умру быстрее, чем с ней.

– Коул, послушай...

– Нет, это ты послушай! – Он резко подался вперед, и на этот раз стушевалась я. В нем была решимость не просто мужская, а охотничья. Я вдруг поняла, что чувствовали мои предки, когда предки Коула загоняли их на костер. Внутри, под этой хрупкой и уязвимой оболочкой

смертных, они были едва ли не крепче, чем любая наша магия. – Метка дает связь, так? Ты не только чувствуешь то, что чувствует ведьма, но и заимствуешь часть ее силы. А я должен быть сильнее! Я видел, на что Джулиан способен, а сейчас я не так силен, чтобы защитить тебя от него.

– Меня не надо защищать. В этом все и дело! – вспыхнула я в ответ, совсем отчаявшись разубедить его. – Я Верховная ведьма, черт побери!

– Это здесь ни при чем! Я просто не смогу смотреть на себя в зеркало, если он еще раз сделает с тобой... такое. Неужели ты не понимаешь?! Я уже не могу притронуться к тебе!

– Почему?

– Потому что я не заслужил.

Коул крепко зажмурился на миг, приложив пальцы ко лбу, будто тот разрывался от мигрени. Заболела голова и у меня, ведь все это время я ошибалась.

– Ты избегаешь меня с тех пор, – наконец сказала я то, что должна была сказать Коулу еще в машине по пути в Новый Орлеан. – Оказывается, все потому, что тебе стыдно? – Из меня вырвался нервный смешок, и взгляд Коула сделался удивленным. – А я ведь подумала...

– Что? – поторопил меня Коул с моими мыслями, не на шутку встревожившись. – Что ты подумала?

– Что я противна тебе.

Его лицо недоуменно вытянулось. Он приблизился, стирая пальцами мокрую дорожку с моей щеки, которая образовалась там от облегчения против моей воли. Я схватилась за его руку, притягивая ближе, впитывая в себя его тепло.

– Ты не можешь быть противна мне, Одри, – прошептал Коул растерянно. – Ты ведь не паук или Сэм Дрейк.

Я засмеялась, и лицо Коула сделалось таким красным, что могло осветить половину кладбища вместо свечей.

– Это... Это многое значит для меня, Коул. Твое доверие.

– Это не доверие, – вдруг сказал он, опуская наши руки, соединенные вместе. – Это преданность. Именно поэтому я хочу быть твоим атташе.

Я поджала губы, и Коул, очутившись вплотную, аккуратно поцеловал меня. Не было в этом больше вульгарности и животного вождения – поцелуй вышел самым обыкновенным, а потому он был целомудренным, ласковым и таким искренним, что я улыбнулась. Никто в моей жизни не целовал меня так, как это делал Коул.

– Отдай мне свиток, – шепотом попросила я, и ветер растрепал его кудри в разные стороны, будто упрасывая тоже. – Пожалуйста, Коул. Если ты хочешь, чтобы я была твоей Верховной, мое решение должно быть для тебя законом. Докажи, что ты правда верен мне. Отдай заклятие.

Коул был податливым, уступчивым и иногда послушным, но он никогда не был идиотом. Отдать мне свиток означало навсегда распрощаться с мечтой стать атташе.

Он опустил глаза на свои ботинки и медленно сунул руку в карман. Пожелтевший листок, который он вытащил, был в два раза меньше классического свитка, который я ожидала увидеть. Похоже, Рафаэль продал Коулу салфетку из забегаловки, на которой в спешке что-то начеркал, пока ждал горячее. Впрочем, этот небольшой листочек включал в себя все, что нужно было знать будущему атташе, – я увидела это, когда Коул вложил заклинание мне в ладонь, позволяя забрать.

Затаив дыхание, я стиснула его в пальцах и рассмотрела сквозь просветы в них рисунок ножа и пентаграммы с нужным порядком слов. Не мешкая ни секунды, я подскочила к одной из догорающих свечей на алтаре Барона и сожгла заклятье.

Коул проследил взором за тем, как тлеют на сырой земле клочки пергамента, но ничего не сказал.

– Обещаю, ты будешь моим единственным и лучшим защитником, Коул, – прошептала я, беря его за руку и растирая наши замерзшие пальцы. – Но ты останешься свободным. Ты будешь жить.

Коул с трудом отвернулся от свитка, превратившегося в пепел, и глубоко вздохнул.

– Рафаэль, – сказал он тихо и кивнул мне через плечо.

Я обернулась на Верховного колдуна, ждущего нас на извилистой могильной тропе. Он опирался на свою трость, многозначительно стуча пальцами по заветному черепу. В небе догорали звезды: за этим сумасбродством я и не заметила, как ночь стала клониться к рассвету. В омовении сигар и рома часы пролетали, как минуты.

– Подожди меня здесь, – попросила я Коула и двинулась к Рафаэлю, присевшему на одно из надгробий. Он пускал колечки дыма, пока его ковен праздновал уходящий День мертвых.

Каждая из могил вдоль этой аллеи была помечена тремя крестами, выцарапанными на камне. Я обвела одни из них пальцами, присев рядом.

– Так помечают могилы колдунов вуду, – ответил Рафаэль, стряхивая на землю сноп искр. – К сведению, это делаем не мы, а люди. Наверно, им так спокойнее. Всегда знают, кого обходить стороной.

Не дожидаясь, когда я напому ему об этом сама, Рафаэль открутил от рукояти трости череп и отдал мне. На ощупь кость была шершавой и прочной, как бивень, и даже не зная я, кому этот череп принадлежит, я бы тут же угадала: энергия от него исходила такая бешеная, что с ее помощью можно было сотворить тысячу заклинаний.

– Да, сильная ведьма остается сильной и после смерти, – заметил Рафаэль, услышав, как сбилось мое дыхание. Череп буквально вибрировал.

– Спасибо, – сказала я, поднимаясь, и уже собиралась вернуться к Коулу, когда все-таки спросила: – Почему ты не выдал меня тогда?

Рафаэль слабо улыбнулся.

– Ты про тот случай в грозу, когда я говорил с Коулом и...

– Да. Ты ведь заметил меня, правда? Вы говорили о ведьмах Шамплейн, а я пряталась и подслушивала. Ты мог сдать меня с потрохами...

– Кто я такой, чтобы разоблачать саму Верховную?

– Ты тоже Верховный.

– И лишь поэтому я властен над твоими секретами? – он зацокал языком.

– Но ты ведь считаешь себя властителем чужих судеб, – язвительно подметила я. – Ничего не помешало тебе продать Коулу заклятие атташе, стоило ему только попросить.

– Я не трепло, дорогая. Я бизнесмен, – негодуя парировал Рафаэль. – К тому же вуду – это магия желаний. Мы лучше знаем, когда и чего человек жаждет больше всего на свете. Коулу это нужно, поверь. Ты и сама скоро поймешь.

Я промолчала лишь потому, что у меня в руках был череп его матери и Рафаэль в любой момент мог передумать и забрать его обратно.

– Прощай, Рафаэль, – все, что сказала я вместо оскорблений, которые рвались наружу.

Не оглядываясь, я спустилась к воротам, где меня уже ждал Коул, и взглянула на Зою, появившуюся рядом с ним, как по щелчку пальцев. Кажется, она действительно ждала нас, ошиваясь по периметру кладбища всю ночь. У нее в руках был гигантский термос с кофе, а на плечах висела груда шерстяных шарфов.

– Приветик! – улыбнулась она и тут же протянула руки к драгоценной регалии. – О-о! Дай его скорее сюда. Прах к праху, кости к костям. Нельзя было разъединять твои останки, мамочка!

Я покорно отдала ей череп, слишком растерянная услышанным, чтобы сопротивляться. Все вставало на свои места.

– «Мамочка»? – переспросила я, благодарно надевая пальто Коула, когда он завернул меня в него. Магия, которой было покрыто белое платье, ослабевала, и на улице становилось так холодно, как должно было быть. – Ты одна из потомков Мари Лаво? Выходит, Рафаэль...

Зои чмокнула череп в темечко и спрятала его в большую сумку-баул под мышкой.

– Мой брат, – закончила она за меня, не изменяя озорству в своем голосе.

– Сколько же тебе лет? – осторожно поинтересовался Коул, и Зои пожала плечами.

– Где-то около ста, кажется. Я перестала считать после семидесяти двух. Мой день рождения в ноябре, это я знаю точно. Так мы едем или как?

Зои вальяжно двинулась через дорогу к мосту, где, очевидно, была припаркована машина Коула. Я даже не стала спрашивать, откуда она это знает.

Втроем мы дошли до джипа и открыли багажник, чтобы запихать внутрь все ее триста сумок, которые оказались сокрыты чарами, но вдруг начали размножаться почкованием у нас на глазах.

Тихо бранясь, Коул захлопнул бумажник, и я поспешила юркнуть в машину, чтобы не выслушивать его нотации, что все ведьмы – заядлые клептоманки. Дернув на себя дверцу, я ахнула, едва успев подхватить вывалившийся наружу кожаный чехол. Прежде подпирая собой дверь, он упал прямо мне в руки.

Недоверчиво заглянув под крышку, я увидела знакомый инструмент, изящный и покрытый черным лаком с позолоченным грифом. Вдоль талии скрипки Страдивари дугой тянулась надпись, выведенная кирпичной крошкой:

«Кажется, она тебе понравилась. Забыл упомянуть, что я еще и покровитель воров».

– Какая многогранная личность, – буркнула я и попыталась стереть эту надпись рукавом пальто, но ту уже сдул и унес ветер.

Зои, стоящая по другую сторону машины, присвистнула.

– Новый поклонник?

– Не уверена, что гиперлюбвеобильного духа можно назвать поклонником, – пробормотала я, садясь в джип.

Только я пристегнула ремень, как услышала с водительского сиденья закономерное:

– Барон Суббота украл для тебя скрипку Рафаэля?!

– Ой, – Зои махнула рукой, принявшись оправдывать меня перед Коулом. – Рафаэль переживет. Он крал и не такое. А ты не утруждай себя ревностью. – Я вжалась в кресло, желая провалиться от смущения под машину. Как, впрочем, и Коул, когда Зои похлопала его по плечу. – Тебя утешит, если я скажу, что видела ваше с Одри будущее? И там вы...

– Стоп! – Коул газанул так резво, что Зои откинуло назад. – Больше никаких разговоров о будущем, ладно? Знаю, это твоя фишка, но... В сотне фильмов ясно говорится, что такие знания ни к чему хорошему не приводят. Без меня, пожалуйста.

Зои закатила глаза и пожала плечами, разуваясь и забираясь на сиденье прямо с ногами.

– Если когда-нибудь решишься – спрашивай. Я могу даже имена детей назвать...

Коул зарумянился с удвоенной силой, и в зеркало заднего вида я бросила на нее предупреждающий взгляд. Зои невинно улыбнулась и, ойкнув, полезла в свою сумку-баул, доставая золотые швейные ножницы и широкую атласную ленту синего цвета.

– Ковенант, – напомнила она мне, и я почувствовала, как сердце забилося быстрее. – Дай руку.

Зои накрыла своей смуглой и маленькой ладонью мою, и вместе мы связали их лентой. Она тянула за один конец, я – за другой. Так же слаженно, как мы должны были отныне жить и колдовать.

– Ты наполнишь меня своей мудростью, – прошептала Зои, глядя мне в глаза, и Коул постарался не отвлекаться от дороги, подглядывая за нами. – А я тебя своей любовью. *Supremi venefica Audrey Defoe*. Аллилуйя, сестра!

Мой ковен ожил.

ХIII Атташе

Меня разбудил целомудренный поцелуй в висок и запах черники. Я мягко вынырнула из сна, лениво потягиваясь на постели, а затем...

Резко открыв глаза, я перекатилась и взобралась сверху, вдавив его бедра в перину матраса.

– Что? – спросила я, поймав на себе ошеломленный и распахнутый взгляд темно-карих глаз. – Это уже слишком, да?

Коул сглотнул, раскинув руки над головой и боясь пошевелиться. На нем были домашние штаны со шнуровкой и растянутая футболка, которую он отвоевал в кровопролитной войне со Штруделем, принявшим ее за свою новую подстилку. На его руках до сих пор заживали царапины. Острые скулы заходили туда-сюда, когда Коул принялся кусать внутреннюю сторону щеки, пытаясь успокоиться.

– Ты ведь все еще хочешь? – осторожно спросила я, нависнув над ним.

Коул заерзал.

– Я всегда хочу, просто... Иногда это тяжелее, чем кажется.

– Я понимаю, но...

Его футболка задралась, обнажая полоску кожи на животе, где проглядывалась редкая дорожка волос, уходящих вниз. Я сглотнула и сосредоточилась, заставляя себя смотреть Коулу в глаза, и только.

– Кто здесь охотник, а кто добыча? – подразнила его я шепотом.

Коул облизнул пересохшие губы и приподнялся на локтях.

– Кажется, я вижу твои кроличьи ушки.

– Правильно.

Коул слабо улыбнулся и поцеловал меня первым, бесстрашно приняв мои объятия. Я прижалась ладонями к его груди и застыла так, давая ему немного времени, чтобы привыкнуть к моим прикосновениям, прежде чем серьезно атаковать. Когда мышцы его, сведенные напряжением, расслабились, я уложила Коула на подушку и забралась рукой под футболку. Он часто и прерывисто задышал, жмурясь, и я затихла на какое-то время, не двигаясь, но не убирая руку.

– Я обещала научить тебя не бояться прикосновений, – прошептала я. – Но ты не обязан терпеть, если это все еще слишком тяжело...

– Нет, обязан, – решительно выпалил Коул, разомкнув веки. Взгляд карих глаз сделался голодным, как у тигра. – Ты не представляешь, как сильно я хочу, чтобы ты касалась меня. Здесь, – Он указал пальцем на свою голову. – Я наслаждаюсь. Но тело... Оно будто не слушается! Мне просто нужно немного времени...

– У меня чувство, будто я совращаю ангела.

Моя кривая усмешка ввела Коула в жуткую краску. Это было бы мило, не будь так сексуально в сочетании с его рваным дыханием и затвердевшим низом живота. Снова нагнувшись к нему, я прошлась кончиком языка по линии его верхней губы. Рука продвинулась чуть выше, к груди... Интересно, как далеко нам удастся зайти сегодня? В этом таилась своеобразная прелесть – узнавать Коула по чуть-чуть, миллиметр за миллиметром. Открывать для себя, как невиданные дикие земли. Не спешить. Удовольствия в этом занятии было столько же, сколько будет в том, к которому мы однажды придем.

После черничных вафель Зои на завтрак Коул насквозь пропитался ягодой, словно дымом. Одежда, кожа, волосы. В сочетании с его естественным молочно-мускусным запахом он пах, как сладкий рулет. Руки так и чесались обнять его. Обвив руками мою талию, Коул расстегнул пару нижних пуговиц на моей рубашке. Это не входило в наш договор: я должна была учить его близости, продвигаясь день за днем все дальше и дальше, а не наоборот. Но не дарить ласку в ответ – это было против природы Коула.

Я сплела свои ноги с его, и мы запутались в одеяле и в друг друге. Так начиналось почти каждое наше утро с той поры, как вместе с Зои мы вернулись из Нового Орлеана. Коул, раньше спавший на диване, был вынужден уступить свое место ей. И не было в моей жизни времени сказочнее, чем эти две недели, которые мы делили одну постель. Я отчаянно старалась не думать, что должна благодарить за это Барона Субботу. Кажется, его одержимость не прошла бесследно, а все еще сидела где-то в глубине нас.

Я открыла глаза и, внимательно наблюдая из-под ресниц за распаленным лицом Коула, потянула шнуровку на тесном поясе его штанов.

– Одри, я тебя... – прохрипел он, когда я выбила из него первый стон, коснувшись там, где его еще никто никогда не касался. Но затем Коул вдруг осекся, побелел и перехватил мою руку, не позволяя продолжить. – Хватит. Мне еще сегодня на работу.

– И? – спросила я, многозначительно поведя бровью.

– И я уже был в душе. Если пойду туда второй раз, то опоздаю.

– Сексуальная разрядка как раз помогает сосредоточиться...

– Меня и так достаточно сосредотачивает угроза сокращения моей зарплаты, – забормотал Коул скомканно, пытаясь натянуть назад штаны и при этом упрямо избегая смотреть мне в глаза. – Продолжим вечером, ладно?

– То есть мы все-таки продолжим?..

– Ох, я хотел сказать, увидимся.

– Нет, ты хотел сказать именно то, что сказал. Не отрицай.

Коул пробурчал что-то совсем невнятное и вылез из постели. Я закатила глаза, падая на кровать спиной и наблюдая, как он суетится, приводя себя в порядок.

– Буду вечером, – сказал Коул, клюнув меня носом в щеку напоследок. – Удачной магической практики. Постарайся не разнести дом!

Он вышел из комнаты быстрым шагом, прихватив с собой ключи от машины, и, когда в коридоре хлопнула дверь, я тяжело вздохнула и все-таки выбралась из кровати. Практика... Две недели мой день начинался с Коула, а затем он продолжался с обучения у Зои. Это было увлекательно в той же мере, как и изматывающе. Но, умывшись, я в полной боеготовности вышла к своему милому учителю, ведь, как бы спокойно ни прошел этот месяц, по ночам мне все еще снились кошмары.

Невольно задержав взгляд на тонком шраме, белеющем вдоль ладони в память о сделке, заключенной с Джулианом, я села за стол, принимая из рук Зои тарелку с пирамидкой из вафель.

– С очень добрым утром, – промурлыкала она, широко улыбаясь.

На ней были мешковатые штаны, как у арабских торговцев, и теплый свитшот. Ленточки в черных волосах, заплетенных во французскую косу, сменились на драгоценные заколки: за каждой прядью мерцало золото и камни. Где-то изумруд, а где-то рубин. Я удивилась тому, как она умудряется носить на себе столько тяжести, но тут увидела еще и громоздкие серьги с хитросплетением колец и перестала чему-то удивляться вовсе.

– Спасибо, что не ворвалась сегодня к нам в комнату, как вчера, – припомнила я недовольно, но тут же погрузилась в черничные вафли и в прямом, и переносном смысле. – М-м, они божественны!

– Так и есть, – кивнула Зои, забираясь на стул напротив прямо с ногами. – Как поживают твои сны? Пока не снилось ничего... этакое?

– Ты имеешь в виду что-нибудь такое, что можно принять за предсказание? – уточнила я. – Нет, ничего. Все как всегда. Только мой обезумевший братец и всякая дребедень. Эй, котики! – Я потрясла золотым браслетом на запястье и наклонила тарелку со стола так, чтобы одна из вафель соскользнула вниз. Не долетев до пола, она была встречена пастями трех голодных гримов. – Приятного аппетита.

Лицо Зои переменялось. Верхняя губа поджалась и задрожала, как у кролика, обнажая зубы. С демонстративным отвращением она сдвинулась на край стола подальше от трех котов, с жадным чавканьем уплетающих свой завтрак.

– Ты с ума сошла?!

– А что такого? Черт, кажется, я забыла представить вас друг другу...

– Как ты додумалась пригреть у себя в доме *это*?

Я скинула еще одну вафлю, а затем проткнула вилкой следующую, чтобы съесть уже самой.

– Иногда они выручают меня. Да и не выкидывать же их на улицу?

Я почесала Блуда за порванным ушком. Он заурчал, так обманчиво похожий на обычного кота.

– Ты хоть знаешь, что это такое? – прошептала Зои, не переставая говорить «*это*» таким голосом, будто речь шла о всепожирающем Ктулху.

– Да, знаю. Это гримы, Зои, порожденные гадкой человеческой натурой. Чего ты их так боишься?

– Гримы?! – переспросила Зои и нервно засмеялась. – Ты правда не видишь... А, неважно! Лучше забудь. Просто... Убери их, пожалуйста.

Я насторожилась, вновь тряся браслетом. Облизываясь, коты прильнули к моей ладони, потираясь о нее угольными шкурками. Глаза Эго недобро сверкнули в сторону Зои, налитые красным янтарем, и рассеялись следом за остальным телом, как утренний туман.

Она брезгливо поежилась.

– Итак, начнем. Давай, как обычно, для разогрева, – сказала Зои, выуживая из-под стола карточки с цветными кляксами, похожими на картинки Роршаха. – Что ты видишь вот здесь?

Жуя вафлю, я пригляделась. На первой карточке, плавно переходя в зеленый, расплывалось красное пятно. Если бы я не знала, что это рисовала сама Зои гуашью, то я бы сказала, что кого-то просто вырвало на холст.

– Хм, я вижу здесь... Кузнечика? Это ведь кузнечик, да?

– Что? – Зои развернула карточку к себе, хмурясь. – Где ты здесь увидела кузнечика?

– Ну, вот лапки, а здесь такие смешные усики и...

– Ох, – Зои спрятала карточку в кучу других и сложила их стопкой. – Ты ведь помнишь, в чем смысл упражнения? Ты должна чувствовать, а не фантазировать! Предвидение – это эмпатия. В основе прорицания лежит символизм и способность сопереживать. Лишь научившись читать знаки, что тебя окружают, и пропускать их сквозь себя, ты сможешь видеть чужие судьбы.

– Я все равно не понимаю, – вздохнула я, откидываясь на спинку стула.

Зои застонала и вытащила другую карточку. На ней, сплетаясь в колосок, тянулось два зигзага – оранжевый и фиолетовый.

– Посмотри, – мягко сказала Зои, пододвигая карточку ближе. – Это просто абстракция, не несущая смысла. Этот смысл вкладываешь ты сама. Вот я вижу здесь маленькую девочку, играющую в прятки с братом. Они неразлучны, как два сапога. На улице солнечный день, а рядом крикают утки... Мыльные пузыри плывут по ветру. Они дерутся за баночку с ними. Теперь ты понимаешь? – спросила Зои, подняв на меня глаза, чтобы увидеть, как я побледнела, ведь каждое ее слово описывало памятный день из моего счастливого детства. – Я вижу это здесь, потому что я открыла свое сердце миру. А что видишь ты?

Я склонила голову набок, пытаюсь взглядеться в карточку, и пожала плечами.

– Гусеницу.

– Одри! – Зои хлопнула себя по лбу. – Ты даже не стараешься! Мы уже две недели над этим бьемся...

– Ну не выходит у меня, и все тут! – всплеснула руками я. – Я стараюсь, Зои, правда. У меня вообще плохо с живописью, особенно с экспрессионизмом. Может, попробуем что-нибудь другое?

Зои закатила глаза и обиженно убрала карточки, выбравшись из-за стола. Присев на угол тумбы в прихожей, она достала из сумки кое-что круглое.

– Мне нужно подумать, – пробормотала Зои, откручивая из-под черепа своей матери металлическую бляшку, которая скрывалась там все это время. Высыпав себе на запястье дорожку из белого порошка, она зажала одну ноздрю пальцем и втянула его в себя.

В первый раз, когда Зои сделала так в машине, Коул чуть не вышвырнул ее на улицу на полном ходу.

– Мы целую ночь проторчали на кладбище для того, чтобы вернуть тебе копилку с кокаином?! – вскричал он тогда, ударив по тормозам так, что я чуть не расшибла себе нос о бардачок. – Я не повезу к себе домой наркоманку!

– У меня нет зависимости, – закатила глаза Зои, вытирая нос и стряхивая порошок с заднего сиденья. – Кокаин просто помогает мне держать свой дар в тонусе.

– Я думал, мы вернули тебе семейную реликвию... Это же череп твоей матери! – продолжал кричать Коул, пока я пребывала в молчаливом смятении. – А ты насыпала в ее голову кокаин! Разве это не оскверняет ее память?

– Ты не знал Мари Лаво, – ухмыльнулась Зои, закручивая на черепе крышку. – Поверь, она была бы только рада, что даже ее останки приносят пользу, а не гниют где-то в земле.

После Зои клятвенно заверила Коула, что не будет делать так в его квартире. Но делала.

– Ладно, долой символизм! – вскрикнула Зои, прибодрившись, и спрятала череп в сумку. Ее глаза блестели не то от энтузиазма, не то от кокса, которым ей платила мафия за ее гадательные сеансы. – Сядь, как я тебя учила. – Я отодвинулась от стола, подогнула под себя

ноги и села в позу лотоса, выпрямив спину. – Теперь закрой глаза и сделай несколько глубоких вдохов. Дыши медленно. Сосредоточься на моем голосе. Спроси себя: что Зои сделает в следующую секунду?

Я приоткрыла один глаз, вопросительно взглянув на хитрую ухмылку Зои, и неуверенно промычала:

– Ты... погладишь Штруделя?

Кот, лежащий буханкой в своей подстилке, многозначительно мяукнул, откликаясь на имя.

– Ну вот, молодец! – похвалила меня Зои и наклонилась, почесав его за ушком. – Уже что-то.

– Да просто еще ни одно твое утро не проходило без тисканья Штруделя. Не в предвидении дело, – буркнула я, выпрямляя ноги.

– Тогда спроси себя, что сейчас случится на улице. Там ваш сосед паркуется... – пробормотала Зои, отодвинув плотную штору в гостиной и выглянув в окно.

С губ сорвалось быстрее, чем я успела обдумать то, что собираюсь сказать:

– Слишком тесно. Он не влезет.

И в следующую секунду спокойствие улицы нарушил пронзительный визг сигнализации. Кто-то действительно задел бампер внедорожника, пытаясь припарковаться. Я подскочила к окну, не веря самой себе. Зои улыбнулась, мягко и торжествующе.

– Вот так это и работает, Одри. У тебя это на уровне инстинктов. Просто, как мы выяснили, символизм и впрямь не твое. Значит, продолжим двигаться в этом же направлении...

– И мне можно больше не мыться холодной водой? – с надежной уточнила я, содрогнувшись при одном лишь упоминании этого. – Я вообще не понимаю, как эти средневековые пытки способны разбудить хоть в ком-то интуицию! Даже твой совет налить на пол воду и водить по ней ладонью кажется мне более адекватным, чем это.

Зои хохотнула, но тут же приняла серьезный вид.

– Ты сама хотела освоить дар как можно быстрее. Вода – лучший проводник для его постижения. Но холодной можешь больше не мыться, ладно. Ограничимся умыванием.

Зои бодро хлопнула меня по плечу, а затем куда-то засобиравшись, побежав одеваться.

– Куда это ты? – нахмурилась я, вернувшись к завтраку и допивая свой кофе. – Съезжаешь?

– Не вечно же мне тусоваться с вами, ребята. Я тут как третье колесо у велосипеда, – хмыкнула она не без ехидства, застегивая куртку. – В квартале отсюда сдается миленькая квартира. Иду ее посмотреть. А вечером у меня свидание.

– Свидание? Быстро же ты освоилась в новом городе, – восхитилась я. – И с кем же?

– Да так, приглянулся один красавчик в баре. Он тоже работает в полиции. Наверно, фетиш на детективов – это заразное, – ухмыльнулась Зои. – И, кстати, еще одна порция советов: не сиди дома, хорошо? Тебе нужно научиться чувствовать окружающий мир. Попрактикуйся сегодня на улице, в полевых условиях. Поброди по городу, понаблюдай за людьми... А еще лучше – бери Коула и езжайте куда-нибудь вместе на выходные. Вам обоим это надо... Сама знаешь. Приятное с полезным, так сказать.

Я почувствовала, как по лицу растекается жар, словно на меня выплеснули сотейник раскаленного масла. Зои хихикнула и обвязала вокруг шеи кашемировый шарф.

– Из-за прошлых отгулов Коул сейчас зашивается с работой, – принялась отнекиваться я. – Хватит с нас разездов.

– Как знаешь, – пожалала плечами Зои. – Но заодно вы могли бы съездить в Нью-Гэмпшир. Ты разве не хочешь узнать, почему Барон советовал тебе обратиться к родному отцу? Не зря след от книги Авроры ведет туда же. Твой отец явно что-то знает.

Я поморщилась, еще не готовая обсуждать этот вопрос. После того как мы втроем вернулись в Бёрлингтон, вместе с Зои я провела обряд, чтобы выяснить, кто украл гримуар Авроры. Как и слова Барона, тонкая дорожка из риса, рассыпанного на карту, протянулась до города Манчестер.

– Что бы там ни было, оно ждет тебя, – вторила моим мыслям Зои. – Рано или поздно тебе придется с этим встретиться.

– Я знаю, – призналась я, плотно сжав губы. – Но лучше поздно. Я еще не смирилась с мыслью, что моя мать была изменщицей. К тому же если книгу Авроры украл кто-то, кто тоже живет в Нью-Гэмпшере, как и мой... отец, то мне и с ним придется иметь дело. Нужно еще немного попрактиковаться перед этим. А когда, кстати, ты сама созреешь для откровений? Что произошло у тебя с Рафаэлем? Вы ведь, как никак, семья.

– Тебе ли не знать, как часто люди переоценивают семейные узы, – фыркнула Зои, застегивая замшевые ботфорты на высоком каблуке. Глядя на них, я тут же захотела себе такие же. – Если коротко, то когда-то это меня Мари Лаво должна была назначить своей преемницей, но Рафаэль сделал все, чтобы занять мое место. Долгая история, на лет этак пятьдесят. Но все, что ни делается, то к лучшему. – Она бодро подмигнула и, прежде чем вылететь из квартиры, повторила напоследок: – Не сиди дома! И не трать все деньги с карточки Коула, иначе вы снова поссоритесь.

Я пресекла свои мечтания о шопинге и затрясла головой, которая для Зои была будто прозрачной.

За полчаса мне удалось перемыть посуду и навести порядок в доме, даже не вставая при этом с дивана. С тех пор как мой ковен пополнился, я будто открыла в себе второе дыхание – больше магии, больше энергии. Силы Зои поддерживали мои, стекались воедино, как две реки в одно русло. Закончив с уборкой, я собрала банку трав, которых, благо, у Зои всегда было в избытке, как и колдовского опыта. Именно она рассказала мне об одном нюансе, который забыли дописать в главу «Versipellis»: после укуса оборотня могут возникнуть осложнения, как после ветрянки, перенесенной на ногах. Так, в первый же рабочий день после выписки из больницы Сэм заказал себе на обед сырой стейк, а вечером чуть не подрался с начальником. Из-за этого его снова отправили в бессрочный отпуск.

Закрутив банку с лекарством, я тепло оделась и заставила себя выйти из дома. Делала я это все реже и реже: после встречи с Джулианом во мне снова проснулось отточенное желание прятаться и не высовываться наружу. Открыв на телефоне навигатор, спустя двадцать минут я уже была на пороге Сэма. Когда мы навестили его с Коулом впервые, мной овладел ужас: Сэм жил в старой пятиэтажке с облезлой лестницей, утопанной окурками. Внутри его квартиры было ничуть не лучше: коридор, захламленный коробками, будто Сэм переехал сюда неделю назад, скудное убранство и безвкусные оранжевые обои.

Уже предвкушая, как я снова увижу все это и захочу нанять ему дизайнера интерьера, я постучалась. Из квартиры доносился рокот музыки – тяжелый металл, за который Сэма, должно быть, уже возненавидели соседи.

– Опять ты, – поприветствовал меня он в своей излюбленной манере, выглянув из-за двери и вытирая лоб боксерской перчаткой. – Что ты здесь делаешь?

На нем не было майки, зато были красные шорты почти до колен. Грудь блестела, мокрая от пота. Почти все тело Сэма было рельефным, включая кубики пресса на животе и мышцы рук. Очевидно, я прервала его тренировку напротив боксерской груши, для которой была отведена целая комната возле спальни.

– Сон нормализовался? – спросила я, ставя на плиту чайник, чтобы заварить травы.

– Да, но сегодня опять спал паршиво, – пожаловался Сэм, и я выглянула в окно. Тусклый лик полной луны висел в небе, выделяясь сквозь облака даже днем.

– Хм, странно, с чего бы это, – ответила я, стараясь скрыть сочившийся сарказм в голосе, который Сэму, увы, было не понять с его амнезией.

Он обтер влажным полотенцем лицо и швырнул его на кухонную тумбу, на которой были рассыпаны шоколадные хлопья. В остальном здесь было на удивление прибрано: стопки одежды, электрогитара в углу, плазменный телевизор и гантели, о которые я чуть не разбила ноги. Я бы назвала это холостяцкой берлогой, если бы в воздухе не пахло ванильной аромасвечкой.

– В прошлый раз здесь было более... грязно, – заметила я, озираясь.

Сэм, кажется, смутился, будто уличить его в гостеприимности было то же самое, что в грехе. Фыркнув, он подошел ко мне, когда я заливала кипятком травы, и рывком выхватил кружку.

– Напомни, зачем я должен пить эту дрянь?

Я сощурилась, судорожно вспоминая легенду, которую придумал для Сэма Коул.

– Это просто китайский чай. Успокаивающий. Мой знакомый гомеопат считает, что хороший чай – лучшее средство для заживления ран и на теле, и на душе...

– С моей душой все в норме, – возмутился Сэм, делая маленький глоток. – Ты ведь не считаешь, что мне может нанести психическую травму какая-то вшивая дворняга? – Он хохотнул, и я постаралась ничем не выдать себя, невозмутимо улыбаясь в ответ. – В меня несколько раз стреляли, куколка. Уколы от бешенства после такого, как царапины на коленках.

– Но спать ты ведь и впрямь стал крепче, – подметила я, закручивая банку и ставя ее на видное место у подоконника. – Не забудь: пить надо два раза в день, утром и вечером. Закончишь эту банку, и все. Считай, переродился. Коул договорится, и тебя вернут на работу.

Сэм пожал плечами и глянул в свою кружку, где плавал лист папоротника.

– К сведению, я пью этот чай только потому, что он мне нравится сам по себе. Приятный вкус. Чем-то похоже на молочный улун.

– Это и есть молочный улун, просто с добавками, – соврала я, дожидаясь, когда Сэм допьет при мне всю кружку.

Градины пота еще блестели на его коже, покрытой шрамами то тут, то там. Под ребрами действительно виднелся бледно-розовый крест от пулевого ранения. Такой же был и на спине. Вдоль правой руки тянулась татуировка из щупалец осьминога – монстр Кракен. На левой же по-прежнему зияли углубления от снятых швов: плечо, растерзанное оборотнем в клочья, едва зажило. Рубец там остался не хилый – выпуклый, широкий и повторяющий форму волчьих зубов.

Возвращаясь к боксерской груше, Сэм вылил себе на голову половину бутылки с водой, чтобы остыть, и его волосы примялись, рыжие, как языки пламени.

– А где бутылки из-под виски? – шутливо спросила я, обойдя комнаты и даже мельком заглянув в мусорное ведро.

– Я завязал.

Я прыснула со смеху, и Сэм, ударив по груше, обиженно насупил.

– Что? Я, по-твоему, совсем алкоголик? Можешь сама проверить холодильник.

Из чистого любопытства я открыла его, но обнаружила внутри лишь кучу свежих овощей, пару полуфабрикатов и свежевыжатые соки. Тогда, недоверчиво взглянув на банку с травами Зои, я пригляделась к ней поближе. Интересно, что еще она туда добавила? Свой кокаин?

– Слушай, давно хотел спросить. – Сэм поймал раскачивающуюся грушу и обнял ее, покачиваясь. – Я почти ничего не помню с того дня в доме Хармондов, но... Почему с тех пор меня преследует дикое чувство стыда, когда я тебя вижу?

Я поперхнулась, не зная, что ответить. Магия магией, но Сэм все равно помнил, что натворил. Раковина, подпирающая мне поясницу, его руки под моей одеждой и воспаленные, горячие губы, целующие с утробным рыком. Откровение и чувства, на которые я не могла

ответить взаимностью. Мне хотелось, чтобы гримы тогда сожрали их вместе с его воспоминаниями, но, судя по всему, они проросли слишком глубоко, как сорняки.

Задумавшись, я тоже толкнула грушу и ушибла пальцы. Сэм перехватил их своей рукой, массируя костяшки, чтобы унять боль.

– Не знаю. Ты вел себя не грубее обычного, – попыталась отшутиться я, ловко выскользнув из его хватки и отступив. Сэм будто не заметил этого, сохраняя угрюмо-равнодушное выражение лица. Сигнал будильника, вдруг раздавшийся нараспев, спас нас обоих.

– Черт! – выругался Сэм, подрываясь к сотовому телефону. – Уже пора собираться.

– На свидание? – поддела я, и Сэм неожиданно кивнул.

– Да.

Я вскинула брови.

– Ее зовут Зои. Милая, но... Тараканов у нее в голове пруд пруди! Впрочем, в этом даже что-то есть.

«Это не мое дело!» – повторила я про себя десять раз, пока брала рюкзак со стула и пятилась к двери. Похоже, Сэма влекло к ведьмам как магнитом. Но...

«Это не твое дело, Одри!»

– Тогда удачи. Не забывай пить свой чай!

– Да, мам.

Уже уходя, я поймала его усмешку, а затем выскочила из квартиры. Воткнув наушники, я немного побродила вдоль оживленных улиц города, а после зашла в одну из кофеен с полками книг и уселась за стойку возле окна, открыв гримуар.

Каждую ночь в дополнение к снам о Джулиане мне снилось, как я открываю Книгу на последней странице. А затем не спеша переворачиваю и ее, чтобы всковырнуть обложку канцелярским ножиком. Там я нахожу несколько слов на арамейском, и они позволяют мне читать главу Шепота так, будто она вовсе не написана на немецком, которого я не знаю. Я распробую эти заклятия, как блюда молекулярной кухни, и нет ничего приятнее, чем наконец-то чувствовать себя могущественнее Джулиана.

– Ваш апельсиновый лимонад, – улыбнулась официантка, ставя передо мной стеклянный кувшин.

Я растерянно кивнула, снова обнаружив, что уткнулась в главу Авроры носом. Поспешно захлопнув гримуар из сизого бархата, я закинула его в сумку и сделала глоток лимонада, стараясь сосредоточиться на том, что происходило за панорамным окном кафе.

– Ты сейчас уронишь телефон, а ты споткнешься, – бормотала я себе под нос, пялясь на прохожих. – А тебя собьет автобус на переходе... Ладно, шучу, не собьет. Черт, ничего не получается.

Радуюсь хотя бы тому, что одно из десяти названных мною событий произошло, – мужчина действительно споткнулся, забыв завязать шнурки, – я, немного разочарованная, провела так несколько часов и уже выпила не один графин лимонада. Но мой «третий глаз» упрямо не хотел открываться.

«Жду тебя у причала», – сообщил телефон, мигнув и завибрировав.

Отправив Коулу в ответ сердечко, я поспешила оплатить счет в кафе и побежала к озеру, но не устояла и заглянула по пути в местный молл, чтобы прикупить новую красную помаду. В результате к Шамплейн я, конечно, явилась с опозданием.

Коул уже давно ждал на мощеной набережной. На волнах колыхались белые катера, а вокруг не было ни души, хотя рабочий день уже подходил к концу. По пятницам жители больше предпочитали шумные бары, нежели тихие прогулки по лесу, как мы с Коулом. Наши свидания за эти недели проходили здесь не раз, поэтому я знала, на каком причале именно его искать. Завернутый в теплое серое пальто, под которым скрывалась кобура со значком, он растирал

замерзшие руки, любуясь, как лес, окружающий Шамплейн, поредел и окрасился в яблочно-желтый.

Я мягко обняла Коула сзади, подкравшись со спины, хотя знала, что все равно не сумею застать его врасплох.

– Тебя отпустили пораньше? – спросила я, утыкаясь носом ему в плечо.

Коул повернулся, и его холодная рука легла мне на талию. Я тут же переняла ее в свою, делаясь теплом.

– Ага, я снова вышел на свои прежние показатели эффективности. Дело о жертвоприношениях взяло ФБР, так что я пока занялся другими. Как детектива меня это удручает, но как охотника и... – Коул сделал паузу, собираясь с духом, прежде чем произнести это: – твоего парня, даже радуется. Поехали?

Он кивнул на машину, припаркованную на углу, и я подозрительно нахмурилась.

– И куда мы едем? – спросила я, забираясь внутрь и замечая несколько пакетов с продуктами и теплыми вещами, сложенных сзади. Похоже, Коул успел побывать дома.

– За город, – улыбнулся он, заводя мотор, и я устало застонала. – Зои сказала, тебе нужно больше единения с миром. Нельзя освоить дар предвидения, запершись в четырех стенах.

– Вы оба преувеличиваете, – буркнула я. – Я гуляла сегодня. Даже к Сэму зашла, чтобы занести травы...

– Ты была у Сэма? – переспросил Коул напряженно. – Одна?

Я взглянула на него с непониманием.

– Ты всерьез думаешь, что он может мне навредить? К сведению, он почти пропил курс трав. Его давно можно выпускать в общество.

– Я не об этом. – Коул вдруг стушевался, и мне стало еще интереснее. – Я мог бы сам завезти ему травы по пути. Он... начал слишком часто расспрашивать о тебе.

Я закусила нижнюю губу, чтобы не улыбнуться.

– И ты ревнуешь?

– Нет! – выпалил Коул чересчур громко, чтобы я ему поверила. – Просто у меня такое ощущение, будто я чего-то не знаю. Когда Сэм был укушен, он ведь ничего тебе не сделал, правда?

Я стиснула пальцами кожаную обивку кресла и покачала головой.

– Сэм идет на свидание сегодня, – решила сменить тему я. – С Зои, представляешь?

– Ого, – Коул криво улыбнулся. – Спорим, он не продержится и часа?

– Полчаса, – поддержала я.

– Особенно если узнает про ее... «вдыхательную» практику, – хмыкнул Коул, и я в очередной раз тщетно попыталась выгородить Зою:

– У ведьм нет таких зависимостей, как у людей. Мы крепче во всем: генетика, психика, иммунитет, сила воли... Конечно, я не одобряю кокаин, – поспешила добавить я, когда Коул бросил на меня красноречивый взгляд. – Но она первая ведьма в моем ковене, причем весьма полезная и умная. У нее особые привилегии.

Коул зацокал языком, но я тут же включила диск Бритни Спирс, чтобы не дать ему разойтись. К пятидесятой песне, которой Коул подпевал, как и первой, мы остановились у коттеджа с васильковой крышей, который я запомнила по тому, что нашла однажды внутри.

– Вы снова в родных краях, – шепнула я золотому браслету, где прятались трое демонических котов.

Те среагировали мгновенно, расползаясь по капоту автомобиля с воплями, когда один хвост болезненно тянул за собой другой.

– Когда ты нас покормишь? – жалобно мяукнул Блуд. – Кушать хочется.

Я встретила неоднозначный взгляд Коула и невинно улыбнулась, пожав плечами.

– Все мы немножко Блуд, – пошутила я. – Мне тоже не помешало бы подкрепиться, как и тебе после работы. Мы будем что-то готовить?

Коул достал с заднего сиденья несколько пакетов и отдал мне самый легкий.

– Да, я кое-чему научился у Зои, – ответил он. – Так что сегодня черед моих кулинарных изысков. На всякий случай я взял аптечку.

Я засмеялась, и мы вошли в дом, холодный и унывающий без жильцов. Небо на улице затянуло промозглыми тучами: те не пропустили закат, и ночь подкралась незаметно. Поставив пакеты на диван, Коул принялся на ощупь искать выключатель. Тот щелкнул, однако свет так и не загорелся.

– На той неделе была гроза, – задумчиво протянул он. – Некоторые постояльцы жаловались на перебои в электричестве. Здесь иногда выбивает пробки из-за непогоды. Надо посмотреть щиток в подвале.

– Пусть этим займется кто-то другой, – отмахнулась я и взглянула на гримов, льнувших к пакетам с закусками и урчащих в предвкушении их любимой ветчины. – Для вас есть дело, мальчики.

– Мы тебе не электрик! – огрызнулся Спор, но Блуд быстро приструнил его:

– Я голоден, а без электричества они ничего не приготовят. Нет света – нет кушанья!

– Здесь газовая плита, – фыркнул Эго. – Уж как-нибудь справятся.

– Нет-нет, Блуд говорит верно, – подхватила я, подмигнув Коулу. – Нет электроэнергии – нет еды. По крайней мере, для вас.

Гримы зашипели и встали на дыбы, но, переглянувшись, синхронно двинулись к двери, ведущей в подвал. Конечно, не пренебрегая при этом проклятьями на латыни.

– А ты не хотел их заводить, – усмехнулась я и кинула в руки Коулу батон хлеба, вытященный из пакета. – Давай пока займемся продуктами.

Мы прошли на кухню и принялись раскладывать в темноте продукты. Коул принес из спальни несколько увесистых свечей, и я зажгла их одним взглядом, демонстрируя свои новые возможности, на что Коул восхищенно поаплодировал. Из-за тающего воска в воздухе запахло чем-то масляным, а когда я закатала рукава свитера и встала плечом к плечу с Коулом, чтобы размять мягкий сыр для спагетти, эта сладость смешалась с его парфюмом. Аромат, острый, как морозная свежесть, и горько-сладкий, как зимние ягоды с шафраном. Я улыбнулась, наблюдая, как он нарезает овощи, пододвинув к разделочной доске свечу, чтобы не порезаться. Кожа зудела, желая дотронуться до кожи его, но я держалась. Такой домашний, расслабленный и увлеченный, Коул мурлыкал что-то в унисон своим мыслям, стараясь приготовить нечто особенное.

– Так, теперь соль... Стоп, а сколько соли надо? Черт, я забыл.

Я увидела нотку паники в его глазах и хихикнула, беря солонку и приправляя овощи, шкварчащие на сковороде.

– Спасибо, – сказал Коул, мягко целуя меня в щеку, но тут же отобрал солонку и осторожно отодвинул от плиты. – Но вообще-то сегодня готовлю я, так что брысь!

Я запрыгнула на высокий стул и заболтала ногами, поглядывая на открытую дверь подвала, откуда, зайдя, гримы так и не вышли.

– Похоже, мы останемся без электричества, – вздохнула я. – Впрочем, так даже романтичнее.

Пламя свечей танцевало на деревянных стенах кухни и на бледной коже Коула, окрашивая ее в солнечный цвет. С приходом осени его волосы стали виться еще сильнее, и кудри падали ему на глаза, мешаясь. Сейчас он был воплощением спокойствия, которого нам обоим так не хватало. Я любовалась им, поставив подбородок на сложенные руки. На кухне все сильнее пахло специями и жареным луком.

– Ты очень красивый, – заметила я.

Коул не повернулся, но по одному звуку его голоса я и так поняла, как его до сих пор смущает подобное:

– Знаю. Ты уже говорила. И ты, кстати, тоже ничего. В смысле... – Он отвлекся от разделывания куриного бедра и застонал, пытаясь подобрать лестные слова, которые никогда ему не давались. – Не «ничего», а очень чего. То есть...

– Ага, я геометричная и симпатичная, как ромб. Я помню, – серьезно кивнула я, поправляя свои волосы, уже отросшие, но так и не достающие до плеча.

Коул ударился лбом о дверцу шкафа, доставая тарелку, и я, развеселенная, спрыгнула со стула.

– Пойду разберу наши вещи, – сказала я, двинувшись в гостиную. – И заодно принесу молоко. Мы ведь сегодня пьем какао, да?.. Ну вот, я почти провидица! – обрадовалась я, действительно достав из пакета пару бутылок молока, какао-порошок и маршмеллоу.

Коул затарахтел чем-то на кухне, а я, копаясь в наших вещах, вдруг свалила с дивана его расстегнутую сумку. Оттуда выкатилась еще одна, поменьше, набитая доверху чем-то тяжелым и звонким. Поднимая упавшее, я заглянула внутрь, проверяя, не разбилось ли чего.

Первым в моей руке оказалось бронзовое зеркальце Коула, которое должно было лежать у меня в рюкзаке вместе с гримуаром. А затем, растерянная, я вытащила из сумки еще кучу странностей: фонарик, разобранные факелы, банку с морской солью, маленькую бутылочку с вином и нож-атам из чистого серебра, перевязанный красной лентой.

Я открыла зеркальце и, увидев в нем свое отражение, перевела взгляд на атам.

«Первый шаг – принести в жертву вещь, самую близкую твоему сердцу, ибо отныне лишь ведьма имеет на него право».

Я читала это. Я знала это наизусть. Заклятие из книги ковена, которому мама меня учила, чтобы, когда она умрет, я смогла дать Рэйчел вескую причину не отправляться следом за ней.

Коул собрал почти все ингредиенты, необходимые для ритуала атташе.

Запихнув все вещи обратно в злополучный мешок, я на дрожащих ногах вернулась на кухню и застыла, глядя на Коула, пританцовывающего во время готовки.

– Как ты запомнил? – спросила я в лоб, и Коул повернулся, непонимающе хмурясь. Тогда я швырнула мешок ему в ноги. – Ты успел переписать свиток Рафаэля до того, как я сожгла его?

Лицо Коула не изменилось. Он убавил огонь на плите и поднял одной рукой мешок, по-прежнему удерживая в другой руке нож, испачканный в томатном соке.

– Я же охотник, Одри. А еще у меня синдром Аспергера. Это часто подразумевает феноменальную память. Называется эйдетизм, – принялся снисходительно объяснять Коул, глядя мне в глаза. – Я могу закрыть глаза и назвать каждый твой шрам, родинку или веснушку. Я помню, на каком плече у тебя висел рюкзак, когда мы впервые встретились. Я помню каждую минуту своей жизни, начиная с четырех лет. Я могу пересказать тебе каждую из них точь-в-точь. Как думаешь, сколько времени мне надо, чтобы прочитать и запомнить одну страницу? – спросил он риторически. – Семь секунд.

Мне не хотелось верить в то, что я слышала, но хладнокровное спокойствие Коула говорило само за себя: все происходит взаправду. И ни разговоры с ним, ни сожжение свитка не уберегли его от того, что я обещала Гидеону не делать никогда в своей жизни.

Я обещала не убивать Коула, но он, как всегда, решил все сам.

– Ты поэтому привез меня сюда? – прошептала я. – Этот ритуал надо проводить в лесу. Ты хотел сделать это, когда я буду спать, да?

Он не ответил. По крыше забарабанил дождь: гнусно-серое небо наконец-то изверглось. Ветер за окном выл, и мне хотелось кричать вместе с ним: нет, нет, нет! Дома словно резко похолодало, хотя Коул приоткрыл работающую духовую печь, чтобы жар шел наружу. Он не сводил с меня глаз, черных и блестящих, как два агата. А затем вдруг сделал шаг вперед. Его пальцы вокруг рукоятки ножа сжались так крепко, что побелели сухожилия.

– Не надо, Коул, – взмолилась я из последних сил.

Он очутился ко мне вплотную и схватил за предплечье, не давая сбежать. Я забрыкалась, сыпля заклятиями, которые на охотников все равно не действовали. Вскинув нож, Коул замахнулся и полоснул меня по руке чуть выше запястья. Я вскрикнула, и тогда он отпрыгнул, глядя на вязкие капли крови, капающие ему на ботинки.

– Извини, – выдавил он едва слышно и, схватив сумку с ритуальными принадлежностями, выбежал на улицу, даже забыв прихватить пальто.

Меня знобило. Я опустила на пол и поджала колени, раскачиваясь вперед и назад, чтобы успокоиться. Из транса меня вывел лишь запах пригорающих овощей. Подскочив к плите и выключив ее, я посмотрела Коулу вслед: он оставил за собой распахнутую дверь. Ветер гнал красно-желтые листья вглубь дома, и я, натянув на кровоточащий порез рукав свитера, выбежала из дома.

Я кружила вокруг коттеджа, зовя его по имени как одержимая. Дождь заливал лицо, просачиваясь сквозь одежду. Пытаясь выискать в грязи следы ботинок Коула, чтобы догнать и остановить раньше, чем он сотворит непоправимое, я прошла вдоль кромки леса. Вокруг было слишком темно, чтобы, рискуя зайти в лес одной, не заблудиться.

– Коул!

Зарычав от бессилия и ярости, я вернулась обратно к крыльцу и спряталась в доме.

В комнатах зажегся свет, и из подвала донеслось довольное урчание гримов, наконец-то починивших щиток с электричеством.

Сняв с себя мокрую одежду, я отмылась в ванной от грязи, в которой испачкалась, пока бродила по округе в осенний ливень. Переодевшись в шелковую пижаму, я, стараясь справиться с беззвучным рыданием и дрожью, заварила себе мятный чай. Прошло больше часа, но колотить меня так и не перестало. Коул не вернулся тоже. Где-то в роще деревьев и в кругу факелов он, преклонив колени, обрекал себя на неизбежное. Я то и дело выглядывала в окно, за которым, кроме ночи и бури, ничего не было видно. В надежде застать мигание его фонаря, я открыла шторы и свернулась калачиком на диване в гостиной.

Под стук дождя, сопровождающийся грохотом посуды с кухни, где гримы ужинали полу-сырой пастой, я и задремала. Отопление заработало, и в доме сделалось теплее, но внутри меня это ничуть не согрело. Я все еще дрожала, даже завернувшись в двойной слой одеяла, пока входная дверь наконец не скрипнула. Порыв ветра безжалостно ворвался в дом с новой силой.

Сузив глаза, я приподнялась на локтях, подставляя лицо острому лучу света, впущенному в гостиную с крыльца. Коул прошел мимо абсолютно невозмутимо: минул диван, на котором я лежала, и, сбросив подушки с кресла-качалки на старый ковер, растянулся прямо на полу. С него капала дождевая вода: она насквозь промочила его тонкие брюки и водолазку. Я не могла выдавить из себя ни слова, ведь вместе с его приходом с улицы повеяло чем-то еще... То был вовсе не запах сырости или подгнившей травы. То был запах холода, металла и разреженного горного воздуха. Удивительно, но факт – так всегда пахла свежая магия.

– Где ты пропадал? – спросила я приглушенно, на что Коул только молча подложил под голову руки.

Его пальцы нырнули в собственные кофейные кудри, и, пока правое запястье полностью не скрылось под ними, я разглядела тонкую чернильную полосу, увивающую его, – там же, где был и мой порез. Вдруг осознав, что рана больше не ноет, я задрала рукав пижамы: багровая ссадина превратилась в черную метку, будто ее вывели на мне чернилами, пока я спала. Мне потребовалось просидеть пару минут в тишине, жадно вбирая в себя каждый ее миллиметр, чтобы убедиться окончательно: то был больше не шрам. Моя кожа пылала в том месте, помеченная тем, что могла стереть с моей кожи только сама смерть. *Привяжь.*

Я свесила ноги с дивана, поджав ледяные босые ступни.

– Что ты наделал, Гастингс?

Коул медленно повернул голову, а затем, вытащив руку из-под головы, показал ее мне. Рядом с его подушкой лежал кухонный нож. Магия запекла на нем смешение нашей крови, как ржавчину: тем же, чем Коул порезал меня, он порезал и себя в конце ритуала. Отныне моя кровь – его кровь. Одинаковые метки. Одна душа на двоих. Одна судьба.

Коул прижал пальцы к своей щеке, и я невольно прикрыла глаза: его пальцы будто касались моего лица тоже. Мы чувствовали друг друга, словно были единым целым, и это было так же приятно, как и ужасно.

– Атташе, – выдохнула я ошеломленно, и голос предательски сорвался. – Ты мой атташе. Но ты не можешь быть им!

Я забилась в истерическом припадке, едва не свалившись с дивана, и Коул подорвался ко мне с подушек. Он перехватил мои руки и мягко наклонил к себе, когда я уже почти решила, что мне срочно нужно бежать отсюда в разъяренный шторм.

– Мы все однажды умрем, – прошептал Коул, приложив теплые пальцы к моей щеке и позволив мне почувствовать контраст сухого с мокрым – мои слезы и его кожа, горячая, как пламя свечей, догорающих на кухне. – Не каждый волен выбирать, какую именно смерть предпочесть. А мне повезло. Джулиан больше не...

– Да плевать мне на Джулиана! Он просто псих, а ты позволил ему вынести тебе смертный приговор...

– Гидеон был прав, – не слушая меня, продолжил Коул. – Охота у меня в крови. Я больше ничего не боюсь, потому что я влюблен в тебя, Одри. Нет, не так... *Я люблю тебя.* – Коул сжал мое лицо, и я зажмурилась от удушающего отчаяния, пытаясь отбиться и хотя бы разок врезать ему в челюсть, как он того заслуживает. – Я больше не потомственный убийца или недоразвитый изгой! Я понял, кто я есть. Я охотник на ведьм, служащий одной из них. Это моя жизнь, и я посвящаю ее тому, что буду защищать тебя, Одри. Мы ведь так и договаривались изначально, разве нет?

Мне удалось высвободить одну руку, скользкую от испарины. Пощечина пришлась Коулу аккуратно по левой щеке, но, даже не поморщившись, он снова вернул меня в объятия и утянул за собой на ковер, обездвиживая в ворохе одеял и подушек. Пока я пыталась пнуть его снова, снова и снова, исторгая невнятный душераздирающий вопль, он только смотрел сверху вниз, будто и впрямь не понимал, что собственноручно сжег все мосты за собой, не оставив пути к отступлению.

Коул ласково погладил мой порез выше запястья, который останется там нетленным и вечным, даже когда Коул погибнет, как погибли все те, кто был до него, оставив точно такие же шрамы на телах тысячи ведьм.

– Я твой атташе, – произнес Коул по слогам и начал то, от чего мне вдруг захотелось зайтись чудовищным криком: – Ветер последует к устам твоим, когда станет нечем дышать. И солнце последует за тенью твоей, когда перестанешь видеть. И пламя последует впереди тебя, когда враги захотят навредить. Я же есть и ветер, и солнце, и пламя – я тоже последую за тобой.

Я знала, что он лишь повторяет слова клятвы, уже произнесенной в лесу, и что сейчас они не несут в себе силы. Просто красивый набор фраз, но слышать это из его уст все равно было невыносимо. Внутри что-то надломилось. Коул сиял, счастливый, а я плакала от бессилия.

– Это я во всем виновата, – забормотала я, вертя головой. – Ты не должен был узнать клятву... Не должен был!

Коул поджал губы и наклонился, припадая к моему лбу своим, как к иконе. В какой-то момент руки обмякли, и, перестав сопротивляться, я безвольно вытянулась на полу. Он смотрел мне в глаза так, как он не мог смотреть никогда до этого – прямо, открыто и бесстрашно. Теперь ему не было больно – глубокая проплешина той незаслуженной боли разгладилась, обратившись в мощь, которую он долгие годы душил лекарствами и психотерапией. Больше

никаких следов болезни – ныне лишь первозданный охотничий дар, который разрушил его старые оковы и создал новые.

– И звезды будут там, где ты будешь, – прошептал он мне в губы. – И я буду как эти звезды. Мой свет – моя охота. Моя охота – охота на врагов твоих. Звезды перегорят, но я не есть звезды. Я, Коул Гастингс из Бёрлингтона, клянусь веять, светить и пылать для Одри Дефо из ковена Шамплейн. Я твой атташе с этого вздоха и до последнего.

И он вздохнул полной грудью.

Я подалась к нему и поцеловала пропорционально той боли, что топила меня, как море. Но Коул чувствовал только восторг и радость – и эти эмоции передались мне. Я постаралась убедить себя в этом, чтобы не признавать: я всегда была слишком эгоистична, чтобы не желать связать себя с Коулом. Моя радость – только моя, а не наша.

Коул сорвал с меня рубашку следом за своей водолазкой. Мои пальцы взялись за ремень его штанов, но не слушались. Тогда Коул расстегнул его сам и, избавив меня от прочего белья, втиснулся между моих сжатых коленей. Ему потребовалась секунда, чтобы раздеть нас до конца. Я вздрогнула, когда низ живота наполнил человеческий жар, и сомкнула зубы на его шее там же, где целовала до этого.

На несколько мгновений Коул застыл, нависая сверху. Его дыхание, тяжелое и грудное, обжигало мне подбородок. Он разглядывал меня, пристально и неотрывно, будто не веря в то, что мы делаем. Я лишь приободряюще улыбнулась и, накрыв ладонью его затылок, нагнула ниже. Коул приоткрыл губы, позволяя моему языку скользнуть между ними, и подался вперед, чтобы оказаться ко мне еще ближе, еще теснее.

Его руки стиснули мои бедра, придвигая навстречу, и мне потребовалась львиная доля терпения, чтобы не перевернуть его на спину и не сделать все самой. Пока Коул привыкал ко мне, к моему телу, его поцелуи сыпались отовсюду. Он даже обвел губами мою метку, будто пытаюсь вымолить прощение за то, что сам же ее и нанес. Когда жар и напряжение внизу живота стали нестерпимы у нас обоих, Коул прижал меня к себе и начал двигаться.

Связь атташе действительно будто пришила нас друг к другу невидимыми нитями: удовольствие Коула эхом звучало в моем теле, приумножая все то, что испытывала я сама. Он касался моего живота – и в ответ дрожало все тело, будто он касался всю меня. Я чувствовала его нежность, его тепло – это были и моя нежность, и мое тепло. Грань, разделяющая наши ощущения и чувства, стерлась.

Дождь все еще стучал по крыше, и я не заметила, как вместе со стоном выпустила из себя магию: в камине всколыхнулся огонь, а дождевая вода на окнах застыла и обратилась в лед, как зимний витраж. Когда Коул содрогнулся и поцеловал меня так свирепо, что заныли губы, я обхватила его ногами, не желая отпускать.

Он лег прямо на меня, остывая, такой же липкий и влажный, как я сама. Наши метки соединились там, где соприкасались наши руки. В какой-то момент мое головокружение перетекло в вялость и сон. Осторожно опустившись рядом, Коул сгреб меня в охапку. Я сонно взглянула на него, зная, что как минимум половину этой ночи он не сможет уснуть и будет пялиться в потолок, слишком взбудораженный, чтобы даже закрыть глаза. На меня накатило неистовое облегчение, когда я все же услышала его сопение сквозь дремоту, – Коул заснул, уткнувшись носом мне в лоб, и лишь тогда я позволила себе забыться тоже.

Там, в пустоте, что мягко приняла меня в себя, даруя спокойствие, я разглядела отблески сновидения. На коленях, спиной ко мне, сидел Коул. Я видела, как он сгибается вниз и щупает руками землю, будто пытаюсь что-то найти.

– Где ты, Одри?

Его голос звучал сквозь слезы и непонимание. Я села подле, берясь за его плечо, чтобы развернуть. Еще до того как Коул поднял свое лицо к моему, я уже знала это: с ним произошло нечто страшное, и причина этому – я.

– Одри? – он вцепился в мои руки, погладил их, и его лицо облегченно просияло, когда он понял, что не один. Созвездия родинок и веснушек на его лице утонули в крови, что текла из-под век, марая одежду. Глаза смотрели на меня в упор, но их карий цвет выглядел тускло, словно кто-то выел его кислотой. Тигриный взгляд померк за бельмом, что обратило весь мир во тьму.

– Я ничего не вижу, Одри, – выдавил Коул, слепой, и сжал мои руки сильнее. – Почему я ничего не вижу?!

Я резко села на подстилке из одеял. Дождь за окном утих; в доме сделалось совсем тихо. Коул по-прежнему спал рядом, обвив меня руками. Кожу над ключицей нестерпимо жгло: я зашипела сквозь зубы и попыталась сорвать то, что меня ужалило, но это было вовсе не насекомое.

Очертив пальцами жемчужины, что годами висели на моей шее, я оттянула ожерелье, чтобы разглядеть их.

Там, прежде черная, как ночь, пятая жемчужина окрасилась в ослепительно-белый, символизируя постигнутый дар предвидения.

XIV Реки иссохнут

После дождя из-под оконной рамы веяло озоном и мокрой листвой. На улице было сыро и промозгло: небо, серое и безжизненное, тяжело висело над огненно-желтым лесом. Из ванной журчала вода, но даже отсюда я слышала убаюкивающее потрескивание огня, который развел Коул в печи.

– Где ты его нашла?

Я сплюнула зубную пасту, вытерла лицо полотенцем и выглянула в гостиную. Заспанный и взлохмаченный, Коул сидел на диване, сонно растирая глаза. В одной его руке лежало бронзовое зеркальце, почти такое же чистое и блестящее, как в день нашей встречи. Коул открыл его и удивленно осмотрел: внутри оно было ничуть не хуже. Правда, поперек отражения тянулась тонкая трещина со сколом, которую мне не удалось залатать.

– Применила ритуал поиска и разыскала место твоей клятвы, – пожала я плечами. – Мне не спалось.

Коул насупился и покрутил зеркальце еще раз. Когда я нашла его, оно выглядело искореженным и растоптанным: эмаль потемнела, обугленная, а стекло рассыпалось почти в крошку. Коул выбрал для ритуала атташе маленькую уютную опушку меж сосен, и, когда я вышла на нее, по кругу все еще стояли догоревшие факелы. Из земли, пропитанной вином, торчала рукоять атаме, обвитого красными нитями. Посередине возвышалась горстка хвороста в память о высоком костре, в которую Коул и бросил зеркало, как чистосердечное признание – он предан мне больше, чем самому себе. Жертва, которую я не могла принять. Пришлось долго копаться в сухих листьях, чтобы отыскать останки зеркальца и собрать его по частям.

– Заклятие восстановления, – пояснила я. – Как новенькое, правда?

Коул пораженно улыбнулся и кивнул.

– Спасибо. – Захлопнув зеркало, он спрятал его в карман штанов и принялся одеваться. – Это подарок мамы.

– Да, я помню, поэтому я даже надела резиновые сапоги и садовые перчатки, чтобы прочесать лес и поковыряться в грязи. Ты можешь представить меня в резиновых сапогах?! Это все ради тебя!

Коул тихо рассмеялся и, подойдя ко мне, поцеловал в губы. На нем не было рубашки, и, протянув руку, я обвела ладонью его живот, поднимаясь выше, к твердой груди и ключицам. Меня все еще удивляло, как атлетично Коул был сложен, невзирая на внешнюю худобу. Если бы я знала, что без одежды он выглядит так привлекательно, то сняла бы ее с него уже давно.

– Ты в курсе, что сказала это вслух? – ухмыльнулся он, на что я только пожала плечами. Когда мы уже сели завтракать в уютной тишине, поджарив на сухой сковородке тосты с ветчиной, он спросил: – Это нормально?

– Что именно? – поинтересовалась я в ответ, вытянув босые ноги на его колени.

– Что я хочу тебя еще раз.

Я отхлебнула лимонный чай и оставила чашку. Коул сидел перед тарелкой уже десять минут, но так и не притронулся к ней. Сегодняшний Коул был совсем не похож на вчерашнего. Еще никогда я не видела его таким... умиротворенным. Уверенность лилась из него рекой. Возможно, если бы я знала раньше, что метка атташе так повлияет на него, то позволила бы ему связать нас еще давно.

Опустив глаза на его руку, лежащую в заманчивой близости от моей, я обвела взглядом черную полосу выше запястья.

– Двух раз посреди ночи тебе было мало? Ну... Мы можем заниматься этим хоть все выходные, – ответила я с улыбкой, и от услышанного дыхание Коула сделалось учащенным.

– Да, только сначала надо починить крышу, – напомнил он и, залпом допив свой кофе с корицей, ткнул пальцем вверх. Я запрокинула голову, прислушиваясь к ритмичному стуку, что доносился с чердака: за ночь дождь затопил весь желоб и черепицу, а теперь пробрался и внутрь, сквозь подгнившие доски. – Не хочу, чтобы следующие постояльцы плавали здесь, как в бассейне.

Я понимающе кивнула и вгрызлась в ржаной хлеб, слизывая с кончиков пальцев плавленый сыр. Коул засмотрелся на это, даже не замечая, как проворные и вечно голодные гримы снова затарахтели посудой за нашими спинами, опустошая холодильник.

– А Джулиан... – Коул запнулся, подбирая слова, и я ужаснулась уже тому, что это имя вообще сорвалось с его уст в такое чудесное утро. Но то, что последовало за этим, было еще кошмарнее: – Он был у тебя первым?

Меня затошнило. Непрожеванный тост будто превратился в горькую глину прямо у меня во рту. Скривившись, я изумленно уставилась на Коула.

– Нет, конечно! Как тебе это в голову взбрело?!

– Тогда, в баре, – начал он. – Когда он поцеловал тебя и сказал, что ты принадлежишь ему, я подумал... Мне показалось это логичным.

– Логичным?! То, что я сплю со своим братом-близнецом?

Коул глухо хмыкнул и пожал плечами, сконфузившись.

– Не знаю. Честно, Одри, мне все равно. Я просто хотел, чтобы ты знала, что можешь доверять мне. До того как я перешел в убойный отдел, я сталкивался со случаями, когда на девушек оказывалось... давление, из-за чего они позволяли делать с собой даже то, чего не хотели на самом деле.

– Пока Джулиан не убил всю нашу семью, я и не подозревала о его... влечении ко мне, – покачала головой я. – Только после я начала понимать, что все это время те безобидные братские объятия были не чем иным, как попытками меня облапать. Фу!

Коул поморщился. Я же растерялась окончательно, не зная, чего мне хочется больше: отвесить ему подзатыльник или расцеловать. Оказывается, все это время Коул считал, что когда-то я отвечала Джулиану взаимностью. И невзирая на это, он продолжал быть рядом, даже не испытывая... омерзения?

Тяжело вздохнув, я перегнулась через стол и мягко взяла руки Коула в свои. Он тут же растаял, посмотрел мне в глаза и, дернув плечом, стряхнул с себя напряжение, как невидимый плед.

– Моим первым мужчиной был какой-то парень, кажется, его звали Гэвин, – решила рассказать я. – Мне было шестнадцать, я только потеряла Рэйчел и поэтому большую часть времени была пьяна. А он был студентом, ехал в колледж после летних каникул и предложил подбросить меня до Ричмонда. Я согласилась и... Ничего особенного, в общем. Все как у всех, – пожала я плечами. – Заднее сиденье, курево и мысль «Что люди находят в этом нелепом занятии?». А у тебя...

– Ты.

Я успела замолчать раньше, чем вспомнила слова Нимуэ: «Он все еще невинный, Одри, пусть уже и не дитя». Мои щеки покраснелись от осознания собственной глупости, и Коул криво улыбнулся, смущенно взъерошивая пальцами свои волосы.

– Одна девушка пыталась как-то, – протянул Коул, шурясь. – Это тоже было в колледже. К моему соседу приехала младшая сестра. Она залезла на меня и пыталась стянуть штаны. Мне не нравятся чужие прикосновения, ты знаешь, и я... Я столкнул ее и убежал. Да, мне двадцать четыре года, и у меня никогда не клеилось с девушками.

– Зато с ведьмами очень даже клеится.

Коул неловко засмеялся.

– Ты знаешь, что по законам штата Вирджинии того парня можно было посадить? – задумчиво протянул он, наконец-то кусая свой тост. – Ты ведь была несовершеннолетней!

– Коул, – закатила глаза я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.